

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
SOCIETY FOR INTELLECTUAL HISTORY

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

DIALOGUE WITH TIME

✱

Intellectual History Review

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
SOCIETY FOR INTELLECTUAL HISTORY

9

URSS
Moscow • 2002

Будем же измерять время
мерой духовной!
(Р.Эмерсон)

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

Альманах интеллектуальной истории

9

ISSN 5-224-00188-1

© Коллектив авторов, 2002
© Издательство «Восток-Запад» РАН,
1999 (под названием) 2002
© Издательство «Восток-Запад» РАН, 2002

УРСС
Москва • 2002

Главный редактор
Л.П.РЕПИНА

Рецензенты:

доктор исторических наук М.П.Айзенштат,
кандидат исторических наук О.В.Шнырова

Редакционная коллегия:

М.С.БОБКОВА, П.П.ГАЙДЕНКО, И.Н.ДАНИЛЕВСКИЙ, Г.И.ЗВЕРЕВА,
С.Я.КАРП, М.С.ПЕТРОВА (ответственный секретарь), Е.И.ПИВОВАР,
В.И.УКОЛОВА, С.А.ЭКШТУТ, А.Л.ЯСТРЕБИЦКАЯ

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 9.
М.: Едиториал УРСС, 2002. — 380 с.

Альманах «Диалог со временем» — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 9.
Moscow: Editorial URSS, 2002. — 380 p.

Dialogue with Time is the first Russian periodical specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 18.07.2002 г.

Формат 60x84/16. Тираж 400 экз. Печ. л. 24. Зак. № 31.

Отпечатано в типографии ООО «Рохос». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

ISBN 5-354-00195-1

- © Коллектив авторов, 2002
- © Институт всеобщей истории РАН,
1999 (год основания), 2002
- © Едиториал УРСС, 2002

9 785354 001958 >

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА»

Основная проблематика научной конференции «Историческое знание и интеллектуальная культура» (Москва, 4–6 декабря 2001 г.), организованной Институтом всеобщей истории РАН и Обществом интеллектуальной истории¹, была сосредоточена вокруг ключевых для исследовательского пространства интеллектуальной истории проблем исторического знания, его места в системе наук и в интеллектуальной культуре в целом. Особое внимание уделялось дискуссионным проблемам, связанным с применением новых методов и технологий в изучении и преподавании истории, с формированием и функционированием исторической памяти и освоением культурного наследия, с современным состоянием историографии и исторической критики.

В программу конференции были включены доклады специалистов из РАН и ведущих московских и региональных вузов². Докладчики опирались на методологию современной интеллектуальной истории, изучающей исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека. Именно в этой перспективе рассматривалась центральная проблема соотношения исторического знания и интеллектуальной культуры современности в пленарных докладах Б.Г. Могильницкого (Томск), Л.П. Репиной, Е.И. Пивовара, С.О. Шмидта, Л.В. Скворцова, И.Н. Ионова, Р. Торстендаля (Швеция), И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, посвященных общетеоретическим и методологическим вопросам, а также в секционных заседаниях. Так, в секции «Теоретические проблемы исторического знания» обсуждался исследовательский инструментарий интеллектуальной истории, были намечены границы и эвристические возможности постмодернистской парадигмы: доклады А.Н. Смолиной (Волгоград), Ю.Л. Троицкого, Т.А. Черноверской (Новосибирск), С.Г. Ким (Томск), А.И. Пигалева (Волгоград), М.П. Лаптевой, В.С. Савчука

¹ При финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

² Тезисы докладов опубликованы в сборнике «Историческое знание и интеллектуальная культура. Материалы научной конференции. Москва, 4–6 декабря 2001 г. В 2-х частях. М.: ИВИ РАН, 2001.

(Ростов-на-Дону), Ю.П. Зарецкого, Е.А. Вишленковой (Казань), А.М. Неймана (Нижний Новгород), Г.И. Зверевой и др.

Особое место в программе конференции занимали новые междисциплинарные подходы и методы в изучении и преподавании истории. Значение компьютерных технологий для развития исторических знаний переоценить невозможно. Тем не менее, их внедрение в практику системы образования сталкивается еще с множеством проблем разного свойства, которые и обсуждались на конференции наряду с впечатляющими позитивными результатами. Большой резонанс среди участников конференции вызвали презентации специально разработанных компьютерных программ. Были представлены новые программы Центрально-Европейского университета (работа над ними велась совместно с рядом региональных университетов России) по изучению культурного наследия (Йозеф Ласловский, Будапешт), система информационно-поисковых и образовательных компьютерных программ по истории науки и техники (Учебно-научный центр «История науки и техники» РГГУ). А.Ю. Гриднева (МВТУ) и Ю.Я. Вин (ИВИ РАН) продемонстрировали итоги первого этапа создания базы данных «Византийское право».

Доклады и сообщения в секции «Междисциплинарные направления в исторической науке и информатика» образовали три блока. Первый из них объединил выступления, посвященные проблемам исторического познания и синергетики. В докладах Л.И. Бородкина (Москва), В.Б. Шепелевой (Омск), А.В. Бочарова (Томск) особое внимание привлек вопрос о формировании понятийно-терминологического аппарата современной исторической науки, заимствующей лексические средства выражения своих идей из словарей информатики, математики, естественных и технических наук. Второй блок составили доклады и сообщения Н.А. Селунской (Москва), Ю.Я. Вина (Москва), А.А. Коновалова (Волгоград), раскрывавшие особенности информационного анализа в исторических исследованиях, различные аспекты проблемы формализации данных и возможности их исторической интерпретации. Выступления последней группы участников секции ставили во главу угла проблематику новейших форм электронной коммуникации современных историков: доклады И.М. Гарсковой (Москва) и И.Е. Сафонова (Воронеж), выступления С.В. Кувшинова и Ю.С. Воронкова (Москва). Доклады сопровождались демонстрацией новых компьютерных программ.

Важнейшей задачей интеллектуальной истории является, в частности, постижение того, как сохраняются мощные интеллек-

туальные традиции и как возникают и распространяются новые интеллектуальные формы, освещение психологической природы процессов, воздействующих на изменения в популярности и влиятельности тех или иных идей, выяснение - по возможности - того, как концепции, которые доминировали или преобладали в одном поколении, теряют свою власть над умами людей и уступают место другим. В секции «Интеллектуальные традиции Античности и Средневековья» был представлен тематический блок по античной философской, политической и научной мысли: доклады С.В. Месяц, М.А. Солоповой, И.Р. Блохиной (Тамбов), В.В. Петрова. Затронуты проблемы иудейско-христианской (Г.Г. Пиков, Новосибирск; О.В.Хазанов, Томск), каролингской (доклады М.Р. Ненароковой, М.С. Петровой), арабской (И.Г. Коновалова), древнерусской культуры (И.В. Ведюшкина).

В выступлениях на секции «Исторический опыт и интеллектуальная культура XX века» традиционная для историко-социальных, историко-политических, историко-культурных исследований «классического» типа проблематика рассматривалась в контексте новых исследовательских приоритетов и методик интеллектуальной истории. Своеобразие научного дискурса адекватно отразили многочисленные вопросы к докладчикам, которые можно разделить на две группы. С одной стороны, они касались уточнения основополагающих методологических понятий и категорий, вариативности их интерпретаций, определения специфики предмета исследований. Неоднократно в ходе обсуждения дискутировались такие понятия, как «повседневность», «идеология», «интеллектуальная культура», «постмодернизм», отмечалась их многомерность и недостаточность «привычного» толкования, если это толкование однозначно. В связи с тематикой докладов актуализировались проблемы соотношения мифологического сознания и ритуального действия, отражения на исследуемом материале социальной, возрастной и гендерной принадлежности реципиентов, возможностей и границ культурно-исторической компаративистики в ее «биографическом» измерении и т.д. Лейтмотив большинства выступлений, формировавший поле для продуктивного обмена мнениями, можно определить как «культура и власть».

Приоритетное место в современной интеллектуальной истории занимает анализ истории исторического познания, сознания и мышления. Сформировалось новое направление исторической критики, в поле зрения которой оказываются не только результаты профессиональной деятельности историка, но и его

творческая лаборатория, исследовательская психология и практика, и в целом – культура творчества историка, что было предметно продемонстрировано во многих докладах секций, посвященных истории исторической мысли и историографической практики Нового и Новейшего времени в России и на Западе.

Р.Б. Казаков предпринял попытку реконструкции процесса писания Н.М. Карамзиным знаменитой «Истории государства Российского» и выявления на этой основе использованных им исследовательских приемов, интеллектуальных процедур. В.А. Филимонов (Сыктывкар) на основе анализа философской рефлексии Н.И. Кареева по поводу способов познания истории показал амбивалентно-интегративный характер его эпистемологических построений. Большой интерес вызвали доклады, авторы которых исследовали современные историографические споры. Так, А.Е. Кабанов (Иваново) проанализировал дискуссию, ведущуюся по проблеме русского (восточноевропейского) Предвозрождения конца XIV – XV вв., Д.М. Володихин рассмотрел проблему научной корректности соотношения самоидентификации мыслителя и видения его роли и места в научной и общественно-политической жизни современниками и историографами. Проблема влияния вненаучных факторов (путешествий русских ученых конца XIX – начала XX века) на исследовательский процесс оказалась в центре внимания омских историков В.П. Корзун и А.В. Свешникова. Схоларная проблематика в парадигме интеллектуальной истории была представлена докладами Г.П. Мягкова (Казань) и С.А. Некрылова (Томск), а проблемы трансформации мира интеллектуальной культуры в контексте социальных и гносеологических процессов XX века – в докладах Е.Н. Морозовой (Саратов) и А.Н. Дмитриева (Санкт-Петербург).

В секции «Историческая мысль и историографическая практика в Европе и США Нового и Новейшего времени» наряду с достаточно традиционными для историографических исследований проблемами (рассмотрение какого-либо явления или проблемы с точки зрения национальной историографии или влияние исторического прошлого на формирование особенностей той же самой историографии), поднимались и те, которые вторглись в практику историографических исследований в России сравнительно недавно. Это – проблема языков историка (Н.В. Харса, Новосибирск), типологии дискурсов (О.В. Воробьева, Липецк), противоречивости механизма формирования тенденции (Н.В. Корякина, Москва) и др. Была поставлена проблема вычленения истории из всего спектра гуманитарного знания и, следовательно, природы дея-

тельности историка, поднят вопрос о соотношении текста и контекста в практике историографического исследования, сделаны интересные попытки переосмыслить некоторые научные методы (в том числе междисциплинарные), которые были апробированы в прошлом, но сегодня находятся на периферии, и оценить их эвристический потенциал на современном этапе развития науки; сформулировать определение исторического дискурса как внутренне непротиворечивого высказывания, основанного на извлечении из источника определенного объема информации и авторской реконструкции того или иного события или явления. В дискуссии часто звучала мысль о том, что любая реконструкция неизбежно связана с интерпретацией, а следовательно неизбежно встала проблема исследования особенностей сознания историка и фактов его личной и интеллектуальной биографии.

Современная историографическая ситуация создает огромное новое исследовательское поле для интеллектуальной истории, прежде всего, в направлении, связанном с историей исторической культуры, которая включает в себя весь комплекс представлений о прошлом и способов его репрезентации. Эти исследовательские тенденции ярко проявились в докладах, представленных в двух секциях «Историческая память как социокультурный феномен» и «Историческое воображение и представление прошлого».

В работе секции «Историческое воображение и представление прошлого» определились несколько важных «сквозных» проблем. Первая может быть обозначена как проблема «пограничья» между историческим и художественным познанием действительности. (В качестве некоторых пределов в этом процессе были предложены и профессиональное, и непрофессиональное освоение исторического прошлого). Дискуссия показала предельную эфемерность этих границ в реальных социальных и культурных практиках. Вторая проблема – рецепция наследия, прежде всего античного, в различные исторические эпохи. Специальным направлением обсуждения стала проблема беллетризации исторических явлений, событий, героев. А в связи с этим неоднократно возникала тема реципиента, проще говоря, потребителя исторического знания: это и племенная общность, когда историческое знание преподносилось в виде героического эпоса, и отдельные представители властной или интеллектуальной элиты, и массовый читатель, слушатель, зритель.

Как люди воспринимали события (не только их личной или групповой жизни, но и Большой истории), современниками или

участниками которых они были, как они их оценивали, каким образом хранили информацию об этих событиях - все это представляет огромный интерес. Речь идет не о сознательных искажениях (хотя и о них тоже нельзя забывать), а о системе восприятия людьми того, что они наблюдают. Реальность преломляется их сознанием, и ее односторонний или расплывчатый образ запечатлевается в их памяти как истинный рассказ о происшествии. И все же, с учетом механизма переработки первичной информации в сознании свидетеля, это не может быть непреодолимым препятствием для работы историка.

Вполне логично, что работа секции «Историческая память как социокультурный феномен» была сосредоточена вокруг обсуждения теоретических аспектов обозначенной темы и рассмотрения первых результатов эмпирических исследований в конкретно-историческом ее изучении. В целом ряде докладов и особенно в последовавших прениях активно обсуждался вопрос о способах и технологиях конструирования (оформления) исторической памяти, включая современность, были детализированы и углублены сложившиеся в историографии представления о феномене памяти о прошлом. Особое внимание было уделено роли историка в процессах конструирования, деконструкции, мифологизации массового исторического сознания. Была подчеркнута необходимость наличия комплексной источниковой базы, включения в нее визуальных источников, проводились сопоставления литературных произведений с мемуаристикой. Эти и другие теоретические вопросы поднимались в докладах С.А. Экштута, М.Ф. Румянцевой, М.С. Бобковой, А.В. Антощенко (Петрозаводск), В.Г. Рыженко (Омск). Обсуждались также вопросы о разделении и сопоставлении устной и аналитической традиции памяти, о социокультурном наполнении предвзятости, о фиксации памяти о прошлом в бытовых представлениях, о способах идеологического конструирования «ущербной» памяти потомков и исключения из памяти того, что нужно забыть.

В целом были обозначены узловые вопросы, которые требуют дальнейшего осмысления и разработки: содержание понятия «историческая память», разведение «истории» и «памяти», определение «культуры исторической памяти»; роль историка в процессах оформления исторической памяти и определении способов ее трансляции; типология исторической памяти, соотношение профессиональных и непрофессиональных способов конструирования массового исторического сознания и методов сохранения фрагментарной памяти в виде

некоего целостного образа. По общему мнению участников дискуссии, необходимо при анализе проблем, связанных с феноменом исторической памяти, учитывать интеллектуальный контекст конкретной эпохи и специфику историко-культурных процессов, что особенно существенно при попытке установить точку отсчета, когда появляется потребность социальной памяти в историческом объяснении.

Важными целями Оргкомитета конференции, помимо обмена результатами проведенных индивидуальных и коллективных исследований и обсуждения научных проблем, также являлись укрепление научных связей и контактов и обсуждение долгосрочных исследовательских проектов и образовательных программ в области интеллектуальной истории в России и за рубежом. Научная конференция «Историческое знание и интеллектуальная культура» – это уже третья по счету ежегодная конференция, проводимая Центром интеллектуальной истории ИВИ РАН и Межрегиональной общественной организацией «Общество интеллектуальной истории». Плодотворной работе конференции, безусловно, способствовал междисциплинарный характер формирования ее программы. Были представлены разные дисциплинарные и региональные традиции и школы, тем не менее характер работы и ее эффективность позволяют говорить о том, что существует и единое научное пространство, достаточно оживленные научные связи, которые, естественно, необходимо укреплять и в дальнейшем.

Ряд статей, публикуемых в настоящем выпуске нашего альманаха, являются переработанными и расширенными текстами докладов прошедшей конференции. Мы собираемся продолжить публикацию материалов конференции и в последующих выпусках.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

К.А. Агирре Рохас (Мексика)

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XX ВЕКА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ *LONGUE DURÉE*¹

Объяснить состояние и развитие историографии XX века с точки зрения концепции *longue durée* («времени большой длительности») – значит, как советовал Бродель¹, учесть основные направления и пути эволюции исторической науки, которые и определяли ее достижения на протяжении всего XX столетия. Это значит также сосредоточить свое внимание на происшедших в ней обширных и действительно глубоких трансформациях и модификациях, в ходе которых коренным образом пересматривались сами задачи исторической науки.

Для уяснения сути проблемы имеет смысл задаться вопросом, а что же произошло с мировой историографией за последние 150 лет? Поскольку мы разделяем точку зрения французской историографии, согласно которой *исторические столетия никогда не совпадают с хронологическими*², мы обращаемся не к вековому, а именно к полуторавековому периоду. Итак, по на-

* Карлос Антонио Агирре Рохас – сотрудник Института социальных исследований Университета национальной автономии Мексики, профессор Мичиоканского университета им. Св. Николаса.

¹ О броделевской перспективе исторической концепции «времени большой длительности» см.: Braudel F. *History and Social Sciences. The "longue durée"* // *Social Sciences Information*. № 5. P., 1971. См. также: Aguirre Rojas K.A. *La larga duración: in illo tempore et nunc* // *Braudel a Debate*. Mexico: JGH Editores, 1997; *Idem*. *Fernand Braudel und die modernen Sozialwissenschaften*. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 1999. Chapter 2.

² В ряде работ и, в частности, в эссе "European Expansion and capitalism", опубликованном в книге "Chapters in Western Civilization" (N.Y.: Columbia University Press, 1961), Ф. Бродель вынужден был говорить о «долгом XVI веке» (1450–1650 гг.), в то время как Э. Леруа Ладюри в «Монтайю» рассматривает «долгое XIII столетие» (с 1294 по 1324 г.).

шему мнению, современная историческая наука начала оформляться не в 1968, 1945 или в 1900 годах. Ее основные контуры стали вырисовываться между 1848 и 1870 годами, т.е. в переломный момент европейской истории. Естественно, что мы обращаемся к этим датам не случайно: 1848 год является годом великих европейских революций, тогда как 1870 год – важнейшая дата в истории Парижской Коммуны. Стало быть, если мы всерьез задумаемся над тем, когда начала оформляться современная историческая наука, то наиболее обоснованным ответом, вероятно, будет 1848 год. В пользу этой даты говорит и то, что именно с этого времени стали закладываться фундаментальные основы *современного исторического знания*³. Если же рассмотреть развитие историографии за последние 150 лет (с 1848 г. по настоящий момент) более детально, можно выделить четыре важных момента, четыре стадии, в ходе которых и закладывались эти основы и которые существенны для понимания современного состояния исторических исследований.

Это те самые четыре стадии, которые современная историография стала выделять в своем долгом и сложном развитии, и по которым, если посмотреть на них в целом, можно составить представление о «наследстве», или всей совокупности традиций и форм практической деятельности историка, которые и сегодня можно обнаружить в различных областях исторического знания по всему миру.

Таким образом, охватывая взором весь путь современной историографии, можно заключить, что он начался с особого стечения обстоятельств, с момента *колоссального прорыва*,

³ Несмотря на огромную значимость данной темы, в настоящее время существует лишь несколько фундаментальных исследований, посвященных историографии XX века. См.: *Iggers G.G.* New directions in European historiography. Hanover: Wesleyan University Press, 1997; *Vazquez Garcia F.* Estudios de teoría y metodología del saber histórico. Cadiz: Universidad de Cadiz, 1989; *Fontana J.* Historia. Análisis del pasado y proyecto social. Barcelona: Crítica, 1982; *Malerba J.* (coord.) A velha historia. Sao Paulo: Papyrus, 1996; *Borde G., Martin H.* Les écoles historiques. Paris: Seuil, 1997; *Green A., Troup K.* The Houses of History. N.Y.: New York University Press, 1999; *Fonsera E.* Historia. Teoría y métodos. Costa Rica, EDUCA, 1989; *Hemandes Sandoica E.* Los caminos de la historia, Madrid: Síntesis, 1995; La historia y el oficio de historiador. La Habana: Imagen Contemporánea, 1996; *Aguirre Rojas C.A.* Rethinking Current Social Sciences: The Case of Historical Discourses in the History of Modernity // Journal of World-System Research. 2000 Vol. VI. № 3; *Idem.* Itinerarios de la historiografía del siglo XX. La Habana: Centro Juan Marinello, 1999; *Idem.* L'histoire conquérante. Paris: L'Harmattan, 2000.

который произошел в 1848–1870 гг. Эта историческая ситуация, очень важная для всей истории Европы, привела к появлению *первой* систематической попытки в лице раннего марксизма создать *подлинную науку историю*. За первой стадией последовала вторая, продолжавшаяся с 1870 по приблизительно 1929 год и ознаменовавшаяся оформлением *первой историографической гегемонии*. С центром, находящимся в немецкоязычной среде, эта гегемония стала в тот период своего рода моделью для целого ряда историографических направлений и школ Европы и всего западного мира.

Однако с началом глубокого кризиса в немецкой культуре, связанного с трагическим подъемом нацизма, этот второй цикл должен был подойти к концу и привести к переходу к следующей, третьей стадии. Ее характерной чертой стало появление *второй историографической гегемонии*, центр которой на этот раз располагался во Франции. Это была историографическая гегемония, или всеобщая модель, ставшая обязательной во всех областях исторического знания. Конец этой гегемонии, в свою очередь, был связан с революцией 1968 года – глубокой *культурной революцией* мирового значения, которая имела важные последствия для современной цивилизации.

Венцом этого сложного пути современного знания стал переход к четвертой и последней стадии, являющейся результатом тех глубоких перемен, которые привнес 1968 г. во все *механизмы культурного воспроизводства социальной жизни*. Начиная с этого времени, никакой историографической гегемонии больше не существует, наоборот, сегодня мы находимся в условиях новой и беспрецедентной ситуации со свойственным ей *полицентризмом* в поисках новых путей развития исторической науки.

Если мы вкратце охарактеризуем все четыре стадии, то заметим, что именно в это время были заложены фундаментальные основы исторической науки, которые позволяют понять различные подходы к изучению истории, получившие сегодня распространение не только в Германии или во Франции, но и во всей Европе и во всем Западном мире. Это значит, что методы исторических исследований с каждым днем становились все более сложными и соответствующими требованиям времени.

Попытаемся теперь рассмотреть эти четыре периода современной историографии более детально⁴.

⁴ Очевидно, что это всего лишь общая схема, обозначившая основные направления развития историографии за последние 150 лет.

Итак, точка отсчета, которую мы можем считать началом *современной* историографии, находится где-то в промежутке между 1848 и 1870 гг., т.е. в том особом периоде европейской истории, который, помимо всего прочего, ознаменовался рождением и утверждением марксизма. Как заявил один из ведущих историков – марксистов периода расцвета структурализма, появление марксизма стало моментом рождения «материка Истории» в общем океане гуманитарного знания, началом создания основ подлинной науки истории.⁵ В контексте рассматриваемой здесь проблемы оформления контуров исторического знания в XX веке, сказанное выше означает, что заданное Марксом и Энгельсом направление исследований фактически стало моментом выхода исторической науки из довольно продолжительного периода ее существования, когда ее легко можно было спутать с мифом, легендой, вымыслом и литературой. С этого момента она предпринимает решительную попытку стать «серьезным аналитическим занятием»⁶, настоящей наукой, предметом изучения которой является критическая реконструкция путей развития человеческих сообществ в долгий период их становления. Это был момент основания новой науки, нового исследовательского пространства в структуре современного научного знания и одновременно момент, когда возникает то, что мы сегодня называем *современной историографией*⁷.

Нет никакого сомнения в том, что без обращения к марксизму нам было бы трудно понять, что такое историография XX века и современная историческая наука. Несмотря на постмодернистские разочарования, значительные и временами колоссальные сдвиги в настроениях общественного мнения и больших групп прежде критически настроенной *интеллигенции* во всем мире, несмотря на переход с левых позиций, имевших большую силу и поддержку в 1960–70-е годы, на более консервативные позиции и даже характерное для 1980–90-х годов отречение от марксизма, все же невозможно понять современную историче-

⁵ См.: *Althusser L. Pour Marx*. Paris: Francois Maspero, 1965.

⁶ Именно так выразился Марк Блок в своей замечательной незавершенной книге «Ремесло историка». – *Bloch M. The historian's Craft*. Manchester: University Press & Alfred Knopf, 1954.

⁷ О состоятельности марксизма сегодня и его эволюции в XX веке см.: *Wallerstein I. Marxizm After the Collapse of the Communisms // After Liberalism*. N.Y.: The New Press, 1995; *Echeverria B. Las ilusiones de la modernidad*. Mexico: UNAM – El Equilibrista, 1995.

скую науку, не учитывая того влияния, которое оказал марксизм на всю историю, начиная с 1848 г. и до настоящего времени⁸.

Это становится очевидным, если вспомнить все значительные современные историографические направления, открыто придерживающиеся марксистской ориентации. Среди них журнал "Past and Present" Эрика Хобсбоума и всей его группы традиционно настроенных марксистов, труды Э.П. Томпсона, работы Перри Андерсона и его публикации в возглавляемом им журнале "New Left Review", критическая и социальная историография Рафаэля Самюэла и его «Историческая мастерская». Это относится и к таким авторам как П. Вилар и И. Валлерстайн, которые считая себя марксистами, не прочь использовать в своих статьях по истории и историографии наиболее интересные достижения и разработки других интеллектуальных направлений и областей знания. Не менее интересно обстоят дела и с некоторыми историками, поначалу имевшими сильные марксистские установки, но впоследствии обнаружившими способность к развитию собственных взглядов; благодаря сочетанию их прежних воззрений с новыми появились такие интересные и оригинальные исторические труды, как исследования и методологические эссе Карло Гинзбурга или новаторские по своему характеру работы Джованни Леви⁹.

Существует также достаточно широкий круг историографических направлений и тенденций, одно время претендовавших на то, чтобы именоваться марксистскими, как это было в случае с советской, польской, венгерской, румынской историографиями или с китайской, албанской и вьетнамской. Речь идет о всей совокупности и разнообразии историографий во всех странах так называемого социалистического лагеря, которые возникли и развивались на протяжении «короткого исторического XX века», продолжавшегося с 1914–1917 по 1989 год. И, наконец, внутри этого широкого спектра марксистской историографии прошлых лет и настоящего времени следует принять во

⁸ О важности марксизма для истории именно в этом смысле см.: Aguirre Rojas C.A. El problema de la historia en la concepción de Marx y Engels // Revista Mexicana de Antropología. V. XLV. № 21. Mexico, 1991, а также в его статье: Feodalismus // Historisch-Kritisches Wörterbuch des Marxismus. Band 4. Ed. Argument, 1999.

⁹ В этом отношении интересен тезис Ж.-П. Сартра, который в своем эссе «Проблемы метода» определил марксизм как «недостижимые горизонты нашего времени». — Sartre J.-P. Questions de Méthode // Critique de la raison dialectique. Paris: Gallimard, 1960.

внимание внушительные результаты, достигнутые под влиянием марксизма мексиканской и латиноамериканской историографией 1970–80-х годов, добавив их к тем центрам Западного мира, которые на всем протяжении исследуемого периода поддерживали различные историографические проекты и начинания в духе Маркса и его последователей. Несмотря на то, что после 1989 г. влияние марксизма, казалось, должно было немного отступить в прошлое, на самом деле это только иллюзия, возникшая под влиянием нашего сегодняшнего опыта и рассеивающаяся при возвращении к периоду 10–15-летней давности. Начиная с 1968 г., марксизм глубоко и основательно пропитал всю латиноамериканскую историографию. Поэтому без учета этого марксистского компонента и созданных при его содействии многочисленных традиций и научных школ, возникших в процессе оформления науки истории, невозможно понять сложный облик современного исторического знания¹⁰.

Очевидно, что начало возникновения современного понимания исторической науки, а в результате и определения ее контуров, не случайно связано с европейскими революциями 1848 г. и рождением марксизма. Ибо 1848 г. является тем самым *переломным моментом*, когда глобальная и многовековая кривая истории *изменила направление своего развития*, когда долгая *восходящая* фаза новой истории, начало которой относится к XVI веку, начала истощаться, уступая дорогу ее *нисходящей* ветви, развертывающейся с 1848 г. и по сей день. Это означает, что современная история на всем своем протяжении развивалась по нисходящей ветви и, стало быть, в противоположном по отношению к предшествующему периоду направлении, что предполагало *критическое* отношение к концепциям, доминировавшим в восходящей фазе развития той же самой буржуазной, или капиталистической действительности¹¹.

¹⁰ Следует подчеркнуть, что мы настаиваем на том, что некоторые наиболее значительные направления современной историографии либо открыто имеют промарксистскую ориентацию (как, например, в случае с британскими марксистскими историками, группирующимися вокруг журналов "Past & Present" и "New Left Review"), либо имеют явное марксистское происхождение (как в случае с итальянской микроисторией или радикальной историографией США).

¹¹ Более детально эта идея была рассмотрена в нашей статье: Aguirre Rojas C.A. *Convergências e divergências entre os Annales de 1929 a 1968 e o marxismo: ensaio de balanço global // Os Annales e a historiografia francesa*. Marindá: Ed. Universidade de Marindá. Brasil, 2000.

И именно это кардинальное изменение курса долгого жизненного цикла современной истории, апогеем которого стали 1848–1870 гг., способно объяснить как *рождение* марксизма с его *негативно-критическим* отношением к современному этапу исторического развития и радикальной критикой прежних путей постижения истории, так и первые попытки обоснования действительно *научного* подхода к историческим исследованиям. Марксистский подход к истории действительно содержал в себе последовательную критику прежних способов осмысления истории. Заслугой марксизма явился и отказ от широко распространенных ранее нарративно-эмпирического и легендарно-мифологического типов исторического дискурса. В этом смысле марксизм заложил фундамент для *всех последующих попыток* превращения истории в подлинно научную дисциплину. В то же время марксизм, став катализатором появления ряда социально-политических движений, а также идейных направлений и тенденций в сфере общественных наук, сам пострадал от сложного процесса плюрализации и адаптации этого учения к различным социально-историческим условиям, пройдя путь от превращения в господствующую идеологию и сведения к ряду упрощенных «изречений классиков» до восстановления в своем подлинном виде с присущим ему творческим, новаторским потенциалом и традициями глубокого анализа. Таким образом совершенно разные историографические направления XX века, причисляя себя к разряду «марксистских», на самом деле творили внутри пространства, предоставляющего достаточно широкий круг разнородных возможностей: от весьма сложных и высокоинтеллектуальных штудий (примером чего может стать деятельность Франкфуртской школы), до исследований среднего уровня, как правило порождающих критические и маргинальные настроения и направления в историографии и, наконец, самых элементарных форм упрощенного и даже «вульгарного» марксизма. Последние, сведя всю сложность марксизма к набору «подручных» формул, привели к появлению весьма схематичных и лишенных какой-либо оригинальности работ¹².

¹² О разнообразных течениях внутри марксизма в XX в. см.: *Wallerstein I. Fernand Braudel, Historian, l'homme de la conjoncture* // *Unthinking Social Sciences*. Cambridge: Polity Press, 1991; *Aguirre Rojas C.A. Marxismo, liberalismo y expansión de la economía – mundo europea* // *Breves Ensayos Críticos*. Morelia: Ed. Universidad Michoacana, 2000.

Вторым важным моментом в развитии современного исторического знания стало начавшееся сразу после 1870 года постепенное утверждение первой историографической гегемонии – гегемонии немецкоязычного пространства. Обобщив все достижения, накопленные исторической наукой в период между французской революцией 1789 г. и 1848 – 1870 гг., и объединив их в рамках единого историографического подхода, эта гегемония в каком-то смысле явилась своего рода регрессом по отношению к сделанному в предшествующий период.

Поскольку с поражением Парижской Коммуны породившая марксизм революционная ситуация исчерпала себя, с этого времени начинается новый период европейской истории, отмеченный обострением национализма и возникновением своего рода интеллектуального «контрнаступления» против опасных социальных движений и интеллектуальных вызовов. В тон этому, формирующаяся в рамках немецкого культурного пространства новая историографическая гегемония, опираясь на преувеличенно «объективистскую» трактовку исторических фактов, одновременно берет на себя функции формирования гражданского и национального самосознания, забывая, порой, о важных завоеваниях предшествующего периода. Следует заметить, что марксизм в те годы не проникал ни в академическую, ни в университетскую среду, оставаясь все это время в рамках социально-политических движений Европы тех лет.

Вот в такое время и в таком интеллектуальном климате с противоположным по отношению к периоду 1848–1870 гг. знаком, в момент успешного развертывания второго цикла современной истории возникает ситуация, в которой некая нация, регион или некое интеллектуальное пространство начинают играть роль мозгового центра по разработке и внедрению историографических новшеств, а все остальные историографии либо просто заимствуют эти новшества, либо развивают их, находясь на более или менее отдаленном расстоянии и становясь «перифериями» или «полуперифериями» данного центра. Действительно, при рассмотрении этой ситуации в более широкой перспективе становится ясно, что где-то между 1870 и 1930 гг. в большинстве случаев именно немецкоязычная среда оказывала главное влияние на европейскую и западную историографию. Не вызывает никакого сомнения тот факт, что в 1880, 1900 и 1930 гг. в девяти случаях из десяти передовые исследования, основные темы, наиболее значительные дискуссии и новые историографические направления возникали в

рамках немецко-австрийского культурного универсума. Накануне и сразу после первой мировой войны все ведущие историки западного мира по-прежнему в подавляющем большинстве являлись либо немцами, либо австрийцами.

Не удивительно, что благодаря именно этой немецкоязычной историографии, имевшей колоссальное влияние на историческую науку между 1870 и 1930 гг., возникли знаменитые «Спор о методах» (*Methodenstreit*) и дискуссия о различии между естественными и гуманитарными науками (*Geisteswissenschaft*). И опять-таки внутри этого культурного универсума, успешно развивались *историко-культурные исследования* (*Kulturgeschichte*) и другие направления новаторской по тем временам немецко-австрийской¹⁴ истории. В других же областях господствовал тот тип историографии, который сегодня известен как «позитивистский». И хотя совершенно очевидно, что сам термин «позитивистская историография» не является вполне корректным ввиду его неправильного употребления и вкладывания в него слишком большого числа самых разнообразных смыслов, тем не менее мы должны сохранить заключенный в данном термине смысл, поскольку он имеет отношение к тому типу немецкой по своему происхождению историографии, который сначала *доминировал* в немецкоязычных университетах, а потом (по уже описанной схеме развития первой историографической гегемонии) получил широкое распространение и даже в большинстве случаев стал моделью для всех университетов Европы и Западного мира.

Как уже отмечалось выше, это господствующее историографическое направление, которое может быть названо нами «ранкеанским» или «позитивистским» (признавая однако, что сам Ранке, бросивший свой «боевой клич» «описывать все так, как это было на самом деле», не всегда следовал тому, что под этим подразумевалось) и которое получило распространение между 1870 и 1929 гг., в определенной мере стало закономерным результатом тех важных процессов, которые происходили в европейской истории между 1789 и 1870 гг. Всем известно, что, поскольку начавшаяся в 1789 г. Французская революция впервые открыла доступ к огромному массиву информации, с этого времени началось создание основного фонда первоисточников, входящих в арсенал современной исторической науки.

¹⁴ Об этом см.: *Oestreich G. Le origini della storia sociale in Germania // Anali del Instituto Storico-tedesco di Trento. № 1. 1977.*

Если до 1789 г. содержимое архивов всех европейских стран являлось государственной тайной, то с этого времени историки получили в свое распоряжение абсолютно все материалы, находящиеся в ведении центрального правительства, местных органов управления и даже церковных приходов. Открытие действительно значительного массива новой информации, отныне доступной для восприятия и, что самое важное, для работы историка стало одним из многочисленных позитивных последствий революции 1789 г. Это объясняет, почему именно в XIX в. в немецкоязычной историографии рождается замысел издания многотомной серии документов по истории Германии (*Monumentae Germaniae Historicae*), а во Франции успешно реализуется дело всей жизни Огюстена Тьерри – сбор документов и написание истории Третьей республики во Франции. Фетишизация и культ письменных источников, которые рассматривались позитивизмом как *единственно надежные и возможные* источники исторического исследования являются одной из наиболее характерных черт этой историографии; фактически целое столетие было ориентировано на поиски и систематизацию документов – столетие классификации и обновления *недоступной прежде* историку информации.

Начиная с французской революции и на протяжении всего XIX века, позитивистская историография способствовала значительному повышению уровня *исторической эрудиции*. И хотя, по сравнению с марксизмом, ее влияние на историческую науку не было столь революционным, сильными сторонами позитивизма по-прежнему являются подчеркивание важности упорной источниковедческой работы, проведения различий между историческим и литературным источником, разработка процедур внутренней и внешней критики источников, процедур установления подлинности исторических документов. В целом, обучая нас всему тому, что имеет отношение к *фактографическому* измерению истории, эта позитивистская, ранкеанская историография также способствовала становлению (иногда даже с излишней силой и настойчивостью) ряда историографических направлений и национальных историографий в разных частях земного шара¹⁶.

¹⁶ Пора бы начать серьезное и систематическое исследование причин выживания позитивизма (этого устаревшего сегодня историографического направления), связанных, в определенной мере, с его не-критичностью и толерантностью по отношению к правящим кругам.

Но, как уже отмечалось выше, пределы этой господствующей на протяжении 1870–1930 гг. историографии были связаны с ее опорой на один-единственный вид исторических источников. Представляя в сжатом виде все достижения историографии XIX века, названного «веком истории», сегодня она является *устаревшим* подходом к изучению истории, который тем не менее выжил, чтобы стать интегральной частью историографии XX века. Подобно марксизму (также развившемуся в хронологическом XIX веке), позитивизм фактически *предвосхитил* очень важные черты историографии XX века и, потому оставался своего рода *живым анахронизмом* на всем протяжении прошлого столетия. Становится понятно, почему в своем неустанном поиске предельно строгой и, с ее точки зрения, единственно возможной объективности позитивистская историография в конце концов привела к полному отказу от «объясняющего» подхода к истории (являющегося центральным и в марксизме в период его становления), став одним из наиболее сильных импульсов для развития всех историографических направлений XX века.

В 1870–1930 гг. эти и другие недостатки позитивизма породили глубокую критику этой версии истории как внутри немецкоязычного мира, так и за его пределами. Хорошо известна, например, жесткая критика М. Блоком, Л. Февром и другими представителями первого поколения «Школы «Анналов»» известного тезиса, который можно найти в широко распространенном учебнике Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, опубликованном в 1898 г. под названием «Введение в изучение истории» и являющемся французской версией все той же ранкеанской, позитивистской историографии: «История пишется на основе текстов, и серьезный историк никогда не посмеет заявить того, чего он (она) не может подтвердить документально». Это высказывание легло в основу (сегодня уже явно устаревшего, но по-прежнему продолжающего оказывать влияние на наши исторические концепции и учения) традиционного разграничения истории и предыстории, подчеркивающего взаимосвязь первой с возникновением письменности. Следуя этой логике, ни один серьезный историк не взялся бы за изучение доисторических обществ, которые не оставили после себя письменных свидетельств, и потому их историю было бы невозможно реконструировать.

Некоторые авторы, порой, настолько буквально понимают смысл данного высказывания, что всерьез задаются вопросом, а что же будет после того, как историки обработают все имеющиеся в наличии письменные источники? И сами же без коле-

баний отвечают: исчезнет надобность в ремесле историка. При этом, чтобы тут же успокоить историков, они радостно заявляют, что до этого пока далеко и впереди еще сотни лет упорной и кропотливой работы.

Опора на единственный вид источников заставила позитивистскую историографию сосредоточить свое внимание на изучении и исследовании лишь определенных аспектов социальной ткани – на биографиях, фактах политической, дипломатической и военной истории. Кроме того, будучи тесно связанной с интересами, представлениями и потребностями государства того времени, задачей воспитания «достойных граждан» и усиления их национальных и даже патриотических чувств, она станет выполнять те самые функции формирования исторической памяти, воспитания национализма и даже шовинизма, о которых уже говорилось выше. И, наконец, эта самая историография, занимая господствующее положение в европейских и других университетах Западного мира в последней трети XIX – начале XX века, будет сугубо описательной, повествовательной, излишне фактологичной и слишком зацикленной на собственном ограниченном видении социально-исторических проблем¹⁷.

Тем не менее, это не мешает нам считать, что без учета сделанного ею вклада, невозможно представить себе контуры современного исторического знания. Ибо трудно представить себе историческую науку без богатой фактологической базы, хотя историческое исследование никогда не сводится к ней. Для того, чтобы быть историком недостаточно быть простым «антикваром», любителем или коллекционером «курьезов» прошлого. На это указывают все ведущие историки нашего времени¹⁸.

Естественно, что, характеризуя подобным образом позитивистскую историографию, мы имеем в виду лишь ту ее форму, которая доминировала в немецкоязычной историографии того времени. Ибо не менее хорошо известно, что где-то между 1870 и 1930 гг. в немецкой культуре существовал целый ряд ученых, стоявших на иных научных позициях и следовавших

¹⁷ Эта «славная» официальная историография в данный момент критикуется М. Фуко, который, опираясь на свой археолого-генеалогический подход, противопоставляет ей «контр-историю» и «контр-память». См., напр.: Foucault M. "Il faut défendre la société", Cour au Collège de France. Paris: Seuil-Gallimard, 1997.

¹⁸ См.: Pirenne H. What are historians trying to do? // La synthèse en histoire. Paris: Albin Michel, 1952.

другим интеллектуальным традициям. В качестве примера можно привести таких представителей марксистской историографии как Карл Каутский, Генрих Кунов, Отто Бауэр или последние работы историков Франкфуртской школы. Сказанное относится и к другим направлениям исторической науки, в частности, к *критической академической историографии* Макса Вебера, Альфреда Вебера, Карла Лампрехта, Норберта Элиаса и др. Это справедливо и по отношению к интересной и острой полемике, развернувшейся вокруг таких ключевых вопросов исторической науки как проблема «понимания» в истории (*Verstehen*) или специфика и особый статус «наук о культуре», о чем писали В. Дильтей, Г. Зиммель, Г. Риккерт и др. И хотя, в отличие от господствовавшего позитивизма ранкеанского типа, все эти примеры относятся к *маргинальным* направлениям в исторической науке того времени, все же невозможно правильно понять ту же самую немецкоязычную гегемонию без учета обогащающего и стимулирующего вклада этих маргинально-критических тенденций в немецко-австрийском универсуме¹⁹.

«Немецкоязычная гегемония» коснулась не только историографии. Сегодня мы признаем ее влияние на всю сферу общественных наук. Так, время этой гегемонии в историографии полностью совпадает с временем разработки Фрейдом теории психоанализа, с периодом активности Венского кружка и появлением работ Л.Виттгенштейна, равно как и с расцветом Франкфуртской школы – другими словами, со всем тем колоссальным богатством немецко-австрийской культуры, которое не перестает поражать нас и по сей день.

Однако хорошо известно, что последовало за утверждением немецкоязычной историографической гегемонии в Европе и на Западе: Германия проиграла в первой мировой войне и столкнулась с самой страшной трагедией в своей истории – подъемом нацизма. Трагический опыт, пережитый ею в 1933–1945 гг., показывает, сколь пагубным может оказаться влияние диктаторского режима на культуру страны. С разгромом в мировой войне и подъемом нацизма заканчивается и период господ-

¹⁹ В качестве примера можно привести работы Норберта Элиаса: – *Elias N. The Civilizing Process*. 2 vols. Oxford: Basil Blackwell, 1978–1982 and *The Court Society*. Oxford: Basil Blackwell, 1983. Об этом смотри также: *Aguirre Rojas C.A. Norbert Elias, historiador y crítico de la modernidad // Aproximaciones a la modernidad*. Mexico, Ed. UAM Xochimilco, 1997.

ства немецкоязычной историографии. А спустя некоторое время, с последними залпами второй мировой войны, немецкая культура окажется в столь плачевном состоянии, что полностью не будет восстановлена и по сей день. Поскольку немцы так до конца и не осознали, чем стал нацизм в их истории, немецкая историография все еще никак не оправится от этого страшного удара.

С кризисом второй стадии начался переход к третьей. После всех потрясений в Европе и на Западе установилась *вторая* и качественно отличная от первой историографическая гегемония. И если мы спросим, чье влияние на историческую науку было определяющим в 1950 г., то в подавляющем большинстве случаев ответом будет – влияние ведущих историков франкоязычного мира. Благодаря новому направлению, известному как «школа “Анналов”», именно Франция к этому времени стала *играть роль лидера* в исторических исследованиях. Исключительное влияние «школы “Анналов”» на историческую науку, продолжавшееся приблизительно с 1929 и по 1968 год²⁰, определялось тем, что задаваемая ею исследовательская перспектива представляла собой *полную противоположность* тому, что было характерно для позитивистской историографии. Не только потому, что представители «школы “Анналов”» будут открыто и прямо критиковать ранкеанскую историографию. В отличие от последней, сосредоточившей свое внимание на биографической, политической и военно-дипломатической истории, сторонники нового подхода будут ратовать за создание «*тотальной социальной истории*». Изучению жизни и деятельности выдающихся людей, а также крупных сражений и мирных соглашений историки-анналисты противопоставят изучение цивилизаций, экономических и социальных структур, коллективных представлений или современного капитализма, находясь при этом на иной аналитической и эпистемологической позиции.

В противовес позитивистской историографии, утверждающей, что предметом изучения последователей Клио должно быть одно лишь прошлое, да и то только то прошлое, которое зафиксировано в письменных источниках, историки-

²⁰ Об этой тенденции, существующей во французской «школе “Анналов”», см.: *Dosse F.* L'histoire en miettes. Paris: La Découverte, 1987; *Burke P.* The French historical Revolution. The Annales School 1929–89. Cambridge: Polity Press, 1990; *Middell M. & Sammler S.* Alles Gewordene hat Geschichte. Die Schule der Annales in ihren Texte. Leipzig: Ed. Reclam Leipzig, 1994; *Aguirre Rojas C.A.* L'histoire conquérante (cit.)

анналисты воскрешают знаменитую формулу, гласящую: предметом истории являются следы человеческого существования во времени. Стало быть, история, написанная с этих позиций, – это всегда *глобальная* история, временные рамки которой охватывают весь период с древнейших времен и до наших дней. В поле зрения такой истории находятся абсолютно все сферы жизни человека, рассматриваемые в контексте окружающей его многофакторной реальности: географической, территориальной, этнической, антропологической, технологической, экономической, социальной, политической, культурной, религиозной и т.д. и т.п. Стремясь к конституированию собственной идентичности, такая история не может опираться только на один вид источников, а именно на письменные источники. Напротив, она вынуждена привлекать весь комплекс источников, используя для их анализа самые разнообразные техники и методики: дендрохронологию, иконографию, данные аэрофотосъемки, технику анализа пыльцы, углеродного анализа и многие другие.

На смену преимущественно повествовательному и монографическому историописанию «Анналы экономической и социальной истории» поставили действительно *интерпретативную, проблемную, компаративную и критическую* историю. Иными словами, историю, которая, постоянно используя все достоинства компаративного метода, в то же время способна наряду с общим и универсальным увидеть в изучаемых ею феноменах единичное и особенное, опираясь при этом на диалектику частного и общего в процессе анализа путей развития человеческой истории. Стремясь к созданию всеобщих объяснительных моделей и концепций, к построению и выдвижению столь же глобальных теорий и гипотез, такая история отказывается от поиска наивного и недостижимого для историка идеала «абсолютной объективности». В противовес этой иллюзорной задаче «школа “Анналов”» выдвигает принцип *истории–проблемы*, согласно которому любое серьезное историческое исследование начинается с постановки вопросов, поиски ответов на которые *предопределяют* особенности работы с фактологической базой. А поскольку «вы находите только то, что ищете» и «тексты говорят только то, о чем вы их спрашиваете», подлинная история всегда относительна, и все полученные в ходе исследований результаты могут

быть дополнены, скорректированы, а порой и подвергнуты полному и радикальному пересмотру²¹.

Таким образом, между 1929 и 1968 гг. немецкоязычная историографическая гегемония сменилась новым подходом к истории, основные принципы которого были сформулированы М. Блоком, Л. Февром и Ф. Броделем на страницах журнала «Анналы экономической и социальной истории». Устанавливая и распространяя влияние французской историографии на Европу и весь Западный мир, этот подход способствовал возникновению таких новых отраслей исторической науки, как квантитативная история, история ментальностей, история материальной жизни или цивилизации, а также новых форм экономической, демографической и социальной истории.

Разрабатывая параллельно с этим новые парадигмы компаративной, глобальной, проблемной истории, истории, открытой для других научных дисциплин и рассматриваемой в свете уже упомянутой нами концепции «времени большой длительности», создавая оригинальные интерпретации феодального общества, XVI века, Реформации или капитализма, эта историография французского образца задавала векторы обновления исторического знания, определяла проблематику исследований, тематику научных дискуссий, разработок, способствовала созданию новых исследовательских полей. Вероятно, нет нужды лишней раз подчеркивать невозможность понимания современной исторической науки без учета того вклада, который был сделан «школой «Анналов»» – вклада, признаваемого сегодня всей профессиональной историографией²².

Четвертая и последняя стадия развития современной историографии охватывает период, начавшийся с культурной революции 1968 г. и продолжающийся по сей день. После того, как в 1968 г. заканчивается очередная, связанная с франкоязычной гегемонией, глава в развитии современной историографии, мы оказываемся в современной историографической ситуации. Что происходит после 1968 года? Речь идет не просто о студенче-

²¹ Более подробно эти аргументы рассмотрены нами в: *Aguirre Rojas C.A. Between Marx and Braudel: Making History, Knowing History // Review. 1992. Vol. XV. № 2.*

²² См.: *Aguirre Rojas C.A. Synchronisation et la désynchronisation des mouvements historiques: un essai d'explication braudélienne de la rupture historique de 1989 // Social Science Information / Information sur les Sciences Sociales. 1996. Vol. 35. № 4* и книгу *Ensayos Braudelianos*. Rosario: Manuel Suarez Editor, 2000.

ских волнениях или молодежном движении. Это была *революция* во всех формах культурного воспроизводства современной жизни²³. Вот почему после 1968 года страница вновь перелистывается, и мы оказываемся в совершенно иной историографической ситуации. Если в 1900 г. доминирует немецкоязычная историография, в 1950 – франкоязычная, то какая – в 1990 или в 2001? Ответ столь же необычен, сколь и загадочен: *никакая*. Ибо в 1990 или 2001 гг. *никакой историографической гегемонии больше не существует*, и школа итальянской микроистории столь же важна, как и деятельность четвертого поколения «школы «Анналов»», британская социальная история, критическая перспектива «миросистемного анализа», российская историческая антропология, латиноамериканская региональная история²⁴ или немецкая «новая социальная история» и др.

После 1968 г. произошел какой-то важный надлом, когда перестал действовать режим «времени большой длительности», при котором некое культурное или национальное пространство играет роль лидера в исторических исследованиях, и возник новый способ функционирования историографии. *В современной историографии ни одно направление не является доминирующим*, что побуждает всех нас участвовать в обновлении исторического знания. Сегодня мы переживаем момент *полицентризма в рождении историографических и культурных инноваций*.

Подведем итоги. Говоря об окончании режима историографической гегемонии, мы оказываемся перед лицом *гораздо более серьезной и недостаточно изученной проблемы*, которая ставит нас перед фактом, что после 1968 года в обществе и на глобальном уровне исчезли почти *все типы центричности*. Так, например, до 1968 г. все мы хорошо знали, что социальным субъектом, призванным добиваться кардинальных изменений в жизни общества, является рабочий класс; после 1968 г. мы узнали, что социальные изменения могут инициироваться разными социальными субъектами, в том числе фемин-

²³ Об огромной значимости этой культурной революции см.: *Wallerstein I.* 1968: revolution in the world-system // *Geopolitics and Geoculture*. Cambridge: Maison des Sciences de l'Homme & Cambridge University Press, 1991; *Braudel F.* Entretien // *L'Express*. Paris, nov. 1971; *Dosse F.* Mai 68: les effets de l'histoire sur l'Histoire // *Cahiers de l'IHTP*. № 11. Paris, 1989; *Aguirre Rojas C.A.* 1968: la gran ruptura (cit.).

²⁴ О латиноамериканской историографии см.: *Aguirre Rojas C.A.* Métier d'Historien en Amérique Latine. Assimilation et retentissement d'un texte majeur // *Cahiers Marc Bloch*. № 5. Paris, 1997.

нистским, экологическим, пацифистским, антифашистским движениями, движениями коренного населения за свои права и другими движениями социальных меньшинств.

До 1968 года в движениях социального протеста преобладали экономические или базовые требования; теперь же любые требования, выдвигаемые в рамках социальных движений антисистемного характера, признаются основными и при этом неизбежно политизируются. До 1968 г. мы знали, что на Западе да и во всем мире внутри экономического пространства существуют главные экономические центры; после 1968 г. ни один из них нельзя считать главным, и мы оказываемся в ситуации полицентризма на всех уровнях.

Подводя итог сказанному, можно предположить, что человечество проходит точку «исторической бифуркации» и находится в преддверии таких перемен, которые могут привести к совершенно иному способу функционирования не только историографии или даже культуры, но и всего человечества в глобальном масштабе.

(Пер. с англ. О.В. Воробьевой)

С.Г. Кум (Томск)

В ПОИСКАХ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ВЕРСИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕМЕЦКОЙ НАУКИ 1990-х годов)*

Признание современной исторической наукой онтологической и гносеологической ценности плюрализма и стремление выйти за пределы жёсткого разграничения предметного поля эмпирических изысканий, открывали всё новые пути к междисциплинарному диалогу, причем зачастую таковой ставил больше вопросов, связанных с осознанием бесконечного разнообразия форм «человеческой субъективности», чем давал ответов. Ведь «единение» гуманитарных дисциплин, основанное на общем предмете анализа, делало их концептуальный и методологический инструментарий практически беспредельным. Критерии научности, специальные правила и нормы, на которые всегда опиралось историческое знание, утрачивали свою силу и влияние. Привнесенная извне логика размышлений и модели различных дисциплин не всегда вписывались в привычные стандарты и согласовывались друг с другом. Безмерное расширение предмета исследования и методов его анализа вылилось в «постмодернистский хаос» историописания. Картина прошлого дробилась «историей снизу» на множество «разноцветных осколков». Необходимость соединения эмпирии и теории, микро и макроподходов акцентировалась всем историческим сообществом, но возможность преодоления трудностей, встающих на этом пути, оставалась в сфере желаемого и пока недостижимого.

Поиски амбивалентной парадигмы историописания в немецкой науке переплетены с серьёзным изучением экспериментов в этой области американских, британских и французских ученых¹. Попытки преодоления антитезы структурного и антропологического подходов ориентировались, в первую очередь,

¹ См. об этом: *Кнабе Г.С.* Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности их преодоления // *Одиссей. Человек в истории.* 1993. М., 1994. С. 247–255; *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 224–247 и др.

на построения социокультурной истории. Таковая, как известно, прошла путь от «социальной истории культуры» к «культурной истории социального», где акцент смещается от интерпретации культуры как «сетки символов» к конструированию социального бытия посредством «культурной практики». При этом исследователь уповал на то, чтобы показать, каким образом субъективные представления индивидов реализовались ими в ограниченном объективными условиями пространстве возможностей, несущем в себе множество альтернатив развития. Как раз это понятие культуры, делающее акцент на точках пересечения интеллектуального и социального в деятельности человека, вводилось в германскую науку. Её целью было создание такого варианта осмысления прошлого, где было бы раскрыто внутренне подвижное единство объективных структур и субъективных представлений в рамках человеческого опыта. Другими словами, механизмы трансформации потенциальных причин в «актуальные» мотивы поведения.

Примечательно, что новая дефиниция культуры была воспринята, правда не без критических замечаний, даже той частью учёных Германии, которая «поклонялась святому триединству: экономика, общество и власть»². Более того, имеет смысл отметить некоторые элементы её мифологизации. Так, семиотическая трактовка культуры явилась поводом для интенсивного изучения символических аспектов бытия, а высказывания о том, что всякое явление – это культурная конструкция, стали привычными. Вместе с тем, Отто Ульбрихт, к примеру, задавался вопросом, нужно ли его распространять на все области исторической реальности и не является ли более осмысленным сужение этого понятия³. Отвечая на него, ученые ФРГ были единодушны в том, что существуют такие сферы бытия, объяснение которых сквозь призму «культурной практики» наиболее оправдано. Это ярко продемонстрировали, на их взгляд, работы Р. Дарнтона, Н.З. Дэвис, Р. Шартье и других исследователей, посвященные проблемам символической антропологии и, прежде всего, анализу смысловых характеристик поведения людей в прошлом. Не отрицали германские историки наличия культурных параметров и в других областях жизни общества, например, в экономике. Однако они

² Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1. München, 1987. S. 11–12.

³ Ulbricht O. Mikrogeschichte: Versuch einer Vorstellung // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 45. 1994. H. 6. S. 362.

считали правомочным спросить, даёт ли рассмотрение исторических явлений под новым углом зрения достаточно оснований для их «широкого» понимания и объяснения. Исходя из этого, подчёркивалась необходимость определения границ культурологического подхода, а, следовательно, и тех сфер познания, где он вряд ли даст ожидаемые результаты.

Сторонник неопозитивизма Юрген Кокка, отмечая продуктивность культурно-исторических приемов у К. Гирца, П. Бурдье и П. Бёрка, видел положительные результаты понимания культуры как системы (или некоей «сетки») знаков, которая позволяла осмыслить действительность значительному числу людей. Именно освоение этой «сетки», по его признанию, делало возможными социальные отношения (т.е. коммуникацию, объединение и размежевание в межличностных связях). Кроме того, она определяла отношение человека к самому себе и к своему окружению. Система таких символов, словами Ю. Кокки, действительно содержала информацию о верном и ложном, добром и злом, прекрасном и безобразном, но главное – она формировала контекст, в котором люди воспринимали действительность и упорядочивали свои представления о ней. Здесь они давали нравственные оценки поступкам другого человека и нововведениям, а также вырабатывали свои эстетические суждения⁴.

При обсуждении предложенных образцов интерпретации культуры, связанных с определением смысловых характеристик реальности, была отмечена её многоликость. Это не только тексты, нормы морали, произведения искусства, устная традиция, которые напрямую служат толкованию смысла, но и «творения человека», имеющие совершенно иные функции. С точки зрения историков, многие действия человека и их результаты (ремесленный труд, парламентскую речь, любовные отношения, меры наказания, образцы промышленных изделий и т.д.) можно одновременно интерпретировать и как составляющие культурных связей⁵. Важным предметом обсуждения стали возможности символической антропологии⁶. Была аргументирована неодно-

⁴ Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Весна. С. 174–189.

⁵ Анализ подобных трактовок см., напр.: *Реутин М.Ю.* Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. М., 1996.

⁶ На немецкий язык было переведено большое число работ на эту тему. См., напр.: *Chartier R.* Text, Symbol und Frenchness. Der Historiker und die symbolische Anthropologie // *Ders.* Die unvollendete Vergangenheit.

значность таких моделей, а также наличие как социально, так и регионально различных знаковых систем. Исходя из этого, вновь был поставлен вопрос о месте и значении их интерпретаций при объяснении прошлого. Немецкие ученые соглашались с тем, что символы конструируются из духовной атмосферы эпохи на основе аналогий, т.е. они могут быть сформулированы только на микроуровне. В таком случае, на их взгляд, возможно множество различных толкований, качество и адекватность которых нельзя проверить, поскольку механизмов контроля не существует⁷.

Как видим, репрезентативность результатов исследования оставалась наиболее слабым пунктом разнообразных версий микроистории. Даже утверждение К. Гинзбурга, что эта проблема в принципе решаемая⁸, не убеждало германских ученых. Они соглашались с обоснованиями необходимости и правомочности особого исходного пункта микроанализа, его специфических познавательных стратегий. Тем не менее, для них являлось фактом то, что даже самые яркие казусы прошлого передавали, к примеру, лишь умонастроение и поведение конкретного индивида, а не большинства населения. В силу этого вопросы о том, как экстраполировать результаты таких толкований в сферу коллективного опыта, каковы методы их включения в обобщающие построения на макроуровне, оставались для историков ФРГ открытыми. Показателен в этом отношении опыт постижения «ткани жизни» в Лаихингене 1650–1900 годов, предложенный Хансом Медиком⁹. По его собственному признанию, многие приведённые им факты повседневности, точнее, «переживания» (Überleben) людьми окружающей их «материи» следует рассматривать «в глобальной европейской и герман-

Frankfurt am Main, 1992. S. 74-85. См. также: Корфф Г. История символов как социальная история? // Конец рабочей истории? / Под ред. М. ван дер Линдена. М., 1996. С. 157–184.

⁷ См.: Ulbricht O. Mikrogeschichte: Versuch einer Vorstellung ...S. 362.

⁸ Ginzburg C. Mikrogeschichte. Zwei oder drei Dinge, die ich von ihr weiss // Historische Anthropologie. 1993. Н. 1. S. 191. См. также: Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207–235.

⁹ Medick H. Weben und Überleben in Laichingen 1650–1900. Studien zur Sozial-, Kultur- und Wirtschaftsgeschichte aus der Perspektive einer lokalen Gesellschaft im frühneuzeitlichen Württemberg. Göttingen, 1994. См. также: Оболенская С.В. Ханс Медик. Опыт сопряжения микро- и макроистории // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции 5-6 октября 1998 г. М., 1999. С. 110–118.

ской перспективе... как исключительные случаи»¹⁰. Ученый указывал, правда, на нормальность парадоксальных явлений в переходные периоды истории и считал их изучение вполне оправданным. Но следующий шаг в объяснении социальной реальности он видел все-таки в возвращении к менее скандальным случаям, в интерпретации типичного и тривиального.

В качестве позитивного примера на этом пути можно отметить работу Норберта Шиндлера о культуре и образе жизни нищих Зальцбурга в конце XVII столетия¹¹. Основанная на изучении актов ведовских процессов 1675–90 годов, она не обходила вниманием и другие тщательно отобранные и весьма разнообразными источниками. Причем, автору пришлось указать на тот факт, что стремление к проверяемости и доказуемости своих выводов привело его к несколько иным постановкам вопросов, чем те, которые предполагались изначально. Интересен в этом плане также ход размышления Х. Медика, особо подчеркивавшего роль культуры как самостоятельной движущей силы истории. В фокусе его внимания всегда оставался вопрос о размерах и радиусе действия этой силы¹². Пытаясь ответить на него, он оказался перед серьезной проблемой. Если культура (вернее, «культурная практика») вызывала изменения в обществе, то, что вызывало тогда изменения культуры? Здесь ученый сталкивался с необходимостью анализа контекста её развития, то есть экономических, политических и идеологических аспектов бытия. Наряду с этим, перед ним вставала проблема механизмов трансформации самой культуры во времени. Это, разумеется, был шаг к макроанализу и к взаимопониманию со сторонниками позитивистски ориентированной историографии. Ведь, как свидетельствуют работы того же Х. Медика, широкое понимание микроанализа в Германии ориентировалось в конечном счете на воссоздание, пусть в малом, но комплексной, «всеохватывающей» панорамы события¹³.

¹⁰ Medick H. Entlegene Geschichte? Sozialgeschichte und Mikro-Historie im Blickfeld der Kulturanthropologie // Zwischen den Kulturen / Hrsg. von Joachim Matthes. Göttingen. 1992 (Soziale Welt, Sonderband 8). S. 173.

¹¹ См.: Schindler N. Die Entstehung der Unbarmherzigkeit. Zur Kultur und Lebensweise Salzburger Bettler am Ende des 17. Jahrhunderts // Ders. Widerspenstige Leute. Frankfurt am Main, 1992. S. 258–314.

¹² См.: Medick H. Entlegene Geschichte... S. 168–169; Ders. «Missionare im Ruderboot»? Ethnologische Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft. 1984. Jg. 10. H. 3. S. 309.

¹³ См.: Medick H. Missionare... S. 319.

Новые ориентиры немецкой историографии на пороге XXI века, несомненно, сближали её столь различных представителей. Опыт толкования культуры как социальной практики подводил к осмыслению в качестве интегральных категорий различных явлений обыденного опыта, мировосприятия или его «переживания» и, наконец, установок к определенному рода поступкам людей, живущих в одно время. Историки задавались вопросами: что означал для них окружающий мир? Как его изменения осознавались ими? Почему эти люди занимали по отношению к происходящим событиям ту или иную позицию и оценивали их так, а не иначе? На все эти вопросы можно было ответить, только обладая четким представлением о культуре конкретной социальной группы как некоего единства и, прежде всего, о свойственном ей менталитете и о её способностях рассуждать и принимать решения. Именно культура в таком «социальном» понимании, по их мнению, задавала координаты мировосприятия конкретной личности, её жизненного опыта, а, следовательно, определяла её установки и инициативные действия. Более того, все чаще подчёркивалось, что распространение этой «знаковой сетки» во времени порою не совпадало с изменениями опыта отдельных людей. Поэтому, чтобы расшифровать «символические коды» культуры, реконструкции лишь «умственного инструментария» эпохи оказывалось недостаточно. Все более четко осознавалась необходимость не просто комбинировать ранее биполярные исследовательские стратегии, а обозначить очертания холистской версии историописания. Согласно таковой социальная структура имеет свою *самоподдерживающую* логику развития, которая, бесспорно, связана с деятельностью актеров истории.

Остановимся на попытках решения данных проблем сторонниками билефельдской школы. Ю. Кокка настаивал на том, что дефиниции «культура» и «структура» не являются ни противоположностями, ни понятиями, между которыми существуют «натянутые отношения». Кроме того, культурная история не идентична лишь эмпирической истории. Ей нужны и обобщающие теории, и, соответственно, методы макроанализа. Учёный считал необходимым разработать такую модель интерпретации «культурной практики», которая не ограничивалась бы лишь реконструкцией повседневного жизненного опыта, и уж тем более только видением своего предмета «изнутри». Ю. Кокка соглашался с тем, что опыт людей определенной эпохи нельзя воссоздать без учета характерных для них образцов толкования окружающего мира. Но, с другой стороны, говоря его словами, если

ограничиваться только герменевтической трактовкой смысла происходившего, понять их культуру невозможно¹⁴.

Проблема «единения» микро- и макроанализа дискутировалась особенно активно. К. Гирц, как известно, сознательно отказывался от создания общих теорий и настаивал на самоограничении в рамках единичных случаев. Для немецких историков, стоящих на традициях не только «симпатизирующего понимания» В. Дильтея, но и движения по герменевтическому кругу, это было неприемлемо. Они склонялись скорее к доводам американского историка и социолога Ч. Тилли об интегрирующей функции реконструкции человеческого опыта «переживания крупных структурных изменений»¹⁵. Тот же Х. Медик, приверженец антропоцентризма, однозначно заявлял, что способы видения прошлого должны вести ученого от частного к общему, а также в обратном направлении¹⁶. Учёные Германии не забывали и об идее «индивидуальной тотальности» классического немецкого историзма. Кроме того, активно используя построения Гирца, они стремились представить его «плотное описание» не только как герменевтический подход, но и как разновидность метода идеальных типов¹⁷. Давний и отчетливый интерес к теории М. Вебера стимулировался и тем, что его концепция уже была опробована германскими социологами для разрешения «проблемы взаимоотношений микро и макро» на их собственном уровне¹⁸.

Поиски путей включения результатов анализа «незначительных деталей» в рамки всеобщей истории с её генерализирующими формулировками оставались для германских ученых одной из приоритетных задач. В. Шульце подчеркивал, что от микроистории вообще неотделима проблема обобщения её результатов, которая возникает вновь и вновь в связи с необозри-

¹⁴ Кокка Ю. Социальная история... С. 174–189.

¹⁵ См.: Тилли Ч. Микро, макро или мигрень? // Социальная история. 2000. М., 2000. С. 3–18. Ср.: Келасьева В.Н. Интегративная концепция человека. СПб., 1992; Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии // Общественные науки и современность. 1993. № 1 и др.

¹⁶ См.: Medick H. Missionare... S. 315. Об эволюции немецкого историзма см., напр.: Historismus am Ende des 20. Jahrhunderts. Berlin, 1997.

¹⁷ См.: Schulze W. Mikrohistorie versus Makrohistorie. Anmerkungen zu einem aktuellen Thema // Historische Methode / Hrsg. von Ch. Meier und J. Rüsen. München, 1988. S. 340.

¹⁸ См.: Schwinn Th. Max Webers Konzeption des Mikro-Makro-Problems // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1993. Jg. 45. S. 220–237.

мым расширением сферы исторической реальности¹⁹. Немецкие историки задавались вопросом, что нужно сделать, чтобы микроистория не осталась в аппарате примечаний, куда так часто относят её толкования? Ответ практически единодушен. Для этого необходима «двойная перспектива» видения событий прошлого, поиск точек согласия у альтернативных моделей конструирования исторического целого. Однако осуществить такой подход на практике оказалось гораздо труднее. Некоторые контуры новой интегральной модели постановки проблем и их решения были, безусловно, обозначены. Она ориентировалась, в первую очередь, на отображение многомерного характера исторического процесса, на создание его объёмной конструкции с помощью социокультурного (или социогуманитарного) синтеза. Стремление найти опору для этого в конструктивном диалоге микро- и макроистории всё более стирало грани между ними в новых полимасштабных исследованиях. Причем, надо отметить, что движение навстречу друг другу шло с обеих сторон и сопровождалось подчеркнутым осознанием того, что ни один из параметров общественной системы невозможно постичь изолированно от других.

Представляются важными в этом плане размышления Ю. Кокки о различиях в дефинициях «структура», с одной стороны, и «событие», «поступок», «опыт» – с другой. Под событием он понимал связную цепь происшествий, которая от начала до конца осознается современниками как смысловое единство в рамках определенного времени, и поэтому может «рассказываться» историком в категориях хронологической последовательности. События характеризуются тем, что они не преступают ту сферу опыта его участников, которую можно зарегистрировать в координатах времени и пространства. Учёный подчёркивал, что события обусловлены структурами, но не являются целиком производными от них. Под структурами же им понимались связи или заранее заданные схемы, которые возникают во времени (но не в строгой последовательности познаваемых событий) и проявляются через социальный опыт людей, живущих в одну эпоху. Поэтому структуры не могут быть «рассказаны» как события, а также «осознаны» исследователем как опыт людей. Структуры, которые содержатся в событиях и жизненном опыте, расположены, его словами, «иным образом, чем в хронологической последовательности» и не обязательно доступны сознанию людей как смысловые единицы. В силу этого они лишь частично могут быть

¹⁹ См.: *Schulze W. Mikrohistorie versus Makrohistorie...* S. 325–333.

выявлены историком в качестве знаковых проявлений смысла²⁰. Ю.Кокка делал акцент на том, что структуры и процессы представляют собой нечто большее, чем просто сумму индивидуальных поступков и «жизненных опытов». Кроме того, они, как правило, не присутствуют в последних или же присутствуют здесь в искаженном виде. И, наоборот, – опыт не детерминируется целиком структурами и объективными процессами. Эти два измерения действительности не совпадают между собой. Вследствие этого, по его признанию, с одной стороны, структурная история без эмпирической страдает односторонностью и неполнотой. С другой стороны, она не растворяется в событийной истории – она шире её. И уж совсем не следует ожидать, по мнению Ю. Кокки, что эмпирический материал можно использовать для подтверждения синтезирующих обобщений структурного анализа. Микроистория, – заключал он, – не представляет собой альтернативу прежней социальной истории, даже если она способствует её внутреннему обогащению и смене акцентов²¹.

Замечания Ю. Кокки, в определённой степени, очерчивали контуры неосциентизма, о котором так много говорилось в историографии Германии последних лет²². Учёный заявлял, что макроподход не является монополией *Social Science History*, но и последняя не сводима лишь к анализу структур. В задачи «новой социальной истории», на его взгляд, входит также исследование идей, установок и мировоззрения людей. Тот, кто ограничивается анализом глобальных процессов, отказывается тем самым от фундаментального положения о том, что таковые (особенно в фазе их возникновения) являются следствием индивидуальных и коллективных действий. Никогда нельзя забывать о том, – подчёркивал историк, – что структуры рождаются, изменяются и разрушаются под их влиянием. Структуры всегда зависимы от человека, какой бы ни была их собственная динамика, какой бы отпечаток они, в свою очередь, не накладывали на сферу субъективности, и как бы мало они в итоге не совпадали с целями деяний людей или с их жизненным опытом²³.

²⁰ Kocka J. *Sozialgeschichte. Begriff, Entwicklung, Probleme*. Göttingen, 1986. S. 73–75.

²¹ См.: *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie* / Hrsg. von W. Schulze. Göttingen, 1994. S. 34–37.

²² См., напр.: *Daniel U. Clio unter Kulturschock. Zu den aktuellen Debatten der Geschichtswissenschaft // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1997. Jg. 48. H. 4, 5/6.

²³ Кокка Ю. Социальная история... С. 185–187.

Все сказанное свидетельствует о том, что связь между микро- и макроуровнями социальной реальности следует понимать не только как взаимодополняющее, но и как исторически меняющееся отношение «единения» и несовпадения. Пренебрежение такой установкой всегда означало в методологическом смысле либо объективистское сведение исторической действительности к «анонимным» процессам, либо субъективистское вычленение индивида из контекста интеллектуальной практики. Любой из этих подходов, бесспорно, свидетельствовал о несовершенстве представлений о прошлом и – в который раз! – ставил под сомнение «критерии научности» его осмысления. Теперь речь шла не о простом «сложении» равноправных подходов, а о разработке качественно новых методологий, способных держать в своем фокусе не только (и не столько) объективные и субъективные параметры бытия, а способ их взаимодействия. Неудивительно, что так называемый контекстуальный подход (как вариант системного) предполагал соблюдение принципа детерминации малых форм бытия социальным контекстом. Акцент на взаимопроницаемость и конвергенцию, бесспорно, связывался с растущим скептицизмом относительно самих притязаний на целостное постижение прошлого, перспектива которого все более отодвигалась на второй план. Внимание ученых фокусировалось на объяснении траекторий исторической эволюции при помощи анализа не социальных сил, а внутренней логики социального действия как такового. Оптимистичная вера в точки интеграции общественно-вознания, с которой когда-то начиналось становление исторической антропологии, постепенно сменялось отказом от теоретизирования по поводу проектов «глобальной» истории и осознанным уходом в эмпирические штудии.

В итоге, методологические преобразования в историографии ФРГ оставались далеки от завершения. В. Хардвиг, к примеру, характеризовал постмодернистскую ситуацию в науке как состояние «чрезмерного плюрализма», когда путь от частных наук к системообразующей парадигме ещё не ясен²⁴. Вопрос о том, что более значимо для объяснения прошлого – изучение общественных связей и отношений или же их интерпретации действующими лицами истории, потерял свою былую остроту. Тем не менее, сделанные выводы о непродуктивности их изолированного рассмотрения и плодотворности включения человека в социальный и интеллектуальный контекст эпохи, открывали перед историка-

²⁴ См.: Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie...S. 19–20.

ми новые исследовательские пространства. Об этом свидетельствуют и те конкретные попытки «сочленения» макро- и микроанализа, которые предпринимались германскими учёными. Первое (традиционное) его направление виделось в интерпретации микрособытий как частных случаев больших процессов. Правда, и здесь пытались найти оригинальные формулировки и новые подходы к уникальным и парадоксальным явлениям. По меньшей мере, подчеркивалась необходимость их комплексного осмысления. Второе направление связывалось с объемной и многоуровневой концепцией истории. Как раз при помощи выделения таких уровней (по-разному соединенных друг с другом) историки надеялись представить эволюцию общества со всеми её прерывностями и неравномерностью. Говоря словами О. Ульбрихта, это должно означать новое видение прошлого, разрушающее традиционную центрированность, непрерывность и линейность и способное противостоять «унифицированному пониманию синтеза»²⁵, а именно, содействовать выявлению своих особых точек интеграции на каждом уровне. Конечно, данный путь казался большинству немецких историков более привлекательным, но вместе с тем и более трудным. Он создавал серьезные проблемы как в сфере теории и методологии историописания, так и в технических средствах изображения прошлого²⁶.

Действительно, историческое явление нельзя объяснить какой-либо одной причиной. непригодно также и простое сложение нескольких факторов общественной системы. Ключевой задачей мировой исторической мысли является сегодня построение «дифференцированных моделей» объяснения реалий прошлого с последующим синтезом результатов разноуровневых толкований. С одной стороны, спектр социальных изысканий, их концептуальный и методологический аппарат постоянно расширяются. С другой – их авторы пытаются (пусть в малом) ориентироваться на решение системных вопросов для того, чтобы заложить фундамент для обобщающих интерпретаций. Поиски интегральной версии историописания требуют учета переплетения и взаимопроницаемости реальностей разных уровней и масштабов в пространстве «космоса» истории. Хорошо известны концепция Ф. Броделя о трех уровнях времени, рассуждения Ж. Дюби о

²⁵ См.: *Ulbricht O. Mikrogeschichte: Versuch einer Vorstellung... S. 363.*

²⁶ См.: *Schulze W. "Von den grossen Anfängen des neuen Welttheaters". Entwicklung, neuere Ansätze und Aufgaben der Frühneuzeitforschung // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1993. H. 4. S. 15.*

трехчастной модели или Б. Лепти о трех формах анализа социальной целостности²⁷. Ханс-Ульрих Велер, один из основоположников билефельдской школы, говорил о признании трёх принципиально равнозначных осей развития общества: экономической, политической и культурной. На его взгляд, как раз их взаимодействие определяло ход и динамику трансформации общества²⁸. Отсюда следует, что выявление множества уровней и состояний общественного развития происходило как по вертикали, так и по горизонтали. Причём учеными предполагались как разные масштабы видения событий и процессов на этих уровнях, так и различные технологии их изучения. Это делало перспективы создания синтезирующих конструкций, а уж тем более целостной картины прошлого, весьма проблематичными.

Что касается многочисленных авангардных течений в ФРГ, то их усилия в решении проблемы синтеза микро- и макроистории направлялись, словами Уте Даниэль, на преодоление их «кажущейся оппозиции», а также любого «методологического фетишизма»²⁹. Вместе с тем, необходимость сочленения объективных структур и субъективных представлений людей потребовало поиска не только принципиально новых ориентиров, но и новых исследовательских пространств. Научное сообщество согласилось с тем, что любое однозначное решение приводит к односторонности, а различные компоненты бытия не только переплетаются, но и перетекают друг в друга. На повестку дня выдвигалось требование не их механического соединения, а показа одновременно множественности и целостности панорамы истории³⁰. При этом германские ученые активно вос-

²⁷ См.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность (1958) // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142; Лепти Б. Общество как единое целое: о трех формах анализа социальной целостности // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 148–164; Дюби Ж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000 и др.

²⁸ См. об этом: Патрушев А.И. Социальная история в Германии: проблемы синтеза // Социальная история: проблема синтеза. М., 1994. С. 55–62.

²⁹ Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie...S. 55–56.

³⁰ См., напр.: Зелдин Т. Социальная история как всеобъемлющая // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1. С. 154–162; Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Там же. С. 163–181. Ср.: Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997; Карташев В.А. Система систем: Очерки общей теории и методологии. М., 1995 и др.

приняли импульсы, исходящие из-за границы, где историки полагали, что к «большим» вопросам лучше всего подходить, увидев их в «малом», то есть через насыщенные материалом источников региональные изыскания. Именно в рамках «новой локальной истории», заявившей о себе в 1970–80-е годы, наметился путь к осуществлению намеченных проектов³¹.

И впрямь, никто не считал опыт преломления прошлого сквозь призму микроанализа настолько пригодным для его объяснения как представители региональной и локальной истории, ориентированной на изучение конкретных, почти осязаемых реалий³². Существовало даже мнение, что эти дисциплины способствовали возникновению микроистории или, по меньшей мере, в них наблюдались сходные тенденции эволюции. Оценить вклад региональной истории в целостные интерпретации общественного универсума и определить её возможности на этом пути попытались также и немецкие ученые. Взгляд был обращен к работам таких известных в Германии её представителей, как Гене Бруккер, Сильке Гётч, Клаус Вульф³³ и др.

В ходе их критического анализа был сделан вывод, что, поскольку локальная история изучает конкретные факты, которые достаточно хорошо документированы, она имеет все основания для продвижения к «широким», всеохватывающим толкованиям. Более того, репрезентативность её выводов является важной предпосылкой к тому, чтобы, исходя из малого, ставить фундаментальные вопросы. Правда, ученые ФРГ соглашались с тем, что любой «краевед» знает мельчайшие подробности истории своего региона, которые, безусловно, содержат социальную дра-

³¹ См., напр.: *Фитьян-Адамс Ч.* Англия Хоскинса: Гений локальной истории и его тема // *Диалог со временем: историки в меняющемся мире.* М., 1996. С. 83–99. См. также: *Репина Л.П.* Локальная история и современная историография Английской революции // *Новая и новейшая история.* 1992. № 3. С. 174–183; *Её же.* Локальные исследования и национальная история: проблема синтеза // *Всеобщая история: дискуссии, новые подходы.* Вып. 1. М., 1989. С. 148–158.

³² Показательно, что такие исследователи как К. Гинзбург и Н.З. Дэвис, которые часто символизировали микроисторию, являлись знатоками один – Фриули, другая – Лиона. См., напр.: *Ginzburg C.* Die Benandanti. Feldkulte und Hexenwesen im 16. und 17. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1980.

³³ *Brucker G.* Florenz in der Renaissance. Reinbek bei Hamburg, 1990; Ders. Florenz. Stadtstaat, Kulturzentrum, Wirtschaftsmacht. München, 1984; *Göttsch S.* Alle für einen Mann. Leibeigene und Widerständigkeit in Schleswig-Holstein im 18. Jahrhundert. Neumünster, 1991; *Wulf C.* Die Pest in Stadt und Amt Rendsburg // *Heimatkundliches Jahrbuch für den Kreis Rendsburg.* 1960.

му, но объяснить её он, как правило, не в силах, ибо не владеет инструментами для этого. Чтобы постичь сценарий разыгравшейся драмы, О. Ульбрихт призывал исследователей открыть для себя предложенные микроисторией познавательные стратегии и под иным углом зрения взглянуть на имеющиеся источники. С помощью социокультурных ориентиров региональная история сумеет, на его взгляд, выявить смысловые характеристики зафиксированных фактов и событий, обозначить их место в сознании людей и, наконец, объяснить механизмы социального действия³⁴. Особенно плодотворным представлялось использование микроанализа при изучении тех фактов, которые не вписываются в стандарты и никогда не будут истолкованы на макроуровне. Так, К. Вульф, к примеру, констатировал, что во время эпидемии чумы жители города Рендсбурга возмущались «благоразумными» приказами и не выполняли их³⁵. Объяснить же такое поведение с помощью логических заключений ему было очень трудно. Между тем оно могло стать более понятным, если задаться вопросом о том смысле, который в него вкладывали горожане или, более широко, об их культуре (в антропологическом понимании).

Следовательно, как раз в рамках региональных штудий ученые ФРГ надеялись не просто обратить взор своей науки на конкретных людей и их повседневные заботы. Интерпретируя человеческую жизнь в социокультурных измерениях, они рассчитывали не потерять из виду нацию и государство. Другими словами, создать фундамент для корреляции субъект-объектных отношений, для сочленения общего и частного при всей прозрачности границ между ними. Историки делали акцент на том, что глобальные процессы нельзя понять без анализа изменений в конкретных координатах времени и пространства, поскольку именно здесь проявлялись особенности, противоречия и многовариантность их динамики. В силу этого, данный подход представлял возможность, по их признанию, объединить предположения и догадки микроисторика и «строгие» формулировки макрообъяснений. С его помощью они полагали найти золотую середину между ними, то есть некий «медиальный» (промежуточный) уровень обобщения и сформулировать «теории среднего уровня»³⁶. Как заметил Х. Медик, в своем исследовании вюртем-

³⁴ См.: *Ulbricht O. Mikrogeschichte: Versuch einer Vorstellung... S. 365.*

³⁵ См.: *Wulf C. Die Pest in Stadt und Amt Rendsburg... S. 81–82.*

³⁶ О возможностях «теории среднего уровня» см., напр.: *Ван дер Линден М., Лукассен Я. Прологомены к глобальной рабочей истории //*

бергской деревни Лаихинген он намеревался проследить воздействие специфически региональных характеристик бытия человека на общие процессы эволюции, но проявились они в совершенно другой форме, чем ожидалось³⁷. Поэтому путь инноваций в региональной истории виделся в том, чтобы (по призыву О. Ульбрихта) поставить заключения макроистории об особенностях локальных изменений на испытательный стенд микроанализа³⁸. Кроме того, именно на этом промежуточном уровне учёные стремились обозначить точки соприкосновения микро- и макропроцессов. А стало быть, намеревались зафиксировать поликаузальные реалии прошлого в фокусе пересечения персональных и социальных пространств и объяснить их при помощи как объективно-системного, так и субъективно-деятельностного подходов.

В плане поиска таких пластичных методологий примечательна уже упомянутая работа Х. Медика³⁹, задачу которой автор увидел в том, чтобы изложить историю местечка Лаихинген в 1650–1900 гг. в нескольких вариантах. Речь шла о попытке совершить «путешествие за открытиями в собственный народ» (Ф. Бруггемайер), об осмыслении её хода в этот временной период вдоль различных тематических линий. Центр тяжести лежал при этом на оценке данных серийных источников, скажем, по экономическому положению семей или инвентарных описей при заключении браков и смерти. На их основе создано обширное исследование (708 с.), где при помощи многочисленных таблиц и графиков (86 и 33 соответственно) прослежены метаморфозы изменений жизненных устоев на примере отдельных людей и супружеских пар. Если говорить о тематических преимуществах и предложенных в книге способах видения, то её размещают (хотя и достаточно условно) где-то между историей повседневности и исторической антропологией. Уменьшая параметры наблюдения, Х. Медик стремился сделать очевидными те факты, которые в ином ракурсе обычно ускользали из поля зрения аналитика. Его «история целого в деталях»⁴⁰ претендовала на то, чтобы, не пре-

Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 55–56. См. также, напр.: Теория общества: Фундаментальные проблемы / Под. ред. А.Ф. Филиппова. М., 1999 и др.

³⁷ Medick H. Entlegene Geschichte ... S. 172–174.

³⁸ См.: Ulbricht O. Mikrogeschichte: Versuch einer Vorstellung... S. 365.

³⁹ Medick H. Weben und Überleben in Laichingen 1650–1900. Studien zur Sozial-, Kultur- und Wirtschaftsgeschichte aus der Perspektive einer lokalen Gesellschaft im frühneuzeitlichen Württemberg. Göttingen, 1994.

⁴⁰ Ibid. S. 24.

вращая анализ локальных событий в самоцель, постичь каждое из «нормальных исключений», составляющих в своей совокупности «общую» картину бытия⁴¹, причем ученый рассчитывал показать не случайные, а специфические черты и тенденции развития на региональном уровне (или *элементы инаковости*), сделав тем самым необходимой корректировку моделей макроистории.

В четко очерченном «малом» универсуме автор надеялся изобразить не только социальный фон, но и все возможные модели поведения, выбор которых зависел от конкретных обстоятельств места и времени. Он писал об экономической политике князей и «протоиндустриализации» (индустриализации перед индустриализацией), о трудовых отношениях на льняных промыслах и о демографических сдвигах в Лаихингене. Отдельные главы ученый посвятил одежде, как элементу социальных различий, и книгам, как отражению религиозности и набожности населения. Пожалуй, именно здесь наиболее отчетливо проявились преимущества микроанализа, обогатившего наши знания о прошлом такими данными, которые могут быть включены в научный оборот только в индивидуальных деталях. Кроме того, именно таковые не только способствуют разъяснению проблем самоидентификации личности, индивидуальных форм мотивации и целеполагания, но и отражают переплетение (слияние) внешних факторов и внутренних импульсов деятельности человека. Выбор масштаба наблюдения позволял сделать изыскания «более тонкими» за счет изучения многочисленных типов одного и того же явления в течение продолжительного времени. Здесь, разумеется, пригоден столь популярный в региональных студиях контекстуальный подход, а также сетевой анализ конфигурации общественных связей или, скажем, концепция «локальной социальной системы».

Хотя изначально, следуя логике рассуждений Альфа Людтке, «реконструкторы» оказывались в беспорядочном контексте «сети», в ходе её распутывания она принимала более упорядоченный вид. Кроме того, каждый из «узлов» такой «сети» представлял собой совпадение множества индивидуальных связей. Детальный же анализ таковых показывал, что они не являются ни стабильными во времени, ни однородными по степени интенсивности. Скорее, их характеристики, по мнению ученого, зависели одновременно от специфических «силовых полей» и от поведения действующих в истории лиц. Акцентиро-

⁴¹ Ibid. S. 34.

вался также тот факт, что подобные связи порой представляли крайне неустойчивыми или совсем отсутствовали. В силу этого, составляющими элементами изучаемой «сети» выступали также «дисконтинуитеты» и «зазоры». Все это позволяло исследователю раскрыть не только связи, но и разрывы или несогласованности между способами мышления и поведения, которые он наблюдал в том или ином контексте, и делало интерпретации повседневной жизни человека достаточно перспективными⁴².

Однако проведенное Х. Медиком исследование еще раз продемонстрировало технические трудности совмещения микро- и макроанализа, что всегда служило основанием их взаимодополнительности. Слабость подобных толкований, по крайней мере, в пространстве историко-антропологического дискурса, проявлялась в том, что они не всегда способствовали познанию нематериальных (неструктурированных) аспектов человеческой жизни. За скобками часто оставались способы восприятия и мироощущения, ритмы труда и ритуалы. Более того, ученому не всегда удавалось обозначить локальные структуры «среднего звена» и выйти на тот промежуточный уровень, где пересекались микро- и макропроцессы. Это было заложено в самом подходе ученого, так как ограничение местом действия сужало и круг источников, за пределами которого он не рисковал делать какие-либо обобщения. Ведь выявление тех переходных звеньев, где эта взаимосвязь реализуется, требовало учета влияния «анонимных сил» на поведение людей, которые в источниках не всегда обнаруживались. Примечательно, что тот же А. Людтке указывал на «хрупкость» материалов истории повседневности, которые противятся стремлению ученых к синтезу⁴³. Читатель довольно много узнает о том положении вещей, которое хорошо документировано и рассматривается в перспективе, выраженной в понятиях «здесь и сейчас». Между тем, «история целого в деталях» превращается в книге отчасти во «всеохватывающую» историю любой детали, в набор миниатюр, где они скорее описаны, чем проанализированы. Вероятно, эта опасность вытекала уже из самого понятия предмета микроистории, которое порождало «антикварный фурор полноты», остающийся бесплодным без «реконструктивного объединения» отдельных элементов в

⁴² См. об этом: Людтке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 91.

⁴³ Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie... S. 67.

единую сеть их взаимосвязей. В результате, вновь вставал вопрос о методах включения результатов микроанализа в более широкий контекст, а синтезирующая модель объяснения по-прежнему оставалась за горизонтом познания. Поэтому, согласимся с Ю. Коккой, который в дискуссии на съезде в Ганновере восклицал – «может быть действительно, вопрос поставлен неверно»⁴⁴, а практика «изучения множества фрагментов» имеет, словами другого её участника А. Людтке, *собственный смысл*⁴⁵?

В силу этого, для характеристики механизмов обновления современной германской историографии показательны также трансформации сциентистски ориентированного направления. Его представители в целом, как уже отмечалось, признали продуктивность критики в свой адрес. Давая конструктивный ответ на «вызов постмодернизма», они намеревались открыть для себя множество новых сфер исторической действительности, которые традиционно оставались вне поля их зрения. Более того, на этом пути они стремились чётко обозначить свою «зону влияния»: искали возможности создания специфических для Social Science History интерпретаций общественных феноменов. Бесспорно, и здесь произошла смена акцентов в пользу многомерной социокультурной концепции. С помощью качественно новых подходов подборники позитивистской школы рассчитывали увязать стратегии познания опыта, представлений и действий людей с реконструкцией структур и «анонимных» процессов. Правда, их внимание по-прежнему концентрировалось скорее на внешней, чем на внутренней стороне субъективного фактора⁴⁶.

По мнению сторонников этой школы, сугубо эмпирическая история является еще более односторонней абстракцией, чем «чистая» структурная история а потому попытки взаимодополнения или объединения обеих ставили перед исследователями непростые проблемы, которые, по убеждению Ю. Кокки, предстояло осмыслить, в первую очередь, теоретически. В своих полемических выступлениях он подчёркивал, что от приверженцев антропоцентризма в решении этих задач многого ждать не при-

⁴⁴ Ibid. S. 33.

⁴⁵ Ibid. S. 72–75. См. также: Людтке А. Что такое история повседневности?... С. 77–100; Его же. История повседневности в Германии после 1989 г. // Казус-1999. М., 1999. С. 116–126.

⁴⁶ См.: Perspektiven der Gesellschaftsgeschichte / Hrsg. von P. Nolte. München, 2000; Nell W., Riedel W. Kulturwissenschaften. Geschichte, Grundlagen, Perspektiven. München, 2001.

ходится: их склонность к микроисторическим деталям, их, как правило, теоретически небогатое, но окрашенное симпатией к простым людям пристрастие к реконструкции тёмных ниш прошлого, конечно, важны, но такие построения часто непродуктивны, сбивают с толку и создают преграды для познания социальной системы. Ю. Кокка ставил вопрос: на основании чего в лоне изучения «воздушных замков культурологии» возникнут синтезирующие понятия, методы и теории, которые дадут возможность реконструировать историю в её сущностных чертах и связях? Эта возможность, по его мнению, заблокирована, так как объяснить феномены прошлого «изнутри» невозможно в принципе. Учёный с сожалением вынужден был констатировать, что вопрос о том, каковы реальные пути преодоления этих трудностей на исходе XX века, остаётся открытым⁴⁷.

Таковы некоторые векторы трансформации гуманитарного знания ФРГ в 1990-е годы⁴⁸. Целью принципиального обновления исторической науки стало создание полицентричной панорамы прошлого путём её объёмного и многомерного конструирования. Найти возможности для преодоления дуалистических моделей учёные пытались в исследованиях сферы социального взаимодействия субъектов истории. Они намеревались постичь одновременно множественность и цельность человека, диалектику единства и взаимодействия. На передний план анализа выдвигались динамичные процессы «культурной практики», локальные и групповые конструкции среднего уровня, такие как город или семья. При этом активно использовались достижения в этой области мировой науки, а также собственные традиции. Германские историки надеялись наглядно показать роль объективных факторов как контекста деятельности людей, поскольку в определенных границах и под определенным углом зрения «невидимые детерминанты» всегда присутствуют в жизненном опыте и «культурной практике». Более того, последняя всегда управляется как

⁴⁷ Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie... S. 34–37.

⁴⁸ См. также: *Оболенская С.В.* «История повседневности» в современной историографии ФРГ // *Одиссей. Человек в истории.* 1990. М., 1990. С. 182–198; *Ястребицкая А.Л.* История повседневности и проблема исторического синтеза // *Социальная история: проблема синтеза...* С. 73–84; *Патрушев А.И.* Вернер Конце и пути немецкой социальной истории // *Диалог со временем: историки в меняющемся мире.* М., 1996. С. 127–141; *Бессмертный Ю.Л.* Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994–1997 гг. // *Новая и новейшая история.* 1998. № 4 и др.

интеллектом, так и механизмами, скрытыми от субъекта истории. В решении вечной проблемы о взаимозависимости человека и общества фокус внимания постепенно смещался к тому, что их объединяло, а именно к изучению способов «переживания» человеком социальных реалий.

Поиск такой комбинации теоретического и методологического инструментария, которая позволила бы обнаружить и интерпретировать линии взаимосвязей между общественными системами и жизненными мирами, продолжается. Но уже сделаны важные шаги в этом направлении. Всеми были признаны познавательные возможности как структурной, так и событийной истории, а также очерчены, в общем-то, контуры их сфер полномочий. Задача теперь заключалась в том, чтобы обозначить плодотворные пути сочетания микро- и макроанализа, пути рассмотрения своего предмета в «двойной перспективе» или, словами Ю.Л. Бессмертного, «двухслойного», «двуединого» видения прошлого⁴⁹. Ведь только так можно было приблизиться к недостижимому идеалу современных учёных – к истории общества как целостности. Новые варианты антропологического историописания основывались между тем на принципах плюрализма, сосуществования и взаимодополняемости всевозможных вариантов толкования прошлого. В. Хардвиг, например, констатировал, что в 1990-е годы нельзя говорить о существовании «интегрирующей» исторической науки, а все её течения являются «науками аспектов». Более того, на его взгляд, после того как «многобожие» М. Вебера, хотя и с некоторым опозданием, пришло в исторические изыскания, было бы непродуктивно возвращаться к какой-либо форме монотеизма⁵⁰. Глобальная перспектива анализа ассоциировалась с тем, что ни один из подходов не должен был исключаться или получать преимущества перед другими.

Хотя и безграничный плюрализм все более исчерпывал кредиты доверия, что особенно остро ощущалось в эмпирической практике. Уровень притязаний на постижение прошлого как целостной материи, сотканной из множества разноцветных нитей, значительно упал. Все чаще звучал вопрос, возможен ли

⁴⁹ Бессмертный Ю.Л. Проблема // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 2000. С. 8–20. См. также: Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1996.

⁵⁰ Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie... S. 26.

глобальный синтез и всегда ли необходима и результативна интеграция микро- и макроистории. Нельзя не отметить, по меньшей мере, трудности толкования прошлого одновременно в координатах двух переменных – времени и пространства. Столь же сложна оказалась проблема определения пропорции различных технических приемов изучения «маленького» человека в «большом» мире. Поскольку грань между ними чрезвычайно подвижна, попытки реконструкции целостной картины истории зависят от поставленных вопросов и необходимого для ответа на них оснащения. Существующий в гуманитарии опыт «единения» и взаимообогащения идиографии и номотетики еще раз продемонстрировал, насколько различны, а порою чужды друг другу, их модели познания. Надежды на сближение теоретико-методологических арсеналов истории и социологии, направленное ещё при становлении исторической антропологии на поиски «номотетически ориентированной исторической науки» и «идиографически исполненной социологии», оставались несбыточными.

Имеющая гносеологический характер проблема интегральной парадигмы, синтеза «двухслойных» компонентов бытия или его многоуровневой (как по вертикали, так и по горизонтали) реконструкции требовала формулировки универсального алгоритма, позволяющего структурировать единое целое как внутренне подвижную совокупность его различных компонентов. Иначе говоря, она требовала увязать друг с другом «хаос» и «закон», сформулировать один из вариантов «теории антихаоса». Ведь упорядоченная «система систем» не только включает в себя, казалось бы, беспорядочное поведение элементов, она, вместе с тем, находится в постоянной динамике, векторы которой столь же многообразны, как и трудноуловимы в своем единстве. Более того, рождение порядка из хаоса, придающее ей равновесие, происходит в ней где-то на их грани, причем в каждой подсистеме по своим правилам. Это делает задачи синтезирующих стратегий и преодоления бинарных оппозиций в историописании трудноразрешимыми и ставит ученых перед необходимостью радикального пересмотра своих фундаментальных категорий и понятий. Основные траектории эпистемологической саморефлексии исторической науки Германии на пороге XXI века ярко проявились в сфере антропологических изысканий, что и предстоит продемонстрировать в отдельном исследовании.

Д.М. Володихин

«ПРИЗРАК ТРЕТЬЕЙ КНИГИ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИЗМ И «ГЛОБАЛЬНАЯ АРХАИЗАЦИЯ»

Во вводной статье к известному сборнику “New Perspectives on Historical Writing” Питер Берк посетовал на конфликт между двумя лагерями историков: макроисторики-структуралисты и... – как бы получше выразиться? – нарративщики¹ никак не хотят помириться. И для исторического познания это большая беда – с точки зрения Берка. Сколь много лишается процесс приращенния знания от дурных последствий означенного конфликта! Как хорошо было бы объединить достоинства тех и других в едином познавательном усилии! Вот например, сообщает Берк, в 1978 г. вышло две примечательных работы по истории «Великого восстания» в Индии в 1857 г. Первая из них принадлежит перу Кристофера Хибберта и написана в традиционной манере нарративщиков: красочно, с подробным описанием событий, но без обобщенного объяснения, почему все это происходит². Другую создал Эрик Стоукс, с тщательным анализом географии и социологии восстания, его локальных версий и т.п. Однако Стоукс не попытался реконструировать ход восстания с помощью полученных выводов. Если читать эти книги одну за другой, пишет Берк, перед очами непременно возникнет *призрак третьей книги* (“ghost of a potential third book”), которая объединила бы нарратив и аналитические практики, свела вместе отдельные факты и структурные изменения в обществе³.

¹ Первые у Берка – те, кто тяготеет к макроподходу, обобщениям, структурному анализу. Вторые – те, для кого в историческом труде изложение не менее, если только не более важно, чем анализ. Как правило, для них важнее история людей и событий, а не история социальных макроструктур и процессов.

² Вот что пишет Берк: “His book is... superficial in the sence of failing to give the reader much idea of why the events took place...” – New Perspectives on Historical Writing, ed. by P. Burke. 3 ed. Pennsylvania, 1994. С. 236.

³ Там же. С. 237.

Призраки, как бы ни любили их англичане, все-таки род нечистой силы. А нечистой силе свойственно морочить голову легковверным людям. И никакой интеллектуальный багаж от этого не спасает. Задумывался ли Берк: зачем и для кого нужна «третья книга»? Кто и с какой целью станет ее читать?

Тот же ученый ратует за синтез разнообразных подходов, за постепенное движение в сторону «тотальной истории», декларированной Броделем как генеральная цель исследовательских усилий историков⁴. Атомизация исторической науки, веерообразное расхождение ее отраслей все дальше и дальше друг от друга, вплоть до потери единого терминологического аппарата, единого языка, приспособленного для коммуникации между всеми историками, – кажутся большой бедой, тем, что следует постепенно, но решительно преодолевать.

Взгляды Берка представлены здесь в качестве примера, демонстрирующего настроение большой группы современных историков. Общий кризис исторической науки (и чуть ли не всех гуманитарных дисциплин, исключая сугубо прикладные) был ясно виден еще в первой четверти XX века (на него указывал Люсьен Февр). Сделавшись мэтром, Бродель через много лет после второй мировой войны пишет о кризисе, но уже не только в исторической сфере, – в общегуманитарных рамках. Постмодерн, «лингвистический поворот», странный, несколько извращенный триумф деконструктивизма и поиски “middle ground”, или третьего пути, были восприняты по-разному. Кем-то – как научная революция в гуманитарной сфере; кем-то, напротив, как предсмертная агония науки; кем-то как присвоение передовых философских и филологических идей для расширения поля собственно исторической исследовательской практики. В любом случае, кризис не прекратился, напротив, можно говорить о его усилении: целевая составляющая исторических исследований размылась еще более, жуткая заумь в текстах постмодернистов и деконструктивистов ускорила превращение истории из общественной дисциплины в кастовую, международное сообщество испытало затяжной и малопродуктивный в научном смысле методологический конфликт (впрочем, рано говорить о конфликтной ситуации в прошедшем времени).

В России марксизм надолго «подморозил» историю как науку, сберегая ее от большого кризиса. После 1991 г. на про-

⁴ Там же, с. 18–20.

тяжении нескольких лет держалась иллюзия, будто кризис исторической науки в нашей стране представляет собой нечто особенное, что он всего-навсего результат падения агрессивной монистической парадигмы, марксизм сменился плюрализмом, и со временем «все наладится». Но по истечении десятилетия совершенно ясно: гуманитарная сфера в России «приобщилась» к глобальному критическому состоянию, при том отягощенная грузом собственных проблем.

Собственно, суть кризиса состоит в том, что монистическая парадигма рухнула повсюду, но все те, кто желает видеть себя представителем фундаментального научного знания в исторической сфере, стремятся отыскать некое общее единство – если не на методологической, то хотя бы на методической основе⁵. Вот и

⁵ В глаза бросается несколько признаков кризиса исторической науки, во многом общих для всей гуманитарной сферы.

– отрыв гуманитарных штудий от массовой аудитории породил ответное падение интереса массовой аудитории к историческим, филологическим и философским исследованиям;

– бесконечное дробление гуманитарных дисциплин в десятки и сотни феодальных владений поставило не только проблемы затрудненной коммуникации, не только проблемы распада метауровней науки и редукции синтетического творчества; страшнее утрата добротного прагматического отношения к исследованиям и замена его на попрошайничество. Узкому специалисту-гуманитарию надо тысячу раз доказывать, что он на что-то годен, кому-то необходим, что его кто-то знает и ценит за пределами тесной группки единомышленников;

– очевидное нарастание дурного релятивизма: если ничто не образец, то неправильно всё; если в начале XX в. релятивизм был мукой профессоров, то теперь он превращается в позу неучей;

– потеря генерального смысла исследовательской работы – чрезвычайно высокий процент историков, не успокоившихся на том, что их работу оплачивают, задают себе универсальный вопрос: «ради чего я сижу здесь и решаю эти головоломки?». Возможны варианты: «Мне говорят, никто кроме меня так точно не переведёт эти саги на русский язык, но кому они интересны мои переводы?»; или: «Архивные материалы, подготовленные мною к печати, могли бы дать много нового, но никто не берется их издавать, поскольку непонятно, кому они нужны, и я тоже начинаю так думать»; или: «Защитить диссертацию – это значит потратить добрых два-три года жизни, доказывая всем, что ты не осел; нет смысла»; или: «Мне нравится заниматься аграрной историей русского средневековья, ни на что другое я не годен, а больше никакого смысла здесь нет». Гуманитарий полностью выпадает из смыслостроительства, он всё больше уходит в механистичное «делание вклада», «дальнейшее развитие темы», «конкретизацию определения», в бесконечное затыкание «еще слабо изученных» дыр.

бродит по ученому миру «призрак третьей книги», беря раны. Как много призывов к творческому синтезу! Как много мечтаний объединить чуть ли не принципиально противоположные методики в нечто универсальное, в некий «глобальный синтез», «тотальную историю», где учитывалось бы максимально возможное количество аспектов на максимально большом фактическом и структурном материале! Сколько было сделано ставок на монистическо-универсалистскую реставрацию! И, разумеется, на сохранение прогностической функции: объяснить настоящее, предсказать будущее. Последняя из них к настоящему времени – попытка применять синергетические паттерны в исторических исследованиях. Впечатление таково: разорвалась завеса в храме науки, и сотни штопальщиков с иглками в руках кинулись зашивать ее... Ан нет, не спасают заплатки. Чем дальше, тем больше расплывается в клочья ткань исторической науки⁶.

⁶ Если следовать логике Т. Куна, кризис должен бы исчерпываться сменой парадигм. Но это у них, у естественников. У нас, гуманитариев, дисциплины более консервативны, «свергнутое» чрезвычайно долго сосуществует с «победившим», вызывает ностальгическую приязнь и норовит совершить контрреволюцию. О чистой научности всей гуманитарной сферы смешно было бы и говорить: что ни возьми – историю, филологию, философию – всё сколько-нибудь да тяготеет к изящной словесности, к искусству, рационализм здесь всегда соседствовал с иррационализмом. Кроме того, гуманитарий всегда и неизменно ближе естественника к политике и в большей мере испытывает давление, «внешнего фактора» – социальной сферы в общем и менеджмента в частности. Физику творит лаборатория; историческую науку чрезвычайно часто творит митинг, собрание диссидентов или указ босса. Во время социальных катаклизмов таблица Менделеева не свертается, но господствующий тип философии и методологии истории может подвергнуться масштабной коррекции. Так что Кун плохо работает в гуманитарной сфере. Для XIX – середины XX вв. в гуманитарной сфере, и в частности в истории, можно было говорить о смене парадигм; но затем в методологии на смену последней цветущей парадигме баденского неокантианства пришел плюрализм, а не что-нибудь конкретное. Здесь и «Анналы», и Кроче, и Коллингвуд, и мощная англо-американская традиция прагматизма и беллетризированной истории (Гекстер) и нынешние «новые правые» во Франции (эстетизированная история), и микроистория (сама уже расплывшаяся на несколько ветвей), и квантитативная история, получившая совершенно самостоятельное значение. Совершенно как у нас в России 1990-х, только на полстолетия или на несколько десятилетий раньше. Это означает следующее: во-первых, в гуманитарной сфере понятие кризис не обязательно связано со сменой парадигм, во-вторых, кризис возможен как при наличии единого метода, так и при его отсутствии, в условиях плюрализма.

В чем стержневая причина общего кризиса?

Наука представлялась на протяжении долгого времени и до сих пор многим представляется явлением вечным, да еще статичным до такой степени, что ею как будто управляют неизменные базовые закономерности. Между тем, даже в отношении законов, открытых для описания мира физиками и прочими естественниками, никем никогда не была доказана вечность и неизменность. Как знать, не проходит ли Вселенная время от времени через полосу смены всех констант? Ведь человечество занимается систематическим наблюдением за миром на протяжении всего лишь нескольких веков. Тем более наука, новообразование, в эпоху позднего Средневековья пребывавшее еще в состоянии младенчества, не может претендовать ни на бессмертие, ни на постоянство собственной сущности, ни даже на сохранение когда-то принятой самоидентификации⁷.

Вряд ли можно рассматривать современную науку как самодостаточное явление. Здесь дело не только в том, до какой степени ее состояние связано с общим состоянием социума. Гораздо важнее иное. Логика развития науки в целом (т.е. совокупности ее естественных, точных и гуманитарных составляющих) подчинялась логике более глобальных процессов. Динамическая метафора научного сектора цивилизации такова: с самого зарождения того, что в наши дни именуют наукой, и до настоящего времени научный сектор напоминал и напоминает ребенка в материнском чреве. Мать вольна в своих поступках, она контролирует ситуацию за двоих, и зародыш во всем зависим от материнского организма. Если материнское тело подверглось механическому, химическому, бактериологическому, тепловому и др. воздействию, зародыш подвергнется ему совершенно так же, даже не сознавая собственной беспомощности в этой ситуации. Ему не дано осознать отсутствие малейшего шанса «уйти из-под удара» по своей воле. Но зародыш развивается, и ему не суждено остаться навеки там, где он вырос из оплодотворенной яйцеклетки. Либо ему суждена жизнь в совершенно иной форме – в форме человеческого детеныша, либо смерть: выкидыш, аборт... Так и с наукой. Она растет и развивается, не осознавая

⁷ Всеуму великому зданию науки от роду лишь несколько столетий. Наука все пытается утвердить свои корни то в античной натурфилософии, то в алхимии, но ее ли это корни? Боюсь, это не так уж легко доказать. Более того, нет никаких железных доводов в пользу того, что через сто или, тем более, двести лет наука будет все еще существовать.

полной своей беспомощности по отношению к факторам, воздействующим на «материнское тело».

Что играет роль тела-носителя для науки? Предположим, существует глобальная интегральная программа переустройства мира, включающая политическое, экономическое, социальное, но прежде всего – мировоззренческое изменение его тысячелетних основ. Наука играет роль одного из важнейших инструментов подобного переустройства. Во-первых, с точки зрения чисто прикладной: какой колоссальный прирост материального комфорта был получен за счет науки на протяжении последних трех веков! Трудно отказаться от таких даров. Во-вторых, наука должна была полностью заместить обязательную для традиционного мировосприятия сакральную составляющую, трансценденцию, если угодно, и сыграть роль строительного материала для модели мироздания антитеистической конфигурации. Характерный для европейского Средневековья мировоззренческий теоцентризм естественным образом порождал провиденциализм – христианский вариант традиционного восприятия истории. Разрушение Традиции, борьба с христианством, модернизация европейских социумов сократили ту «ментальную территорию», которую прежде занимал провиденциализм. Философы эпохи Просвещения заменили веру в волю Божию как основной двигатель исторических процессов на веру в некие непознанные законы общественного развития (сущностно уподобленные законам, по которым устроена и развивается природа). Впоследствии сформулировать эти законы так и не удалось, поскольку не нашлось ценностной или хотя бы аксиоматической, говоря языком математики, почвы, на которой удалось бы примирить философов – интерпретаторов всемирного исторического процесса. Но одна очень важная для программы глобальной «коррекции» задача была все-таки выполнена: деструктивное воздействие на традиционную модель восприятия истории придало провиденциализму в глазах основной массы образованных людей статус экзотической архаики. Это произошло уже в XIX столетии.

Роль истории как познавательной практики, предназначенной для формулирования крайне обобщенных паттернов человеческого развития в ретроспективе (а для больших оптимистов – и в перспективе) – это роль винтика в одной большой хорошо отлаженной машине или, может быть, одного из органов в теле зародыша. Ее основной функцией на протяжении всего периода Нового времени был *не анализ, а дидактика*. Научение мира новому взгляду на мир.

Парадоксально, но факт: современные учебники национальной истории в европейских странах, СНГ и России в очень значительной степени зависят от нарративных памятников исторической мысли донаучного периода. Любое новейшее пособие по русской истории до XVIII века прочно связано с летописью. Фактически основной материал для создания истории всего периода до Нового времени был собран до Нового времени и перешел от летописцев к академическим исследователям для так называемой научной критики источников и декларируемого пересоздания или даже реконструкции связного изложения исторического прошлого. Но в результате «научная критика» имплицитно вернулась к средневековым нарративам. Самой большой заслугой исторической науки Нового времени в смысле прямого прироста знания оказалась... история самого Нового времени. Но исторические тексты, принадлежащие к донаучному периоду историописания, прошли не только (а в ряде случаев не столько) многослойные обряды источниковедческой критики – в большей степени они подверглись обработке дидактического характера. Между летописями-хрониками-анналами и непосредственным интеллектуальным потребителем такого рода текстов встал историк, «очищавший» источник от «родимых пятен провиденциализма» и подававший его в обрамлении антиитеистических, модернизующих традиционное мировосприятие комментариев.

Настоящая проблема, настоящий сбой «на историческом фронте» программы глобальной «коррекции» проявился в XX столетии. Дело в том, что прежний центр мироздания был совершенно ясен для миллионов людей. Бог он и есть Бог, христианство не позволяет прибавить к нему что-либо или отсечь лишнее... В XVIII–XIX вв. общество могло удовлетвориться призрачным, до конца никем не понятым обитателем прежнего места Творца в мировой истории. Закон – он есть. Его познают. Вот уже не один век. И пора бы познать. А он все не познается и не познается. Плюрализм в историческом познании означает диаметрально противоположные вещи, если судить о разных «этажах» исследовательской практики. На техническом и методическом планах он просто необходим. На методическом и историко-философском планах он означает беспомощность науки в сфере генеральных обобщений, глобального синтеза. Так вот, плюралистическое отношение к определению основной движущей силы исторического развития, многофакторные построения позитивистов свидетельствуют о глубочайшем гносеологическом кризисе. Не может человеческая цивилизация

развиваться одновременно по разным законам и не могут быть факторы развития равновеликими. И цивилизация, и факторы - абстрактные понятия, а не живые существа, им политкорректность и академическая этика не присущи по определению...

Когда нет того самого универсального Закона, историческое познание разбивается на десятки ветвей. Проблема непознанный Закона превращает святое место в «двигательном центре» человеческой истории то ли в пустыню, то ли в подобие колхозного рынка. Такова внутренняя причина всеобщего кризиса исторической науки.

Возникает вопрос: так что же с внешним состоянием системы? Почему интегральная корректировочная программа, контролирующая, как мы предположили, активность академических историков всего мира, допускает подобного рода кризис?

Естественно было бы начинать поиски ответа на этот вопрос, прежде решив иную проблему: завершила или нет свое действие программа глобальной корректировки? Если да, то какие результаты достигнуты – произошла ли необратимая перестройка мировой системы социумов, или, напротив, выдохлась и потеряла четкую ориентацию сама программа? В первом случае историческая наука и вся сфера гуманитарных штудий утрачивают изначально заложенную в них миссию; им следует поискать иную: в чем-то, быть может, переквалифицироваться, как переквалифицируются какие-нибудь безработные шахтеры, докеры или металлисты, специальность которых больше не нужна на рынке труда. Во втором случае... примерно то же самое. С тем лишь отличием, что появляется шанс сформулировать социокультурную миссию для ученых-историков на основе Традиции, об которую, теоретически, все-таки обломала зубы корректировочная программа. Если же работа программы не завершена, появляется целый диапазон версий по поводу дальнейшей судьбы научной истории. Например так: потенциал научной дидактики, созданной для воздействия на общество, исчерпан, и в дальнейшем планируется перейти к иным инструментам информационного влияния. Тогда мы возвращаемся к первым двум вариантам. Или, скажем, так: программа продолжает действовать, но внутри появился сбой (и быть может, не один), очевидная слабинка. Тогда, скорее всего, нынешнее положение, а именно паттерн тихого и долгого распада структур исторической науки, будет «долгоиграющим». Процесс затянется. Историки обречены без конца совершенствовать уже существующее и преподавать адаптированный вариант набора общепринятых

схем. Позитивное решение проблемы «сбоя» может быть достигнуто только за счет явной смены функциональной ориентации исторической науки со всей ее инфраструктурой и кадрами; но для этого должны резко измениться сама программа и социальная среда, в которой она действует, а такие изменения вряд ли можно просчитать даже ориентировочно, находясь, так сказать, вне управляющего ядра программы... Наконец, еще одна версия: сама программа производит целенаправленный сброс мира историков и всей исторической науки в «корзину», иначе говоря, отстыковывает ступень для «продолжения полета», и потому будет вести целенаправленную агрессию против собственного конструкта, который раньше был полезен, а теперь стал в чем-то опасным, вредным для общего замысла. Здесь для историков опять-таки логичнее всего возвратиться ко второму варианту.

В итоге, помимо совершенно непредсказуемых вариантов, а также таких, которые предусматривают искусственную консервацию современного положения дел (тихий распад), историк остается перекавалификация или осознанный возврат к Традиции. Либо «вперед, к Геродоту», либо «назад, к Нестору». При наилучшем исходе, и то, и другое одновременно.

Что это означает на практике?

Прежде всего следующее: за неприкладные исторические исследования перестанут давать зарплату. Почти или даже совсем. Нашумевший доклад М. Бойцова («Вперед, к Геродоту!») пронизан пониманием неотвратимо надвигающихся перемен в академической науке. «Тот конкретный, весьма специфический вид исторического знания, который принято называть исторической наукой, и который преобладал в Европе в XIX в., – пишет Бойцов, – уже не переживает кризис – он давно умер...»⁸. Не то чтобы на самом деле умер, хотелось бы внести коррективу, а просто стал дряхлым дедушкой. Редко кто вспоминает, что после возраста зрелости следует не гибель, а старость, и период старости может быть длиннее всего прочего в судьбе людей, цивилизаций, общественных институтов, наук... Многие тысячи людей по-прежнему в основу собственной исследовательской практики ставят старый добрый дискурс, какую-нибудь звонко поименованную методологию полувековой давности, т.е. стараются всеми силами сохранить строго *научные формы* своей работы. Причем в любом виде: позитивистском, деконструктивист-

⁸ Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Историк в поиске. М., 1999. С. 151.

ском, постмодернистском... – все равно, лишь бы это считалось доподлинной наукой. Академическая инфраструктура жива и проявляет порой чудеса бодрости и жизнеспособности. За счет одного ее существования мир научной истории может в нынешнем виде протянуть еще достаточно долго. Кроме того, общество, где-то по инерции, а где-то вполне осознанно выделяет немалые средства на поддержание жизни в угасающем теле. Финансовые вливания текут реками и ручейками из государственной казны и, по образному выражению того же Бойцова, из «космополитических фондов». Пока «крантик» не прикручен окончательно, тело будет, холодея, жить, числясь полноправным гражданином даже тогда, когда от летального исхода его будут отделять лишь бессвязный бред и отсутствие эвтаназии. А то, что «прикручивание» уже началось, очень хорошо видно по примеру России: как-то уж очень аккуратно отсчитывает правительство деньги по бюджетной статье «фундаментальные исследования»... Именно в эту пошлую обыденность упираются все методологические полеты во сне и наяву: *кто финансирует и сколько дает, а не что-нибудь иное*⁹. Нет ни малейших причин надеяться на то, что в будущем наш цех станут финансировать лучше. Более того, пока что очевидна совершенно противоположная тенденция. Спорить с нею бессмысленно, поскольку историкам никто и никогда не даст права голоса при решении вопроса о финансировании историков. Стоит поискать источники менее фундаментальные и устойчивые, но вполне доступные. А это означает – прежде всего перейти на прикладные работы и, в частности, отказаться от профессорского монологизма в пользу настойчивого поиска диалога с аудиторией. Потягаться за читателя с иными нишами книжного рынка – это весьма перспективный путь зарабатывания на хлеб. Мир историков-профессионалов уже достаточно давно находится в полосе выживания, а не процветания. На Западе до подобного состояния вещей добрались несколько раньше, у нас – несколько позже, сути это не меняет.

Механизм дробления опять-таки связан с адаптацией сообщества историков к современным условиям материального обеспечения науки. Личность или группа успешно раскручивает

⁹ Блистательный урок понимания интимного и весьма сильного притом характера связи между финансированием и научной методологией (более того, научной идеологией) преподал «анархист» П. Фейерабенд. См., напр.: *Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания.* Благовещенск, 1998. С. 6–12.

какую-нибудь методологическую новинку или же оригинальную интерпретацию эмпирики. Здесь есть свои правила игры, прежде всего, определенная двойственность: новый интеллектуальный продукт оказывается признан в среде профессиональных ученых по одним параметрам, а в среде многочисленных любителей или, еще шире, значительным сектором социума, – по совершенно другим. И для полного признания нужно и то, и другое, и третье. После того как признание произошло, интеллектуальный продукт становится брэндом, который выгодно продавать, т.е. получать под него гранты, повышать социальный статус, писать книги и брать за них приличные гонорары и т.п. Чем больше выгоды сулит эксплуатация подобного брэнда, тем многочисленнее ряды последователей и учеников разработчика (разработчиков). Иными словами, мир историков постепенно (и не афишируя этого) принял своеобразную версию стратегии, общей для шоу-бизнеса, современной массовой литературы, кино, видео... этот ряд нетрудно продолжить. Но ведь ни в шоу-бизнесе, ни в литературе нет никакого единства, и это никого не беспокоит. Напротив, каждая группа выходит на арену всеобщей конкуренции со своими заготовками, со своими амбициями, со своими ресурсами. Даже цели у таких групп могут быть диаметрально противоположными. Кому-то достаточно хорошего заработка. Кто-то жаждет славы. Чей-то приоритет – повлиять на общественное мнение определенным образом, вложить в сердца людей новые ценности или повернуть их лица к ценностям очень старым. В мире научной истории – все то же самое. Поэтому ни о каком единстве не может быть и речи. Каждая группа (одиночка) самостоятельно разрабатывает тактику и стратегию продвижения своих брэндов, самостоятельно решает кадровые вопросы, самостоятельно организует отпор прессингу со стороны ближайших по занятой нише конкурентов. А проблема творческой самореализации самым естественным образом принадлежит разумению и способностям отдельных личностей. Здравое отношение к переквалификации означает отнюдь не стремление к единству, а напротив, поиск способа, как отколоться от всяческих крупных аморфных объединений со слабовыраженной самоидентификацией максимально ярко, эффектно, предлагая коллегам новую четкую идентификацию с заранее заложенными в нее элементами автопрезентационного назначения.

С этой же точки зрения, стремительное распространение микроподхода в исторической науке – исключительно позитивное явление. Микроподход диалогичен, т.е. по сути своей мно-

го ближе к прикладной практике. До последнего времени большинство сторонников микроистории старалось сохранить, хотя бы номинально, методологическую связь со «старшим братом» (макроподходом), например, на уровне включения результатов микроисторических исследований в некую новую социальную историю, сочетающую единичное и общее, локальное и глобальное наподобие сочетания бекона и хлеба в сэндвиче. С одной стороны, в этом видна инерция теоретической мысли: микроподход легко может существовать без макроподхода, а вот о последнем такого не скажешь¹⁰. С другой стороны, относительно молодое (особенно если говорить о России) научное направление обязано мимикрировать в соответствии с местными максимами академического этикета. Если, конечно, инстинкт самосохранения работает, как надо. А он работает. Надо полагать, с течением времени концепт нерасторжимой связи с макроподходом потеряет силу и отойдет в прошлое за ненадобностью.

Как бы ни отвратительно это звучало для уха профессионального историка, его ремесло в настоящее время обязано быть конкурентоспособным на рынке интеллектуальной развлекательной продукции. Поскольку именно из этого сектора человеческой активности будет исходить угроза жизненному пространству истории и историков. Примером такой угрозы является фолк-хистори – литература, в которой исторические факты подстроены под произвольно взятую идею так, чтобы получившуюся мешанину можно было представить как своего рода шоу. Соответствие исторической действительности не столь уж важно в фолк-хистори. Важнее «продаваемость», чисто маркетинговые характеристики продукта. Столкновение фолк-хистори с трудами академических историков на книжном рынке чаще приводит к вытеснению и даже отрицанию последних, чем наоборот. Так, труды А.Т. Фоменко и его сотрудников де-факто отобрали у историков-ученых значительный сектор их аудитории¹¹.

Таким образом, «переквалифицируясь», историку придется познавать не только предмет его исследований, но и законы

¹⁰ Псковской летописи не нужен учебник по русской истории, она и без него востребована, а вот учебник без синтеза локальных результатов историко-познавательной деятельности не обойдется, он в принципе синтетичен.

¹¹ Володихин Д.М. Феномен фольк-хистори // Отечественная история. 2000. № 4; Антифоменко. Сб. РИО. М., 2000. Т. 3 (151); История и антиистория: Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. М., 2000.

рынка, способы «раскрутки», правила имиджевых игр, учиться использованию средств массовой информации в борьбе с конкурирующими интеллектуальными продуктами. Слабым и нежизнеспособным окажется то академическое учреждение или то высшее учебное заведение, где руководство не сумеет завести рекламно-информационный отдел.

А теперь о возврате к Традиции... Весь расположенный выше текст представляет собой настоящий погребальный гимн синтезу в исторической науке. Тем не менее, возможность нового обретения синтеза существует. Хотя бы теоретически. Она связана с переводом всей науки, а прежде всего – гуманитарных исследований *на рельсы иной программы*. Имеется в виду отказ от целого ряда великих иллюзий Нового времени и замена несущих интеллектуальных и духовных концептов на те, которые управляли человеческой цивилизацией до наступления Нового времени. Своего рода *глобальная архаизация*. Это не означает копирования порядков и строя мысли XV столетия. О, нет, утопия, перенесенная в прошлое, остается утопией. Но некоторые, самые общие составляющие Традиции вечны, поэтому способны «работать» в любом веке, принимая, быть может, весьма модернизированный вид в своих конкретных проявлениях.

Прежде всего, современное научное знание антропоцентрично до мозга костей¹². Состояние человеческого общества объясняется ходом развития человеческого общества; в лучшем случае иногда принимаются во внимание «природные условия», «географическая среда» и т.п. Но для этого в центр любых гуманитарных разысканий некогда нужно было поставить человека и социум. Конечно, эта своеобразная методологическая подмена принадлежит Новому времени. До того Традиция ставила в положение, доминирующее над социумом (и уж тем более над отдельной личностью) *сверхценность*. Для средневековой Европы, например, такой сверхценностью был Бог, как видели и понимали его христиане. Для иных цивилизационных механизмов роль сверхценности могли играть иные доминанты. Скажем, в рамках Китайской цивилизации такой сверхценностью служил и в значительной степени до сих пор служит конфуцианский Ритуал. Воздействие сверхценности на социум в понимании человека, принадлежащего к традиционному обществу, и является высшей санкцией и наиболее значимым фактором развития

¹² Возможно, правильнее было бы сказать: социоцентрично.

данного социума. Борьба различных сверхценностей за преобладание на одной территории обретает в его глазах вселенское значение. Для современного человека, с его универсализмом и скептическим настроем по отношению к любой ценности, претендующей на приставку *сверх-*, подобная иерархия неприемлема или, по крайней мере, до крайности нежелательна. Можно сказать, неприятна. Но в нынешнем гносеологическом тупике методологический традиционализм открывает возможность интегративных программ познания и реабилитирует синтез. Выбрав актом сознательного воления причастность к полю доминирования определенной сверхценности¹³, историк в дальнейшем получает возможность совокупного анализа всех процессов, идущих в социуме, как многогранной игры влияний и контрвлияний различных факторов развития в рамках преобладающего, векторобразующего влияния сверхценности, влияния, которое пронизывает социум от корней до кроны¹⁴.

При этом природа самой сверхценности может определяться как непознаваемая (во всяком случае, научными методами). Для адекватного изучения исторических процессов и построения обобщенных социокультурных паттернов важнее не то, как функционирует сверхценность, а сам факт ее влияния на социум и познание механизмов этого влияния¹⁵. Если современный научный метод строится ярусами – на верхнем из них располагается такая онтология мира, которая придает смысл научной гносеологии; ярусом ниже стоит методология в самом обобщенном, генерализованном смысле этого слова¹⁶; еще ниже методика; и, наконец, непосредственно практическая техника исследований, – то и в случае развертывания парадигмы глобальной архаизации «ярусность» не пропадет, просто верхний ярус вместо логической конструкции займет сверхценность: она станет источником и новой онтологии, и высшей критериологии. При этом возможно воскрешение некоторых традиционных методов изло-

¹³ Причастность к какой-либо сверхценности возможна только в силу сознательного выбора или же наследования (как это бывает в основном в классических традиционных обществах).

¹⁴ И, разумеется, борьбы конкурирующих сверхценностей, если подобная конфликтная ситуация имеет место в данном конкретном случае.

¹⁵ Если, конечно, природа сверхценности в принципе позволяет познание этих механизмов.

¹⁶ На этом ярусе методология может быть единой для нескольких разных научных дисциплин.

жения, структур исторического повествования. Теоретически не исключено, например, восстановление хроникальной (летописной) подачи истории, учитывая, конечно, ту разницу, которую вносят, по сравнению со средневековым нарративом, основы источниковедческой критики. De visu уже очевидно оживление древних нарративных стратегий: притчи (замаскированной под монографию или научно-популярное издание) и биографии¹⁷.

Не приведет ли движение исторической науки в сторону «переквалификации» и глобальной архаизации к совершенной утрате понимания того, чем является занятие историка-ученого? С одной стороны, постмодернизм, деконструктивизм и «лингвистический поворот» доведут историю до могилы намного скорее. С другой стороны, существуют определенные, хотя и несколько расплывчатые критерии приемлемости добытых исследователем сведений для введения их в оборот в рамках научной, а затем и любой другой подсистемы исторических знаний. И это вне зависимости от формы и языка их изложения. Иными словами, то, что соответствует этим критериям, может быть «принято» в мир научной истории. Таких критериев два: во-первых, фальсифицируемость, т.е. возможность проверки одним историком выводов другого по источникам; во-вторых, и главное, уровень овладения «ремеслом». У историков достаточно специфических методов повседневной практики, поэтому в арсенал специалиста входит целый ряд источниковедческих, археографических, палеографических, археологических и др. приемов специальных исторических дисциплин. Например, определение подлинности средневекового документа по филиграммам (бумажным водяным знакам); или текстологический анализ летописных известий; или умение читать стратиграфию археологического раскопа. Не имея подобных знаний, или не умея их применить в практической работе, историк явным образом предъявляет качество своих научных трудов. Здесь просится аналогия с ремеслами, где непрофессионализм очевиден для всех и каждого. Криво прибитый каблук, незалеченный зуб или кафельная плитка, имеющая тенденцию каждую неделю обрушиваться в ванну... Халтура в ра-

¹⁷ Собственно, это вполне естественно для Европы и России, поскольку «христианская культура персоналистична», и пока она существует, в историческом повествовании будет доминировать модель, ориентированная на биографизм (Кизюков С. Типы и структура исторического повествования. М., 2000. С. 130). Собственно, выпуск сборника "Персональная история" (М., 1999) был своего рода экспериментом в этом направлении.

боте историка может быть обнаружена с наименьшей очевидностью. Фундаментом, первоосновой исторической науки являются ремесленные знания историков. Именно на них, на «чистой технике», основывается все остальное, именно они делают историка историком, – а не методологический монизм строго определенного толка и не характер изложения.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть: глобальное «изменение формата» для научной истории, видимо, – дело нескольких десятилетий. Весьма вероятно, оно коснется всей сферы гуманитарных исследований. Автор этих строк попытался обозначить несколько путей, по которым может идти адаптация мира историков к новой ситуации в обществе. Возможно, существуют принципиально иные пути. Возможно, стоило бы уделить побольше внимания анализу современных теоретических новинок. Возможно также, стиль этого текста будет «резать ухо» читателю, привыкшему к более академической манере изложения. Все это возможно. Точно только то, что обсуждение будущего нашего ремесла катастрофически запаздывает. Дороги не видно, указатели сошли с ума, колея упирается в темный лес. Двигаться по инерции сколько-нибудь долго – уже невозможно.

ИСТОРИКО–ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ XX ВЕКА

А.В. Антощенко (Петрозаводск)

«ЕВРАЗИЙСКИЕ ИСТОРИИ» Г.В. ВЕРНАДСКОГО

Сегодня имя Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973) известно отечественным историкам не хуже имени его отца, выдающегося естествоиспытателя, автора теории «ноосферы», академика Владимира Ивановича Вернадского. Хотя несколько лет назад с работами Джорджа Вернадского, признанного «патриархом русских исследований в Соединенных Штатах», были лучше знакомы за океаном, чем у него на родине. В настоящее время переведены на русский язык и изданы в России его основные работы, стали появляются первые историографические исследования его творчества.

Выпускник Московского университета, Г.В. Вернадский формировался как историк в рамках московской исторической школы, лидером которой был В.О. Ключевский. Затем, после переезда в Петербург, он оказался в кругу столичных исследователей прошлого, признанными авторитетами среди которых были С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский. В эти годы появились в печати его первые работы, но полностью реализовать свои способности он смог лишь вдали от родины, поскольку после поражения антибольшевистских сил в гражданской войне эмигрировал сначала в Константинополь, затем в Афины, а позже в Прагу¹. Годы, проведенные в столице Чехословакии (с 1922

¹ См. о жизни Вернадского до и в начальный период эмиграции его воспоминания: *Вернадский Г.В. Из воспоминаний. Годы учения.* С.Ф. Платонов // *Новый журнал.* 1970. Кн. 100. С. 196–221; *его же.* Пермь–Москва–Киев. *Воспоминания* // Там же. 1971. Кн. 104. С. 177–199; *его же.* Крым. *Воспоминания* // Там же. 1971. Кн. 105. С. 204–224; *его же.* Константинополь, 1920–21 г. *Воспоминания, часть III* // Там же. 1972. Кн. 108. С. 202–217. См. также биографические очерки: *Halperin Ch.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1985. Bd. 36. Chapter 1. The

по 1927) составили важный период его жизни. Здесь Вернадский возобновил свою преподавательскую деятельность (на Русском юридическом факультете), активно включился в исследовательскую работу в семинаре специалиста по средневековому русскому искусству Н.П. Кондакова (позже преобразован в институт), наконец, начал сотрудничество в евразийских изданиях.

Американский исследователь Ч. Гальперин отмечает парадоксальную, на его взгляд, ситуацию. По кругу общения на факультете и в семинаре, по характеру публикаций, связанных с его преподавательской и исследовательской деятельностью, Вернадский был далек от евразийства, но в то же время участвовал в изданиях последних². В этой связи Гальперин справедливо ставит вопрос: почему Вернадский оказался в числе постоянных участников евразийских изданий? Тем более, что знакомство с Трубецким было кратковременным³, а политическая деятельность евразийцев его не увлекала. Ответ на «загадку» в рамках традиционного историографического подхода, когда существенным является выявление интенции историка, можно свести к указанию на ряд причин-мотивов.

Еще задолго до встречи с евразийцами Вернадский сформулировал некоторые положения, схожие с их доктриной, что отмечено Гальпериным и отечественной исследовательницей Н.Н. Алеврас⁴. Уже в ранних статьях молодой историк оценивал установление монгольского ига как важнейшее событие истории России, обеспечившее успех колониационного движения русских на Восток, превратившего ее в империю, равно принадлежащую Европе и Азии⁵.

Другая часть ответа – личные взаимоотношения Вернадского и одного из лидеров евразийства П.Н. Савицкого. Опять

History of a Historian; *Соничева Н.Е.* Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) // *Историки России XVIII–XX веков.* Вып. 2. М., 1995.

² См.: *Halperin Ch.J.* Russia and the Steppe... P. 69–73.

³ Трубецкой уехал в Вену в 1922 г.

⁴ См.: *Halperin Ch.J.* George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // *The Slavic Review.* 1983. Vol. 41. P. 478–480; *Алеврас Н.Н.* Г.В. Вернадский и П.Н. Савицкий: Истоки евразийской концепции // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия.* Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 121–124.

⁵ См.: *Вернадский Г.В.* О движении русских на восток // *Научный исторический журнал.* 1913. Т. 1. Вып. 2. С. 52–61; *его же.* Против солнца. Распространение русского государства к востоку // *Русская мысль.* 1914. Кн. 35. Ч. 1. С. 56–79; *его же.* Государевы служилые люди в Восточной Сибири XVII в. // *ЖМНП.* 1915. Кн. 55. Ч. 1. С. 332–354.

же Гальперин замечает, что даже после отъезда первого в США между ними продолжалась интенсивная переписка. Георгий Владимирович был восхищен Савицким, который развивал в теории «номогенеза» идеи его отца о «ноосфере». Тем самым, Вернадский, используя сформулированное Савицким понятие «месторазвитие», имел возможность приобщиться к научной традиции, заложенной высоко им чтимым отцом.

Приведу еще одно соображение. В своем стремлении создать целостное евразийское учение родоначальники движения желали, чтобы через призму евразийского миропонимания прошли все аспекты действительности. Понятно, что история была в их числе. Поэтому практически одновременно на страницах евразийских изданий появились работы историков П.М. Бицилли, Г.В. Вернадского и М.В. Шахматова. Статья Бицилли ««Восток» и «Запад» в истории Старого Света» была не только первой по времени публикации в евразийских изданиях, но она очень точно соответствовала идее Трубецкого о необходимости преодолеть европоцентризм («эгоцентризм» романо-германских народов⁶) во взглядах на мировую историю и, более того, выдвигала положение о роли степи для Старого Света, как передатчика культурных влияний. Эту мысль «подхватил» в том же сборнике Савицкий в статье «Степь и оседлость». В ней автор дополнил свою более раннюю характеристику географического единства евразийского континента культурным, создаваемым именно подвижностью кочевников. Казалось, что дальнейшее сотрудничество будет плодотворным. Однако, как замечает А.В. Соболев, Бицилли претендовал на *самостоятельную роль* в движении, на что его патриархи не могли согласиться⁷. Поэтому академически выдержанная статья «Католичество и римская церковь» в сборнике «Россия и латинство» стала последней публикацией историка в евразийских изданиях (замечу в скобках, что академизм статьи Бицилли не соответствовал антикатолическим эмоциям, выплеснутым на страницы издания Трубецким). Идеи Шахматова о подвиге власти и государстве правды как политических идеалах

⁶ См.: Европа и человечество. София, 1920 и разъяснение замысла книги в письме Р.О. Якобсону: Trubetzkoy's Letters and Notes. Prepared for publ. by R. Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen and M. Taylor. The Hague, 1975. P. 15–16. О влиянии книги на оформление евразийства см.: Riasanovsky N.V. Prince N.S. Trubetskoy's «Europe and Mankind» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1964. Bd. 12. H. 2. P. 207–220.

⁷ Соболев А.В. Своя своих не познаша. Евразийство: Л.П. Карсавин и другие (Конспект исследования) // Начала. 1992. № 1. С. 52.

в Древней Руси и в Московском государстве вполне вписывались в евразийскую концепцию⁸. Однако они не были центральными, точнее – системообразующими элементами (или концептами) евразийских теоретических построений. Не удивительно поэтому, что после того, как в 1926 г. Шахматов заявил о своем разрыве с евразийством на страницах газеты «Возрождение», он смог строить вокруг них собственную теорию «самобытничества», отличную от евразийства⁹. Так у евразийцев остался единственный эксперт по вопросам истории – Вернадский. Причем его интеграция в евразийскую концепцию была постепенной.

Традиционный историографический подход, направленный на изучение складывания концепции истории России–Евразии, требует в данном случае использования генетического метода, что предполагает рассмотрение работ Вернадского, помещенных в евразийских изданиях, в хронологическом порядке и выявления положений, которые обеспечивали интеграцию его исторической концепции в систему взглядов евразийцев. Следование по этому пути приведет, в конечном итоге, к вопросу об оценке. И здесь кроется опасность идеологизации, чем грешат как те, кто опровергает отдельные положения или евразийскую концепцию в целом с либеральных позиций, так и те, кто готов развивать утверждения евразийцев применительно к современным условиям. К тому же число аргументов pro и contra множится, так как на каждый довод одних всегда находится контраргумент других. Так что спор не только продолжается¹⁰, но и нескончаем.

«Выпрыгнуть» из «ситуации пата» может позволить изменение плоскости видения проблемы. Такую попытку предпринял Ф.И. Гиренок. Определив евразийцев как «мастеров раннего постмодернизма», он нашел ключевое слово – «троп-тропа», по которой можно идти «не туда же, но за ними»¹¹. Правда, переступив за кавычки и войдя в их тексты, он незаметно для себя

⁸ См.: Шахматов М.В. Подвиг власти: Опыт по истории государственных идеалов в России // Евразийский временник. Утверждение евразийцев. Книга 3. Берлин, 1923. С. 55–80; его же. Государство правды: Опыт по истории государственных идеалов в России // Евразийский временник. Утверждение евразийцев. Книга 4. Берлин, 1925. С. 268–304.

⁹ Шахматов М. Самобытничество и любовь к Отечеству // Возрождение (Париж). 1926. 2, 9 ноября.

¹⁰ См. историографический обзор: Антощенко А.В. Споры о евразийстве // О Евразии и евразийцах. Петрозаводск, 1997. С. 7–43.

¹¹ Гиренок Ф.И. Евразийские тропы // Вестник высшей школы. 1992. № 7/9. С. 34.

забрел в тупик, ибо тропы оказались не «проторенными дорожками», а «колеей», из которой трудно выбраться и свернуть. Поэтому лучше взглянуть на тексты Вернадского со стороны.

Полезными для правильного определения точки зрения могут оказаться некоторые соображения, высказываемые в отношении исторического нарратива голландским философом Ф. Анкерсмитом¹². Его стремление к созданию словаря репрезентации вытекает из представления о конструктивной роли исторического нарратива, который не только описывает историческое прошлое, но придает описываемому определенный смысл, выражающийся нарративной субстанцией. Тем самым исторический нарратив анализируется Анкерсмитом как определенное видение истории, конструируемое его автором. Думается такой подход вполне применим к сформулированной выше проблеме, поскольку Вернадский стремился не столько к использованию новых исторических источников или разработке новых принципов источниковедческой критики, сколько к конструированию нового образа исторического прошлого России. Поэтому создание им трех обобщающих работ по истории Евразии можно рассмотреть как поиск оптимального нарратива, который бы наиболее адекватно представлял «нарративную сущность», определяемую как «месторазвитие». Чтобы оценить результат при таком подходе, необходимо основное внимание сосредоточить на процедуре индивидуализации «нарративной сущности» с тем, чтобы определить насколько приводимые в текстах утверждения встраивались в смыслообразующее единство.

Другая идея, развиваемая Анкерсмитом, заключается в сближении историографии с изобразительным искусством. Метафора живописного полотна, которая вводится им для раскрытия значения исторического творчества, должна позволить, как представляется, обойти те подводные камни, которые обнаружились при реализации тропологического проекта Х. Уайта. Определение последним «закрытости» повествования, как главного условия придания ему смысла, обернулось в конечном итоге признанием возможности утверждения в нем авторитарного мнения его создателя, что позволяет использовать исторический нарратив для обоснования нравственных ценностей или в поли-

¹² См.: *Ankersmit F. Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Historian's Language. The Hague, 1983; idem. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. Berkeley, 1994.*

тических целях¹³. Чтобы преодолеть возможность политической ангажированности истории и избежать идеологической заданности оценок преимуществ того или иного понимания прошлого, Анкерсмит обращается к эстетическим критериям, применение которых позволяет выявить своеобразие изобразительных стилей, не предвешая вопроса о том, какой из них лучше. Думается такой подход может быть полезным при рассмотрении проблемы различия в решениях, которые во многом определяются идеологическими мотивами.

Выдвигая свои идеи, Анкерсмит считает, что основанная на них «новая историография» открывает новые возможности изучения историописания, позволяет ставить новые вопросы к текстам историков и получать новые «ответы». Скорее следует говорить о переформулировке традиционных вопросов. В данной случае вопрос об истинности положений евразийской концепции может быть задан следующим образом: при каких условиях возможно создание целостного полотна исторического прошлого России-Евразии? И насколько глубока перспектива такого изображения истории евразийского «месторазвития»?

Первой публикацией Вернадского в евразийских изданиях была статья «Соединение церквей» в исторической действительности», помещенная в сборнике «Россия и латинство». По своему тону она наиболее полно соответствовала замыслу издания, возникшего в ответ на стремление некоторых представителей Ватикана пойти на контакт с представителями советской России в Генуе и отдельные факты обращения русских православных в католичество на территориях, отошедших к Польше по Рижскому миру. Обращение к теме Вернадского было вполне логично, если вспомнить его постоянные контакты с церковными иерархами, начиная с Перми. Более того, как полагает Гальперин, именно данный, *религиозный* аспект более всего сближал Вернадского с евразийцами¹⁴.

В статье историк резко критиковал все попытки объединения православной и католической церквей. В своем стремлении к унии ни Византия, ни Рим не были искренними. И объединение церквей на Лионском соборе, и заключение Флорентийско-Феррарской унии явилось результатом циничной политики пап, стремившихся подчинить православную церковь своей власти.

¹³ См.: White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, 1987. P. 20, 80.

¹⁴ Halperin Ch. George Vernadsky, Eurasianism... S. 484.

Аналогично оценивались события 1596 г. в Бресте. Вслед за С.М. Соловьевым, Вернадский назвал решения Брестского собора не унией, а разделением западнорусской церкви на униатскую и православную. С этого момента началось наступление на православие в Польско-Литовском государстве, которое первоначально выразилось в признании «артикулов веры», замечал с иронией Вернадский, а затем перешло в порчу восточного обряда и латинизацию униатской церкви. Наступательная политика латинства была продолжена путем навязывания унии Угорской Руси (1652 г.), а затем сербам Трансильвании (1700 г.).

«После того, как теперь некоторые русские области вновь отошли к Польше, следует ожидать в них нового натиска латинства на православную церковь. И действительно, православие подвергается опять прежним гонениям, возрождается в новом виде даже и уния...» – утверждал историк¹⁵.

Помимо пафоса защиты православия отметим еще один момент, сближавший позицию Вернадского и евразийцев. Первым этапом, своеобразным прологом утверждения Брестской унии он называл «соблазн власти и цивилизации», которому поддалась западнорусская знать, отказавшаяся от родной культуры и религии. Истинным стоятелем за православную веру был простой народ. Эти положения созвучны идее Трубецкого о расколе русской культуры на «низы» и «верхи», который имел крайне негативное последствие – революцию. Наконец, по своей схеме, статья была своеобразной модификацией теории Филофея «Москва – третий Рим» (Вернадский добавил угрожающий мотив борьбы отжившего первого Рима сначала со вторым, а затем – с третьим). Эта теория определялась как один из истоков евразийства.

Тема борьбы православия и латинства стала центральной и в следующей статье Вернадского «Два подвига Александра Невского». По мысли автора, Русь, сформировавшаяся к XIII веку как особый культурный мир между Европой и Азией, оказалась в это время перед угрозой нападения с обеих сторон. «Русь могла погибнуть между двух огней в героической борьбе; но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта – она не могла»¹⁶, – утверждал историк. Двум сильнейшим князьям этого

¹⁵ Вернадский Г.В. «Соединение церквей» в исторической перспективе // Россия и латинство. Берлин, 1923. С. 117–118.

¹⁶ Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Утверждение евразийцев. Книга 4. Прага, 1925. С. 320.

времени предстояло сделать выбор между Востоком и Западом. Даниил Галицкий предпочел Запад, чтобы с его помощью бороться с Востоком. Александр Невский, напротив, под защитой Востока решил противостоять Западу.

Выбор первого был ложным, тогда как второму удалось уловить движение «исторического потока» и принять правильное решение. Правильность выбора оценивалась с религиозно-нравственной точки зрения. «Монгольство несло рабство телу, но не душе. Латинство грозило исказить самое душу»¹⁷, – считал Вернадский. Движимый честолюбием к славе мирской, Даниил Галицкий не смог сломить гордыню и подчиниться монгольским ханам. Он пытался путем церковной унии привлечь на помощь папу и латинский Запад. Однако, разменявшись на повседневные политические мелочи и упустив из рук нити политических событий, он сумел выиграть лишь несколько сражений, но проиграл главное – православную Русь. Результатом его политики заигрывания и уступок Западу стали долгие века латинского рабства Юго-Западной Руси, не изжитого до сих пор.

Напротив, Александр Невский продолжал политику своего отца – смиренного подчинения монгольскому Востоку и решительно выступил с мечом в руках против латинского Запада. Тем самым он сумел сохранить главное – православие, живую энергию русской культуры, поскольку монголы представляли собой не религиозную, а культурно-политическую силу. отождествлять их с мусульманами исторически неверно. Мусульманство стало религией монголов после покорения Руси и то лишь для Золотой Орды, тогда как основным принципом монгольской державы являлась широкая веротерпимость. «С этой стороны, таким образом, Александру Невскому не только не нужно было опасаться монголов, но он мог рассчитывать даже на их помощь. Поэтому и подчинение Александра монголам было чисто механическим, только вынужденным. Александр видел в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую культурную самобытность от латинского Запада»¹⁸, – переставлял знаки на противоположные традиционным оценкам монгольского ига историк, ссылаясь на понимание явления его современником.

Характеризуя нарратив статьи, отметим как удачу ее композицию. Определив Русь XIII века, как стоящую перед выбором,

¹⁷ Там же. С. 326.

¹⁸ Там же. С. 327.

Вернадский тем самым создал возможность представить Даниила и Александра деятельными участниками событий, в воле которых было принять то или иное решение и действовать в соответствии с ним. Отсюда – довольно подробное описание их характеров, объясняющее читателю, почему князья поступили так, а не иначе. Нарисовать психологические портреты героев позволяли и используемые документы с их особенностями – близкое дружинному эпосу более светское по характеру Галицко-Волынское летописание (Ипатьевский свод) и пронизанное провиденциализмом Владимиро-Суздальское (Лаврентьевский свод). К тому же для характеристики Александра Невского широко привлекалось его житие. Последняя особенность позволяла представить второй его подвиг (первый – победа над шведами и ливонцами) как проявление христианской добродетели – подвиг смирения. Смирение личной гордыни в интересах сохранения православия и общего блага подданных – так можно охарактеризовать содержание этого подвига. В такой реконструкции понимания Александром добродетелей правителя Вернадский сближался с Шахматовым, с его политическим понятием «подвиг власти». Не случайно в работе помещена ссылка на его одноименную статью в предыдущем «Евразийском временнике».

Столь ярких и детальных психологических характеристик исторических деятелей мы позже не найдем на страницах евразийских работ Вернадского. Почему? – ответ проглядывает уже в этой статье: Александр *интуитивно* угадывал направление течения исторического процесса и действовал в соответствии с ним. Это гегелевское в своей основе представление, определявшееся как «хитрость разума», станет доминирующим в работах Вернадского, когда центральным субъектом нарратива станет «месторазвитие» (заметим, что критика гегельянства и его положения о «хитрости разума» к этому времени уже не было среди евразийцев; понятно, что речь идет о Г.В. Флоровском¹⁹).

Последние положения подкрепляются еще одной тенденцией, намеченной в конце статьи. Вернадский значительно отодви-

¹⁹ Ср.: Флоровский Г.В. Хитрость разума // Исход к Востоку. София, 1921. С. 28–39. О причинах разрыва Флоровского с евразийством см.: Соболев А.В. Полюса евразийства: Л.П. Карсавин (1882–1952), Г.В. Флоровский (1893–1979) // Новый мир. 1991. № 1. С. 180–182; Хоружий С.С. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // Начала. 1991. № 3. С. 22–30; Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman. Crestwood, 1993. P. 39–40, 179–180, 246–248, 250, 255, 274, 289; Рус. пер.: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995.

гал в глубь времен истоки противоборства «славянофильства» и «западничества». Если его учитель Ключевский останавливался на XVII веке (Хворостинин – первый «западник»), то для Вернадского такой предел – XIII в. (приоритет первого «западника» он отдал Даниилу Галицкому). Определив же Александра Невского и Даниила Галицкого как мировые типы «восточника» и «западника», Вернадский тем самым указывал на существование в истории определенных ментальных структур, сохраняющихся очень долгое время, и перебрасывал мостик к статье Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре», впервые помещенной в той же книге «Евразийского временника».

В свою очередь статья Вернадского «Монгольское иго в русской истории»²⁰ была откликом на «Наследие Чингисхана» Трубецкого. Об этом говорит не только общность многих положений, но и тот факт, что, помещая ее в пятой книге «Евразийского временника» (Париж, 1927), Вернадский указал дату написания – ноябрь 1925 г. В том же году Трубецкой опубликовал «Наследие Чингисхана» под криптонимом *И.Р.*

Гальперин называет статью Вернадского о монгольском иго «разочаровывающим, неровным и несвязным очерком»²¹. В данном случае с ним едва ли можно согласиться. Думается, что Гальперин не понял значения статьи, поскольку сосредоточился на деталях, упуская из виду главное. Смысл статьи «Монгольское иго в русской истории» определяется тем, что она была написана в пику европоцентристской интерпретации всемирной истории, которая сложилась в XV – XIX вв. и отражала гегемонию романо-германских народов в этот период. Будет ли это так же в XX веке – вопрос для Вернадского открытый. Поэтому и взгляд на прошлое историк бросал не с «вершины» исторического процесса, следуя в этом призыву своего учителя Ключевского, считавшего такое видение субъективным, а как бы заняв позицию стороннего наблюдателя.

Думаю, что сегодня заслуживает внимания стремление Вернадского, отказавшись от европоцентристского взгляда, наметить цивилизационный подход, учитывающий не только географические, но и связанные с ними культурно-исторические условия. «Связующими началами» цивилизаций Вернадский считал политическое и духовное единство составляющих тот или

²⁰ Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский. временник. Утверждение евразийцев. Книга 5. Париж, 1927. С. 153–164.

²¹ Halperin Ch.J. George Vernadsky, Eurasianism... S. 485.

иной «мир» народов. Мировая история представлена историком в статье как изменение многоуровневой системы с разнонаправленным движением. Кочевые народы, волнами накатывавшиеся из черноморских степей, из глубины континента, часто оказывались посредниками между цивилизацией и культурой средиземноморской и дальнеазиатской (китайской и индусской), – повторял мысль Бицилли Вернадский. Тем самым кочевники как бы инициировали процессы объединения народов. Однако прочность таким объединениям придавал лишь духовный элемент. Для Вернадского это прежде всего распространение христианства, шедшее в обратном движению степняков направлении. Причем он вновь интерпретировал процесс распространения христианства в терминах теории «Москва – третий Рим».

Важным для Вернадского являлось понятие «мировых империй», которое вводилось им для характеристики лишь политических образований, объединяющих *разнородные* цивилизации. Так, Римская и Византийская империи были мировыми именно потому, что обеспечивали взаимодействие культуры земледельческой морской и культуры кочевнической степной (здесь уже ощутимы исторические черты понятия «автаркия» Трубецкого). Другие империи (например, «Священная римская империя германского народа» Карла Великого или Константинопольская империя Балдуина) имели провинциальное значение.

Определение монгольской империи как мировой позволяло, по мнению Вернадского, по-новому взглянуть на значение монгольского ига в русской истории. Включение восточно-русских земель в ее состав означало перемещение их из маргинального положения, которое они занимали в системе взаимоотношений с Византией, в самую стремнину «исторического потока». Последний термин не употребляется в этой статье, но он вполне уместен, поскольку положения предыдущего очерка о подвигах Александра Невского широко используются в ней.

Другой важный для характеристики евразийского дискурса момент, который отчетливо прослеживается в статье – это взгляд на ход исторического процесса извне, а не изнутри. Возможность такого видения создается признанием нескольких центров, существующих в рамках даже одной мировой империи. Последнее особенно легко было проследить в монгольской империи, являвшей собой многоярусный конгломерат политических образований. Так, Джучиев улус являлся одним из центров владений Великого хана, но он имел в свою очередь несколько центров, одним из которых была Русская земля.

Рассмотрение северо-восточных и юго-восточных земель Руси в составе Джучиева улуса, Золотой Орды, позволяло соотнести с ними юго-западные русские земли как провинциальные территории Западной Европы. Тем самым с позиций включенности в мировую историю давалась оценка выбора одного из альтернативных путей, перед которыми стояла Русь в XIII в. и о которой столь подробно писал Вернадский в статье об Александре Невском. Но и после этого альтернативный характер исторического процесса не исчезал, так как сохранялось двоецентрие.

«В пределах первого – в южно-русских степях – оказался главный центр Золотой Орды – не даром государство Джучидов известно было на всем востоке под именем “Кипчацкого царства”, – писал историк. – В пределах второго – северо-русских лесов возник дополнительный, русский, центр Улуса Джучиева – Владимир, потом Москва»²².

Такое положение создавало парадоксальную ситуацию, когда разгром Эдигеем рати Витовта в 1399 г. на р. Ворскле становилось «одним из величайших событий» в политической жизни восточно-русских земель, хотя ни одного полка из них не участвовало в сражении. Это происходило потому, что войска Эдигея представляли весь улус, в котором возможна была внутренняя борьба за верховенство, как это случилось в 1380 г., когда дружины Дмитрия Донского открыто выступили против Сарая. С другой стороны, двоецентрие создавало возможность альтернативного развития в зависимости от победы одного из центров. Если бы монгольские ханы приняли православие, «то вероятно не Москва, а Сарай оказался бы духовным и культурным центром русской земли». Однако исторически сложилось так, что монгольские ханы, Джучиевы наследники, приняли мусульманство, что сделало Москву ведущим центром в церковных отношениях с Сараем. Вместе с ослаблением Золотой Орды падало церковно-политическое значение Сарая, пока епископ Вассиан, наконец, не перебрался в Москву, поселившись в Крутицах.

«Крутицкий митрополит, викарий Московского Патриарха, есть напоминание о неосуществившейся исторической возможности – патриархе Сарайском, для которого святитель Московский был бы наоборот викарием, – завершал статью Вернадский. – Крутицкий митрополит – глубокий символ монгольского влияния на развитие русской культуры»²³.

²² Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории. С. 160–161.

²³ Там же. С. 164.

Главное в статье – не перестановка знаков в оценке роли монгольского ига с «минуса» на «плюс»²⁴, а изменение плоскости видения проблемы. Причем в основу были положены логически непротиворечивые принципы рассмотрения материала, которые хотя и не были выражены эксплицитно, но легко реконструируются. В обобщенном виде их можно сформулировать следующим образом: изучение мировой истории выйдет за рамки европоцентристского видения при рассмотрении (1) взаимодействия земледельческих морских и кочевых степных цивилизаций; (2) соотношения политических влияний объединяющих цивилизации «мировых империй» с ассиметричными центрами; (3) распространения укрепляющих единство мировых религий; (4) возможных альтернатив движения исторического процесса.

Программа выглядит вполне стройной, как и построенный на ее основе нарратив. Повествование не только четко структурировано, но и динамично. Динамика его напоминает изменение изображения в результате перемещения фокуса объектива, когда происходит как бы движение от удаленного общего плана к приближаемым постепенно деталям.

Если учесть время создания работы, то нелишне будет вспомнить о К. Ясперсе, с его выделением «осевого времени» в связи с возникновением и распространением христианства, и А. Тойнби, с его пониманием взаимоотношения цивилизаций. Так что уровень проекта Вернадского вполне соответствовал требованиям времени. Признание же различных возможностей исторического развития намного опережало идею «открытого общества» К. Поппера. Правда, в данной статье не хватало исторических деятелей, но их трудно было поместить на столь масштабное полотно, они просто «потерялись» бы. Развивая метафору полотна, можно заключить: если «Два подвига Александра Невского» были ярко нарисованной миниатюрой, с детально выписанным рисунком, то «Монгольское иго в русской истории» представляло собой сделанный широкими мазками эскиз огромной картины. Этот эскиз требовал разработки, может быть изменения сюжета, несомненно – включения персонажей, однако он так и остался незаконченным.

²⁴ Так, например, понимает значение «кочевниковедческой теории» евразийцев Т.В. Елимахова. См.: Евразийцы: Политическая концепция, тезисы кочевниковедческой теории // Вестник Челябинского университета. Сер. 1, История. 1992. № 2 (4). С. 37–42.

Попыткой реализовать замысел стало «Начертание русской истории» – первая часть книги Вернадского, изданная евразийским книгоиздательством в 1927 г. В том же году издательство опубликовало работу Савицкого «Географические особенности России», в которой вводилось понятие «месторазвитие», рассматриваемое как результат взаимодействия географической среды и человеческого общества. Это понятие было положено Вернадским в основу его исторической концепции.

Отправляясь от признания народа творцом русской истории, Вернадский отмечал, что его развитие происходило в определенной среде и на определенном месте. Освоение месторазвития являлось результатом физического и психического давления русского народа на этническую и географическую среду и ее сопротивления этому давлению, которые определялись им как элементы русской истории. Понятно, что выделенные Вернадским элементы не имели ничего общего, ни по содержанию, ни по сути, с элементами русской истории, о которых писал его учитель Ключевский. У последнего элементы складывались из взаимодействия личности, людского общества и природы страны, поддерживались традицией, что позволяет трактовать их как проявление общественных отношений в различных сферах человеческого общежития.

Вернадский представлял исторический процесс как систему сменяющихся типов месторазвитий. Поскольку месторазвитием русской истории является Евразия, как цельный географический мир, то в ее рамках можно было выделить меньшие месторазвития – каспийско-черноморская степь, Днепровско-Киевская и Волжско-Болгарская речные области, как объединение леса и степи, наконец, именно здесь могли образоваться такие крупные социальные единицы, как скифская, гуннская, монгольская империи, а позже империя Российская.

«История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа»²⁵, – писал Вернадский.

Таким образом, история русского народа отождествлялась с историей государства и включалась в общую историю Евразии. История же Евразии в свою очередь представляла собой

²⁵ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Часть первая. Прага, 1927. С. 9.

«последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства». В силу географических особенностей Евразии (здесь Вернадский повторял выводы Савицкого о четырех вытянутых вдоль континента почвенно-ботанических зонах), становление общеевразийской государственности шло в борьбе леса и степи. Именно этот процесс, приводящий то к объединению, то к распаду, придавал динамику повествованию. Рассуждения Вернадского о преобразовании природно-исторического ландшафта в ходе хозяйственного воздействия на него населения Евразии, об изменении этнического состава последнего так и остались общими посылками, которые никак не были реализованы в работе. Поэтому периодизация исторического процесса представляла собой *схему начальных и последующих фаз развития евразийского государства*. Однако понятие «развитие» здесь едва ли уместно, так как речь шла о *ритмике* образования объединяющих лес и степь государств и их распада или «*периодической ритмичности государствообразующего процесса*», как определил ее сам Вернадский.

Общая периодизация истории Евразии представлялась историку в следующем виде²⁶:

1. а) Единая государственность (Скифская держава) V в. до Р.Х.
б) Система государств (Сарматы, Готы).
2. а) Единая государственность (Гуннская империя) IV-V вв.
б) Система государств (Авары, Хазары, Камские болгары, Русь, Печенеги, Половцы).
3. а) Единая государственность (Монгольская империя) XIII в.
б) Система государств – первая ступень распада Монгольской державы (Золотая Орда, Джагатай, Персия, Китай).
в) Система государств – вторая ступень распада Монгольской державы (Литва, Русь, Казань, Киргизы, Узбеки, Ойраты-монголы).
4. а) Единая государственность (Российская империя – Союз Советских Республик ...?).

Вернадский полагал, что в этом пункте не последует нового распада, так как усилиями русского народа создано небывалое геополитическое и хозяйственное единство Евразии.

В данную схему вписывалась вся русская история. Для характеристики ее существенных черт Вернадский указывал на византийское и монгольское влияние.

«Монгольское наследство – евразийская государственность. Византийское наследство – православная государственность, – пытался придать афористичность мыслям Трубецкого и Савицкого Вернадский. – <...>

²⁶ См.: там же. С. 16.

Монгольское наследство облегчило русскому народу создание *плоти* евразийского государства. Византийское наследство вооружило русский народ нужным для создания мировой державы *строем идей*²⁷.

Отсюда вытекали особенности внутреннего строя и идеологии евразийского государства. Отличительные черты первого – форма военной империи (хотя Вернадский признавал и такие формы управления, как вече – казацкий круг – советы); единство «правлящей верхушки» и «народной массы» на основе целостного мирозерцания (идеократия); гибкость социально-государственного строя, обеспечивающего оптимальную организацию армии. В области идеологии отличительной чертой, обеспечивающей устойчивость евразийской государственности, называлось *осознание* народом своего месторазвития. Для русского народа важным было также религиозно-церковное сознание, воспринятое от Византии и обособлявшее его не только «от магометанства и буддизма, но и от латинства».

«Эта черта приводила к тому, что русский человек в течение многих веков чувствовал себя одинаково далеко и от мусульманина и от латинянина, следственно, не видел между тем и другим почти никакой разницы (что, с другой стороны, позволяло русскому человеку не более нетерпимо относиться к Востоку, чем к Западу)²⁸, – так с двойным отрицанием строил свое утверждение Вернадский (возможно, что он уже усиленно изучал английский, чтобы уехать в США?)»

Таким образом, в основе периодизации русской истории лежало три признака: единство государственности, объединяющей лес и степь; изменение «евразийского самосознания»; роль и значение православия. Исходя из этих «предпосылок», Вернадский предлагал выделить следующие периоды:

- 1) Попытки объединения леса и степи (до 972 г.);
- 2) Борьба леса и степи (792–1238);
- 3) Победа степи над лесом (1238–1452);
- 4) Победа леса над степью (1452–1696);
- 5) Объединение леса и степи (1696–1917).

Я не буду останавливаться на содержательном анализе книги, тем более что его можно найти в работах Ч. Гальперина и Н.И. Соничевой. Обращусь к формальному анализу, чтобы рассмотреть как Вернадским строился исторический нарратив, содержанием которого являлась история «Евразии». В этой связи упоминание «Истории государства Российского» «незабвенного

²⁷ Там же. С. 17.

²⁸ Там же. С. 20.

Н.М. Карамзина» в библиографических указаниях к книге будет своеобразным ключом к пониманию проблемы. Как справедливо заметил Ю.М. Лотман, в период формирования замысла «Истории государства Российского» понятие «государство» представлялось Карамзину как «единство территории и управления, связанное с понятиями мощи и величия. Конкретное содержание типа администрации сюда не входило»²⁹.

Анализ конкретных типов администрации осуществлялся в «Истории России» С.М. Соловьева и работах его последователей, объединяемых в «государственную школу». Ученик Соловьева Ключевский развил концепцию учителя и дополнил ее характеристикой взаимоотношений государства и народа, дав первому отнюдь не лестную оценку, как это было у Соловьева (вспомним: «Государство пухло, народ хирел»). Вернадский, учившийся у Ключевского, возвращался назад к Карамзину, как бы олицетворяя тем самым закон передачи традиции «от дедов к внукам», о котором писал Трубецкой³⁰.

Возвращение к Карамзину было возвращением к событийной истории. Главное внимание при этом сосредотачивалось на политических событиях, точнее – геополитических, отражающих установление контроля над территорией и, особенно, движение на Восток. Поэтому ведущими в книге стали разделы, посвященные внешней политике, главным направлением которой признавалось восточное. Именно при ее характеристике приводились смыслообразующие формулировки, которые должны были придать динамику и целостность повествованию и выразить отношение к прошлому. Движение на Восток происходило от создания прообраза русского евразийского единства в период правления Святослава – через включение восточно-русских земель в мировую историю в составе монгольской империи – к вступлению московских государей в наследство Золотой Орды в качестве первого шага к утверждению России в ранге мировой державы. Осмысление и одновременная оценка восточной дипломатии с этого времени шла от обеспечиваю-

²⁹ Лотман Ю.М. Колумб русской истории // Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. IV. М., 1988. С. 10.

³⁰ См.: Liberman A. N.S. Trubetzkoy and His Works on History and Politics // Trubetzkoy N.S. The Legacy of Genghis Khan and Other Essays on Russia's Identity. Ann Arbor, 1991. P. 372. О таком порядке наследования писал и М. Блок, основатель школы «Анналов», выступившей против телеологизма традиционного нарратива. См.: Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 25–26.

щего ее успех единства «православной политики с политикой дружественной по отношению к мусульманскому миру» в XVI в. — через возобладание «чистой» православной политики «без соблюдения связей с системой мусульманского мира» в середине XVII в. — к восприятию к концу века польско-униатской идеи о союзе «христианских» государей против мусульманской Турции, означавшей крушение принципа «Москва — третий Рим» во внешнеполитической деятельности³¹. Возрождение восточной политики на новых основаниях произошло при Петре Великом. Для подтверждения ее значимости упоминались мельчайшие свидетельства источников даже о тех действиях, которые нередко не имели реальных последствий³², и которые поэтому обычно не классифицируются как исторические факты. Экономические и социальные отношения практически выпадали из повествования, а характеристика важнейших правовых памятников давалась двумя-тремя предложениями. Обзор внутреннего состояния общества носил лапидарный характер, предшествуя в виде «предварительных замечаний» изложению основных фактов (у Карамзина было наоборот: краткая характеристика завершала описание того или иного периода).

Правда, у Вернадского были отличия от Карамзина. Для Карамзина события — результат деятельности исторических лиц, которая объяснялась путем раскрытия психологических мотивов и особенностей их характеров. Он был автором назидательного нарратива (нарратива примеров), в котором реализовался принцип *historia magistra vitae est*³³. Давая моральную оценку поступкам исторических личностей, Карамзин как бы учил читателя применять подобную процедуру к себе. Тем самым ссылкой на историю он придавал силу авторитета нравственным нормам.

Для Вернадского «исторический процесс стихийен: в основе своей он приводится в движение глубоко заложенными в нем силами, не зависящими от пожеланий и вкусов отдельных людей». Его повествование исторически обосновывало единство России-Евразии, поэтому описание исторических лиц приобрело в «Начертании русской истории» знаковый характер. Они означали или знаменовали собой то или иное явление, важное

³¹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 181. Ср.: С. 165. 171.

³² Там же. С. 118, 121, 127, 165, 182, 188, 192, 194 и др.

³³ См. об этом типе нарратива: *Rüsen J. Studies in Metahistory*. Pretoria, 1993. P. 72–73; Антощенко А.В. Исторический нарратив как средство коммуникации // Коммуникации в культуре. Петрозаводск, 1997. С. 90–92.

для становления Евразии. Так, Святослав означал осознание необходимости объединения леса и степи в западной части Евразии, Святополк – первое обращение за помощью к враждебному латинству (хотя при этом отмечалось, что раскол православия и католичества стал заметен в XI в.), Владимир – принятие православия и т.п. Исключение было сделано лишь для Ивана Грозного и Петра Великого. В первом случае Вернадский повторял оценки Карамзина, отмечая два периода в его правлении и объясняя изменение «нрава» царя смертью его первой жены – Анастасии Романовой. Однако нравственно-психологическая метаморфоза Ивана IV не имела смыслообразующего характера, так как объясняла лишь жестокость мер опричнины. Причины ее возникновения определялись в соответствии с основными положениями книг С.Ф. Платонова и отчасти Р.Ю. Виппера, вписывавшимися в концепцию государственной школы о закреплении и раскреплении сословий. Так представленная опричнина «выпала» из нарратива о прошлом России–Евразии, что лишний раз подчеркивает знаковый характер фигуры Ивана Грозного, который утверждал *государство правды* (здесь вполне уместными оказывались некоторые выводы работ А.Е. Преснякова) и подчинил Казань и Астрахань в результате мудрой политики опоры на мусульманский мир.

Подробное описание Смутного времени столь же мало способствовало целостности повествования о прошлом России–Евразии, поскольку весьма неглубокий смысл утверждения «недавно приобретенная восточная окраина не делала серьезных попыток к отпадению от Москвы во время Смуты» не требовал для его конкретизации всей совокупности приведенных фактов.

Личная характеристика Петра приводилась, чтобы обосновать оценку его роли, отличную от оценки Трубецкого. Для Трубецкого негативные последствия увлечения западничеством были определены личностью Петра. Для Вернадского:

«Петр был и оставался в своих безудержных увлечениях глубоко русским человеком, и вся программа его деятельности сводилась к мысли о России. <...> Но последователи Петровы перегнули палку в другую сторону: стали воспринимать европейскую культуру не ради защиты русской самобытности, а ради самой этой европейской культуры»³⁴.

Однако Вернадский был согласен с Трубецким в том, что Петр начал разрушение православной духовности России. Объяснение этого он видел в исторических основаниях – рас-

³⁴ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 188–189.

коле Русской православной церкви, расшатавшем и подорвавшем ее, и в характере царя.

«Личные основания: протестантский уклад Петровой души и религиозности. Родившись в православной семье, и восприняв традиционные навыки к культуре твердой власти, Петр вместе с тем одарен был той рационалистической простой религиозностью, которая часто свойственна русскому казаку и крестьянину и которая нашла себе книжное и умственное подкрепление в налете протестантизма, который Петром был воспринят в немецкой слободе и за границей. Петр по своему душевному укладу был типично русским человеком, но по своему религиозному мировоззрению он не был типично русским царем»³⁵.

И все же Петр Первый, как и Иван Грозный, был знаковой фигурой: он устанавливал строй римской *светской империи* (не царства не православного) в отличие от своего отдаленного предшественника, утверждавшего строй *церковной империи* (православного царства). Вместе с тем указывалось, что петровская реформа армии касалась лишь «новой военной техники», сохраняя принципы, на которых основывалась «прежняя московская армия» и которые «шли еще от Чингисхана». Наконец, «Петр в сущности уже поворачивался к Европе задом и становился лицом к Востоку»³⁶. Дальнейшее описание событий должно было иллюстрировать тезис о равнодушии носителей государственной власти к православной церкви в течение большей части XVIII и некоторой части XIX века, а также утрату властью социальной опоры в лице дворянства. Главным по-прежнему было представление внешней политики и дипломатической практики, в которой в это время

«боролись постоянно два направления: интернационалистическое (фактически-европеизующее) и самодавляющее-русское (евразийское)»³⁷. Понятно, что успех обеспечивался вторым направлением, которое было продолжением «планов и мыслей Петра»³⁸.

Наконец, в последних двух параграфах, как будто вдруг вспомнив, что книга начиналась с определения в качестве главного действующего лица евразийской истории русского народа, Вернадский возвращался к утверждению евразийцев о его единстве, имея ввиду единство великорусского, украинского и белорусского народов. Созданное им государство, заявлял историк, «есть громадный историко-культурный организм»,

³⁵ Там же. С. 190.

³⁶ Там же. С. 192.

³⁷ Там же. С. 205.

³⁸ Там же. С. 225.

«мировая Держава», включение в которую давало «отдельным краям и народностям неоценимые экономические и культурные выгоды», делало их «сопричастниками мировой истории»³⁹. Однако эти утверждения, как показано предыдущим изложением, не были «идентифицированы» конкретными фактами.

Таким образом, уже в «Начертании русской истории» заметна ограниченность возможностей создания целостного нарратива, сутью которого была бы история России-Евразии, представленная как качественное изменение, являющееся результатом деятельности народа или исторических лиц.

Еще отчетливее этот недостаток книги проявился в следующей работе Вернадского «Опыт истории Евразии». Причина крылась в значительном увеличении масштаба полотна. Оно как бы представляло собой огромную мозаику, в которой четко был обозначен лишь контур евразийского материка. Отдельные народы, заполнявшие его, становились смальтами, колоритность которых определялась религиями, исповедуемыми этими народами. Однако с течением времени некоторые смальты выпадали и на их место прикреплялись другие, цвет и размер которых не очень соответствовал первоначальному замыслу. К тому же и зритель (т.е. читатель, который должен был знакомиться с повествованием последовательно) оказывался в неудобном положении – слишком близко перед изображением. Поэтому он видел лишь беспорядочное нагромождение фрагментов, не улавливая общего сюжета изображения. К тому же вблизи видны были несоответствия форм отдельных смальт и стыки между ними.

Новым в книге было включение фактов советского периода истории Евразии, которые должны были подтвердить верность евразийской концепции. «Россия–Евразия сохранила свое единство», – отмечал Вернадский. Если западные окраины отпали от нее, то «евразийский Восток связи с Россией не порвал»⁴⁰. Определяя причины поражения белых, Вернадский замечал, что их вожди не поняли краинный характер движения. «Ни Колчак, ни Деникин не сумели сговориться с местными силами – казаками и «инородцами»». Между тем большевики, вовремя учтя ошибки белых, провозгласили принцип автономии краин, признав желательным «федеративное объедине-

³⁹ Там же. С. 231.

⁴⁰ Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. Берлин, 1934. С. 165.

ние государств, организованных по советскому типу»⁴¹. Принципиально негативно автор оценивал интервенцию. Поэтому одной из причин победы большевиков назывались равноправные отношения между советской Россией и странами Востока. Наконец, не поддерживая методы проведения первых пятилеток, Вернадский, вторя Савицкому, заключал:

«Результатом планового хозяйства, нового территориального распределения промышленности и зон специальных сельскохозяйственных культур, а также постройки новых железнодорожных линий, – результатом всего этого является значительно более тесная связь между собой отдельных районов Евразии в хозяйственном отношении, чем то было раньше»⁴².

Последняя из опубликованных евразийским книгоиздательством работа Вернадского вышла в свет в 1938 г. и называлась «Звенья русской культуры». Подобно «Начертанию русской истории» она задумывалась как многотомное исследование. Первое, что сразу же бросается в глаза, это изменение структуры нарратива в книге. В ней Вернадский отказался от хронологического принципа изложения материала, который использовался в предыдущих книгах, в пользу описания отдельных общественных структур за продолжительный временной отрезок (первая часть охватывает период до середины XV в.). Возникает вопрос: почему? Ведь можно было продолжить «Начертание», дополнив его новой книгой по культурной истории, в которой материал располагался бы в хронологическом порядке. Год издания, содержание первой части первого выпуска «Звеньев» и планируемого второго (первая часть включала четыре главы: «Хозяйство», «Общество», «Власть и управление» и «Право и суд»; во второй предполагалось рассмотреть: «Церковь и вера», «Наука и техника», «Литература и письменность», «Искусство», «Народное образование» и «Строй ведущих идей»), а также прямое указание во введении на недооценку культуры «до-петровской» эпохи в «Очерках по истории русской культуры» П.Н. Милюкова⁴³ – все это позволяет выдвинуть гипотезу, что исследование задумывалось как ответ на появившееся в 1937 г. «юбилейное» издание первой части первого тома вышеназванной работы Милюкова, одного из наиболее жестких критиков евразийства. Любопытно

⁴¹ Там же. С. 168.

⁴² Там же. С. 179.

⁴³ Вернадский Г.В. Звенья русской культуры. Берлин, 1938. Ч. 1. Вып. 1. С. 7–8.

заметить, что в новое издание Милюков включил понятие «месторазвития». Однако он давал этому понятию совершенно иную, чем у евразийцев, интерпретацию. Поскольку свой взгляд на проблему «месторазвитий» Вернадский уже высказал, возвращаться к полемике по данному вопросу не имело смысла. Зато вполне логично было представить собственное видение культурной истории, противопоставив, или дав ответ, как я определил это выше, Милюкову. Поэтому структура «Звеньев» стала своеобразным зеркальным отражением структуры предшествующих изданий милюковских «Очерков».

Скажу сразу – ответ не удался. Это вовсе не значит, что книга Вернадского была плохо написана. Напротив, она читается с бóльшим интересом, чем перегруженная деталями первая часть первого тома юбилейного издания «Очерков» Милюкова. Дело в другом. Это была неудача именно *евразийского* ответа известному своими западническими взглядами историку.

В этой связи вернемся к заимствованию последним понятия «месторазвития», которое однако не изменило общей структуры нарратива книги. Его использование позволило Милюкову детализировать *воздействие среды* на общую *социологическую тенденцию*, воздействие, которое *задерживало* и придавало *своеобразие* русскому историческому процессу в сравнении с западноевропейским, определявшемся в ранних работах как развитие «сверху вниз», а не «снизу вверх», но не делало его *качественно* иным.

Другое дело у Вернадского. Выходя за рамки геополитической истории и обращаясь к культурной, он заимствовал *подход*, выразившийся в строении нарратива. Вслед за Милюковым он выделял *структурные* элементы общества, которые были выявлены на основе изучения европейского материала и носили, по сути, *универсальный* характер. Поэтому евразийская проблема азиатского компонента российской истории превращалась в привычный вопрос об азиатском, особенно татарском, влиянии, которое могло определить *особенности* исторического развития Древней Руси в сравнении с Западной Европой, но не качественно отличный его *тип* (в «Звеньях» эти отличия наблюдаются через призму сопоставления Северо-Восточной Руси с Литовско-русским государством). Отсюда понятным становится вполне искусственный характер включения в нарратив понятия «Западная Евразия», которое не играет никакой связующей и объясняющей роли. Едва ли кроме как жонглирова-

нием словами можно назвать следующий пассаж, в котором нарушены правила соотношения части и целого:

«Словом, Западная Евразия в смысле этническом и культурно-историческом представляла собой в древний период русской истории как бы всю Евразию в концентрированном виде. Месторазвитие русского народа в древний период его истории может поэтому быть названо Малой Евразией в отличие от позднее освоенной Евразии Великой»⁴⁴.

Заслуживает внимания еще одно важное изменение, вызванное заимствованием структуры нарратива у Милюкова. Это – трансформация понятия ритмики исторического процесса. Если в «Начертании» и «Опыте» речь шла о ритмах образования общевразийского государства, с учетом которых строилась периодизация русской истории, то в «Звеньях» «ритмика государство-образующего процесса» превратилась в фактор «использования времени» русским народом, когда периоды застоя прерывались взрывными отрезками с «революционными» лозунгами «догнать и перегнать Европу» в петровскую эпоху или «догнать и перегнать Америку» в советский период.

«Фактор времени следует учитывать и в смысле относительном, – заключал историк, – то есть спрашивать себя, в какой мере развитие русской культуры определялось уровнем развития, достигнутым в данную эпоху культурами соседних народов. Отсюда вытекают и вопросы о взаимоотношениях и взаимных влияниях культур народов русского и народов соседних»⁴⁵.

Здесь соотнесенность культурного развития русского народа с европейскими – очевидна, как и указание на влияние народов соседних. Неудивительно поэтому, что новая периодизация не включала в себя как сколько-нибудь значимую грань установление монголо-татарского ига. Его последствия можно было легко проследить в сфере политической, однако выявить монгольское, или азиатское в целом, влияние в экономической, социальной или юридической сферах становилось проблематичным. Многочисленные примеры лексических заимствований турецких, монгольских и персидских слов и терминов – порой забавных: башка, дурман, изъян, лафа, пустьяки, «ни бельмеса не знает»; порой с оттенком личных воспоминаний⁴⁶ – и даже ука-

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Покойный А.П. Кадлубовский рассказывал мне, – вспоминал Вернадский, – что старая нянюшка в их семье, жившей тогда в Крыму, гору

зание на влияние морфологии и синтаксиса турецкого языка на русский не снимали проблемы.

Действительно, в первой главе «Хозяйство» можно найти скрытую полемику с Милюковым о плотности населения. В отличие от последнего, считавшего малонаселенность Руси причиной ее экономического отставания от Западной Европы, Вернадский утверждал, что «Древняя Русь уже по самой численности своего населения была для своей эпохи и в сравнении со своими соседями социальным организмом весьма сильным и значительным»⁴⁷. Это вполне соответствовало евразийскому духу противопоставления Руси и России Западу. Однако далее следует совершенно неожиданное для историка-евразийца утверждение: «Монгольское нашествие XIII века закрыло степь для русской охоты и набегов. Хозяином степи стал «царь» – хан татарский и его беи. Царские пардусники имели преимущественное право распоряжаться степными урочищами и угодьями»⁴⁸.

Неудивительно, что с этой опасной тропы, очень разошедшейся с прежними его собственными утверждениями, что монголы открыли русским степь, Вернадский призывал: «Возвращаемся однако опять в леса». Но номадам нечего делать в лесах, поэтому далее едва ли можно заметить в повествовании упоминания о следах их влияния на хозяйство Руси. Более того, говоря о земледелии и объясняя замеченное еще Ключевским парадоксальное безразличие древнерусского населения к богатствам поднепровского чернозема, Вернадский вновь отмечал негативное влияние степняков⁴⁹.

И далее, характеризуя скотоводство (казалось бы, вот где «золотая жила» свидетельств должна была открыться для историка-евразийца), Вернадский констатировал лишь развитие конской торговли с татарами и значительный доход от нее и отсутствие сведений о постоянном разведении верблюдов на Руси, хотя их порой и «отбивали» «от половцев, а позже от татар русские»⁵⁰. Когда же историк перешел к повествованию о «ремеслах и промышленности», то упоминания о каком бы то ни было влиянии кочевников исчезли со страниц книги. И даже при рассмот-

Чатыр-Даг называла просто Чердак («Арсений-то Петрович опять на свой чердак полез»).

⁴⁷ Там же. С. 30.

⁴⁸ Там же. С. 35.

⁴⁹ Там же. С. 36-37.

⁵⁰ Там же. С. 42.

рении путей сообщения и средств связи он ограничился краткой ремаркой: «После монгольского завоевания монголо-татары для своих нужд наладили в России ямы и ямскую службу по образцу прочих частей Монгольской империи. Из этого впоследствии развилась московская ямская служба, организация которой была в XVII веке использована для заведения почты по западному образцу»⁵¹. Столь же сдержанной была оценка значения монгольского завоевания для развития торговли Древней Руси. С одной стороны, с этого времени начался наплыв «бесерменских» купцов, в особенности из Харезма. С другой – им не удалось вытеснить русского купечества, интересы которого «подчас» обеспечивались ханскими ярлыками, как в случае с балтийской торговлей Новгорода. Однако значительно более важным для Вернадского являлся тот факт, что «значение Киева, как узла международной торговли, было затем надолго подорвано монгольским погромом (1240)»⁵². Помещение данных о введении в обращение монеты монгольских ханов и о переписи населения в податных целях в разделах «Деньги и кредит» и «Народный доход» было едва ли корректным, т.к. они характеризовали не изменение качества денежного обращения при монголах, а усовершенствование государственной финансовой системы. Неслучайно Вернадский вернулся к ним в последующих главах.

Черты евразийской исторической концепции просматриваются еще слабее во второй главе «Общество». Они ограничиваются определением монашества как основного типа *идеократического* общественного союза (значит ли это, что идеократия была присуща монашеским орденам на Западе? – вопрос остающийся открытым) и общим положением:

«Монгольский погром XIII в. разорил, отчасти прямо уничтожил верхушку общества. Противоречия несколько сгладились – но не надолго, т.к. введенная монголами система откупов для сбора податей вновь привела к обеднению массы и обогащению “выдвиженцев” новой формации», – использовал современную ему советскую терминологию Вернадский⁵³.

Пополнение боярства после монгольского завоевания татарскими князьями отнюдь не выделялось, а, напротив, ставилось в последовательный ряд с пополнением княжеской дружины первоначально варягами и другими выходцами с Запада.

⁵¹ Там же. С. 67–68.

⁵² Там же. С. 70.

⁵³ Там же. С. 99.

Содержание третьей главы «Власть и управление» давало больше всего материала для утверждения евразийской концепции. Однако и здесь, во-первых, значительный материал, приводимый автором, выходил за ее рамки, т.к. служил доказательством отличия политического строя Древней Руси от западноевропейского феодализма (§§ 2-6). Так что выдвинутое в §1 положение об истоках русской государственности, восходящих к гуннам, которые не только сокрушили готов, но и принесли «свою собственную военно-государственную организацию, построенную на началах турецко-монгольского быта»⁵⁴ (?), как бы повисало в воздухе. Да и в самой приведенной цитате очевидно нарушение хронологического порядка – сначала были гунны, а затем монголо-татарский быт, который не мог, следовательно, быть основой для строительства гуннской империи.

Во-вторых, и это явно вытекает из вышесказанного, в интерпретации фактов Вернадским в этой главе проглядывают определенные натяжки, на которых я остановлюсь подробнее.

(1) «Из общей семьи князей в восточной Руси выделяется несколько «великих князей», претендующих на первенство среди других князей того же удела (старшинство это строилось по образцу старшинства ханов в каждом улусе)», – заявлял Вернадский⁵⁵. Это, казалось бы, евразийское утверждение дезавуировалось самим же автором, у которого через страницу встречаем восходящее еще к Соловьеву (не признававшему существенной роли монголо-татарского ига) положение: «Как было упомянуто, иерархический строй междукняжеских отношений продолжал держаться на *родовом* принципе» (курсив мой. – А.А.).

(2) «...весьма важным моментом в поднятии престижа княжеской власти, как и вообще в развитии русской государственности, было крещение Руси. Церковь освящала собой княжескую власть. В понятие власти вошел в сильной степени момент *идеократический*»⁵⁶ (курсив мой. – А.А.). В таком виде последнее предложение может вызвать лишь недоумение своей бессмысленностью для доказательства евразийского положения о противоположности духовного развития Руси и западноевропейских государств, так как и на Западе, несмотря на стремление папы занять ведущее положение в решении политических дел, церковь освящала власть королей.

⁵⁴ Там же. С. 133.

⁵⁵ Там же. С. 138.

⁵⁶ Там же. С. 135.

(3) «На первоначальные формы русского административного устройства в XIII веке наложило свою тяжелую печать управление монгольского хана, представлявшее собой смешение обычаев права турецкомонгольских племен с навыками старых восточных административных культур – китайской, иранской, арабской», – без опоры на факты утверждал Вернадский⁵⁷. Дальше шло пояснение о сути этой формы административного устройства, которое должно было доказать ее иранское или хазарское происхождение: «строй управления (или самоуправления) древнерусских общественных союзов был тесно связан с примитивной военной организацией»⁵⁸. Как будто, скажем, этого не было в англосаксонской Британии, а функции «тысяцкого», которые Вернадский готов был возвести к иранской или монголотатарской системе управления, нельзя сопоставить с функциями *shire-gerefa* там же.

(4-5) «Монгольское завоевание внесло *глубокие* изменения в строй русского управления» (здесь и ниже курсив мой. – А.А.). «Монгольское завоевание внесло *коренное* изменение в податную систему», – повторял рефреном Вернадский⁵⁹. В первом случае он подтверждал это фактом упразднения системы княжеской администрации и замены ее управлением татарских баскаков (объяснение, в чем глубокое отличие этих систем, оставалось за текстом). Правда и здесь следовала оговорка, что в большинстве русских земель княжеская администрация не была разрушена, а только подчинена «бдительному надзору» «даруг» и тех же «баскаков». Во втором случае коренное изменение податной системы выразилось, по-видимому, в ее названии («татарщина» или «ордынщина») и всеобщности, так как татары провели приблизительный подсчет населения. Правда, Вильгельм Завоеватель, еще в XI в. сделал в Британии то же самое («Книга Страшного Суда») без какой-либо подсказки иранских, хазарских или татарских правителей. Кстати, чуть раньше варяги, известные англосаксам под именем данов, принудили их к уплате дани, названной «датские деньги» (*danegeld*), не подозревая, что они «копируют» скифо-сарматскую или хазарскую податную систему.

Слабость аргументации в данных случаях Вернадский компенсировал, если так можно выразиться, языковым нажимом,

⁵⁷ Там же. С. 154.

⁵⁸ Там же. С. 155.

⁵⁹ Там же. С. 158, 162.

используя определения «глубокие», «коренные». Зато в случае с очевидным различием тактики боевых действий в «лесной» и «степной» войнах такой прием оказывался излишним. Открывавшее параграф использование Вернадским сравнения англичанином Лоуренсом (представителем морской державы, с характерным набором стереотипов восприятия) степных сражений с морскими порождает аллюзию с образом «континента-океана» Савицкого. Однако это относится больше к «эстетике» исторического повествования, а не к его «эпистемологии». Что касается последней, то доказательства были налицо. «Большие изменения» в отношении военного управления и организации армии подтверждались фактами перевооружения русских дружин по монгольскому образцу, введением деления на полки и созданием отрядов специального назначения, а достоинства татарской военной системы оттенялись недостатками европейской (в данном случае – литовско-русской) военной организации.

Особенно ярко бессмысленность понятия «месторазвитие» для доказательства особого типа развития Древней Руси проявилась в четвертой главе «Суд и право». Казалось бы, подробное рассмотрение Вернадским права монголов на XX международном конгрессе ориенталистов в Брюсселе в докладе «О составе Великой Ясы Чингисхана»⁶⁰ и долгое преподавание истории права России в Праге создавало надежную основу для их сопоставления в целях выявления сходств и заимствований. Но, увы, материал не поддавался евразийской интерпретации. Некоторые положительные принципы монгольского «международного» права были отмечены историком, да и то с оговоркой, что они вполне соответствовали древнерусскому праву, т.е. лишь усиливали его потенциал, не меняя сути. Результатом монгольского завоевания признавалось формальное объединение международной дипломатии в руках хана в связи с подчинением русских княжеств и земель. В противовес, как всегда, были замечены негативные черты влияния западного права в области ужесточения наказаний. Однако глава полностью строилась по разделам римско-византийского права, которое, вместе с обычаем, признавалось источником правовых представлений Древней Руси.

Подводя итог, хочу вновь отметить, что попытки создания Вернадским целостного исторического нарратива, содержанием которого было бы «месторазвитие» России-Евразии, оказыва-

⁶⁰ О составе Великой Ясы Чингис-Хана // *Вернадский Г.В. Исследования и материалы по истории России и Востока.* Bruxelles, 1939. Вып. 1.

лись успешными до тех пор, пока рассматриваемые факты касались геополитической сферы истории. Как только он попытался выйти за эти ограниченные рамки и представить культурную историю России-Евразии, построив ее вокруг этого понятия, звенья цепи стали рассыпаться. Объединение их в новой структуре, когда соединяющими скрепами стали отдельные элементы социальной жизни (как у Милюкова), привело к тому, что в «Звеньях» существенно важные положения евразийской исторической концепции становились не всегда уместным довеском. Это подтверждает, что и «Начертание», и «Опыт» представляли собой «“идеологический” исторический текст», если воспользоваться определением Ф. Анкерсмита, когда «форма преобладает над содержанием и требуемая независимость формы и содержания не бывает достигнута, так что историческая реальность и содержание текста уступают давлению заданной идеи»⁶¹. Однако, по-видимому, такое навязывание формы имеет свой предел, выходя за который, историк вынужден либо урезать содержание, либо отказываться от формы. Вернадский пошел по второму пути.

Тем самым можно констатировать, что проект создания целостной *евразийской* истории не удался. Одна из главных причин неудачи заключалась в следующем. В «Начертании», несмотря на кажущееся выведение русского народа на первый план в истории, повествование велось, по сути, о государстве, сосредотачиваясь на процессе установления политического контроля над территорией, прежде всего, и, отчасти, на внутривнутриполитических изменениях, особенно в переломные моменты (утверждение Московского государства и петровские преобразования и их последствия). Это позволяло использовать в качестве определяющего содержание нарратива понятие «месторазвитие» России-Евразии, в котором ведущим был пространственный признак. В «Звеньях» же Вернадский реально обратился к истории народа, его культурной жизни как целостного социального организма. Поэтому пространственные признаки (овладение территорией и взаимодействие с соседними народами) стали внешними по отношению к внутреннему состоянию народа-общества, что определяло внешний по отношению к сути рассматриваемых явлений характер понятия «месторазвитие».

Неудача в создании целостного нарратива о культурной истории России-Евразии, означала начало выхода Вернадского из

⁶¹ Ankersmit F.R. *Statements, Texts and Pictures // A New Philosophy of History*. London, 1995. P. 236.

под влияния построений Савицкого и создание собственной концепции. В «Звеньях русской культуры» она предстает в виде амальгамы, в которую вкраплены отдельные положения евразийства. Подобно увязшим в капельках смолы насекомым они придают экзотичность образовавшимся из них камешкам янтаря, из которых собиралось ожерелье новой исторической концепции Вернадского. Однако это уже предмет другого рассмотрения, которое не предполагалось поставленной мной целью.

Добавлю лишь несколько мыслей о принципах историографического исследования, которые возникают при сопоставлении результатов предложенного рассмотрения взглядов Вернадского с выводами, полученными при традиционной их классификации по отдельным периодам русской истории.

(1) Изучение взглядов того или иного историка будет корректным только при рассмотрении созданных им произведений как целостных текстов, без расчленения живой ткани повествования на отдельные соответствующие тем или иным периодам фрагменты с целью сопоставления их с более ранними или поздними оценками этих периодов тем же исследователем.

(2) При анализе влияний важно не вычленение заимствуемого положения, а выявление способа его включения в целостность текста, поскольку способ интеграции определяет значение и смысл включаемого в повествование положения.

(3) Реконструкция внутренней структуры исторического нарратива – необходимое условие понимания, насколько точно была определена и эффективно решена исследовательская задача. Успешная реализация возможностей, создаваемых этим условием, предполагает соотнесение формы и содержания исторического повествования. Такое сопоставление позволяет определить является ли форма естественным порождением содержания или навязывается ему из каких-либо внешних (прежде всего идеологических) соображений.

(4) Наконец, понимание значения историографии как самостоятельной сферы исторического познания должно опираться на представление о том, что история не ремесло, а творчество. Это положение, на первый взгляд, вступает в конфликт с известным названием книги классика новой исторической науки Марка Блока «Апология истории, или ремесло историка». Но это лишь кажимость, ибо, чтобы стать мастером нужно создать шедевр.

А.М. Фомин

**ФИЛОСОФИЯ, РОЖДЕННАЯ ВОЙНОЙ:
ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
А. ДЖ. ТОЙНБИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ**

При всем разнообразии направлений в современной исторической науке, можно выявить три базовых «подхода» к прошлому человечества: «формационный», «цивилизационный» и «релятивистский». Первый ставит во главу угла социально-экономическое развитие человеческого общества и настаивает на единстве всемирной истории, проходящей через определенные этапы – «формации». Второй рассматривает историю как совокупность историй «локальных цивилизаций», полностью или частично изолированных друг от друга. Третий вообще отрицает возможность каких-либо широких обобщений и наличие объективных закономерностей в истории человечества.

Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975) по праву считается классиком «цивилизационного» подхода. Никто из его предшественников на этом поприще (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер) или последующих мыслителей, развивавших сходные идеи (С. Хантингтон), не смог столь детально разработать концепцию «цивилизационного» подхода с привлечением такого огромного фактического материала.

Для Тойнби история не была «мертвой книгой». Современные события он рассматривал как продолжение истории, как результат действия ее законов, смысл которых пытался постичь. Он прожил долгую жизнь и был свидетелем самых важных событий XX века: двух мировых войн, социальных революций, экономических кризисов, «холодной войны» и научно-технической революции. Все эти явления и процессы требовали теоретического объяснения, без которого не могла обойтись ни одна концепция всемирной истории, претендующая на универсальный характер. Связь между прошлым и настоящим остро ощущалась Тойнби также и потому, что свой главный труд «Постижение истории» он писал одновременно с работой в Королевском институте международных отношений, более известном как «Чатем-хаус». Его перу принадлежат многочисленные тома регулярно издававшихся

ся Институтом «Обзоров международных отношений». Таким образом, Тойнби постоянно пополнял свой интеллектуальный багаж как за счет изучения прошедших веков, так и за счет последних новостей текущей политики. И то, и другое переосмысливалось им и постепенно «переплавлялось» в весьма стройную концепцию всемирной истории, которая со временем, особенно в последние десятилетия жизни (заключительный, 12-й том его главного труда так и называется – «Переоценки»), совершенствовалась и неоднократно изменялась в деталях.

Взгляды Тойнби нельзя рассматривать «в статике»: отдельные тома «Постижения истории» отражают эволюцию его воззрений, при сохранении общей «цивилизационной» парадигмы. Очевидно, что система взглядов, впоследствии известная как «тойнбианство», складывалась постепенно, и, благодаря активной творческой деятельности мыслителя, существует возможность проследить этот процесс. Мы не ставим перед собой столь широкой задачи, но пытаемся выяснить, что представлял собой его «цивилизационный подход» на самом раннем этапе своего развития, когда главный труд Тойнби, в лучшем случае, существовал лишь в виде замысла.

Решающее воздействие на воззрения Тойнби оказала Первая мировая война. Как позднее признавался сам историк, в довоенное время он в значительной мере пребывал в плену «викторианских» иллюзий относительно общего поступательного прогресса человечества и ведущей роли Западной Европы в мире¹. Война, сопровождавшаяся невиданным доселе взаимным истреблением европейских народов и широкомасштабным включением в мировую политику народов колониальной и полуколониальной периферии, поколебала эти иллюзии. В своих работах военного времени («Национализм и война», «Армянские избиения»)² Тойнби старался показать те «темные» стороны, которые война пробуждала в людях и в целых народах. Уже тогда он сделал заключение о пагубном воздействии на общество «западной» идеи национального государства, которая приводит одни народы к оголтелому шовинизму, другие – к взаимному истреблению после столетий мирного сосуществования. После окончания войны Тойнби был одним из экспертов британской

¹ Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории: эволюция мировоззрения А. Дж. Тойнби. Томск, 1986. С. 35–36.

² Там же. С. 39–41.

делегации на Парижской мирной конференции, и мог воочию наблюдать всю беспринципность европейской дипломатии, которая рассматривала страны и территории как куски своеобразного «пирога» с более или менее лакомой начинкой. При разделе этих «кусков» мнение местного населения учитывалось лишь тогда, когда оно могло послужить аргументом для оправдания тех или иных корыстных устремлений великих держав.

Затем Тойнби вернулся к преподавательской деятельности и к занятиям античной историей. Но вскоре ему представилась возможность стать непосредственным свидетелем драматических событий в краях, некогда связанных с именами Гомера, Александра Македонского и многих других персонажей древней истории. В 1921 г. Тойнби в качестве корреспондента газеты «Манчестер Гардиан» отправляется в путешествие по Греции и Турции, которые в тот момент были охвачены жесточайшей войной друг с другом, спровоцированной великими державами-победительницами (в первую очередь Великобританией). Из-за непосредственного участия гражданского населения (как греческого, так и турецкого), события в Малой Азии приобрели характер «международного конфликта», со всей вытекающей отсюда жестокостью с обеих сторон. Тойнби посетил места событий на самом решающем их этапе – летом 1921 г. Наблюдения за военным конфликтом и отношениями двух соседних народов позволили Тойнби сделать выводы, далеко выходящие за рамки текущей политической ситуации, и, в основных чертах, сформировать принципы своего «цивилизационного подхода».

В 1922 г. Тойнби опубликовал книгу: «Западный вопрос в Греции и Турции. Изучение контакта цивилизаций»³. В ней впервые в целостном виде формулируется общий подход автора к всемирной истории и ее продолжению в настоящем. Эта книга станет нашим основным источником при выявлении историко-философских взглядов Тойнби и их сравнении с тойнбианством «классического» периода, связанным с главным трудом английского историка – «Постижение истории»⁴.

³ *Toynbee A.J. The Western Question in Greece and Turkey. A study in the contact of civilizations. London – Bombay – Sydney, 1922.*

⁴ В историографии эта проблема адекватного освещения не получила. В.М. Мучник хотя и констатирует большое значение «Западного Вопроса...» для формирования взглядов Тойнби, отводит разбору книги только две с половиной страницы. Е.Б. Рашковский и Ю.Н. Семенов никак не выделяют ее из общей массы трудов Тойнби, считая возможным рассматривать его

Прежде, напомним главные положения «классической» тойнбианской философии истории более позднего периода⁵.

Тойнби в разных местах своей главной работы насчитывает от 13 до 21 цивилизации. В отличие от «примитивных обществ», где вся жизнь подчинена власти традиции, цивилизации всегда имеют возможность самостоятельного выбора путей своего развития. Характерными признаками, которыми формируются исторически и отличаются цивилизации друг от друга, являются: особый стиль в искусстве и особые «доминирующие линии активности» (в Индии – религиозная, в эллинском мире – эстетическая, в Западной Европе – «материалистически-машинная» и т.д.). Отвергая концепцию линейного развития всемирной истории, Тойнби все же указывает на единство человеческой природы.

Важнейшим условием возникновения и развития цивилизации являются получаемые ею «вызовы» и «ответы» на них. «Вызовом» может быть изменение природных условий, освоение новых территорий, иноземное вторжение или даже завоевание, появление внутри цивилизации новых социальных сил, политическая раздробленность и т.д. От «ответа» на эти вызовы зависит судьба цивилизации, число возможных вариантов ограничено спецификой конкретного момента и общими условиями развития данной цивилизации. Каждый ответ должен предполагать новые вызовы, иначе цивилизацию ждет омертвление, «застывание», пассивное приспособление к меняющимся внешним условиям, что почти равносильно гибели. Каждый раз «ответ» на очередной «вызов» дается «творческим меньшинством» – своеобразной интеллектуальной элитой, ведущей за собой массы. Пока все «ответы» удачны, цивилизация благополучно развивается. Но ошибка неизбежно влечет «надлом» цивилизации (breakdown), вслед за которым рано или поздно наступит гибель.

«Надлом» может быть не единичным событием, а длительным процессом. Но после него спасти цивилизацию не сможет никакая сила, никакой даже самый мудрый государственный деятель. Творческое меньшинство теряет авторитет и превращается в «господствующее меньшинство»,

взгляды «в статике». См.: Мучник В.М. Указ. соч. С. 49–51; Рашковский Е.Б. Востокведная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби. М., 1976. С. 93; Семенов Ю.Н. Социальная философия А. Тойнби. М., 1980. С. 12–13. Р. Стромберг называет «Западный вопрос...» «лучшей к тому времени книгой Тойнби, блестящим примером анализа, привлечшим широкое внимание», но, говоря о содержании книги, лишь указывает на ее морализаторский пафос и якобы декларированное в ней разрушительное воздействие Запада на другие цивилизации. Достаточно полно история создания этого произведения отражена только в биографии Тойнби, написанной У. МакНилом. Однако биографический жанр не позволяет автору провести обстоятельный анализ выраженных в этой книге идей. См.: Stromberg R.N. Arnold J. Toynbee. Historian for an age in crisis. L.– Amsterdam, 1972. P. 9; McNeil W. Arnold J. Toynbee. A life. N.Y.– Oxford, 1989.

⁵ См.: Тойнби А. Постижение истории. М., 1991, а также: Мучник В.М. Указ. соч.; Семенов Ю.Н. Указ. соч.; и др.

стремящееся только к сохранению status quo, что становится все более сложным из-за обострения социальных отношений. Выход находят в создании «универсального государства», которое должно спасти общество от разложения. Его идеологической основой может быть как «архаизм» (обращение к традициям прошлого как к единственно верным), так и «футуризм» – полный разрыв с прошлым и безоглядная устремленность в будущее. Внутри цивилизации формируется «внутренний пролетариат» – слой людей, лишенных места в обществе и потерявших ориентацию в жизни. К «универсальному государству» они настроены сначала враждебно, а затем равнодушно. Уйдя от реальной жизни, они занимаются поиском новых идей. При благоприятном исходе это может привести к созданию «новой религии», а в определенных случаях и «высшей религии» вроде буддизма или христианства. Глухое противостояние между «господствующим меньшинством» и «внутренним пролетариатом» подтачивает «универсальное государство» изнутри, лишает его жизненной силы. И тогда «внешний пролетариат» (варварская периферия, ранее находившаяся под культурным влиянием цивилизации) окончательно разрушает внешние формы былой цивилизации, которая при этом гибнет.

Тойнби выстраивает хронологически-иерархическую цепочку цивилизаций, выделяя цивилизации первого поколения (языческие), второго поколения (связанные с великими религиями) и третьего поколения (секулярные). Каждая цивилизация является как бы "ступенью" для последующей. Поворот к секуляризму рассматривается как регресс, ибо целью всего развития человечества является "Царство Божье", под которым Тойнби понимает воссоединение всего человечества в рамках единой вселенской религии синкретического характера.

Итак, Тойнби приходит к мысли об определенном единстве человеческой истории (хотя бы в ее конечном пункте), но оно совсем иного порядка, чем то линейное единство, которое он так бесповоротно отвергал.

Сущность и основные характеристики локальных цивилизаций

События греко-турецкой войны Тойнби рассматривает как пример взаимодействия трех локальных цивилизаций – «Ближневосточной» (Near East), «Средневосточной» (Middle East) и «Западной» (West)⁶.

⁶ Значение этих терминов у Тойнби совершенно нетрадиционно. Фактически он проводит разграничение между цивилизациями по религиозному принципу. «Ближневосточная» цивилизация – это православные страны, наследники Византийской Империи (Сербия, Черногория, Болгария, Румыния, Греция, Россия). «Средневосточная» цивилизация – это страны Ислама (Турция, Персия, Афганистан, Аравия, а также колонии европейских держав, населенные мусульманами). Под «Западной» цивилизацией Тойнби понимает католические и протестантские страны Европы и Америки. Само название книги Тойнби говорит о том, что в центре его внимания будет находиться воздействие Запада на Ближневосточную и Средневосточную цивилизации.

По Тойнби, западное общество – «более тесное и более постоянное единство, чем любое из независимых государств, которые формируются и распадаются в его рамках, или чем империи, состоящие из западных и незападных народов. Его (западного общества) собственные внутренние дела зачастую отвлекают его внимание от пограничных земель (borderlands) и от регионов, лежащих за ними»⁷.

Но это «безразличие» Запада к Востоку находилось в глубоком контрасте с тем огромным влиянием, которое Запад оказывал на «Ближневосточный» и «Средневосточный» мир.

«Эта комбинация максимального воздействия и его минимальной осознанности сделала западный фактор на Ближнем и Среднем Востоке в общем и целом анархической и разрушительной силой, и в то же время он оказался почти единственной позитивной силой в этом районе. При всяком анализе любого современного политического, экономического, религиозного или интеллектуального движения в этих обществах, оно почти всегда оказывается ответом или реакцией на западный стимул. В определенной форме западный стимул там почти неизбежен, а чисто внутренняя инициатива редко поддается обнаружению и, возможно, вовсе отсутствует. Причина состоит в том, что до начала западного проникновения, коренные цивилизации этих регионов были частично или полностью сломлены»⁸.

Далее Тойнби кратко рассматривает исторический путь «Ближневосточной» и «Средневосточной» цивилизаций. Их анализ позволит нам выявить общую систему взглядов «раннего» Тойнби на жизненный путь локальных цивилизаций вообще. «Ближневосточная», или православная цивилизация выросла из руин античной цивилизации в Анатолии и в Константинополе одновременно с ростом цивилизации на Западе. Два общества имели одного «родителя», одинаковый возраст и показали одинаковую внутреннюю силу экспансии, но на этом параллель заканчивается. Западная цивилизация, при всех ее конечных ограничениях, с тех пор продолжала развиваться и расширяться, в то время как Ближневосточная цивилизация после более блестящего начала, неожиданно сломилась в XI в. и скатилась к непоправимому упадку, так что к XVII в. ее влияние на умы людей почти угасло повсюду, за исключением России.

Причину такого поворота событий Тойнби видит, прежде всего, в преимущественном развитии в православных странах государственной власти в ущерб всем прочим институтам. Гипертрофированная роль государства привела к тому, что цер-

⁷ Toynbee A.J. The Western Question... P. 4.

⁸ Ibid. P. 5.

ковь стала его «департаментом», а не межгосударственным общецивилизационным институтом, как на Западе. Отдельные общественные группы и корпорации никогда не боролись за автономию, поэтому не было ничего, что могло бы удерживать два сильных православных государства от столкновения. В результате мирное сосуществование первого Болгарского Царства и Византийской Империи оказалось невозможным, что привело к фатальной «столетней войне» между ними (913–1019). Болгария была временно подчинена Византии, а победившая империя настолько ослаблена, что стала легкой добычей сначала тюркских сельджуков, а затем крестоносцев. Столкновение византийцев с крестоносцами вызвало у первых такую антипатию по отношению к Западу, что в дальнейшем многие из них предпочитали поклониться турецкому турбану, нежели папской тиаре. Это обстоятельство, разумеется, облегчило туркам-османам завоевание православного мира. Но и после него антипатия греков по отношению к «латинскому» Западу долго сохранялась.

Только с начала XVIII в. в странах «Ближневосточной» цивилизации возобладала вестернизаторская тенденция. Причем произошло это почти одновременно и в России (во время петровских реформ), и в подвластных Турции православных странах. Перемены внутри самого Запада дали возможность другим народам воспринимать те или иные элементы западной культуры без принятия западных религиозных догматов. То обстоятельство, что православные народы смотрели теперь на Запад не как на средоточие ереси и обиталище «варваров-франков», а как на «просвещенную Европу», имело для них гораздо большее значение, чем все дипломатические интриги вокруг «восточного вопроса». Произошло принятие западной одежды и западных манер, западного коммерческого и административного опыта, и, самое главное, – западных идей. Переводы западной литературы и подражание ей подтолкнули развитие народных языков «Ближневосточных» народов, на которых в средние века не создавалось почти никакой литературы. За два с половиной века «Ближний Восток», утратив свою особенную цивилизацию, с головой окупнулся (has flung itself) в движение Запада практически без всяких ограничений и возможностей для отхода⁹.

Судьба «Средневосточной» цивилизации, появившейся на свет из руин древних цивилизаций Египта и Месопотамии, была

⁹ Ibid. P. 6–9.

несколько иной. Она появилась на свет из руин. В отличие от «Ближневосточной» цивилизации, она имела различных с Западом предков и была моложе Запада примерно на шесть веков. После крушения халифата Аббасидов «Средневосточная» цивилизация пережила период «междоцарствия» и варварских нашествий кочевников. Многообещающее возрождение относится примерно к рубежу XIII–XIV вв. В Османской Империи проявился политический и военный гений, в Сефевидской Персии – религиозные искания, выразившиеся в возрождении шиитской доктрины. От Константинополя до Дели создавались шедевры архитектуры. Но «надлом» этой цивилизации произошел очень скоро, и на более ранней стадии, чем в православном мире. И в Могольской, и в Оттоманской империях упадок жизнеспособности и творческих сил был заметен уже к концу XVI в. К 1774 г. Могольская и Сефевидская империи погибли, а Оттоманская была, казалось, в предсмертной агонии.

Причина коренилась в государственном строе этих империй. Система отбора, обучения и службы солдат и чиновников была в них разработана почти столь же скрупулезно, как в идеальном государстве Платона, но и в той же степени противостественна. Османы и Моголы попытались перенести на условия земледельческого общества порядки и обычаи, выработанные в период их кочевого прошлого. Отношения между правителем, его слугами и подданными строились как отношения между пастухом, сторожевыми собаками и стадом (именно так переводится термин «райя», использовавшийся турками по отношению к крестьянам покоренных земель). Ненадежность этой структуры проявилась, когда «сторожевые собаки» стали поднимать мятежи против своего правителя гораздо раньше, чем «стадо». Но главная опасность заключалась в том, что эксперимент с внедрением этих институтов проводился не на пустом месте. Подвластное мусульманским правителям население было наследником более древних цивилизаций («Ближневосточной» и «Индусской»), а близость Западной цивилизации делала такие эксперименты особенно опасными. Своевременный пересмотр организационной структуры мог бы спасти «Средневосточную» цивилизацию, но этого не произошло. Тойнби, однако, оговаривается, что речь идет лишь о частичном «надломе».

«Цивилизации, как и люди, происходят от двух родителей, и во всех новых цивилизациях, чью родословную мы можем проследить, наследие цивилизованной матери всегда было более важным, чем наследие варвара, совершившего над ней насилие. И на Западе, и на Ближнем и

Среднем Востоке наследие от материнской цивилизации передавалось в форме «универсальных религий» – христианских церквей в двух первых случаях, ислама в последнем. Так же, как христианство на Западе пережило неудачу первых «тевтонских» королевств, так же и ислам пережил упадок власти Моголов и Османов. Более того, поскольку Средне-восточная цивилизация на шестьсот лет моложе Западной, позиции ислама там значительно сильнее позиций христианства среди нас. Как выразитель чувств и идей, как связующая сила общества, он, по крайней мере, столь же силен, как христианство на Западе в XIV веке, и даже еще более незаменим. Поскольку на Среднем Востоке еще не было создано ни одной успешной светской структуры, поскольку подчиненные носители индусской и «Ближневосточной» цивилизаций уже затрубили в свой рог и поскольку Запад уже проник за разрушенные стены, ислам, и только ислам держит сейчас Средний Восток вместе»¹⁰.

Как видим, уже на этом этапе своего творчества Тойнби придает огромное значение религии как фактору, отделяющему одну цивилизацию от другой. В его понимании, цивилизация – это не столько географическая или этническая реальность, сколько определенный фактор коллективного сознания:

«Конфликты между цивилизациями ужасны, поскольку цивилизации, это наиболее реальные и фундаментальные формы человеческого общества. Но именно потому, что они – главные движущие силы, их различие заключается не во внешних проявлениях, таких как цвет кожи, психические особенности или язык, но в образе мышления. И если эфиоп не может изменить цвета кожи, иностранец – избавиться от акцента, а подданному определенного правительства трудно сменить свидетельство о рождении, то человеческие умы можно даже в последний момент отратить от разрушительного пути. Цивилизации различаются по образу мышления, и, к счастью, есть широкие возможности урегулировать взаимоотношения между представителями различных цивилизаций»¹¹.

В конце книги Тойнби углубляет и развивает эти идеи. Он стремится категорически опровергнуть существующие на Западе предрассудки о странах Востока, как о средоточии варварства и обществе, неспособном к прогрессу. Тойнби выделяет три «фальшивых антитезы», укорененных в западном сознании, имея в виду противопоставление христианства и ислама, Европы и Азии, цивилизации и варварства.

Первое противопоставление неверно, по мнению Тойнби, потому что «христианство» не является эквивалентом Запада, а «ислам» – противоположностью западным идеалам. Христианство – лишь общее название для представителей трех совер-

¹⁰ Ibid. P. 12.

¹¹ Ibid. P. 36.

шенно различных цивилизаций, показывающее, что они имели общего предка. Последователей несторианских и монофизитских церквей, отколовшихся от остальных христиан в IV–V вв., Тойнби причисляет к Средневосточной цивилизации, так как эти церковные схизмы были в свое время актом протеста негреческого населения против эллинизации в рамках Византийской империи. Именно эти группы населения впоследствии охотнее всего принимали ислам. Точно так же разрыв между православной и католической церквами способствовал обособлению их последователей в две различные цивилизации (Ближневосточную и Западную). Столетия раздельного существования дали разным направлениям христианства совершенно различный духовный опыт, отрезав их от великих событий и людей других христианских конфессий. Поэтому их «общая христианская вера» – не факт реальной действительности, а исторический курьез.

В то же время ислам не чужд Западу. Отношение мусульман к Западу отличается от отношения христиан-монофизитов скорее степенью, чем характером. Обе религии выступают за последовательный монотеизм против догмата о Троице, и обе появились как протест против эллинизации. В то же время, «в жилах» ислама «течет кровь» тех же «предков», что и у христианства. Влияние греческих оригиналов на раннюю мусульманскую литературу, римского права на мусульманское, эллинистических идей и институтов на исламские все больше и больше привлекает внимание востоковедов.

То, что ислам якобы не способен к прогрессу, Тойнби опровергает тем, что ислам на 600 лет моложе христианства.

Автор приводит возможные (весьма нелестные) отзывы стороннего наблюдателя (китайца) о Западной цивилизации в XIV столетии после рождения ее основателя. Тогда Запад, казалось, не показывал никаких возможностей для развития, но впереди были Возрождение и Реформация. Точно также в 1340 г. хиджры (1922 г. от Р.Х. – год написания книги) нельзя предугадать возможные будущие достижения исламской цивилизации. Поэтому бессмысленно упрекать многих мусульман за то, что они не приемлют западного прогресса, не имея представления об их собственных понятиях прогресса. Это было бы столь же бессмысленно, как упрекать собственных предков, живших в XIV в. за то, что они не восприняли китайскую систему ценностей¹².

Противопоставление Европы и Азии кажется Тойнби совершенно абсурдным уже потому, что сама история многих

¹² Ibid. P. 329–332.

стран и народов, а также современное Тойнби состояние Турции и России показывают, что ни Уральские горы, ни Черноморские проливы не являются серьезными барьерами на пути расширения государств и культурных влияний.

Противопоставление между «варварством» и «цивилизацией», между кочевым и оседлым образом жизни, которое многие склонны были переносить на современных греков и турок, видя наследников древних эллинов в одних и потомков диких гуннов и сельджуков в других, Тойнби опровергает целым рядом аргументов. По его мнению, понятия «турок» и «грек» в начале XX в. практически ничего общего не имели с аналогичными понятиями древности и средневековья. Большинство современных турок – потомки греков и армян, принявших ислам и усвоивших язык немногочисленных завоевателей. Современные же греки переняли увлечение античностью с Запада, и называть их «эллинами» – такой же анахронизм, как называть швейцарцев «гельветами»¹³.

Взаимоотношения между кочевым и земледельческим миром, которые на протяжении истории принимали иногда драматический и даже кровавый характер, объясняются Тойнби как следствие чисто климатических причин – чередования «сухих» и «влажных» периодов с циклом примерно в 600 лет.

В «сухие» периоды кочевники нападали на земледельческие районы в поисках новых пастбищ, во время «влажных» периодов земледельцы медленно продвигались в степи в поисках новых угодий. Большую часть времени кочевник и крестьянин мирно сосуществуют, пока перемена климата снова не заставит изменить границы их среды обитания. При этом кочевника, вторгающегося в чужие владения, рассматривают как «людоеда», в то время как занимающий чужие земли крестьянин или вовсе не получает оценки, или рассматривается как апостол цивилизации. Происходит это, во-первых, потому, что тактика кочевника более драматична и производит большее впечатление на воображение, чем тактика крестьянина. Во-вторых, «история пишется оседлыми народами для оседлых народов, которые являются наиболее многочисленной и образованной частью человечества, в то время как кочевник обычно страдает, чахнет и исчезает, не рассказав своей истории. Однако, если бы он записал ее, он мог бы изобразить нас как монстров»¹⁴.

Итак, можно констатировать, что в начале 20-х годов у Тойнби уже сформировалось понятие локальной цивилизации как основной движущей силы человеческой истории. Цивилизация при этом мыслилась как духовная общность людей, опреде-

¹³ Ibid. P. 334–337.

¹⁴ Ibid. P. 339–341.

лявшаяся в первую очередь религиозной традицией. Концепции «вызова» и «ответа», хоть и не декларируются явно, тем не менее, уже присутствуют в его построениях (западное влияние рассматривается как «вызов» для «Ближневосточной» и «Средне-восточной» цивилизаций, а происходящие в них процессы адаптации к этому влиянию – как «ответ» на него). Вполне сформировалось и понятие «надлома» цивилизации, как такого рокового события в ее жизни, которое ведет или к утрате государственности, или к чрезвычайному ее ослаблению. Причины «надлома» Тойнби видит в неправильной организации общества и власти (гипертрофия государства – в православных странах, необдуманное перенесение кочевых институтов на оседлую жизнь – в мусульманских). «Цивилизации» для Тойнби уже в этот период не являются замкнутыми в себе организмами. Они имеют предшественников – «родителей» и тесно взаимодействуют между собой на определенном этапе своего развития.

Взаимодействие локальных цивилизаций Концепция «вестернизации»

Путешествие по охваченным войной Греции и Турции дало Тойнби возможность наблюдать «живой пример» такого взаимодействия. По его мнению, ключевую роль в возникновении греко-турецкого конфликта сыграло влияние Запада (иногда им самим неосознанное). Для «Ближневосточной» цивилизации (греков и других православных народов Балканского полуострова) «вестернизация», начавшаяся на рубеже XVII–XVIII вв. после периода длительной самоизоляции, обернулась практически полной утратой своей самобытности. В отношении России Тойнби делает некоторое исключение.

Величие России «не может быть просто объяснено материальными факторами, такими, как более раннее достижение независимости от Ближневосточных завоевателей, или ее большей территорией, населением и ресурсами. Это, безусловно, способствовало ее военным и дипломатическим достижениям, но не ее вкладу в литературу и музыку – сферы, в которых величие никак не связано с людскими ресурсами, минералами, оружием и границами. Секрет умственного величия России состоит в том, что она сохранила свою духовную индивидуальность. Идя навстречу Западу, она отказалась полностью подчиниться ему. Эта сохраняющаяся независимость мысли... является динамической силой недавней русской истории – источник, от которого произошли и гениальные творения, и «смутные времена». В политике его многообразное присутствие различимо в движениях самой противоположной природы. Реакционное славянофильство девятнадцатого века было откатом от вестернизации и возвращением назад к

мистическому «золотому веку» – к тем временам, когда чистая человеческая жизнь в лесах и болотах еще не получила какого-нибудь определенного воздействия любой цивилизации. Также и революционный большевизм двадцатого века является восторженным принятием того осуждения, которое западное сознание само высказывало о структуре западного общества. Западу было достаточно отметить и учесть эту самокритику. Россия ревностно восприняла ее и сделала ее основой для не-западного плана перестройки собственной жизни. То же настроение отчужденности по отношению к Западу и антипатия к его всепроницающему влиянию на русскую жизнь безусловно вдохновляло и русскую литературу. Ее сверхъестественная пронизательность, ее сверхчеловеческая широта взгляда, ее сила объективного описания и анализа, ее меланхолия и утонченное беспокойство которое ей удается передать даже западным читателям, может быть выведена из этого психологического источника. Не может быть большей разницы, чем та, что существует между этим гением другого современного Ближневосточного народа и духом современной Греции. То, что Россия сохранила и создала, показывает степень того, что Греция потеряла, или не смогла завоевать, и помогает нам найти формулу того проклятия, которое Запад наложил на нее. Это – духовное обнищание»¹⁵.

«Средневосточная» цивилизация также подверглась «вестернизации», но иначе, чем в странах православного христианства. Главными факторами тут стали сильное «антизападное» воздействие мусульманской религии и более позднее начало¹⁶ и очень ограниченный характер этого процесса.

«Хотя Османская Империя путем принятия западных методов достигла того, что казалось невозможным полутора столетиями ранее, и дожила, хоть и с уменьшенной территорией и суверенитетом, до наших дней, она никогда не заходила дальше минимальной степени вестернизации, необходимой для спасения себя, в данный конкретный момент, от падения. Она заимствовала больше техники, чем идей, больше военных технологий, чем административных, больше административных технологий, чем экономических и образовательных. Таким образом, если бы вестернизация была сама по себе высшим благом для незападных народов, Средневосточный мир, просто потому, что он не является *tabula rasa*, был бы менее подходящим полем для прогресса человечества, чем Ближневосточный мир. Но подобное предположение недопустимо, сколь бы лестным и поэтому правдоподобным для западных умов оно ни было. Средневосточная цивилизация, будучи во многих вещах очевидно менее успешной, чем Западная, тоже может содержать в себе различные ценные возможности, и ее исчезновение было бы потерей,

¹⁵ Ibid. P. 351–352.

¹⁶ Тойнби относит его к 1774 г., к заключению Кучук-Кайнарджийского мира, навязанного Турции Россией и впервые позволившего иностранной державе вмешиваться во внутренние дела Османской Империи.

какой уже стало исчезновение Ближневосточной цивилизации в юго-восточной Европе. Однако очевидность того, что «вестернизация» Среднего Востока будет только частичной, как и его «надлом» – это благо, а не бедствие. Бедствие произойдет, если исламский элемент Средневосточной цивилизации и конструктивный элемент современной западной жизни окажутся несовместимы, поскольку тогда сохранение ислама на Среднем Востоке может определенно расстроить развитие Средневосточного общества и вовлечь два мира в непримиримый конфликт. Но эта непримиримость, хотя и утверждается часто, опровергается тем *modus vivendi* между исламом и западным духом, который Средневосточные народы вырабатывают в своей внутренней жизни и в своих отношениях с Западом в течение последних 150 лет. Их проблема сложнее, чем у их ближневосточных соседей, ее решение займет больше времени, и они начали ее решать веком позже. Но она безусловно не является неразрешимой, и когда *modus vivendi* будет создан, он сможет принести большие плоды, чем те, которые ожидаются от более полной ассимиляции Среднего Востока западным характером»¹⁷.

Указав на разницу процессов «вестернизации» двух цивилизаций, Тойнби отмечает, что несмотря на нее, оба общества «двигаются по одной дороге в одном направлении». Впечатление, что православный мир гораздо ближе к Западу, чем мусульманский, обманчиво, поскольку базируется на ошибочном убеждении в статичности трех обществ.

«В то время, как Ближний и Средний Восток приближаются к Западу в разной степени, с разными интервалами и с разных позиций, Запад все время совершает собственное движение. Относительность является столь же фундаментальным законом в человеческой жизни, сколь, как теперь оказывается, и в физической вселенной. И когда она игнорируется, правильное понимание прошедшей истории и современной политики становится невозможным»¹⁸.

Тойнби видит в процессах «вестернизации» в двух цивилизациях, больше сходств, чем различий. Главное сходство состоит в том, что выживание обеих цивилизаций после «надлома» их собственных «форм жизни» перед лицом экспансии Запада, возможно только путем принятия некоторых западных элементов. Греция это сделала во время своей борьбы за независимость, а Турция – во время реформ Танзимата в 1840-х годах.

«Каждый раз это внедрение западной жизни, которое необходимо для народов, испытывающих его, радостно ими принимается и сознательно ими проводится, поскольку они осознают, что это – аль-

¹⁷ Ibid. P. 12–14.

¹⁸ Ibid. P. 14.

тернатива упадку, производит беспорядок в их жизни. Это – новое вино, наливаемое с старые мехи неожиданно и неуклюже»¹⁹.

То же самое происходит с идеями, институтами и интеллектуальной деятельностью. Яркий пример – западная политическая «идея национальности». Народы Ближнего и Среднего Востока вынуждены были так или иначе прилагать эту идею к собственной жизни, поскольку только на ее основе они могли принимать участие в современной политической жизни. Это происходило потому, что на Западе идея национальности воспринимается как нечто естественное и непреложное, но Западная Европа, в которой большинство государств строится на единстве разговорного языка населения, является скорее исключением, чем правилом (мирное существование Бельгии и Швейцарии показывает, что даже на Западе этот принцип не доводится до крайности). Наличие больших блоков «одноязычного» населения совершенно не типично для цивилизаций, которые постоянно включают в себя пополнения из самых разных мест. Это является общим правилом для всех цивилизаций, кроме Западной.

На Ближнем и Среднем Востоке люди, говорившие на разных языках, были географически перемешаны и не представляли собой локальных групп, способных к независимой политической жизни, а составляли скорее различные экономические классы, сотрудничество которых необходимо для благополучия любого местного государства. Поэтому внедрение западной формулы среди этих народов привело к взаимной ненависти и резне. Формула была применена жестко и непреклонно, поскольку у нее не было здесь собственной истории, а местные институты, которые могли бы ее модифицировать, были уже сломлены. Идея национальности применялась во все более диких формах по мере того, как она требовала все новой дани страданий и озлобления. Столетие, прошедшее с начала греческой войны за независимость до момента написания книги было наполнено взаимным истреблением и угнетением греков, турок, армян, болгар, сербов, албанцев и других народов на землях Османской Империи и отделявшихся от нее новых национальных государств. Греко-турецкая война, свидетелем которой стал Тойнби, это лишь продолжение того же процесса²⁰.

Иными словами – взаимная жестокость народов Ближнего и Среднего Востока происходит не из-за отрицательных качеств их собственных цивилизаций, а является отрицательным последствием их «вестернизации», выразившейся в принятии изначально чуждой им «идеи национальности».

¹⁹ Ibid. P. 15.

²⁰ Ibid. P. 15–17.

Тойнби задумывается о причинах восприимчивости Ближневосточной и Средневосточной цивилизаций к столь разрушительной западной идее, и приходит к выводу, что подобный поворот событий был неизбежен именно вследствие «надлома» собственных институтов этих народов и усиления необратимого доминирующего воздействия со стороны Запада.

«Но когда, после столетия разорения и кровопролития возникшие в результате Югославское, Румынское, Греческое, Болгарское, Албанское, Турецкое, Арабское, Армянское, Грузинское и другие Ближне- и Средневосточные национальные государства достигнут (если это вообще произойдет) некоторого стабильного равновесия, историк, возможно, оценит движение, произведением которого они стали, как не столь уж большое необходимое зло для политического успеха»²¹.

Таким образом, отрицательные последствия «вестернизации» могут быть нейтрализованы в результате завершения этого процесса и утверждения национальных государств западного типа за пределами изначального распространения Западной цивилизации. Тойнби видит выход не в отказе от вестернизации, а в ее последовательном проведении и избегании крайностей. В частности, он предлагает создать эффективную систему защиты национальных меньшинств, основанную на равноправии, взаимности и стабильности политических границ.

Тойнби рассматривает и другие аспекты «вестернизации». Так, отказавшись от устаревшей янычарской системы, турецкие султаны ввели сначала прусскую модель обучения резервов, а затем – всеобщую воинскую повинность. Была также введена европейская система военного образования.

«Однако эти важнейшие военные реформы поставили турецкую нацию на край гибели, поскольку они были введены искусственно и, следовательно, изолированно от современных достижений в области гигиены, административных методов, честности в управлении, которые в Западных странах, где появилась всеобщая воинская повинность, служили противовесом тем опасностям, которые могли возникнуть от такого расширения власти государства над жизнью человека». Турки стали призывать на военную службу большую часть населения, но так и не научились хорошо одевать своих солдат, регулярно им платить, заботиться об их здоровье и вовремя их демобилизовывать по окончании срока. В результате – непомерно большие потери и разорение хозяйства, лишённого рабочих рук. Все это стало еще одной пагубной стороной вестернизации»²².

²¹ Ibid. P. 18.

²² Ibid. P. 18–20.

Другой пример – греческий язык. Переняв с Запада увлечение античностью, многие деятели греческого освободительного движения предприняли попытку сделать официальным языком нового государства возрожденный древнегреческий язык, с добавлением немногих элементов живого языка тогдашней верхушки греческого общества. Однако этот «очищенный от вульгаризмов» язык оказался непонятен народу. В ответ возникло движение за широкомасштабное использование простонародного языка, который страдал бедностью словарного запаса²³.

Подобные примеры доказывали, что контакты с Западом приводили скорее к разрушительным, чем к созидательным последствиям. Но Тойнби полагал, что характер взаимодействия между цивилизациями с течением времени должен обязательно измениться. Прибегнув к исторической аналогии, он указывал на то, что древние цивилизации Египта и Месопотамии находились в контакте с древнегреческой (или «греко-римской») цивилизацией с начала VII в. до н.э. (когда начались их торговые связи) до конца VII в. н.э. (когда греческий язык был полностью вытеснен из официального употребления в Арабском Халифате).

В течение десяти из этих тринадцати столетий (от Александра Македонского до первых халифов Ислама) Эллинская цивилизация господствовала над Востоком точно также, как в начале XX в. Западная цивилизация господствовала над мусульманским и православным миром. Если сравнивать исторические сроки этих влияний, то легко убедиться, что взаимодействие Западной цивилизации со своими соседями находится только на самой начальной стадии. Контакт Эллинской цивилизации с Египтом и Месопотамией начался с коммерческого, а затем и военного подчинения и завершился «слиянием» (fusion) религиозных представлений, причем в духовной сфере конечная победа осталась за Египтом и Месопотамией.

Таким образом, взаимодействие цивилизаций с течением времени углубилось и сменилось с одностороннего влияния на взаимодействие и закончилось духовным преобладанием завоеванного общества над своими завоевателями. И о такой возможности нужно постоянно помнить, чтобы лучше оценивать происходящие события. Но подобное развитие ситуации все еще является делом отдаленного будущего, поскольку в начале XX столетия даже начальный этап этого взаимодействия (завоевание Востока Западом) был еще далеко не завершен²⁴.

²³ Ibid. P. 20–21.

²⁴ Ibid. P. 22–23.

Тойнби не оставляет без внимания и более близкие перспективы взаимодействия цивилизаций. Поскольку доминирующим направлением этого взаимодействия является прямое или косвенное влияние Запада на все прочие цивилизации, т.е. «вызов» этим цивилизациям со стороны Запада, то, и главная проблема состоит в том, каков будет их «ответ». Здесь Тойнби предполагает три варианта – борьба за господство, отказ от сотрудничества, поиск способов сосуществования (*modus vivendi*).

В том, что реально преобладающее место принадлежит борьбе, виновата политика великих держав Запада как в своих колониях, так и в формально независимых странах Востока (в том числе и в Османской Империи). Воинственный турецкий национализм и панисламизм – это ответ на желание Запада разговаривать с Востоком с позиции силы²⁵.

Проблема национальных и религиозных движений волновала Тойнби и позже. В 1927 г., в очередном «Обзоре международных отношений», специально посвященном событиям в исламском мире в послевоенное время, он дал своеобразную классификацию таких движений. «Ответ» цивилизации на внешнее агрессивное вторжение порождает два типа движений. Тойнби называет их именами политических партий в Иудее эпохи римского господства – «зелоты» и «иродиане».

«Зелоты» крайне негативно воспринимают воздействие более сильной цивилизации и проклинают любой ее элемент как противоречащий их традициям; будь то элемент одежды или техническое новшество. Классический пример «зелотства» в новое время – движения ваххабитов в Аравии и сануситов в Ливии. «Иродиане», напротив, полностью признают верховенство более развитой цивилизации, стремятся перенять у нее как можно больше достижений, и видят высшее благо своей страны в том, чтобы она смогла «догнать» иноземных учителей. В качестве примера Тойнби рассматривает деятельность Мухаммеда Али в Египте в первой половине XIX века. Поначалу казалось, что эти два движения будут развиваться раздельно. Между ними был даже географический барьер – «зелотство» обосновалось в глубине пустынь, а базой «иродианства» были плодородные долины и богатые портовые города. «Однако эти две тенденции, сколь бы далеки они друг от друга ни были, были возбуждены одновременно одним и тем же раздражающим фактором, и во время войны 1914-18 годов, они начали объединять свои усилия на базе воинственного национализма». «Иродиане» стали приходить к мысли, что реконструкции исламского мира на базе западной концепции национальности нельзя достичь, не сбросив господство Западных держав силой. Но и «зелоты» начинали чувство-

²⁵ Ibid. P. 357–358.

вать, что антизападная кампания не может быть эффективной без западного оружия, западных технологий и западной организации. Эта тенденция проявилась во всех массовых движениях Среднего Востока²⁶. Таким образом, сами антизападные движения испытали на себе сильнейшее воздействие «вестернизации».

Отказ от сотрудничества, бойкот Запада в начале 1920-х годов пропагандировался М. Ганди в Индии. Но исторический опыт показывает, что такая замкнутость приводит либо к силовому прорыву западных стран в ту или иную страну (как случилось с Китаем), либо к внутренней трансформации местного общества на основе западных идей и технологий (Япония).

Нахождение *modus vivendi* представляется Тойнби наиболее предпочтительным вариантом взаимодействия современных цивилизаций. Главную роль в этом историк отводит Западу, как величайшей цивилизации мира. Запад уже оказывает огромное воздействие на остальной мир, и задача состоит не в том, чтобы отказаться от этого, но в том, чтобы сделать это воздействие более осознанным и разумным. Чтобы избежать пагубного воздействия существующей ситуации на самого себя, Запад должен заложить основы «более широкого общества» (*wider society*), в котором несколько великих обществ будут ощущать себя равноправными членами. Опираясь на созданные своим гением мировые системы финансов, коммерции и транспорта, Запад вполне сможет выработать необходимые механизмы «всеобщей Лиги Наций». Создание необходимой для этого духовной атмосферы должно стать испытанием истинного величия Запада. Главное условие для этого – рассматривать другие цивилизации как равные себе и признавать их право на индивидуальность²⁷.

Недостаток внимания Запада к другим цивилизациям при том огромном влиянии, которое он на них оказывал, имел много отрицательных последствий для развития событий в мире. Но это невнимание является своеобразным показателем «состояния здоровья» самого Запада.

«Пока цивилизация реализует свои возможности и развивается в соответствии со своим собственным гением, она представляет собой самодостаточную вселенную (*a universe in itself*). Воздействия извне отвлекают ее, не принося ей вдохновения, и поэтому она, насколько возможно, исключает их из своего сознания. Но ни одна цивилизация

²⁶ *Toynbee A.J. Survey of International Affairs. 1925. V. I. The Islamic World since the Peace Settlement. Oxford – L., 1927. P. 6–7.*

²⁷ *Toynbee A.J. The Western Question ... P. 358–362.*

еще не нашла секрета вечной молодости, а тем более бессмертия. Раньше или позже каждая из них сталкивается с некоей непоправимой катастрофой, которая не только останавливает их рост, но и странным образом изменяет их сущность. Сталь, некогда чистая и прочная, становится мягкой и ржавой. Это – трагическая трансформация. Но эта ржавчина, которая в глазах мастера выглядит грязным наростом, перед научным взглядом предстает как сложное образование, в котором несхожие элементы, чудесным образом смешанные, приобретают признаки, несвойственные каждому из них до соединения»²⁸.

Тойнби считает, что восприимчивость к внешним влияниям свойственна только «старым» цивилизациям, уже пережившим «надлом». Отсутствие этого качества у Запада показывает, что он еще находится на стадии поступательного развития, которое, однако, не будет вечным.

Итак, взаимодействие цивилизаций рассматривается Тойнби в «Западном вопросе» главным образом в плане вестернизации – прямого или косвенного влияния Западной цивилизации на Ближневосточную и Средневосточную, вследствие «надлома» собственных культурных и политических институтов. В странах Ближнего Востока (т.е. православных) вестернизация привела к почти полной утрате цивилизационной индивидуальности (за исключением России). На Среднем Востоке (в Османской Империи) вестернизация затронула в первую очередь военную и административную структуру, что привело к сильным перекосам в развитии страны. В обоих случаях неподготовленное принятие западных принципов и идей (таких, как «идея национальности») приводило к катастрофическим последствиям. Однако Тойнби понимает необратимость вестернизации и ее историческую обусловленность. Выход из создавшегося положения он видит в превращении стихийной и во многом насильственной вестернизации в осознанное стремление к созданию своеобразного содружества цивилизаций, основанного на равноправии. При этом Западной цивилизации отводится организующая роль. Он станет «первой среди равных», причем Западу, конечно же, придется отказаться от любых корыстных устремлений»²⁹.

²⁸ Ibid. P. 362–363.

²⁹ Биограф писателя У. МакНил считает, что в этот период Тойнби находился под сильным влиянием Шпенглера. Основание для этого ему дают высказывания Тойнби об отсутствии взаимных влияний между цивилизациями в период их поступательного развития и о том, что такие влияния являются признаком упадка цивилизации (см.: *McNeil W. Op. cit.* P. 02–103, 110). Однако, МакНил не замечает существенных различий между концепциями двух философов, выра-

Другие варианты межцивилизационного взаимодействия Тойнби не рассматривает³⁰. Запад, по его мнению, еще не нуждается в каком-либо внешнем воздействии, которое является делом далекого будущего.

Итак, к 1922 году у Тойнби в основном сложилась своя оригинальная концепция всемирной истории. В общих чертах она соответствовала взглядам, изложенным позднее в его главном труде – «Постижении истории». В книге «Западный вопрос...» уже присутствует довольно развитая концепция существования, развития и взаимодействия локальных цивилизаций. Уже в этот период в основу определения и дифференциации цивилизаций кладется религиозный принцип. Достаточно явно прослеживается теория «вызова» и «ответа», хотя сами эти термины пока отсутствуют. Хорошо разработанным выглядит понятие «надлома» цивилизаций как неизбежного поворотного пункта их истории. Подробно рассматривается взаимодействие между цивилизациями, прежде всего в форме «вестернизации».

От более поздних взглядов историка, концепция, отраженная в «Западном вопросе...», отличается значительно большим европоцентризмом (представление об особой миссии Запада в поисках путей взаимодействия между цивилизациями) и более оптимистическим настроением относительно современного состояния и ближайших исторических перспектив самого Запада. Такие важные понятия позднейшей тойнбианской философии истории, как «творческое меньшинство», «внутренний и внешний пролетариат», «мировое государство» еще отсутствуют и, очевидно, стали плодом позднейшей эволюции взглядов Тойнби.

Можно с уверенностью сказать, что историко-философская концепция классика «цивилизационного подхода» стала результатом не только кабинетных и академических штудий. Огромное влияние на ее формирование оказало непосредственное наблюдение современных Тойнби исторических событий, таких как греко-турецкая война 1919-22 годов.

жившихся в отсутствии у Тойнби шпенглеровской «биологизации» исторического процесса, в меньшей категоричности его высказываний, в значительной разработанности у Тойнби характерных особенностей цивилизаций, испытывающих на себе внешнее влияние, в большом различии между «частичной» (Турция, Россия) и «полной» (Греция) вестернизацией.

³⁰ Взаимодействие между Ближневосточной и Средневосточной цивилизациями Тойнби не анализирует, ограничиваясь лишь приведением некоторых фактов из истории Турции, Византии и современной Греции.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРОШЛОМУ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

О.В. Хазанов (Томск)

ЕВРЕЙСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ИСТОРИЗМ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

«Идея истории» – важнейший аспект нашего современного мировосприятия. По словам Ф. Ницше, она выступает в качестве одного из родовых качеств, выделяющих человека из мира природы и представляет собой важнейшую универсалию культуры¹. Зародившаяся в глубокой древности в умах представителей разных цивилизаций противоположных сторон ойкумены – от Средиземноморья до долин рек Янцзы и Хуанхэ, эта идея проявилась как на уровне мифосознания, так и на уровне развитого историографического дискурса. Однако следует признать и то, что степень погруженности в нее у различных народов была разной. Кроме того, влияние известных национальных историографических традиций на процесс дальнейшего становления и развития историзма было не одинаковым. По другому мы можем выразить эту мысль таким образом: если «линия Геродота» имеет своим пусть не прямым, но все-таки очевидно просматриваемым продолжением всю последующую европейскую историографию, обретшую с определенного периода времени статус мировой, то влияние «линии Сыма Цяня», столь же очевидно, ограничивается рамками конфуцианско-буддийского региона.

Темой статьи станет еще одна национальная традиция, влияние которой на мировой историографический процесс бесспорно. Речь пойдет о еврейском историзме и связанных с ним доминантах еврейского национального сознания. Сегодня общепризнанным является тот факт, что еврейский взгляд на историю наряду с греческой историографией заложил основы европей-

¹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Т.1. М., 1990. С. 158–230.

ского историзма². Однако, пройдя соответствующее преломление сквозь призму христианского сознания, еврейский историзм претерпел значительные изменения. Сохранилось линейное восприятие времени, а также библейская концепция единого человечества, то есть, пожалуй, самые важные параметры, выделяющие еврейский историзм из широкого спектра традиционных моделей восприятия истории. Но ушли многие другие его важные составляющие: прежде всего, национальный аспект, вне контекста которого сама идея истории в еврейском понимании теряла свое значение. Выделить и проанализировать некоторые существенные черты еврейского религиозного историзма³, определившие его специфику и отличия от других известных исторических моделей, – главная задача настоящей статьи. В ее решении имеет смысл сочетать историко-генетический подход к исследуемому явлению с идиографическим (или феноменологическим), выделяя как важные вехи в развитии еврейского религиозного историзма, так и определившиеся в ходе этого развития фундаментальные черты еврейской ментальности.

Начнем с констатации того факта, что до сих пор в основании научной картины, отражающей главные этапы исторического процесса библейской эпохи, лежит схема ТаНаХа⁴. В соответствии с ней всю историю еврейского народа можно разделить на несколько больших периодов. Первый период – с XIX по XIII вв. до н.э. – от праотца Авраама до Исхода из Егип-

² См.: Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987. Вейнберг И.П. Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993. Шичалин Ю.А. Античность – Европа – история. М., 1999.

³ Под историзмом вообще можно понимать представления людей той или иной эпохи, принадлежащих к той или иной культурной или национальной общности, о прошлом, его связи с настоящим и будущим. Понятие же "религиозный историзм" предполагает, что данные представления оказываются включены в состав религиозного сознания в целом, и определяются в основных своих параметрах присущей данной общности религиозной системой. Религиозный историзм, таким образом, оказывается присущ практически всем обществам, начиная с эпохи становления еще первобытного сознания. На протяжении многих веков и тысячелетий он менял свои формы. Одна из них оказалась в центре внимания в данной работе.

⁴ Термин ТаНаХ используется мной в качестве названия еврейского Священного Канона как принятый в самой еврейской среде и, кроме того, как удачно отражающий саму тройственную структуру данного текста: Тора, Пророки (Невиим) и Писания (Кетувим).

та, отражен на сегодняшний день только в еврейском Священном тексте и не имеет пока серьезных альтернативных свидетельств, подтверждающих или, напротив, опровергающих данные ТаНаХа. Период этот очень важен с точки зрения его влияния на формирование еврейского национального религиозно-исторического сознания, ибо в нем есть ряд существенных вех, во многом определивших основные доминанты еврейского мировоззрения в целом. Собственно, именно на данном этапе своей истории, если верить Преданию, еврейский народ пережил самую радикальную "модернизацию", обусловившую всю последующую его судьбу на века и даже тысячелетия.

Этот переломный момент может быть обозначен одним словом: **Синай**. С него берет отсчет история еврейского народа, пришедшая на смену рассказам об отцах-патриархах, здесь был заключен Завет между Богом и избранным им народом, отсюда евреи начали выполнение своей миссии, возложенной на них Всевышним, тогда возникло нерасторжимое единство трех понятий: «евреи», «Бог» и «история», подвергавшееся на протяжении последних двух веков особенно интенсивным испытаниям на прочность, но, несмотря ни на что, сохранявшее статус конституирующего начала еврейской цивилизации. Логическим завершением первого этапа было завоевание евреями Ханаана и создание там независимого государства, возглавляемого династией царя Давида, а также строительство Храма в Иерусалиме. С этого времени «богоизбранный народ», «богоизбранная династия» и «богоизбранная земля» также составят нерасторжимое единство в сознании самих евреев, определив их отношение ко всем последующим событиям своей истории, как либо разрушающим данное единство, либо его восстанавливающим.

Я закавычил использованное выше понятие "модернизация", дабы отделить его от общеупотребимого термина, обозначающего трансформацию всего жизненного и мировоззренческого уклада, переживаемого обществом при его переходе от стадии традиционного к нетрадиционному (или буржуазному). Однако уже сам по себе факт фундаментальной трансформации основ, даже если он является не "*фактом истории*", а только "*фактом исторического сознания*", имел серьезнейшие последствия в определении дальнейшей судьбы еврейской цивилизации в целом. Уже тогда в глубокой древности стала формироваться одна из важнейших доминант еврейского сознания, а именно **установка на инновацию**, и еврейский религиозный историзм сыграл в процессе ее оформления ведущую роль.

Проблема готовности того или иного народа или той или иной цивилизации принять изменения своих конституирующих основ не как неизбежное "зло", а как насущную необходимость (именно это мы понимаем под *установкой на инновацию*), многоаспектна. Она тесно связана с вопросом о социальном устройстве данного сообщества, о преобладающем виде или видах экономической деятельности, о господствующем типе властных отношений, скрепляющих данный коллектив и обеспечивающих само его существование. Однако, как блестяще продемонстрировал в свое время немецкий социолог М. Вебер, построивший альтернативную марксистской модель становления нового буржуазного общества в Европе⁵, идеология, а для традиционного общества – религиозная идеология, играет если не большую, то, по крайней мере, сопоставимую роль в процессе модернизации, наряду с перечисленными выше так называемыми объективными факторами.

Итак, мы выделили конкретный аспект в сознании еврейского народа⁶, который, как нам представляется, сыграл в дальнейшем не последнюю роль в адаптации евреев к новым условиям "западного мира" в самом широком понимании этого слова. Очевидно, что в еврейском сознании установка на инновацию возникла не сразу. Она формировалась в течение длительного времени, то усиливаясь, то ослабевая, но всегда оставаясь неким фокусом, концентрирующим религиозное сознание евреев на задаче обновления себя и мира. Само оформление и позиционирование еврейского религиозного историзма как такового было по масштабам древности явлением уникальным.

Большинство традиционных культур характеризовалось, по меткому замечанию М. Элиаде, «отказом от истории»⁷ или ее «упразднением»⁸. Замкнутый сам на себя миф, названный К. Леви-Строссом «машиной для уничтожения времени»⁹, обеспечивал тот духовный комфорт, на расставание с которым у

⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. М., 1990. С. 61-272.

⁶ В данной работе сознательно используются оба понятия – и «еврейский народ» и «еврейская цивилизация» без проведения различий между их содержанием и вне контекста идущей сегодня по этому поводу оживленной научной дискуссии.

⁷ Элиаде М. Космос и история М., 1987. С. 111.

⁸ Там же. С. 66.

⁹ К. Леви-Стросс. Структура мифов // Вопросы философии. 1967. № 7. С. 155.

многих народов уходили века и даже тысячелетия. "Еврейский же миф" представляется явлением совершенно особым. Не будучи еще ни на йоту подвергнут разъедающему воздействию "логоса", он оказался каким-то "чудесным образом" насквозь пропитан историей. На страницах Священного Писания мы наблюдаем разворачивание событий, связанных даже с легендарными периодами истории еврейского народа, как происходящих не в мифологических, а в конкретно-исторических времени и пространстве. Это отнюдь не означает, что у евреев уже на ранней стадии складывания их цивилизации формируется строгая историко-критическая рефлексия, и "исторический миф" вытесняется "историческим логосом". Напротив, внимательное отношение евреев к истории как раз во многом и определяется их национальным мифом. Именно в его последовательном воплощении в собственной истории профессор А.Ю. Милитарев видит уникальную особенность традиционного еврейства¹⁰. И, как отмечает один из известных современных израильских историографов Й.-Х. Иерушалми, само божественное Откровение в еврейском религиозном сознании вписано в историю:

Постепенно, шаг за шагом, человек пришел к осознанию того, что Бог открывается в череде времен и событий... В религии Торы невозможно вообразить даже попытку бегства от истории. Она открыта навстречу истории, насквозь пропитана и до краев полна ею. История и вера Израиля невозможны одна без другой¹¹.

Сразу оговорюсь, что это общее утверждение израильского автора мне представляется верным лишь для "эпохи ТаНаХа". В "эпоху Талмуда" картина станет принципиально иной.

В чем сокрыта причина столь внимательного отношения евреев к истории? Очевидно, что дать однозначный ответ на данный вопрос не представляется возможным. Вероятно, объяснение этого феномена вообще лежит за пределами строгого научного знания. Поэтому мы позволим себе прибегнуть к конструкции, предложенной в свое время О. Шпенглером в его знаменитой работе «Закат Европы». Говоря об особом восприятии представителями той или иной цивилизации времени и пространства, Шпенглер вводит понятие "прасимвол" или "прафеномен". В этой конструкции нас сначала будет интере-

¹⁰ Милитарев А.Ю. Воплощенный миф? (Размышления об исторической судьбе еврейства) – в рукописи.

¹¹ Иерушалми Й.Х. Историческая память в Писании и талмудической литературе // Новая еврейская школа. 2000. № 8. С. 47.

совать первая ее составляющая – время. То, как оно воспринималось носителями той или иной культуры, должно было не в последнюю очередь обуславливать их отношение к истории.

Здесь будет уместно провести небольшой компаративистский анализ. Для сравнения возьмем цивилизацию, которая в своем отношении к истории являлась прямой противоположностью еврейской. Таковой с древности и практически вплоть до начала нового времени была Индия. Нельзя утверждать, что у индийцев представление об истории отсутствует полностью. Это не так, но в их представлении, что составляет первостепенное отличие его от еврейского, история вообще не имела "начала". Она рассматривалась как процесс вечного круговращения времени. Причем само время измерялось столь значительными величинами, что история неизбежно вытеснялась космогонией. Такой космогонической единицей в индуизме является *кальпа*, или, по-другому, "день Брахмы", равный "ночи Брахмы". Если перевести эту единицу в человеческое измерение, то она будет равняться 4 320 млн. земных лет. Но этим колоссальным по нашим понятиям промежутком традиционное индийское измерение времени не исчерпывалось. Есть еще и такие понятия как "год Брахмы", равный 360 таких "дней" и "ночей", а также "век Брахмы" продолжительностью 100 "лет"¹². По окончании "века" вся Вселенная исчезает, точнее, она возвращается к изначальному абсолютно непознаваемому и непроявленному Мировому Духу. Происходит так называемая *махапралая* – великое уничтожение. Но проходит еще ровно столько же времени, сколько длился "век Брахмы" и рождается новый Брахма, появляется упорядоченный космос, начинается новая *кальпа*¹³. Очевидно, что при таком измерении времени человеческая история теряет всяческий смысл. Как если бы мы стали во всех подробностях описывать жизнь какого-либо микроорганизма, чье существование в этом мире продолжалось сотые доли секунды. С точки зрения индуизма, смысл человеческой жизни, в отличие от того, что мы наблюдали в еврейском сознании эпохи ТаНаХа, не может быть познан через историю. Может быть, именно поэтому в том море текстов, что дошло до нас от традиционного периода существования индийской цивилизации, мы не обнаруживаем ни од-

¹² Согласно традиционному индийскому «летоисчислению» сейчас идет 51-й «год Брахмы».

¹³ Мифы народов мира. М., 1994. Т. 1. С. 618. См. также: Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977. С. 347–348.

ного в собственном смысле слова исторического произведения. Историю Индии писали греки, китайцы, русские, наконец, англичане, но только не сами индийцы. Им она была почему-то неинтересна. Ведь даже если взять такие более мелкие единицы измерения прошлого, которыми оперирует традиционный индуизм, разделяя на них период "бодрствования" Брахмы, как *юги*, то окажется, что на последнюю из них – *Кали-югу*, начавшуюся по традиционному индуистскому летоисчислению в 3102 г. до н.э.¹⁴, придется вся история человеческой цивилизации. Сам век Кали-юги рассматривается традиционным индуизмом как время общей деградации и разложения. Стоит ли в таких условиях "тратить время" на фиксацию событий, единственное значение которых состоит в свидетельстве все большего удаления человечества от "Божественной Истины"?!
 ПР СДУИНАТ ВСТАВСТ

В тексте же Торы мы встречаем прямую заповедь не только знать историю, но и размышлять над ее смыслом:

Помни дни давние

Раздумывай о годах минувших поколений

(Втор 32:7).

Евреи не только писали историю. Они включили ее в свой Священный Текст, что само по себе тоже беспрецедентно. По всей видимости, это свидетельствует о том, что история имела для них совершенно особый смысл. Подчеркивая данную особенность еврейского историзма, Й.-Х. Иерушалми, сравнивая его с греческим, делает следующий вывод:

...если "отцом истории" справедливо именуют Геродота, то "праотцами историзма", т.е. первооткрывателями смысла истории, следует называть евреев. Народ Израиля был первым народом, осмыслившим решающее значение истории. Тем самым он открыл новый взгляд на мир¹⁵.

Примерно те же идеи мы можем обнаружить в работах выдающегося отечественного философа и исследователя культуры А.Ф. Лосева. Рассматривая отличительные особенности греческого мировосприятия, он писал:

Поскольку в качестве идеала трактовалось *круговое движение*, лучше всего представленное в движениях небесного свода, постольку движение человека и человеческой истории в идеальном плане тоже мыслились как круговые. Это значит, что человек и его история все время трактовались как находящиеся в движении, но это движение всегда

¹⁴ Т.е. как раз тогда, когда разразилась описанная в «Махабхарате» Великая битва.

¹⁵ Иерушалми И.Х. Историческая память в Писании... С. 46.

возвращалось к исходной точке. Таким образом вся человеческая жизнь как бы топталась на месте¹⁶.

Очевидно, что евреи совершили подлинную революцию в восприятии времени. Оно оказалось разомкнутым, динамично-направленным, а не циклично-замкнутым. Это сделало его необратимым. Каждый его конкретный момент должен был проживаться человеком как уникальный и неповторимый. Так в еврейском религиозном мышлении утверждаются обе составляющих историзма уже в современном его понимании - идея *развития* и идея *уникальности*. Отсюда же, в том числе, вытекала и идея значимости каждой конкретной личности, живущей лишь в рамках определенного времени и через него (точнее через процесс ученичества в нем) входящей в жизнь вечную. В трактате Талмуда «Пиркей Авот» такое отношение ко времени будет сформулировано в виде емкого афоризма:

День короток, а работы много; работники ленивы, но плата велика, и Хозяин торопит (Авот 2:15).

Историзм ТаНаХа – это напряженное переживание времени, при котором настоящее есть не то же самое, что прошлое, а будущее принципиально отличается от всего пережитого. Как только время разворачивается в линейной перспективе, немедленно в сознании человека, таким образом его воспринимающего, начинает утверждаться *установка на инновацию*. Когда мы далее чуть подробнее охарактеризуем религиозно-историческую концепцию ТаНаХа, эта установка будет прорисована еще более рельефно.

История начинается с процесса Творения мира. Данный акт оценивается самим Создателем как безусловно положительный. Но совершенно очевидно и то, что данный процесс " семью днями" не ограничивается. В Шестой день Бог создает человека *по образу и подобию Своему*, т.е. со-творцом, обладающим свободой воли. И далее драма истории в ТаНаХе разворачивается как взаимодействие и борьба между божественной и человеческой волей. Здесь следует обратить внимание на появление в ТаНаХе еще двух новаций, введение которых структурирует все его содержание. Это, во-первых, идея **единого человечества**, являющегося **объектом** Божественного Промысла. Сутью же второго положения является то, что согласно историософии Та-

¹⁶ Лосев А. Ф. Критические замечания к диалогу [«Тимей»] // Платон. Сочинения в 3-х т. Т.3. Ч.1. М., 1971. С. 660.

НаХа, субъектом истории как процесса изменения и преобразования мира может быть только **народ**, а не человечество в целом, с одной стороны, и не отдельный человек с другой. Человечество после "Вавилонской башни" оказывается разобщенным и более не способным к коллективному действию. Что же касается роли отдельной личности, то для нее с появлением представления о линейности и необратимости времени со всей остротой встала проблема смерти и ее преодоления. Праведник, каков бы он ни был, не властен над временем. Именно поэтому в обетовании, данном Богом Аврааму, сказано:

От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли (Быт 18:18),

а в пророчестве Исайи (49:6) обетование повторяется вновь с важным дополнением к нему:

Я сделаю тебя светом для народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли.

Поэтому Завет, заключенный на Синае, обращен не только к его "непосредственным участникам":

Ибо не только с вами одними я поставлю сегодня этот завет и этот клятвенный договор; но как с теми, кто сегодня здесь с нами стоит перед лицом Господа, Бога нашего, так и с теми, которых нет здесь с нами сегодня (Втор 29:14).

В противоположность тому, что мы наблюдали в индийской традиции (да и у греков можно легко обнаружить схожие мотивы), в ТаНаХе идея будущего, имеющая положительную коннотацию, является безусловной его доминантой. Обетование Бога Аврааму и другим патриархам, обетование народу Израиля, выходящему из Египта, обетование пророков о приходе Мессии – все это формировало еврейское религиозно-историческое сознание как оптимистическое и в то же время утверждало в нем идею постоянного обновления. Идея "нового завета" тоже впервые была сформулирована библейским пророком (Иер 31:31-34).

Итак, к традиционному практически для всех мифологий мира сюжету о создании мира, "еврейский миф" добавляет идею **о б е т о в а н и я**, через которую и происходит разворачивание истории в линейной перспективе. Мир, таким образом, сквозь призму мышления ТаНаХа воспринимается как грандиозная система, причем система не статичная, а развивающаяся в процессе истории, у которой есть **начало** и есть **цель**. Реконструируя в целом историзм ТаНаХа, можно выстроить следующую логическую цепочку: стремление Бога проявить себя в

мире (*первоначальный импульс*) – мир как полигон для совершенствования человека через его творческую деятельность в соответствии с заповедями (*первый результат творения*) – история как процесс взаимодействия Бога и человека, с одной стороны, и людей между собой, с другой (*процесс развития*).

Примечательно, что среди десяти основных заповедей (а всего их Тора насчитывает 613!) религиозные предписания оказываются рядоположенными с этическими нормами. То есть, согласно мировоззрению евреев того времени, взаимоотношения между Богом и людьми имеют такое же значение, как и взаимоотношения людей между собой. А народ как раз и является той естественной средой, где отношения между людьми должны быть выстроены согласно божественным заповедям, от степени соответствия которым и будет зависеть судьба данного народа в истории. Отсюда проистекает органичное единство в ТаНаХе идей коллективной и индивидуальной ответственности. Отсюда же и дуалистический характер еврейского историзма. Установка на **всеобщность**, представление о единстве рода человеческого, являвшаяся одной из радикальных новаций ТаНаХа, сочетается в нем с убежденностью в **уникальности** исторической миссии народа Израиля.

Что же касается отличия от других существовавших ближневосточных историографических традиций, то еврейский историзм предполагал отображение не только героических моментов истории народа Израиля, но и прямо противоположных сюжетов. В некоторых разделах ТаНаХа они даже доминируют (прежде всего у пророков). Ибо для евреев той эпохи в центре внимания стоит не национальная история как таковая, а история как раскрывающийся в реальности диалог между Богом и человеком (точнее, между Богом и избранным им народом). В то же время, поскольку в эпоху ТаНаХа евреи верили, что все, что с ними происходило, не имело никаких исторических аналогий, постольку сами факты своей истории они включили в Священный Канон. Ибо через них они надеялись лучше понять Избравшего их, а также цель своего избрания.

Мы сконцентрировали наше внимание на особом восприятии евреями времени. Но шпенглеровское понятие "*пра-символ*" включало и категорию пространство. Об их взаимопереплетении в еврейском религиозно-историческом сознании и пойдет речь далее.

Начнем с того, что проследим, как происходило данное переплетение в самом содержании понятия "олам", используемом в тексте ТаНаХа для обозначения пространства.

Как пишет С.С. Аверинцев, если мир греческой философии и греческой поэзии – это "космос", т.е. законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии – это "олам", т.е. поток времени, несущий в себе все вещи, или мир как история. Внутри "космоса" даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени столь характерное для него свойство *необратимости* и придает ему мыслимое лишь в пространстве свойство *симметрии*. Внутри "олама" даже пространство дано в модусе временной динамики – как "вместилище" необратимых событий. Греческий бог Зевс – это "Олимпиец", т.е. существо, характеризующееся своим местом в мировом пространстве. Библейский Бог Яхве – это "Сотворивший небо и землю", т.е. Господин неотменяемого мгновения, с которого началась история, и через это – Господин истории, Господин времени. Мир как "олам", по мнению, С.С. Аверинцева, может быть адекватным образом схвачен и отображен только через направленное во времени повествование, соотношенное с концом, с исходом, с результатом, подгоняемое вопросом: "а что дальше?"¹⁷.

Для того, чтобы продолжить наш разговор о соотношенности исторического пространства и исторического времени в ТаНаХе, мы должны с глобального уровня еврейской онтологии вновь обратиться к конкретному ходу истории, в которой можно выделить еще два переломных момента, оказавших чрезвычайно большое влияние на определение общего облика еврейской цивилизации. По своему характеру они похожи. Главное их отличие состояло в масштабе социальных последствий. Имеется в виду разрушение Первого и Второго Храмов в Иерусалиме.

После разрушения в 586 г. до н.э. Первого Храма и увода евреев в Вавилонский плен возникает феномен еврейской диаспоры. Евреи учатся вновь жить вне Земли Израиля, нарушая, тем самым, одну из важнейших заповедей, полученных ими в период странствий по Синайской пустыне:

И овладевайте землю, и поселитесь в ней, ибо вам даю Я землю эту, чтобы владеть ею (Числ 33:53).

Ведь из диаспоры евреи были приведены в Палестину Всевышним для того, чтобы именно там они могли осуществить возло-

¹⁷ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 92-93.

женную на них миссию, стать *царством священников и народом святым* (Исх 19:6) и в таком качестве нести *свет народам мира* (Ис 49:6). Возможна следующая аналогия: Эрец-Исраэль¹⁸ была для евреев не "матерью", а "женой". Брак с ней должен был привести к рождению "ребенка" – нового мира¹⁹. Поэтому жизнь вне данного "брака" воспринималась как неполноценная и даже греховная, что найдет позднее отражение в Талмуде. В трактате "Ктубот" будет закреплено следующее постановление мудрецов:

Человек, живущий за пределами Израиля, подобен идолопоклоннику (Ктубот 110 в).

Такое напряженное переживание своего изгнания в период Вавилонского пленения приведет к распространению у евреев мессианских чаяний – надежд на чудесное избавление, исходящее от Всевышнего, первым актом которого будет возвращение всего еврейского народа в Землю Израиля (Иез 37:21-28). Как отмечает израильский исследователь Ш. Сафрай:

Мессианская идея была одной из тех великих идей, что определили облик нации во времена Второго Храма, как в области мировоззрения, так и в общественно-государственной сфере... Мессианская идея воздействовала прежде всего на национальное самоощущение. Даже те группы, которые выделились из общей массы народа, как и те, которые вообще отделились от народа Израиля и его Торы, как, например, христиане, усвоили эту идею²⁰.

И в последующем мессианская идея останется очень важной составляющей еврейского религиозно-исторического сознания, способной на протяжении многих веков и даже тысячелетий объединять евреев всего мира, служить им «источником утешения, мужества и надежды, что позволяло им вести свою полную опасностей коллективную жизнь религиозной нации с чувством уверенности в своей predetermined национальной судьбе»²¹. Кроме того, наступление мессианской эпохи, описанное в

¹⁸ Земля Израиля (иврит).

¹⁹ Впервые такое сравнение я услышал в лекции преподавателя Бар-Иланского университета и одного из видных деятелей движения современной религиозной ортодоксии в Израиле П. Полонского, прочитанной им в Томске для студентов, обучающихся по программе Открытого университета Израиля (Томск, сентябрь 2000 г.).

²⁰ Цит. по: Евреи и христиане: полемика и взаимовлияние культур. Ч.1. Иаков и Исав. Издательство Открытого университета Израиля. Тель-Авив, 2000. С. 70.

²¹ Фишман Г. Быть или не быть: евреи перед выбором. Иерусалим, 1998. С. 120.

многочисленных библейских пророчествах, должно было стать событием не только национального, но вселенского масштаба. Всему миру предстояло превратиться в царство справедливости, покоя и благоденствия для всех народов, пришедших к истинному пониманию Всевышнего (см., например, Мих 4:1-4). Тем самым получала свое дальнейшее развитие заложенная в основании текста Торы идея о единстве рода человеческого и формировалась концепция *всемирной истории*²².

Однако только **реализация** в действительности всех признаков прихода Мессии могла заставить евреев поверить в него. Несоответствие облика Иисуса господствующему представлению о Мессии и привело, очевидно, к неприятию его со стороны большинства еврейства. Ниже нам предстоит вновь вернуться к данной проблеме в связи с анализом еще одной важнейшей доминанты еврейского сознания, которую мы определим как **установку на реализацию**. Пока же оставим сюжет, связанный с расхождением между христианством и иудаизмом в стороне.

То, что, начиная с эпохи Второго храма (538 г. до н.э. – 70 г. н.э.), мессианские ожидания становятся одной из основ еврейского мировоззрения, наложило неизгладимый отпечаток на характер еврейского религиозного историзма. Для него оказалось свойственно не только внимание к происходящему "здесь и сейчас", о чем речь была выше, и не столько направленность в прошлое, вечное возвращение к изначальному архетипу, актуализация смыслов и фактов времени сакрального, сколько обращенность в будущее. Уже в сюжетах Библии, описывающих эпоху Патриархов, видно, как закладывалась эта установка сознания, причем, будущее с самого начала получало довольно четкую географическую локализацию: центром притяжения всех устремлений оказывалась Земля Израиля. Первым же требованием, предъявленным Богом Аврааму было:

Уходи из страны твоей, и с родины твоей, и из дома отца твоего в страну, которую я укажу тебе (Быт 12:1).

²² В этом своем качестве библейский текст как никакой другой повлиял на становление европейского историзма, как христианского, так нововременного. Подробнее об этом см.: *Рашковский Е.Б.* Европейская культура Нового времени: библейский контекст // На оси времен. Очерки по философии истории. М., 1999. Он же. Библейское наследие в современном социокультурном опыте Европы и России // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 8.

Именно Земля Израиля будет обещана Аврааму в качестве того места, где от него должен произойти *народ великий и сильный*, в котором *благословятся все народы земли* (Быт 18:18). История еврейского народа тоже начинается со стремления войти в Эрец-Исраэль и с долгого пути к ней. А периоды первого и второго изгнания будут характеризоваться неизбывным страстным желанием вернуться в свою страну, постоянно подпитываемым мессианскими ожиданиями и эсхатологическими видениями.

В устремленности еврейского исторического сознания в будущее, в центре которого каждый раз оказывался идеальный образ Земли Израиля, выдающийся еврейский историк XIX века Г. Грец видел объяснение феномена выживания еврейского народа в течение веков и даже тысячелетий в условиях, при которых другие народы исчезали за гораздо более короткий срок²³. Уже отцы-патриархи, проходя по Ханаану, населенному многочисленными языческими племенами, видели в нем прообраз будущей Святой Земли, осененной *Шхиной*, т.е. Божественным Присутствием, и наделенной особыми сверхъестественными качествами. Сорок лет длился процесс "рождения" еврейского народа в Синайской пустыне, и весь этот период был также временем ожидания момента вступления в Эрец-Исраэль. Символом умонастрое- ний евреев в Вавилонском плену стал 137-й Псалом:

При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе (137:1).

Его 5-й и 6-й стихи в прекрасной поэтической форме выразили отмеченную нами нерасторжимую связь будущего евреев и Страны Израиля:

Если забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя. Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего.

Эпоха Второго Храма тоже заканчивается разрушением величайшей святыни еврейского народа и новым изгнанием, которое, однако, оказалось гораздо более длительным, чем первое. Этому предшествовали очень важные с точки зрения истории еврейского народа события. Дело в том, что накануне разрушения Второго Храма еврейское общество переживало серьезный внутренний конфликт, обусловленный во многом внешними обстоятельствами. Хорошо известен тот факт, что с самого начала

²³ Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего. В 12 тт. Одесса, 1904–1907.

их истории евреи находились в постоянном контакте и взаимодействии с иными культурами: египетской, вавилонской, ханаанейской. Следствием такого тесного общения была определенная модификация самой еврейской традиции, что отразилось, в том числе, и на жанровой и идейной палитре Библейского канона. Но все эти контакты не вели к столь радикальным изменениям, к каким привела первая встреча еврейской культуры с культурой западной, состоявшаяся в конце I тыс. до н.э., а именно, с культурой эллинистической. Тогда произошел первый серьезный внутренний раскол в еврейском мире между западниками (эллинистами) и традиционалистами. На исход противостояния решающее влияние оказало воздействие извне, а именно, агрессивная политика Рима, завершившаяся Иудейской войной, поражением евреев и началом в их истории эпохи *галута* или Великого изгнания, продолжавшегося две тысячи лет вплоть до середины XX века, когда было воссоздано государство Израиль.

Разрушение Второго Храма в 70 г. может рассматриваться как условный рубеж, завершающий период древней истории народа Израиля. Весь этот период, от начала времен отцов-патриархов, по-другому называют "эпохой ТаНаХа". Ибо именно в течение всего этого времени шел процесс складывания и оформления данного величественного текста, вобравшего в себя все основные достижения "Осевой эпохи" на Ближнем Востоке. В ТаНаХе были закреплены фундаментальные мировоззренческие максимы, которые, будучи преломленными сквозь призму христианства и ислама, оказались сегодня достоянием значительной части человечества. Одной из таких максим стал еврейский взгляд на историю.

Однако с завершением эпохи ТаНаХа меняется и отношение евреев к истории. Она в каком-то смысле теряет для них всякое значение. Если в предшествующий период, по словам замечательного российского ученого Е.Б. Рашковского

евреи явили себя мастерами глубокого и продуманного научно-исторического дискурса, связанного со сбором конкретных исторических свидетельств, с их хронологическим взаимосоотнесением, с попытками их макроисторического осмысления²⁴,

то уже в Талмуде мы сталкиваемся с ярко выраженным пренебрежительным отношением авторов, рассказывающих о тех или иных событиях, к элементарным требованиям достоверно-

²⁴ Рашковский Е.Б. Дискурс о заблудившемся коне, или еврейское местечко (штетл) как исторический феномен // Восток. 2000. № 4. С. 133.

сти их описания. В этом смысле жанрово Талмуд оказывается ближе скорее античному роману, нежели всей предшествовавшей еврейской письменной традиции²⁵.

Это новое умонастроение сказалось и на общей еврейской религиозной онтологии. Широкое распространение получают различного рода апокалиптические учения, среди которых в самостоятельную конфессию постепенно выделяется христианство. Данные изменения со своей стороны не могли не отразиться на отношении евреев к истории:

Мистический историзм эсхатологии – это такой историзм, которому легко перейти в отрицание историзма... Тема апокалиптиков – взрыв истории и ее переход в метаисторию, последнее сражение добра и зла и "тот свет". Когда древние пророки говорили о народах и государствах, для них еще существовал пестрый человеческий мир с его красками; для апокалиптиков красок не осталось – только ослепительное сияние и крошечный мрак²⁶.

Как отмечает далее С.С. Аверинцев, автору, исходящему из такого подхода к истории, нужна для ее осмысления воображаемая наблюдательная точка, находящаяся за пределами собственно исторического процесса. Как правило, она размещается либо в самом начале истории, либо в ее конце. К концу прикован умственный взор апокалиптика, а в начале он помещает своего двойника – какого-нибудь мифологического персонажа.

Глазами этого двойника он *видит прошедшее и настоящее как будущее*, одновременно притязая на то, чтобы *знать будущее с той же непреложностью, с которой знают прошедшее и настоящее*. Различие между прошедшим, настоящим и будущим, между "уже" и "еще не" в принципе снято, и через это снята сама история; она предстает в мистических числовых схемах и мистических аллегориях, как нечто predetermined и постольку данное готовым²⁷.

Можно сказать, что в каком-то смысле в новых социально-психологических условиях еврейский религиозный историзм изживал сам себя:

Апокалиптик очень остро чувствует историю – как боль, которую нужно утолить, как недуг, который нужно вылечить, как вину, которую нужно искупить. ... столь характерный для библейской традиции мистический историзм на пределе своей кульминации обращается против самого себя.

²⁵ Ковельман А. Фарс в Талмуде // Библейские исследования. Еврейская мысль. Материалы Шестой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1. М., 1999. С. 129–136.

²⁶ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. С. 98.

²⁷ Там же. С. 99.

Поэтому для апокалиптики так важна идея абсолютного конца, когда все движущееся остановится, все открытое замкнется, все нерешенное будет решено и все спорящие стороны услышат свой вечный приговор²⁸.

Из такого изменения взгляда на историю проистекала трансформация отношения к Священному тексту, все части которого начинают рассматриваться как "одновременно существующие" или "одномоментно возникшие" или "извечно данные". Именно в этих условиях начинает формироваться мистическое направления в еврейской религиозной философии – Каббала, а *мидраш*²⁹ становится основным способом общения евреев с текстом ТаНаХа.

Поменялось и отношение евреев ко времени. Особенно яркой иллюстрацией этого поворота является еврейская средневековая мистика, где на место *линейного* восприятия времени вновь пришло *циклическое*. Одновременно изменился и масштаб его измерения, приблизившийся к тому, что мы могли видеть в классическом индуизме. Так, согласно Абарбанелю (известный испанский каббалист), основной единицей его измерения является *шмита*=6 000 лет; она завершается *юбилеем*, а после 18 000 юбилеев происходит новое Творение мира³⁰.

Представление о том, что у *исторического времени*, в отличие от *хронологического*, могут быть разные *скорости* – еще одна очень важная инновационная идея, ставшая достоянием всего человечества много столетий спустя:

Деление времени на одинаковые отрезки – механическая количественная фиксация внешней стороны жизни. Равные по длительности промежутки календарного времени, их повторяемость и счет, выражают стремление человека к симметрии и устойчивости, но не раскрывают содержания, качественных внутренних их отличий. Они не равны по значимости, насыщенности, скорости и глубине преобразований и духовного роста. Идеи симметрии и асимметрии времени, прерывности и непрерывности, повторяемости и необратимости служили темой дискуссий философов многие века. В иудаизме эта проблема снята диалектическим их взаимопроникновением и многокачественностью самой концепции времени³¹.

²⁸ Там же. С. 99–100.

²⁹ См. далее сноску 37.

³⁰ Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Трансперсональные состояния и психотехника. СПб., 1997. С. 310.

³¹ Чернова Л.Е. "Всеу свое время и свой срок..." (Хронотопия иудаизма) // Еврейская мысль сквозь века. Сборник научных трудов по иудаике, еврейской истории и культуре. Вып. 2. Днепрпетровск, 1998. С. 24.

Изменение ощущения времени, с одной стороны, формировало у евреев гораздо более многомерное представление о феномене времени, но с другой, неизбежно вело к утрате ими *чувства истории*. Можно сколь угодно долго пытаться отыскать и в поздних еврейских текстах некий иной тип историзма³². Но, так или иначе, с началом эпохи средневековья

историческое сознание еврейского народа начинает усматривать в динамике времен по преимуществу лишь прерывности и зияния: позади – священная библейская история, впереди (завтра, послезавтра, через тысячи лет?) обетованное искупление и освобождение Вселенной (зеула) в Мессиаанском Царстве, а между ними – дурная бесконечность *галута*: переселения, оседания, погромы, исходы...³³.

И так вплоть до эпохи Нового времени, когда под воздействием идей еврейского Просвещения (*Аскалы*) рождается новый еврейский историзм, включая и историзм религиозный, о чем речь пойдет ниже. Сейчас же отметим, что ответ на вопрос, с чем был связан столь резкий поворот в еврейском историческом сознании, ждет еще своего исследователя. Мы можем предложить лишь некоторую версию, лежащую, так же как это было и в случае с концепцией О. Шпенглера, скорее в области "метаистории", нежели позитивного научного знания. Эта концепция родилась в недрах самого иудаизма, когда тот в начале эпохи Нового времени переживал глубокий внутренний кризис. Здесь она воспроизводится в основном по материалам еврейской просветительской организации «Маханаим», занимающейся изучением и популяризацией наследия выдающегося религиозного философа раввина А.-И. Кука (1865–1935)³⁴.

³² И.Х. Иерушалми пишет: «Мудрецы не пытались написать историю эпохи Писания, ибо она уже была написана. Вместо этого они приложили огромные усилия для того, чтобы осознать и истолковать смысл истории, унаследованной ими как священное достояние. В литературе мудрецов эти истолкования изложены в выражениях и образах своего времени, понятных также следующему поколению. ... образы библейских патриархов и царей были выведены из узко-исторического контекста и истолкованы максимально широко» (Цит. соч. С. 60). Вот в таком "максимально широком толковании", на мой взгляд, и состояло одно из принципиальных отличий историзма ТаНаХа от историзма Талмуда.

³³ Рашковский Е.Б. Дискурс о заблудившемся коне... С. 133.

³⁴ См. Интернет-сайт: <http://www.machanaim.org.il>. Кроме того, на сегодняшний день имеется ряд публикаций: Кук Авраам. Избранное. Иерусалим, 1980. Кук Авраам. Философия иудаизма. Избранные статьи. Иерусалим, 1991. Гасратян С.М. История и идеология еврейского ре-

Рав Кук предлагает некоторую общую схему развития истории, в исходных посылках которой он опирается на идею, высказанную во второй половине XVIII в. другим еврейским мыслителем Элияху бен-Шломо Залманом, более известным под именем Виленского Гаона (1720–1797). Идея о том, что когда еврейский народ в конце периода древности был изгнан из Земли Израиля, то он словно бы "умер". Период создания Талмуда, одной из важнейших основ иудаизма, по сути дела оформившей его в целостное вероучение, это было время, с точки зрения Виленского Гаона, когда "труп еврейского народа уже лежал в земле". В течение всего периода средневековья "труп" все более и более разлагался, и ко времени жизни самого Виленского Гаона он уже почти полностью истлел. Но это означает, что близко время прорастания из него, как из давно лежащего в земле "зерна", новой жизни. Возвращаясь к изначальной посылке данной метафоры, мы обнаруживаем метафизическое разрешение проблемы ослабления у евреев к началу нашей эры интереса к истории. Если еврейская "жизнь" в Земле Израиля закончилась, и еврейский народ словно бы "умер", то "мертвых" история действительно не интересует.

Попробуем перевести язык религиозной метафизики в понятия социальной психологии. И здесь нам предстоит подробнее разобраться с еще одной установкой еврейского национального сознания, тесно переплетенной с религиозно-историческими представлениями. Я имею в виду уже упомянутую выше **установку на реализацию**.

Начнем несколько издалека. Довольно часто в литературе самого различного рода и содержания мы можем встретить характеристику евреев как "прагматиков", то есть людей, способных добиваться в этой жизни конкретных, а иногда и очень значительных результатов. И такая оценка, безусловно, имеет под собой реальные основания. Однако интересным представляется вопрос, с какого момента времени можно начинать отсчет истории еврейского прагматизма, как глубоко лежат его корни? Иначе говоря, где и когда впервые в еврейской традиции мы можем обнаружить образ субъекта, стремящегося посредством в определенном порядке выстроенной деятельности достичь конкретного результата, не ограничиваясь идеальной сферой мыслительного моделирования.

Может быть, там и тогда, где и когда, согласно еврейской традиции, история собственно началась: в "момент" возникновения времени и пространства. Итак, можно утверждать, что в качестве своего рода "Архетипического Прагматика" в еврейском религиозном сознании выступает сам Всевышний. Из описания в первой же главе книги "Берешит" Семи дней Творения мы видим, что "слово" у Господа не расходится с "делом". И главное, только после того, как замысленное становится реальностью, ему дается оценка: *и увидел Бог, что это хорошо*.

Проблемный сюжет, связанный с тем, что, сотворив человека, Всевышний не определил своего отношения к нему, выводит нас на связь, существующую в еврейском религиозном сознании между *установкой на реализацию* и *идеей истории*. Ибо ответ на вопрос, что есть человек, согласно еврейскому религиозному мировоззрению, может быть дан только через историю. Поэтому история становится одной из важнейших составных частей Священного Писания. Заключенный внутри нее глубокий духовный смысл имеет своим содержанием раскрытие разворачивающегося во времени диалога между Богом и человеком, посредством которого и осуществляется реализация божественного идеала в конкретной действительности (показательно, что ТаНаХ обходит практически полным молчанием, по крайней мере на уровне «пшата»³⁵, трансцендентальные миры, сосредоточиваясь на описании мира видимого). При этом здесь как нигде оказывается четко отрефлексирован тот факт, что объективация идеи не есть ее прямое воплощение в реальность.

Восприятие исторического процесса в качестве линейного, о чем подробнее речь шла выше, с вытекавшей из такого ощущения времени установки сознания на бытие "здесь и сейчас", также на уровне культурного архетипа сформировала у евреев подчеркнуто внимательное отношение к "текущему моменту" и к проблеме необходимости адекватной реакции на него.

Один из ключевых моментов еврейской истории – дарование Торы на Синае, – содержит описание очень показательной реакции евреев, отвечающих: *«Наасе ве нишма» – Сделаем и будем слушать (Исх 24:7)*. Так утверждается один из важнейших принципов иудаизма – действие выше убеждений. Эта максима получит впоследствии закрепление в еврейской средневековой мистике – Каббале, согласно учению которой, изменение высших

³⁵ «Пшат» – в еврейской традиции первый, поверхностный уровень понимания священного текста.

миров невозможно без исправления в "мире действия", исключительно за счет интеллектуальных усилий недостижимого. Поэтому плакал, умирая, Виленский Гаон. Ибо, уходя из этого мира, он лишался возможности посредством простых физических действий участвовать в преобразовании всего мироздания.

Множество религиозных предписаний, подробным изложением которых наполнены тексты Письменной, а в еще большей степени Устной Торы³⁶, также свидетельствуют о понимании того факта, что реализация на практике религиозного идеала является, с одной стороны, делом очень сложным, но с другой, если приложить к тому достаточное количество усилий, вполне достижимым. В то же время, явное пренебрежение еврейским народом обязанностью осуществления возложенной на него миссии приводит с неизбежностью к самым тяжелым последствиям.

И следующий важный для нас сюжет связан с реакцией евреев на постигавшие их периодически бедствия и катаклизмы. В несоответствии реального облика "богоизбранного народа" идеалу, а, следовательно, в неспособности этого народа данный идеал воплотить в жизнь, видели евреи главную причину обрушивавшихся на них бедствий. С разрушением Первого и Второго Храмов возникает ощущение, что под воздействием этих двух катастроф изменилась сама реальность мира. Своеобразной реакцией на эти изменения стало утверждение в еврейском сознании убеждения в невозможности осуществить воплощение божественного идеала в жизнь без прямого божественного вмешательства (иначе говоря, проблема **реализации идеала** представляется теперь гораздо более сложной, нежели то было изначально). В результате в еврейском религиозно-историческом сознании рождается и постепенно занимает все большее место мессианская идея.

Но мессианские чаяния оказываются опять же теснейшим образом слиты с установкой на их реализацию в этом мире. Возможно, в этом была одна из главных причин, почему боль-

³⁶ Устная Тора – это собрание всех учений, комментариев и толкований на письменный текст ТаНаХа. Одна из главных задач Устной Торы состоит в том, чтобы приспособить введенные ТаНаХом нормы и правила к меняющимся в течение времени социальным условиям, а также в том, чтобы дать толкование всем непонятным местам еврейского Канона. Основным методом, ею используемым, является *мидраш* (на иврите: "*лидрош*" – доискиваться), ставящий своей основной задачей за конкретными образами увидеть глубинный скрытый смысл текстов.

шинство еврейства, о чем речь уже шла выше, не приняло проповеди Иисуса, заявившего: «Царство мое не от мира сего»³⁷.

Выше говорилось, что согласно еврейской традиции, субъектом, способным активно воздействовать на ход исторического процесса является **народ**. Поскольку время "разомкнуто", а процесс реализации идеи требует длительных и последовательных усилий, то для изменения мира необходимо наличие в нем некоторого постоянно действующего фактора. Народ же тем и отличается, что может нести "свет миру" сквозь тысячелетия. В этом и состоит, на мой взгляд, суть еврейской "национальной идеи": в обетовании обращенном к Аврааму, а потом через пророка Исайю ко всем евреям, однозначно говорится о предназначении народа Израиля служить реализации божественного замысла об этом мире. Для осуществления евреями их миссии Всевышний дает им соответствующий "инструмент" – Землю Израиля, вне которой они как будто теряли "плоть" и "кровь", сохраняя лишь "дух". А "дух" сам по себе не в силах повлиять на этот мир. Отсюда и проистекала приведенная выше аналогия между галутом и смертью.

Ослабление ощущения евреями своего единства и утрата возможности жить в Эрец-Исраэль должны были с неизбежностью сопровождаться соответствующими изменениями в их национальном религиозно-историческом сознании. Наглядным примером этому может служить тот факт, что по мере утверждения в еврейской среде идеи индивидуализма сопровождавшегося ослаблением ощущения национального единства (процесс, шедший на протяжении всего периода Второго Храма и достигший к рубежу эр, когда из иудаизма выделилось христианство, своего апогея) в еврейском религиозно-историческом сознании наблюдается утрата самой идеи истории. Тексты ТаНаХа, повествующие о периоде Второго Храма, отличаются в описании исторических событий гораздо большей фрагментарностью, а в Талмуде история превращается в фарс³⁸.

Выше отмечалось, что для современных историков является большой проблемой найти адекватное объяснение этому факту. И теперь мы уже на новом уровне можем вернуться к

³⁷ Подробнее об этом см.: Полонский П. Евреи и христиане: несовместимость двух подходов к миру. Иерусалим, 1995.

³⁸ См.: Ковельман А. Фарс в Талмуде...

версии, предложенной в свое время р.А.-И. Куком³⁹. Согласно его концепции, поскольку только еврейский народ и только в Эрец-Исраэль способен в союзе со Всевышним оказывать преобразующее воздействие на этот мир, то ослабление национального единства в период второго Храма и начало эпохи галута в период создания Талмуда приводило к тому, что еврейский народ переставал ощущать себя *субъектом исторического творчества*. Изучение Торы, а не ее реализация становилось в новых условиях главной задачей еврейства. И лишь приход Мессии должен был изменить сложившуюся ситуацию.

Важнейшим условием и одновременно признаком наступления мессианской эпохи считалось возвращение народа Израиля в Святую Землю, восстановление государства, возрождение еврейской жизни во всей ее полноте. Но самое главное, что предполагало наступление новых времен, это радикальное изменение реального мира, особенно ярко описанное в 11 Главе пророка Исайи. Поскольку ничего из предсказанного пророком на рубеже эр не произошло, постольку стало неизбежным расхождение между христианством и иудаизмом в их отношении к личности Иисуса.

На протяжении еще многих веков евреи продолжали ждать своего Мессию, полагая главными признаками его появления реальные изменения окружающего мира. Были моменты, когда "нервы не выдерживали", и лжемессии увлекали за собой массы людей, обрекая еврейский народ на все новые страдания. Но проходили годы, старые раны заживали, и в сознании евреев вновь утверждался оптимистический взгляд на будущее. А с определенного времени, отделенного от нас "всего" несколькими веками в еврейской среде начинается интересный процесс. Часть религиозных евреев переселяется в Эрец-Исраэль и при этом сознательно отказывается заниматься там производительной деятельностью, существуя исключительно на пожертвования, собранные специально для них евреями диаспоры. Возникает так называемый Старый ишув, главной задачей которого было служить своеобразным "ненавязчивым напоминанием" Всевышнему о его обещании прислать Мессию. То, что представители Старого ишува вполне сознательно воздерживались от какой-либо практической деятельности и

³⁹ Излагается мной по материалам лекций, прочитанных П. Полонским в еврейском культурно-религиозном центре в Иерусалиме "Маханаим" в январе – июле 1999 г.

должно было в их глазах означать, что они вроде бы как и не живут в Святой Земле, а только "думают" о ней. Здесь мы наблюдаем своеобразный "прагматизм наоборот", являющийся тем не менее логичным следствием вполне интериоризированной к тому времени ментальной *установки на реализацию*.

Данная установка проявилась как важнейшая доминанта сознания – опять же каким-то парадоксальным образом – и в следующую эпоху – период эмансипации. Тогда на глазах изумленного европейского еврейства⁴⁰ мир действительно стал радикальным образом меняться: стремительно росло благосостояние широких слоев населения, шла политическая либерализация, формировались отношения социального партнерства. Сама социальная ситуация и обусловленная ею интеллектуальная атмосфера XVIII–XIX вв. наводила евреев Европы на мысль, что Мессианская эпоха уже настает прямо на их глазах, и главное, без какого-либо их участия. Стремительный прогресс во всех областях жизни европейского общества никак нельзя было увязать с традиционной практикой иудаизма. И здесь мы уже на новом уровне обнаруживаем пересечение в еврейском сознании идеи истории, религиозной идеи, *установки на реализацию* с чрезвычайно актуализировавшейся *установкой на инновацию*. Их динамичное сочетание в модернизирующемся сознании европейского еврейства блистательно описал и проанализировал в своем эссе Е.Б. Рашковский⁴¹.

Не повторяя выводов автора, отметим, что рассмотренный в статье Евгения Борисовича сюжет выводит нас на еще одну проблему, сквозь призму которой также может быть четко прослежена тесная связь между различными доминантами еврейского религиозно-исторического сознания. Нас в данном случае интересует тот момент еврейской истории, когда в Земле Израиля Старый ишув встретился с Новым, создателями которого были в своем подавляющем большинстве нерелигиозные евреи. Однако одним из духовных лидеров, пользовавшимся в их среде безусловным уважением, оказался ортодоксальный раввин А.-И. Кук. Он и его сподвижники сделали все, чтобы придать новому движению религиозный характер. Отчасти им это удалось. И не в последнюю очередь потому, что р. Кук сумел по сути дела соз-

⁴⁰ Основная часть мирового еврейства, насчитывавшего к началу эпохи эмансипации около 3 млн. человек, проживала на тот момент в различных странах Европы.

⁴¹ *Рашковский Е.Б. Дискурс о заблудившемся коне...*

дать *новый национальный миф*, релевантный по отношению к стремительно меняющимся условиям существования. В рамках данной конструкции р. Кук смог наглядно продемонстрировать тесную связь движения за возрождение еврейской жизни в Эрец-Исраэль во всей ее полноте – с древней еврейской традицией. Согласно сформулированной им концепции, представителями Нового ишува в каком-то смысле возрождалось на новом уровне "еврейство ТаНаХа"; со Старым ишувом должно было неизбежно уйти в прошлое "еврейство Талмуда". С возрождением же в еврейском народе всех тех начал, что были характерны для него в эпоху ТаНаХа происходит и восстановление его статуса как **субъекта исторического творчества**, способного реально преобразовывать мир.

Подводя итог всему сказанному, отметим следующее. Еврейский религиозный историзм заложил основы христианского историзма. И в таком своем качестве он, безусловно, повлиял на динамику исторического процесса в Европе. Вероятно, им не в последнюю очередь был обусловлен процесс модернизации европейского общества, утверждения в нем нового уклада, основанного на новых социальных отношениях и новом стиле мышления. Но *установки на инновацию и на реализацию* обусловили, как представляется, и более мягкое вхождение евреев в тот же самый процесс модернизации. По мнению р. А.-И. Кука, еврейская традиция не только была готова к новациям; новаторство – одно из самых главных ее родовых свойств, отказавшись от которого она бы утратила несущий стержень своего существования.

Не продолжая характеристику взглядов рава А.-И. Кука, как не имеющих непосредственного отношения к теме нашего исследования, и завершая рассмотрение вынесенной в заголовок проблемы, сделаем следующий вывод: оптимизм и готовность к переменам представляют собой два важнейших фактора выживания еврейского народа в тех условиях, в которых он оказывался на протяжении всей своей истории. Эти основополагающие черты еврейского национального самосознания, не могут быть адекватным образом восприняты вне контекста их тесного переплетения с еврейской "идеей истории". В укорененности многих доминант еврейского сознания в религиозно-исторических представлениях, возможно, состоит одна из наиболее ярких отличительных черт еврейского национального характера.

В.В. Зверева

ЧУВСТВО ПРОШЛОГО В «ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ» ДЖОНА ОБРИ*

«Вплоть до 1649 года любая попытка ввести какое-либо новшество в науках считалась странной самонадеянностью, а знать больше, чем знали соседи или предки – дурным тоном... В эти времена иметь изобретательный и вопрошающий ум полагалось суетой»¹. По мнению английского антиквара, историка, ученого Джона Обри (1626–1697) подлинное познание Природы и Прошлого стало возможно в Британии с того времени, когда в научных клубах и кружках стала культивироваться «экспериментальная философия».

В культурной истории естественнаучного и исторического знания Европы особое место занимает период «научной революции». Его границами условно называют 1543 и 1687 годы – даты выхода в свет работы Николая Коперника «Об обращении небесных сфер» и публикации «Математических начал натуральной философии» И. Ньютона. В трудах философов и ученых того времени разработка новых концепций сочеталась с опробованием допустимых когнитивных стратегий и языков научного описания. В английской интеллектуальной культуре многообразие исследовательских подходов и практик можно проследить на примере сочинений членов Королевского научного общества, антикваров, собирателей и публикаторов древностей. В изучаемый период в их работах сосуществовали несхожие версии науки, соединялись элементы разных способов построения знания.

Рассмотрим более подробно сочинение Джона Обри «Естественная история Уилтшира» (1656–1691), обращая внима-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 01-01-00382а.

¹ Aubrey J. *Natural History of Wiltshire*. Cambridge, 1969. Preface. Для работы над статьей было использовано современное репринтное издание публикации XIX века. Ранее «Естественная история Уилтшира» не печаталась.

ние на то, как на уровне выбора слов, построения логики исследования автор сочетал видение антиквара с интересом ученого-эмпирика. Попытаемся проследить, какую роль в тексте, написанном Обри, играло своеобразное авторское «чувство прошлого», или «воспоминание», или «дух» истории.

Джон Обри был известен в кругу ученых Оксфорда и Лондона как серьезный исследователь-эрудит, написавший много трудов, которые, однако, большей частью так и не были опубликованы. Среди его работ – «Памятники Британии», «Осмотр графства Суррей», «Короткие жизнеописания», «Miscellanea», замечания о Стоунхендже, а также множество разрозненных ученых записок. Сам Обри неоднократно говорил о трудностях, возникавших при попытке привести в систему его разнообразные бумаги и изыскания. Помимо различных факторов, препятствовавших внесению порядка в сочинения антиквара, трудность систематики обнаруживалась на уровне самой конструкции предмета изучения Обри; в его работах сочетались, казалось бы, несочетаемые принципы познания мира.

Современные исследователи нередко называют Джона Обри «человеком переходного времени»². При всем авторитете, которым он пользовался среди коллег, Обри одновременно имел репутацию ученого, не вполне вписывавшегося в существовавшие нормы. Иными словами, то знание, которое было представлено в его трудах, понималось современниками как возможное, допустимое, или «многообещающее», и, при этом, оценивалось как не вполне правильное, нуждавшееся в корректировке. Составляя тексты, Обри даже в пределах одного сочинения выстраивал свои рассуждения о мире и об истории на разных основаниях. При их соединении обнаруживалось нечто новое.

Во второй половине XVII века в английской интеллектуальной культуре большим влиянием пользовались труды Фрэнсиса Бэкона как родоначальника новой экспериментальной науки. «Новая наука», «естественная философия» трактовалась широко, и за этими наименованиями скрывались порой несхожие интеллектуальные течения³. Среди разделяемых принципов, почерпнутых из произведений Бэкона, были идеи власти человека

² См.: *Mendyk S.A.E.* «Speculum Britanniae». Regional Study, Antiquarianism, and Science in Britain to 1700. Toronto, 1989; *Parry G.* The Trophies of Time: English Antiquarians of the Seventeenth Century. Oxford, 1995.

³ *Hunter M.* Science and Society in Restoration England. Cambridge, 1981; *Jardine L.* Ingenious Pursuits. Building the Scientific Revolution. L., 1999.

над природой, индуктивного эмпирического изучения всех ее феноменов, извлечения практической пользы из этого знания.

Подобные взгляды культивировались и среди друзей Обри по Оксфорду (к которым принадлежали Кристофер Ренн, Сэмюэль Хартлиб, Уильям Петти и другие ученые). С другой стороны, важным ориентиром для этого исследователя были сочинения антикваров, знатоков древностей Британии, таких как Уильям Дагдейл, опубликовавший в 1656 г. «Древности Уорикшира».

Сочинение «Естественная история Уилтшира» выбрано нами не случайно. Оно относится к «странному» для современного дисциплинарного знания виду учебного текста. В естественной истории, как правило, приводился массив сведений, рассказов о внешнем по отношению к человеку мире. В качестве предмета исследования выступала «поверхность» мира в ее разнообразии. На протяжении веков облик естественной истории менялся. В таком тексте проблема систематики предмета изучения представляет, на наш взгляд, особый интерес. Что должно было попасть на страницы естественной истории и как происходило упорядочивание этих сведений? Ответы на эти вопросы во многом зависели от способов культурного конструирования «естественного» мира.

Современный читатель может предполагать, что темы систематизировались в соответствии с оппозициями: природное и историческое, естественное и искусственное. Но эти ожидания редко оправдываются. Для антиквара XVII века не существовало жесткого разделения предмета знания на факты естественного происхождения и события прошлого, поскольку и те и другие объединялись на уровне «истории» – рассказа. Между живой и неживой природой также не проводилось жестких границ. По мысли Фрэнсиса Бэкона, артефакты, созданные благодаря «механическим искусствам», продолжали ряд природных вещей, поскольку человек производил их, соединяя или разъединяя природные тела. Подобные установки повлияли на облик текста «Естественной истории Уилтшира».

В сочинениях антикваров с XVI столетия, начиная с труда Кэмдена, проводилась идея необходимости целостного описания Британии, через подробное собирание и обсуждение «достопримечательностей» («worthies of England»). В XVII в. описания английских графств послужили становлению и локальной, и национальной истории, а также естественнонаучного знания. Проблема того, что можно было считать «достойным» помещения в текст, сродни вопросу о составе «естественной истории»: на каких основаниях следовало выстраивать такое исследова-

ние? Надлежало ли автору обращаться в поисках свидетельств к древним книгам, к сочинениям современников, к воспоминаниям местных жителей, к собственному опыту?

Собирая материал для «Естественной истории Уилтшира», Обри ориентировался на различающиеся образцы – на произведения антикваров Уильяма Дагдейла и Томаса Фуллера, экспериментальную естественную историю Фрэнсиса Бэкона («*Sylva Sylvarum*»), «Естественную историю Оксфордшира» ученого-«*curioso*» Роберта Плота (к последнему Джон Обри даже обращался с просьбой, чтобы на основании собранных им сведений об Уилтшире Плот сам написал «естественную историю» этого графства). Последовательное обращение к этим разным текстам привело автора к новому, собственному варианту научного описания Британии.

Джону Обри было присуще ощущение исследовательского новаторства – свойственного, однако, не лично ему, но сообществу ученых, изменивших традиционные способы познания.

Прежде, по словам Обри, «изучать пути природы считалось грехом, ...но прославление Бога в его творениях составляет, несомненно, глубинную часть религии». О себе автор писал: «С самого детства меня впечатлял вид редких вещей, что есть начало философии... Не замечать всего того, что каждый день открывается перед нашими глазами – величайшая глупость»⁴.

Свое внимание ученый посвящал и обыденным вещам, которые открывались в повседневном опыте (что, как ни странно, было более редкой чертой для антиквара) и к любопытным феноменам, редкостям. Не приводя полностью перечень тем, которые Обри счел возможным осветить в своем сочинении, назовем лишь некоторые из них, по оглавлению:

Часть 1. Описание земель; Воздух: ветры, туманы, штормы, метеоры, эхо, звуки; Медицинские источники; Реки; Почвы; Растительность; Минералы и Раковины; Камни; Камни, имеющие форму; Растения; Звери; Рыбы; Птицы; Рептилии и насекомые; Мужчины и женщины: долгожительство, удивительные рождения; Болезни и лекарства...

Часть 2. Достопримечательности: короли, святые, прелаты, государственные мужи, писатели, музыканты; Величие Хербертов, эрлов Пемброка; Ученые мужи, пенсии которым назначили эрлы Пемброка; Искусства, свободные и механические; Архитектура; Агрикультура; Шерсть; История торговли одеждой; Ярмарки и рынки; Соколы и соколиная охота: необычные полеты; Проклятия над семьями и местами; Случаи или замечательные происшествия.

⁴ *Aubrey J. Op. cit. Preface*

Из перечисления глав «Естественной истории» видно, что немало фрагментов текста было написано «рукой антиквара», то есть человека, изучающего в первую очередь «древности», или вещи, отталкиваясь от которых можно было начать рассказ о прошлом. Предмет изучения антиквара – материальный «обломок» прошлого или книжное, устное свидетельство, «история». В сочинении Обри большая часть второго раздела была посвящена этим исчезающим следам прошлого – описаниям старых достопримечательных построек, книг и картин, сведениям о происхождении и славе того или иного рода в графстве.

«В Wootton Bassett бытует предание, что король Ричард III родился в Вэсторне, которое теперь резиденция графа Рочестера. Это мне рассказали, когда был там в 1648 г.»⁵

В приведенной цитате обратим внимание на то, что автор счёл нужным сослаться на свой опыт для подтверждения достоверности предания. Конечно, составляя сочинение, ученый многое позаимствовал из книг (в частности, из «Достопримечательностей Англии» Т. Фуллера). Но для Джона Обри было важно дополнить книжное знание собственным непосредственным опытом, даже в том случае, когда речь шла о легенде или слухе.

Иные части текста «Естественной истории» были составлены с позиций ученого-экспериментатора, находившегося под сильным влиянием Ф. Бэкона и Р. Плота. Приведем несколько примеров того, как строился авторский дискурс:

«Я бы вычислил высоту этих холмов, как и Хэкпен, и холмов у Лэмборна, которые наиболее высокие, с помощью ртутного барометра, согласно методу м-ра Эдмунда Хелли в Философских Записках, № 181»⁶.

«На холме в Боуден-парк часто идет снег, в то время как никакого снега не падает в расположенном ниже Лэкок. Этот холм выше чем колокольня Лэкока в три или четыре раза, и это хорошее место, чтобы ставить эксперименты».

«Холмы Уилтшира покрыты туманами, а в долинах его нет и небо ясное; и здесь они бывают гораздо чаще, чем в самых низких ярусах и местах. Кожаные переплеты книг и т.п. покрываются плесенью быстрее и сильнее в холмистой стороне, чем в долине. Крышки переплета моих книг в моем кабинете в Чок бывали целиком покрыты седой плесенью, так что я не мог различить, какого цвета была кожа; в то время как книги в моем кабинете в Истон-Пьерс (в долине) совершенно не были тронуты плесенью»⁷.

⁵ Ibid. P. 80.

⁶ Ibid. P. 15.

⁷ Ibid. P. 15–16.

Автор, представленный в тексте, выступает в данном случае как активный «созидатель знания» – через постоянное наблюдение за феноменами окружающего мира, эксперимент, установление причин того или иного физического явления. Обри стремился приводить научное истолкование феномена, объясняя его составом почв (мел и селитра), испарениями, производящими туман и воду. Само наблюдение отсылало читателя к повседневному опыту эрудита-«*curioso*» (любопытствующего), которого интересовало «устройство» мира в его деталях.

В приведенном тексте похожими выглядят такие качества описания, как «художественность» и «точность». Однако в нем отсутствовали метафоры, «цветы красноречия», и литературные приемы использовались для создания достоверной картины произошедшего.

Подобно философам и ученым, склонным объяснять социокультурные формы и процессы механистическим взаимодействием вещей в мире, Обри выводил множество широких следствий из физических причин – состояния почв, воздуха, климата. Идеи климатического, географического детерминизма развивались автором для объяснения нравов, укладов, облика жителей различных местностей. Особенно интересно выглядит желание исследователя подтвердить свое обыденное знание точной физической причиной, что заставляло его не только описывать различия между народами, обитателями разных широт, но и между жителями одного графства.

«В Северном Уилтшире ...коренное население или аборигены разговаривают протяжно; они флегматичны; у них бледная и сероватая кожа, они медлительны и вялы, тяжелы духом; здесь мало пахоты или упорного труда, они только доят коров и делают сыр; они едят в основном молочную пищу, которая слишком сильно остужает их мозг и вредит их изобретательности. Эти обстоятельства делают их меланхоличными, созерцательными и злыми; последствие этого — то, что в Северном Уилтшире почти вдвое больше судебных тяжб, чем в Южных частях [графства]».

«Что касается певческих голосов, мы имеем большое разнообразие в нескольких графствах у этого народа. И как всякий может заметить, в целом в богатых долинах они поют чище, чем на холмах, где они тяжело трудятся и дышат “резким” воздухом. Эта разница очевидна между долиной Северного Уилтшира и Югом. Так, в Сомерсетшире в общем хорошо поют в церквах, и их инструменты более спокойны. В Северном Уилтшире молочницы поют так пронзительно и чисто как какой-нибудь соловей, сидя на амбаре».

«В соответствии с некоторыми сортами земли в Англии, ...коренное население относительно умное, или глупое, хорошее, или дурное.

Но правдиво описывать разные [гуморы] нашей страны было бы слишком саркастическим и обидным; это должно быть сказано тайным шепотом на ухо только другу...»⁸.

Впрочем, не-физическая причина (напр., из области астрологии или магии) могла выступить в тексте Обри как естественная:

«Астрологи и историки пишут, что в гороскопе Оксфорда — Козерог, чей хозяин Сатурн, религиозная планета, покровитель религиозных людей. Если так, это влияние точно распространяется на Северный Уилтшир, долину Глостершира и Сомерсетшир. В любых переменах религии они более ревностны, чем другие; там во времена Римско-католической религии были основаны более многочисленные и лучшие церкви, нежели в любой другой части Англии, и сейчас они наибольшие фанатики, что доходит даже до духовного безумства...»⁹.

В своем увлечении оккультными практиками Обри как ученый был не одинок. В науке XVII века магия оспаривалась скорее по причине закрытости производимого знания, чем из-за его противоречия остальным когнитивным практикам и способам преобразования природы.

Эмпирические методы исследования Обри распространил и на историю, которая в большей мере воспроизводила книжное знание. Между этими сферами не было непреодолимой пропасти. В свое время Бэкон писал об общности метода гражданской истории и экспериментальной науки, поскольку они имели дело с единичными феноменами, а не с типическим, или универсальным.

Обри сделал практикой «полевые» изыскания историка-археолога, «этнографа». Принципы его исследования — изучать памятники на месте, объяснять вещи из опыта, сравнительного метода («сравнительные древности») — были новыми для антикваров. Свои идеи в этой сфере Обри наиболее полно развивал в работе, посвященной описанию Стоунхенджа.

Как ученый последователь Бэкона, Джон Обри был очарован идеей «полезности» (хотя достаточно туманно представлял себе, что могло таковой оказаться). Его современники и друзья с увлечением искали пользу от изучения медицинских солей в воде, лечебных свойств источников и трав. Обри в полной мере отдавал дань этому интересу.

«В июне 1667 года я послал три бутылки воды из этого источника в Лондон и провел с ней эксперимент перед Королевским Обществом в Грэшем-колледже, где в то время часто собиралось общество и многие доктора Лондонского колледжа. И вот, в то время как вода из

⁸ Ibid. P. 11.

⁹ Ibid. P. 11–12.

Тэнбриджа и других мест того же рода, увезенная на несколько миль теряла свои пары (spirits) и не меняла цвета с порошком чернильного ореха, то эти бутылки, увезенные за 80 миль, в такую жаркую погоду, сделалась, после ее смешения с порошком, такого же глубокого цвета, что и самое темное красное вино, к восхищению присутствующих врачей, которые единодушно объявили, что эта вода может принести много хорошего...»¹⁰.

В тексте «Естественной истории Уилтшира» немало мест, отражавших смешение принципов познания ученого экспериментатора и книжника-антиквара.

«3 июня 1647 г. (в день, когда корнет Джойс доставил пленного короля Карла I на остров Уайт из Холденби) появился этот феномен, который продолжался приблизительно с 10 утра до 12. Был очень ясный день, и немногие его заметили, так как он был так близок к солнечным лучам. В Board Chalk его видела моя мать...»¹¹.

Далее следовало описание и объяснение феномена ложного солнца. Информация о произошедшем в тот же день историческом событии впоследствии не обсуждалась и не выступала в качестве причины небесного явления. Она просто присутствовала в тексте, указывая на историческое измерение природного феномена.

«Я сначала сошлюсь на свидетельство Юлиа Цезаря: "...ветер, который большую часть всего времени имеет обыкновение дуть в этих местах". К нему я присоединю [свидетельство] М-ра Т.Экса из Сомерсетшира, который делал ежедневные наблюдения за погодой за 25 лет с 1661 г. ...»¹².

Обратим внимание на совмещение двух разных типов авторитетного свидетельства – цитаты Цезаря, почерпнутой из книг, и наблюдений знакомого-очевидца. Знание, подсказанное Обри традицией, высказывание Цезаря, в данном случае выступало в качестве еще одного «наблюдения», удаленного во времени, но не менее достоверного.

Регистрация установленного факта естественной истории у Обри часто принимала форму драматического рассказа (что, как уже отмечалось, представляло как способ сообщения повествованию «точности»):

«Эдвард Сэнтлоу из Найтона, эсквайр, был похоронен в церкви of Board Chalk 6 мая 1578 года, как записано в книге Регистров. На земле тогда лежал такой глубокий снег, что носильщики пронесли

¹⁰ Ibid. P. 22.

¹¹ Ibid. P. 17.

¹² Ibid. P. 14.

его тело через ворота в поле Найтона и процессия пошла через ограды, и они прокопали ход к церковной двери. Я знал несколько древних людей из прихода, которые это помнили»¹³.

При всей любви к наблюдениям и наукам, Обри собирал предания, рассказы о семейных проклятиях, потусторонних «стуках», призраках и т.п., которые он поместил в книгу «Miscellanea». В его сочинениях была представлено романтизированное научное познание, эстетизированная наука. Для Джона Обри неслучайна фраза: «любить это знание...»¹⁴.

Особенностью исследовательского взгляда Обри было развитое «чувство прошлого». Эта черта, по-разному выраженная в трудах его современников, приобрела в его произведениях индивидуальное звучание.

Автору «Естественной истории» было присуще ощущение прошлого как большой длительности. Например, по мысли ученого, возраст Земли значительно превосходил библейские шесть тысяч лет, а глубина прошлого, где происходили катастрофы и перемены (землетресения, потоп, изменения контуров поверхности Земли, климата), была существенно большей, чем это полагали исследователи того времени.

Для видения Джона Обри была характерна идея внутренней дифференцированности исторического времени, неоднородности прошлого. Мысль о том, что разные общества сотни и тысячи лет назад могли иметь свои, отличающиеся и самоценные устои, обычаи и нравы, не была столь же очевидной для антикваров, историков круга Обри. В его произведениях проходила идея о необходимости *понимания* прошлого, отличного от современности.

Наконец, к этому добавлялось чувство катастрофического исчезновения прошлого – исчезновение памятников, умирание памяти, забвение традиций. Это ощущение было усилено событиями, связанными с Английской революцией и религиозными войнами, – запрещением суеверий, обычаев, разрушением исторических построек и т.п. Характерным для автора «Естественной истории» кажется высказывание: «Эти Останки... подобно обломкам Кораблекрушения, после столь долгой Революции и правительств ускользнули от зубов Времени...». Обри одним из первых начал записывать и коллекционировать странные обряды, «простонародные» предания, легенды.

¹³ Ibid. P. 17.

¹⁴ Ibid. P. 49.

Такое чувство живой и брэнной истории было «на месте» в трудах, посвященных древностям и собственно историческим изысканиям. Достаточно странным оно выглядело в естественнанаучном тексте. Для Обри прошлое – тот универсальный контекст, в который были погружены все вещи независимо от того, относились ли они к «памятникам», «преданиям», или «явлениям природы». Любовь к прошлому, ностальгия по утраченному времени – хорошо знакомая антикварам – постоянно звучала в «Естественной истории Уилтшира». Историческое измерение, появлявшееся в тексте, нередко указывало на превосходное качество предмета (он был достоин «истории»). И наоборот, не все нововведения такой историей обладали:

«В мой замысел не входит в повествовании прославлять сады. Удовольствие от них... было неизвестно нашим пра-прадедам»¹⁵.

Множество примеров в книге было приведено по воспоминаниям очевидцев событий. В тексте «Естественной истории» воспоминания выступали не только как средство фиксации события, но исполняли функцию связующего звена в нарративе: «Я знал несколько древних людей из прихода, которые это помнили». Такие конструкции подчеркивали связь изучаемого феномена прошлого с автором как с «настоящим» через свидетельства и память очевидцев.

В повествовании постоянно совершалась отсылка к воспоминаниям, чувствам, переживаниям самого Обри. Личный опыт ученого иногда выступал в тексте как часть проведенного эксперимента, и неизменно указывал на универсальную связь вещей и времен – на автора-человека, стоявшего в центре текста «Естественной истории».

«...На Minchin-meadowes, и особенно на Браунс-хилл, что напротив того дома где, в несчастливый час, я сделал свой первый вдох, растет бесконечное число растений...»¹⁶.

«Говоря о туманах я вспоминаю что в декабре 1653 г. ночью во дворе сэра Чарльза Снелла в Кингтон Св. Михаила в этих землях, был очень густой туман и мы видели наши тени на нем как на стене при свете светильников, на расстоянии около 30 или 40 футов или более того»¹⁷.

«В году 1660-м когда я обедал с м-ром Стоксом в Титертоне, нам принесли новость, что порыв ветра поднял копны сена над высокими вязами около дома; что вызывает у меня в памяти историю, которую достоверно рассказал м-р Дж. Парсонс, наш родственник. Когда он

¹⁵ Ibid. P. 92.

¹⁶ Ibid. P. 49.

¹⁷ Ibid. P. 15.

был маленьким, его посадили на копну сена и порыв ветра поднял его вверх вместе с половиною копны и пронес его над высокими вязами и положил на землю невредимым, без малейшей царапины»¹⁸.

«Впервые я произвел эксперимент такого рода, когда я учился в Оксфорде, и прогуливаясь и напевая под сводами ворот Мертон-Колледжа с несимметричными готическими волютами, я почувствовал, что одна определенная нота может быть возвращена с громким гулом, (это было фа или соль, ре, я не помню точно)»¹⁹.

Отдельные истории-воспоминания Обри осмысливал постфактум как ученый с точки зрения «экспериментальной науки». Часто личное воспоминание служило критерием отбора какого-то сведения для естественной истории.

У Обри «историческое измерение» приобретали и звери, и растения: их объединяло чувство исчезновения прошлого:

«Весь «остров» [-Уилтшир] в древности был одним огромным лесом. ...Большинство тех лесов было роздано при Короле Якове 1»²⁰.

«Олень леса Гровели был самой крупной ланью в Англии, хотя есть те кто утверждает, что олень Крэнборн Чейз был больше, чем из Гровели». (Далее автор напоминал себе расспросить лесничих о точном весе этих оленей). «Около 1650 года [в части этого леса] было около 12 сотен ланей, а теперь не больше 5 сотен»²¹.

«Из-за этой вырубki лесов в Северном Уилтшире почти совершенно исчезли куницы. Это хорошенький маленький зверь густого цвета каштана, скорее разновидность хорька, чем лисицы...»²².

«В Бёрбидже почва – пепельно-серый песок, и очень естественна для выращивания хорошей репы. Здесь она лучшая из тех, что я когда-либо пробовал. ...Спрашивается, как долго здесь торговали репой? Ведь очевидно, что всю репу, которую привозили в Бристоль 80 лет с того времени (уже 1680-й год) была из Уэльса...».

«Север графства отлично подходит для ячменя. До начала гражданских войн там редко сеяли пшеницу, и черным хлебом служил ячменный; сейчас же все слуги и бедняки едят хлеб из пшеницы»²³.

Таким образом, Джону Обри как ученому было присуще стремление к точному, экспериментальному, полезному и, одновременно, эстетически-привлекательному знанию. Но смысл, который вкладывал автор в эти слова, несколько отличался от взглядов, разделяемых другими членами Королевского научного общества.

¹⁸ Ibid. P. 16.-

¹⁹ Ibid. P. 19.

²⁰ Ibid. P. 58.

²¹ Ibid. P. 58-59.

²² Ibid. P. 59.

²³ Ibid. P. 12.

Эти качества связывались в тексте «Естественной истории Уилтшира» с персональным участием автора в наблюдении/производстве знания. При этом речь шла о разных видах точности и личного участия: от «полевых изысканий» в археологии, до воспоминаний о собственном опыте или опыте современников и очевидцев события.

Вещи в работах Обри приобретали особое историческое измерение. Это относилось как к памятникам прошлого, так и к естественным феноменам или существам. Не разделенные в систематике «древности», «живые» и «неживые» объекты знания обладали ореолом приписанного им прошлого — или в виде особой длительности/ давности/ возраста, или в форме истории как рассказа о прошлом этой вещи.

Такая форма знания была узнаваема современниками Обри, авторами, принадлежавшими к разным интеллектуальным течениям; но при этом практически никто из них не считал труды Джона Обри целиком «правильными» — ни антиквары, подобно У. Дагдейлу, ни такие ученые как Д. Рэй, или Р. Плот. Сочетание разных познавательных стратегий было в изучаемом кругу вполне допустимым, но даже эклектическое знание подчинялось определенным правилам. Их творческое сочетание рождало такие «странные» тексты, как сочинения Джона Обри.

Н.С. Креленко (Саратов)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМА В АНГЛИЙСКОМ ПРЕДРОМАНТИЗМЕ

Существуют периоды в истории духовной жизни общества, когда оно стремится подчеркнуть собственную «индивидуальность», собственную исключительность, непохожесть на все прежде бывшее, когда превыше всего ценится новизна, новаторство. В другие периоды, наоборот, культивируется верность традиции, корням, «пыль веков», «патина времени». Оббитые края, потускневшие краски, все, что несет в себе «эхо минувшего времени» обретают особую привлекательность. К таким периодам относится эпоха романтизма.

Хронологические рамки сосуществования Просвещения и зарождающегося романтизма (точнее предромантизма¹) частично накладываются друг на друга. Размытость, нечеткость границ сосуществования двух культурных парадигм вполне объяснима особенностями развития культурной жизни. Вторая половина XVIII века была периодом наибольшего влияния идей Просвещения. Просветительская идеология тогда не только «завоевывала умы», но выступала в качестве лозунгов новой политической системы. («Декларация независимости» 1776 года, «Декларация прав человека и гражданина» 1789 года) В эти же десятилетия происходило становление новых ценностных ориентиров.

Эмоциональную атмосферу переходных десятилетий составляли два противоположных настроения: пафос обновления и тоска по безвозвратно уходящему. В Великобритании из-за своеобразия ее положения («опережающее» развитие) это чувство утраты проявилось раньше и острее, чем у ее соседей. «На глазах одного поколения... страна стремительно входила в качественно новый период своей истории, благодаря чему сама ис-

¹ Термин предромантизм был впервые использован в 1912 г. французским ученым Д. Морне. В настоящее время литературоведы употребляют его в двух значениях: 1) кризисные явления в просветительской традиции; 2) отдельные черты, предвосхищающие романтизм. В данной статье используется второе значение.

тория предстала перед глазами этой генерации в сжатом виде – новое не только быстро сменяло старое, но и соседствовало с ним»². Новшества появлялись и проявлялись в разных сферах, эти перемены восхищали и пугали одновременно, поскольку выводили человека за пределы привычного *опыта*. Начинаясь там раньше, чем где бы то ни было, промышленный переворот, определил, кроме всего прочего, некоторые тенденции культурной жизни островного общества, получившие много позже, «задним числом», название «предромантизм».

Разные проявления предромантизма изучались и изучаются, но чаще всего порознь. Так, особо рассматриваются предромантические настроения в сфере философской и эстетической мысли, в литературе, в архитектуре, прикладном и изобразительном искусстве³. Между тем речь идет о специфике проявлений некой общей тенденции в разных «жанрах» культуры.

Жители Великобритании первыми оказались вовлеченными в процесс коренной социально-экономической общественной перестройки. Кроме того, они жили в условиях конституционной монархии, и континентальная Европа смотрела на них как на пример для подражания. Причем, это первенство британцы связывали с особенностями своего политического развития, тем, что называли своей Древней Конституцией. Условно (конечно, очень условно!) можно говорить о том, что после 1745 г. (после предотвращения угрозы новой реставрации Стюартов) британское общество окончательно «подвело черту» под настроениями века, перевернувшего все вверх дном. Теперь в прошлом искали не то, что разъединяло общество (Нормандское завоевание и т.д.), а то, что было общим, объединяющим. Теперь коллективная память искала общие корни, обратилась к своей «родословной». Эти поиски происходили в разных сферах духовной жизни, велись с разными целями, но вектор поисков был общим.

Идея органического развития нашла воплощение в двух «возрождениях»: «готическое возрождение» проявилось преимущественно в использовании готических традиций в архитек-

² Ренев Е.Г. Восемнадцатый век: историческое сознание и новое видение истории. // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 5. С. 47.

³ Например: Жирмунский В.М., Сигал Н.А. У истоков европейского романтизма // Уолпол, Казот, Бекфорд. Фантастические повести, М., 1967; Лисенков Е.Г. Английское искусство XVIII века Л., 1964; Некрасова Е.А. Романтизм в английском искусстве. М., 1975; Соловьева Н.А. У истоков английского романтизма. М., 1988; и др.

туре и прикладном искусстве, а также в увлечении таинственно-фантастическими сюжетами в духе старинного *romanse* в литературе; другое, так называемое кельтское возрождение – связано с проникновением фольклорной тематики в поэзию.

В 1751 г. создается «Общество антиквариев», сосредоточившееся на изучении средневековой истории обитателей острова. На рубеже 1750–60-х годов выходят в свет завершающие тома «Истории Англии» Д. Юма, посвященные временам Тюдоров (1759) и английскому средневековью (1761). Историк при написании работы постепенно углублялся в прошлое, переходя от описания периода, предшествовавшего его собственному времени к более отдаленным, глубинным пластам истории. Стержнем своего построения он сделал не политическое противоборство, снабженное утверждением правоты той или другой стороны, а воссоздание национальной истории, включающей элементы описания обычаев, нравов, состояния культурной жизни. Центральной идеей работы стало утверждение всеобщей взаимосвязанности, *органического* развития общества.

Высказанная Д. Юмом мысль об органическом развитии общества, антипросветительская по сути⁴, была взята на вооружение его младшими современниками, в первую очередь Э. Берком. Идея о плодотворности и обязательности обращения к опыту предков, к пресловутой Древней Конституции повторялась Берком с начала 1760-х годов. Вместе с тем, изменение отношения к прошлому вызвало корректировку эстетических представлений (или сопровождало его?). Просветительский культ античности (иначе говоря, общих для всей европейской цивилизации предков) сопровождался господством эстетических идеалов классицизма. С точки зрения классицизма, памятники средневековья не имели никакой ценности. Но коль скоро национальная древность реабилитировалась, менялось отношение и к ее культурному наследию.

Показательно изменение отношения к одному из характерных проявлений средневековой культуры – готическому стилю, широко представленному в английской архитектуре, декоративном искусстве. Для просветителей Э. Шефтсбери и Д. Аддисона, а позднее для С. Джонсона готическое, готицизм («gothicism») означало «варварство». С точки зрения Аддисона, готический

⁴ Представляется справедливым, что Юма-историка, называют «пророком французской контрреволюции». См.: *Bongie L.L. David Hume. Prophet of the Counter-revolution. Oxford, 1965. P. 67.*

собор проигрывает классическому Пантеону из-за «мелочности». И когда поэт А. Поуп сравнивал трагедии Шекспира с готическим собором, это должно звучать упреком великому елизаветинцу, поскольку и то, и другое осуждается за отсутствие «единства», столь ценимого теоретиками эстетики классицизма. Д. Юм в своей «Истории» упрекал Шекспира за «многочисленные неправильности и даже нелепости в его пьесах» и, одновременно, отмечал, «мы, пожалуй, еще сильнее восхищаемся этими красотами оттого, что встречаем их в окружении подобных уродств»⁵. Воспитанный на традициях классицизма, философ, подчиняясь «духу времени», отказался от однозначной оценки того, что нравится ему именно теми качествами, которые не соответствуют эстетическим нормам классицизма.

В середине XVIII века новые вкусы, хотя и с оговорками, нашли обоснование в эстетических формулах, обосновывавших право на признание красоты тревожной, величественной и разнообразной. Готические формы были признаны прекрасными именно в силу того, что они радуют глаз своим разнообразием, прихотливостью и выразительной «неправильностью». Поэт Т. Грей, путешествуя по Европе на рубеже 40-х и 50-х годов, оценил «удивительную красоту и легкость» Реймского собора, а по возвращении в Англию написал исследование «О нормандской архитектуре» (*On Norman Architecture*).

Неопределенность оценки памятников средневековой культуры явственно присутствует, например, в сочинении А. Джерарда «Опыт о вкусе», написанном в конце 50-х годов. Профессор философии из Абердина дал такое объяснение изменению общественных вкусов: «Когда подлинное изящество в мебели или архитектуре уже в течение долгого времени было в моде, люди иногда начинают уставать от него и подражают вкусу китайцев или возрождают готический вкус только ради удовольствия, которое они получают от того, что не похоже на вещи для них привычные»⁶. Склонность к переменам подмечена справедливо, но объяснить только тягой к новизне популярность готики в английской культуре середины XVIII века вряд ли возможно.

Э. Берк в своем трактате «Философские исследования о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» доказывал: «все, что, так или иначе... воздействует подобно ужа-

⁵ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. Т. 1. СПб., 2001. С. 127.

⁶ Джерард А. Опыт о вкусе // Из истории английской эстетической мысли XVIII века. М., 1982. С. 235.

су,.. все это является источником *возвышенного*, то есть производит сильнейшее волнение, которое способна испытать душа»⁷. Тем самым эстетичным признавалось все «возвышенное», включая огромное, величественное и даже ужасное, все, что способно оказывать сильное воздействие на чувства людей, порождать положительные эмоции. Чувства, вызываемые *возвышенным*, он определял как «восхищение» в отличие от наслаждения, производимого восприятием *красивого*. Таким образом, обосновывалось право на существование иных, неклассицистских эстетических представлений.

В начале 50-х годов великий английский живописец У. Хогарт взялся за рассмотрение проблемы прекрасного, при этом он не мог избежать собственной оценки «готицизма». Воспитанный в традициях классицизма, он в художественной практике проявил себя как мастер, не признающий подчинения жестким нормам и правилам. Его художественная практика не укладывалась в рамки классицистских условностей, но, пустившись в рассуждения о природе прекрасного, он не мог отказаться от привычных оценок. Поэтому, отдавая дань восхищения величию Виндзорского замка, он вносит оговорку: «хотя он и лишен правильности какого-либо одного архитектурного стиля»⁸.

Характеризуя архитектурные достоинства Вестминстерского аббатства, Хогарт, прежде всего, упоминает о свойственном этому зданию «хорошем готическом вкусе». Кроме того, он объясняет силу впечатления, производимого Вестминстером тем, что торжественность и усложненность форм соответствует здесь «мрачным идеям, которые оно должно выражать». Тем самым готический стиль признается приемлемым для сооружения зданий определенного назначения. Автор специально отмечает: «Если бы здания, предназначенные для веселья и развлечения, строились в том же духе, это выглядело бы неуместностью и даже своего рода профанацией»⁹.

Как раз в то время (на рубеже 1740 и 50-х гг.), когда Уильям Хогарт писал эти строки, Хорас Уолпол (1717–1797) начал перестраивать в «готическом» стиле свою загородную резиденцию Строберри-Хилл. Строительство продолжалось долго, и было закончено только к 1772 г. Общее руководство осуществлял сам

⁷ Burke E. A philosophical enquiry into the origin of our ideas of the Sublime and Beautiful, L., 1958. P. 39.

⁸ Хогарт У. Анализ красоты. Л., 1987. С. 133.

⁹ Там же. С. 144.

владелец поместья. Ему принадлежит большая часть идей. Реализовать эти идеи помогали архитекторы, сменявшие друг друга по воле капризного заказчика: Р. Бентли, Д. Чут, Т. Питт.

На месте симметричного в плане здания появились башни, клуатр, часовня, галерея, винтовые лестницы, витражи, помещения заполнили старинные и сделанные «под старину» мебель и украшения. Создателя Строберри-Хилла не смущало, что образцом для одного из каминов послужило старинное надгробие, кабинет хозяина был скопирован с католической часовни, а столовая – с монастырской трапезной-рефектория. Стены вестибюля были украшены образцами старинного оружия. При оформлении одних помещений довольно точно повторен облик тех или иных (причем разновременных) старинных памятников, в других «готический» слог намечен, в третьих – отсутствует вовсе. Местность вокруг «замка» должна была соответствовать представлениям о природе «доброй старой Англии» и, одновременно, радовать глаз определенным образом организованным пространством. Поэтому даже коровы, которые оживляли пейзаж, подобраны были определенной масти.

В этом игрушечном замке размещались многочисленные коллекции старинного оружия, раковин, монет, скульптуры, собранные Уолполом, здесь он проводил довольно много времени. Поэтому наряду с умелой стилизацией «под старину» его заботила еще и проблема комфорта, приспособленности помещений для обитания человека, привыкшего к удобствам просвещенного века. Строберри-хилл представляет собой удачный образец стилизации, которая не предполагает повторения старинной строительной технологии, точного воспроизведения форм и материалов изделий взятых в качестве образцов. Вместо камня при строительстве частично применялся «литодипр» (заменитель природного материала), а вместо резного дерева использовались штукатурка, папье-маше и бумажные обои¹⁰.

Условный историзм Строберри-Хилл означал отказ от безоговорочного палладианского классицизма, господствовавшего в те десятилетия в английской архитектуре. Показательно, что сам Х. Уолпол двояко относился к своему творению. С одной стороны, он высказывал сомнение, что это порождение его фантазии переживет своего творца, а, с другой – позаботился издать иллюстрированное описание своего замка, чем немало способст-

¹⁰ См. подробнее: Соколова М. «Готический замок» Хораса Уолпола // Юный художник. 2000. № 11. С. 16–19.

вовал распространению вкуса к готической архитектуре. Дилетантский подход с его достоинствами и недостатками, проявился в Строрберри-Хилл, где искреннее желание выявить и прославить прелесть непризнанной красоты, реализовано было как каприз в духе настроений рококо: дорогая и забавная игрушка¹¹.

Мода на готику проявилась и в практике украшения пейзажных парков искусственными руинами готических замков и аббатств. Примером такого рода служит «Разрушенное аббатство» в парке поместья Пэйнхилл, находящегося неподалеку от курортного города Бат. Характерно, что строились не просто здания «под старину», а именно фальшивые руины, не имевшие никакого практического применения, но радующие глаз своеобразной притягательностью угловатых форм.

Эстетика классицизма требовала красоты гармонической, правильно-организованной, математически выверенной и спокойной. Новое чувство прекрасного основывалось на признании предпочтения выразительности над правильностью. На этом поприще прославились архитекторы-садовники Браун, У. Чамберс. Следует отметить, что Чамберс, построивший классически строгое и гармоничное здание Сомерсет-хаус в Лондоне, был одним из первых, кто начал оформлять парки беседками и пагодами в «китайском» стиле и готическими руинами. Столь же успешно обращались то к палладианскому классицизму, то к готицизму и другие английские архитекторы той поры: Д. Дансе, Д. Нэш. В 1770 г. в «Лекциях об изящных искусствах» Т. Рид отметил, что готическая архитектура «передает нам идею опасности благодаря тонкости колонн, высоте крыши, ее весу и большим окнам с маленькими промежутками между ними»¹². Это краткое замечание позволяет «вписать» увлечение готикой в общую картину эпохи английского предромантизма, культивировавшего опасное, тревожное, таинственное.

Необходимо отметить, что «готическое возрождение» распространилось только на жилые, чаще всего загородные, постройки и парковые «аттракционы» (стилизованные под руи-

¹¹ В тот же период Томас Баррет (Barret) под влиянием своего друга Х. Уолпола тоже перестроил свой загородный дом «Приорат Ли» в готическом стиле. Работал над этой постройкой архитектор Джемс Уайет (Wyatt 1746–1813). Он же возвел «готический» замок Энгридж для графа Бриджуотера в Бэкингемшире и Фонтхиллское аббатство неподалеку от Бристоля для У. Бэкфорда.

¹² Рид Т. Лекции об изящных искусствах // Из истории английской эстетической мысли. М., 1982. С. 309.

ны замки, приорства, аббатства). Что касается культовых сооружений, то старые готические соборы реставрировали, но новых церквей в этом стиле практически не строили. Готическая церковь – образ слишком тесно связанный в общественной памяти со старой религией – католицизмом, отношение к которому по-прежнему было враждебно-настороженным.

Предромантические настроения проявились в усилении интереса к рыцарству, его нравам, образу жизни. Примером такого рода может служить сочинение Р. Херда «Письма о рыцарстве и средневековых романах» (*Letters on Chivalry and Romance*). Важно отметить, что автор употребил для обозначения литературного жанра слово *romance*, а не *novel*, используемое в отношении сочинений Д. Дефо, Г. Филдинга, С. Ричардсона. Вошедшее в обиход около 1650 г.¹³ в качестве названия литературного жанра слово *romance* подразумевало повествование о таинственных и чудесных событиях в духе рыцарских романов, в противоположность *novel*, описывающему события, которые имели место в действительности или вполне могли произойти.

Сочинение Р. Херда появилось в 1762 г. В том же году увидел свет условно-исторический роман «Длинная шпага, или Граф Солсбери» Т. Лолланда. А двумя годами позже вышел из печати «Замок Отранто», привлечший внимание читающей публики к новому литературному жанру, получившему со временем название «готического» романа. Новизна, впрочем, как это часто бывает, скрывала в себе возрождение старого повествования (*romance*), насыщенного чудесами и тайнами, в обрамлении средневековых интерьеров. «Замок Отранто» сначала был издан анонимно. Во втором издании был указан автор. Им оказался Х. Уолпол. По его собственному признанию, облик Строберри-Хилла вдохновил его на создание этого произведения.

Содержание романа напоминает средневековую легенду, язык повествования стилизован под старину. Действие развивается в замке некоего итальянского феодала. Время действия отнесено ко временам крестовых походов, место действия обрисовано весьма условно. Завязкой служит таинственное событие – огромный шлем, упавший с неба, убил сына сеньора, его единственного наследника. Далее следует серия появлений таинственных призраков, разгуливающих по коридорам и подземельям замка, многочисленные знамения и чудеса, череда

¹³ Eighner H. Introduction // «Romantic» and its Cognates. The European History of a Word. Manchester, 1972. P. 4.

ужасных и необъяснимых событий, – все это должно волновать читателя, заставляя его торопить развязку.

Автор описывает тайны и ужасы, сохраняя дистанцию, необходимую для просвещенного рассказчика, передающего содержание наивной старинной легенды. Его позиция далека от насмешливой язвительности Вольтера, который преподнес бы подобный сюжет как череду смешных нелепиц. Свой подход Уолпол объяснил в предисловии к первому изданию: «Вера во всякого рода необычайности была настолько устойчивой в те мрачные века, что любой сочинитель, который бы избегал упоминания о них, уклонился бы от правды в изображении нравов эпохи»¹⁴.

Первоначально он выдал себя за переводчика и издателя старинной рукописи. Убедительность этой мистификации должны были придать рассуждения о том, что описываемое в романе предположительно относится к эпохе крестовых походов, а записана история была, скорее всего, в годы начавшейся Реформации монахом, который пытался таким способом упрочить позиции католицизма. Во втором издании Х. Уолпол признался в своем авторстве и раскрыл свое намерение: создать произведение, совмещающее черты старинного и современного романа, не просто сложить мозаику событий, случившихся когда-то, но передать дух описываемого времени, проникнуться чувствами и мотивами поведения тех людей. И хотя завершил Уолпол «Предисловие ко второму изданию» стихотворным обращением: «Читайте же о замке жутком / Но ироническим рассудком / Не поверяйте чудеса»¹⁵, во всем его сочинении явственно ощущимо настроение, свойственное эпохе Просвещения. Сдержанный, деловитый стиль изложения составляет резкий контраст фантастическому содержанию. Однако, главная мысль произведения – невозможность отбросить прошлое, мотив связи времен – относится к иной, непросветительской культурной традиции.

Написанный с позиций просвещенного рационализма, позволившего себе пофантазировать, «Замок Отранто» вызвал множество подражаний и вариаций на тему таинственной старины. В основе всех этих произведений в большей или меньшей степени лежит «неправдоподобность, заложенная в самом замысле, сознательная установка на то, чтобы воздействовать на воображение читателя, даже не пытаясь его уверить в истинно-

¹⁴ Уолпол Г. Замок Отранто // Комната с гобеленами. Английская готическая проза. М., 1991. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 35.

сти изображаемого»¹⁶. Причем, среди них были вещи по своему яркие, увлекательные, более художественно-ценные нежели суховато-рассудочный, добротнo сделанный роман Уолпола. Жанр готического романа прославили А. Рэдклиф, Г.Л. Мэтью, Ф. Берни, М. Эджуот, М.Р. Рош и др. Готическая литература привлекала многих читателей, даже появились библиотеки, где любители могли получить исключительно готические романы.

Другим обращением к исторической памяти нации стало направление в литературе, условно получившее название «кельтское возрождение». Суть его состояла в том, что наряду с традиционными темами, преимущественно библейскими и античными, поэты обратились к мифам народов Северной Европы, что для обитателей Британских островов означало поиски национальных корней, истоков. А поскольку население Британии имеет разветвленные «корни» (тут и кельты, и германцы), то поиски протекали по этим двум линиям. В то же время достоверных знаний ни кельтской, ни германской истории не существовало, особенно в той ее части, которая связана с культурой, то создавались достаточно условные «вариации на тему».

В зимнем выпуске «Шотландского журнала» за 1755–56 г. появилась поэма «Элбин и дочь Мэя», представлявшая вольный перевод сказания на гэльском языке. Эту публикацию можно считать «первой ласточкой» нового литературного явления¹⁷. В 1757 г. внимание просвещенной публики привлекла небольшая поэма Т. Грея «Бард», навеянная образами кельтского фольклора и средневековой английской поэзии. Поэма содержит в себе пророчество о судьбе Англии, излагаемое устами изгнанного королем Эдуардом I кельтского барда. Грей, живший по возвращении из путешествия по Европе в Кембридже, много занимался изучением древнеанглийского языка, средневековой поэзии, скандинавских сказаний, но общее представление о средневековье в ту пору было настолько приблизительным и неточным, что в поэме он старательно избегал исторической конкретики. Свою задачу он видел в том, чтобы воссоздать настроение, дух ушедшего времени и напомнить о взаимной связи и взаимной зависимости разных эпох. Тем самым автор объединил два варианта воссоздания прошлого – просветительский (исследовательский) и поэтизированный (мифологический).

¹⁶ Тураев С.В. От Просвещения к романтизму. М., 1983. С. 81.

¹⁷ Автор поэмы, сельский учитель Д. Стоун вскоре умер, подтвердив тем самым печальную судьбу первой ласточки из народной поговорки.

В 1760-е годы Т. Греем были написаны поэмы «Роковые сестры» и «Нисхождение Одина». Первая часть поэмы «Роковые сестры» – прозаический рассказ о реальном историческом событии, об одном из многочисленных сражений эпохи рыцарства. Вторая, собственно поэтическая, имеет своим организующим началом образы дев-валькирий, ткущих огромный пурпурный саван для воинов, которые должны погибнуть в предстоящей битве. Для этой поэмы, как и для «Нисхождения Одина», имеющего подзаголовок «Сумерки богов», питательным материалом послужили мотивы скандинавских мифов, с которыми поэт познакомился благодаря исследованию французского ученого П. Молле «Введение в историю Дании». Мир скандинавских мифов, столь отличающийся от мира олимпийских богов, привычного для европейцев XVIII века, оказался востребованным именно в этот момент поиска своего исторического прошлого.

Наибольший резонанс в «кельтском возрождении» вызвало появление так называемых «Песен Оссиана», написанных на темы и в стиле древних кельтских сказаний. С 1760 по 1765 год Д. Макферсон (1736–1796) издал несколько произведений, написанных ритмической прозой и представлявших собой попытку воссоздания кельтского эпоса. Сначала появились «Отрывки старинных стихотворений, собранных в горной Шотландии и переведенных с гэльского» (1760), потом эпические поэмы «Фингал» (1762) и «Темора» (1763), и, наконец, появилось издание «Песни Оссиана, сына Фингала» (1765), объединявшее все как части единого эпоса. Характерно, что в предисловии и «Фингалу», написанном в 1762 г., Макферсон писал: «Попытки проникнуть в древнейшую историю народов приносят человечеству скорее удовольствие, нежели действительную пользу»¹⁸. В этих словах проявляется позиция джентельмена-дилетанта, интересующегося стариной в свободное от основных занятий время, наряду с другими развлечениями просвещенного ума¹⁹.

В мире созданном «Поэмами Оссиана» нет ясных солнечных дней и спокойных людей. Там среди утесов, покрытых мхом, окутанных туманами бурлящих водопадов, под завывание ветров, гуляющих по озаренным тусклой луной вересковым пустошам, сумрачные и гневные герои охотятся, сражаются, хоронят

¹⁸ Макферсон Д. Поэмы Оссиана. М., 1983. С. 6.

¹⁹ Макферсон был сначала учителем в школе для бедных в горной Шотландии, затем воспитателем в аристократическом семействе и секретарем губернатора одного из североамериканских владений Великобритании.

погибших, пируют на тризнах и вновь вступают в битвы. «Как океан возмущенный, когда высоко он вздымает валы, как последний раскат небесного грома, так грохотала битва».²⁰ Об этом повествует старый, ослепший бард Оссиан, сын предводителя Фингала, славящий ушедшее поколение героев, «когда буря нисходит с гор, когда северный ветер вздымает волны»²¹.

Сумрачность обстановки помноженная на таинственность происходящего создавали особый настрой, открывали неведомые (точнее, подзабытые в период торжества просветительских идей) грани в душе человека и в окружающем мире²². «Герои живут и действуют вне быта... мы не найдем ни конкретной житейской обстановки, ни описания материальных предметов, утвари, еды, самого жилища, кроме неопределенных чертогов (halls), где по стенам развешаны столь же неясные доспехи и куда воины сходятся на «пиршество раковин» (feast of shells)». Зыбкая, безрадостная туманность мира оссиановских песен требовала использования иных выразительных средств, иного художественного языка, далекого от рационалистической четкости, завершенности, ясности.

«Поэмы Оссиана» почти сразу же стали объектом споров по поводу их древности. Макферсон заявил себя (но не очень категорично) переводчиком шотландских народных сказаний, между тем специалисты усмотрели в его творении ирландские, а не шотландские корни, а в поэмах – не перевод древних баллад, а сочинение самого Макферсона. Интересна позиция Т. Грея, высказанная им по поводу «Поэм Оссиана» в одном из писем: «...все внешние данные заставляют меня считать эти отрывки подделкой, но, с другой стороны, внутренние их достоинства столь велики, что я решаюсь считать их подлинниками»²³. А для читателей важнее была созданная в «Поэмах» стилизация героической древности, мрачно-величественная «тьень минувшего», лишенная прозаической грязи подлинной первобытности. На долгие годы «Поэмы» стали знаковым событием для европейских литератур, причем, в большей степени для литератур континента, чем для собственно английской.

«Поэмы Оссиана» открыли собой ряд многочисленных литературных мистификаций и стилизаций «под старину», более

²⁰ Макферсон Д. Указ. соч. С. 23.

²¹ Там же. С. 132.

²² Левин Ю.Д. «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона // Там же. С. 468.

²³ Цит. по: Левин Ю.Д. Указ. соч. С. 475.

или менее отдаленную. Особое место в истории литературных подделок занимает судьба Томаса Чаттертона (1752–1770). Выходец из некогда славного торгового города Бристоля, Чаттертон вырос в бедной семье. В распоряжении юноши-мечтателя оказался старинный сундук с древними рукописями, долгое время хранившийся в церкви Марии Рэдклифской. Увлечение старинной, помноженное на стремление к славе, навело молодого человека на мысль использовать старые бумаги и содержащиеся в них тексты для создания собственного сочинения. Где кончилась игра и началась мистификация трудно сказать. Во всяком случае, получилось так, что, отталкиваясь от свидетельств древних документов и писем, Чаттертон сочинил целый стихотворный цикл, написанный в манере, свойственной XV веку. Стихи были написаны от имени священника и поэта Т. Роули (личность, которого зафиксирована историческими источниками) и посвящались жизни одной семейной пары, которая также некогда жила в Бристоле и действительно была в дружеских отношениях с Роули. Чаттертон сумел передать строй староанглийского языка, образ мыслей и чувств людей изображаемой им эпохи.

Подлинность созданного Чаттертоном ни у кого, кто читал его подделку, не вызвала сомнений. Вдохновленный успехом, Чаттертон послал свое произведение Х. Уолполу, рассчитывая, что тот поможет ему материально и откроет дорогу к славе. Но Уолпол предпочел проявить осторожность. Возможно, его насторожила просьба о материальной помощи. Уолпол отказал просителю. В отчаяние Чаттертон покончил с собой и практически сразу же прославился: стихи оказались очень хороши, а трагические события, сопровождавшие их публикацию в 1770 г., привлекли всеобщее внимание²⁴.

В театре (а он имел огромное значение для духовной жизни общества той поры) усилия и талант Д. Гаррика способствовали возвращению на английскую сцену подлинных, «без купюр», не подправленных согласно требованиям эстетики классицизма шекспировских пьес, грубых и «неправильно построенных». На портрете, написанном У. Хогартом в 1746 г., Гаррик изображен в роли Ричарда III, одетого по моде тюдоровских времен, а не в условном сценическом костюме, принятом в театре той поры. В

²⁴ История Т. Чаттертона оказалась благодатной темой для романтиков XIX века. Его судьбе посвятил пьесу А. де Виньи, Г. Уоллес изобразил его на картине «Смерть Чаттертона» (гравюра с этой картины приобрела огромную популярность в викторианской Англии).

данном случае важнее не то обстоятельство, что костюм много «моложе» персонажа, а то, что актер и художник пытаются создать образ, соотносимый с некой исторической эпохой.

Готическая и кельтская тематика проявилась и в театре. Первая «готическая» драма «Таинственная мать» Х. Уолпола написана была в 1768 г. Эта пьеса не увидела сцены, но вызвала несколько подражаний. В 1790-е годы Бодин создал несколько постановок по сюжетам романов А. Рэдклиф «Фонтенвельский лес», «Роман в лесу», «Итальянец». В то же время перерабатывался для театра оссиановский цикл. Сами по себе эти пьесы не имели особой художественной ценности, но являлись характерными приметам вкусов времени.

Увлечение готикой нашло отражение в изобразительном искусстве. Руины готических аббатств неоднократно изображал на своих пейзажах У. Тернер («Тинтернское аббатство» 1794 г., «Собор в Солсбери» конец 1790-х). В акварельных пейзажах 1790-х годов молодой Тернер пришел к соединению топографических традиций с нарождающимся романтически взволнованным восприятием природы. В основе лежал точный карандашный рисунок, на который накладывались размывкой серая и легкие светлые краски: голубые, коричневые, оливково-зеленые. Никакой импровизации не допускалось. Искусное использование света придавало выразительность и некоторую таинственность этим пейзажам. Островерхие шпили и вытянутые линии готических арок среди раскидистых деревьев и буйной травы радовали глаз неорганизованной гармонией. Все эти изображения выполнялись по заказам. В течение нескольких лет художник отмечал, что у него «больше заказов, чем он мог выполнить»²⁵. Обилие таких заказов только у одного художника (до 60-ти за один 1799 год) служит дополнительным свидетельством перемены общественных вкусов. Со временем, когда романтизм станет доминировать в европейской культуре, живопись У. Тернера приобретет иной выразительный язык и другую тематику.

Показателем увлечения стариной служат описания путешествий по родному краю, целью которых является посещение тех или иных достопримечательностей, чаще всего полуразрушенных аббатств и готических соборов. Такие путешествия становятся привычной формой отдыха более или менее зажиточных англичан. Подтверждением тому служат сюжеты от-

²⁵ Цит. по: Некрасова Е.А. Тернер. М., 1976. С. 16.

дельных гравюр «иронического обозревателя эпохи» Томаса Роулинсона и эпизоды романов Джейн Остен.

Если рассматривать человеческую личность в качестве продукта определенной культурной традиции, то, безусловно, английский предромантизм наиболее ярко преломился в личности Х. Уолпола. Сын бессменного премьер-министра вигских правительств второй четверти XVIII века Роберта Уолпола, Хорас Уолпол получил блестящее образование, завершившееся Кембриджем и традиционным большим путешествием по Европе. Он не был старшим сыном, поэтому не на него возлагались главные надежды, не на него должно было лечь почетное бремя главы семейства. Он имел все возможности, предоставляемые богатством и знатностью, но без многих обязанностей с этим связанных. Он мог жить в свое удовольствие просвещенного и ничем не обремененного человека. Только к старости Хорас Уолпол унаследует титул лорда Орфорда.

С портрета, написанного Д. Рейнолдсом в 1757 г., на зрителя взирает приятный джентльмен средних лет, уверенный в себе, слегка разочарованный в этой жизни, где ему все знакомо и доступно. Книжки, свитки, рисунки, отточенное перо, – все свидетельствует о направленности его интересов. Одной рукой он облокотился на пюпитр для письма, другой подбоченился, поза свидетельствует о приятной задумчивости, в которую погружен (или которую изображает) герой картины. Художник-джентльмен, каковым был сэр Джошуа, точно передал облик джентльмена-дилетанта, каким был сэр Хорас.

Х. Уолпол испробовал свои возможности в разных творческих сферах. Кроме «Замка Отранто» и «Таинственной матери», его перу принадлежит целый ряд сочинений, которые мы назвали бы литературоведческими и искусствоведческими. Это «Каталог царственных и благородных авторов», «Анекдоты о живописи в Англии»²⁶, «О современном садоводстве». Ему принадлежит попытка исторической реабилитации короля Ричарда III, который со времен Т. Мора и У. Шекспира воспринимался в национальной исторической традиции «чудовищем злодейства». Все написанное им оригинально, умно, занимательно, все – на уровне добротного дилетантства.

Х. Уолпол держал собственную типографию, где издавал свои сочинения, а также работы тех, кому оказывал покрови-

²⁶ *Walpole H. Catalogue of Royal and Noble Author. L., 1758; Walpole H. Anecdotes of Painting. L., 1828.*

тельство. Его меценатство, как почти всякое проявление такой деятельности, отличалось капризной избирательностью в отношении объектов покровительства. Поэт Т. Грей получил возможность посетить Францию, Швейцарию и Италию благодаря тому, что сопровождал его в путешествии. Впоследствии Х. Уолпол любил демонстрировать по отношению к Грею барственно-покровительственный тон. В одном из писем он так отзывался о личности поэта: «Это самый дурной товарищ и собеседник, меланхолик... не может разговаривать свободно... Его сочинения удивительны, но сам он человек неприятный»²⁷. Такое мнение, возможно, было вызвано тем обстоятельством, что Грей однажды обиделся на своего покровителя за то, что тот позволил себе вскрыть письмо, предназначенное Грею, и Уолполу пришлось извиниться. Еще раз, на этот раз публично пришлось Уолполу извиняться после самоубийства Чаттертона.

Младший современник Уолпола И. Д'Израэли так характеризовал его: «Это ветреное существо, это олицетворение квинт-эссенции того, что обыкновенно и называют светом»²⁸. Словом, он представляется идеальной фигурой, выражающей предромантические настроения с их прихотливой любознательностью, окрашенной легкой ностальгией. Думается, что именно в личности Х. Уолпола, в образе его Строберри-Хилл лучше всего отразился предромантизм как явление английской культуры.

Два этапа в становлении романтических настроений можно сравнить через две человеческие судьбы: Х. Уолпола и Уильяма Бекфорда (1760–1844). Именно то сходство, которое присутствует в их биографиях, позволяет показать различие в умонастроениях двух поколений европейских интеллектуалов. Два богача, два джентльмена-дилетанта, два обласканных судьбой и обстоятельствами человека, но как по-разному ощущали они себя в мире. Один явно чувствовал себя на месте там, где родился и жил – в Англии. Путешествия для него – дополнительная возможность получить впечатления. Все его увлечения – приятные забавы просвещенного ума. Другому неуютно в том обществе, в котором он живет, его влечет за пределы той культурной среды, к которой он принадлежит. Поиски необычного и таинственного выталкивают его из «своего» прошлого в «другие», чужие миры. Его путешествия – странствия мятущейся души.

²⁷ Д'Израэли И. Литературный характер или история гения, заимствованная из его собственных чувств и признаний. Дубна, 2000. С. 95.

²⁸ Там же.

Характер и судьба Уильяма Бекфорда представляют собой набросок характеров и судеб скитальцев (реальных и литературных) романтической эпохи, непонятых в своем мире, странствующих по белу свету, ищущих чего-то неясного и непонятного. Его называли «самым богатым сыном» в Англии, потому что он унаследовал огромное состояние. Не ужившись в лондонском свете и желая подчиняться только собственным прихотям, он отправился странствовать, долго жил в Португалии и Испании. На юго-западе Европы в ту пору проще всего было познакомиться с арабской культурой испанских мавров. Увлечение Бекфорда арабской литературой и восточной экзотикой, опирающееся на знание арабского и персидского языков, вылилось в создание фантастической повести, где элементы чудесной сказки переплетены с аллегорическими образами и философскими сентенциями. «Ватек. Арабская повесть» Бекфорда была опубликована без ведома автора в Швейцарии на французском языке в 1785 или в 1786 г. (в литературе фигурируют обе эти даты).

Прототип героя повести – Ватек, девятый халиф из династии Аббасидов, правил в середине IX века и был известен своей ученостью, страстью к наслаждениям и тяжелым, гипнотизирующим взглядом. В своем герое Бекфорд подчеркивает черты, близкие ему самому – жажда знаний и впечатлений, пренебрежение мнением других людей. Бекфорд создал «фантазию на восточную тему», и это роднит его с просветительской традицией, но основная идея «Ватека» совершенно чужда просветительскому культу всепобеждающего Разума. Для Бекфорда Разум и получаемые с его помощью знания – не что иное, как опасная ловушка, в которую попадают самонадеянные гордецы. «Ватек» начинается как сказка, а заканчивается как мрачная аллегория, полная трагической многозначительности. Бекфордовский Восток не похож ни на идеально-абстрактное «Царство Разума», о котором мечтали просветители, ни на достаточно обустроенную, обжитую «готическую» фантазию Уолпола. В повести все алогично, причудливо – изобильность длительных пиршеств, пышность празднеств, кошмар колдовских сцен, – все должно создать у читателя впечатление фантастичности, необычности, непохожести описываемого на привычный реальный мир.

Не менее показательное сравнение двух «готических» замков, построенных Уолполом и Бекфордом. Фонтхиллское аббатство Бекфорда гораздо вернее передавало суровость и мрачность средневековых построек, чем игрушечный замок Уолпола, было выдержано в едином стиле, но не слишком годилось в ка-

честве жилья. В том, что делал Уолпол, условность, стилизация под старину была очевидна и демонстративна. Бекфорд старался воплотить «дух» прошлого времени, мрачность, суровость готической архитектуры, но при этом действовал в ритме своего энергичного времени. Строительство Фонтхилла было начато в 1796 г. Заказчика интересовал скорейший результат, поэтому работы велись зимой и летом, днем и ночью без соблюдения необходимых условий. Несоответствие замысла и реализации привело к тому, что это здание развалилось в 1826 г., превратившись в подлинные псевдоготические руины.

Пестрый калейдоскоп отдельных явлений культурной жизни имел совершенно отчетливо проявившееся организующее начало – почтительное обращение к авторитету предков. Рядом с этим – увлеченность всем волнующим, необычным, величественным, выходящим за рамки повседневной обыденности, контролируемой Здравым Смыслом. Историческая точность воссоздания прошлого на первых порах была весьма приближительной. На вооружение брались наиболее приметные штрихи, детали. Главным было умение с помощью этих поверхностных характеристик передать ощущение давности, таинственности и, главное, уникальности, своеобычности, противопоставленной универсальности классицизма. Образующийся при этом блок понятий, составляющих преимущественно сферу иррационального (таинственное, пугающее, загадочное) толковался с позиций просветительского рационализма.

Можно сказать, что на этом этапе происходило пробуждение интереса и симпатии к недавнему (что значит двести-триста лет по сравнению с тысячелетием, отделяющим XVIII век от античной древности?!) и национальному прошлому. Память предков, «родных» (кельтско-англо-саксо-датско-норманских), а не всеобщих (греко-римских), имела в пробуждении этого интереса существенное значение. Со времен Возрождения античная мифология и история воспринимались как общее для всех европейцев прошлое, а боги и герои Древней Греции и Древнего Рима – общие далекие предки, то, что объединяет все народы западной культуры. На этой общности базировалась просветительская идея общечеловеческого. Идущая на смену Просвещению культурная тенденция искала опоры в самобытности менее отдаленного уникального национального прошлого.

Е.Н. Морозова (Саратов)

**РЕТРОСПЕКТИВИЗМ РУБЕЖА XIX–XX вв.:
СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ, СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ**

В России на рубеже XIX–XX вв. складывался новый тип художественного сознания с комплексом присущих ему характеристик, важной составляющей которых являлся ретроспективизм. В эпоху порубежья художественное мышление в ряде своих аспектов выступало в роли мышления философского, а искусство становилось одной из форм развития философского сознания¹. Апелляция к историческому прошлому позволяла выразить художественными средствами проблему идентификации России в контексте противостояния «Запад-Восток». В художественной культуре рубежного периода условно можно выделить две основные ветви ретроспективизма: романтический европеизм и национальный романтизм, которые в ином семантическом поле продолжили давний спор между западниками и славянофилами.

Ретроспективизм рубежа веков – это «дитя» «смены вех», смены исторической парадигмы. В наступлении века машин новое поколение интеллигенции увидело угрозу человеческой индивидуальности, культуре. Появился страх перед эгалитаризацией и дегуманизацией общества. Искусство покидало, по словам К. Леонтьева, «проклятую жизнь пара, конституции, равенства, цилиндра и пиджака». Уходила в прошлое философия позитивизма, исторический оптимизм сменился трагизмом, двойственным отношением к действительности. Изменялись нравственные императивы. По определению М. Вебера, «идеально – разумный мир смыслообразующих ценностей распался на множество мелких, враждующих княжеств»².

Ощущение «заката Европы», разрыв традиций европейской культуры, страх перед неведомым будущим, сулившим «неслы-

¹ О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 20–21.

² Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 149–150.

ханнные перемены и невиданные мятежи», породили поиски гармонии, попытки создать новый тип целостности изменившейся картины мира. Недаром Н. Бердяев подчеркивал, что «культура в эпоху цивилизации всегда романтична, всегда обращена к былым религиозно-органическим эпохам»³. Эта тенденция еще более усилилась в годы первой русской революции, когда пессимизм должен был «оглушить», чтобы «уши не слышали убийств, чтобы очи не видели смерти»⁴. Но взгляд назад, в прошлое, давал возможность не только бежать «от дворников, городских и хулиганов» в «галантные эпохи», но и обратиться к осмыслению образа России в мировой истории и культуре. Это явление отчетливо прослеживалось в романтическом русском европеизме, представителей которого с «легкой руки» С. Маковского стали называть «ретроспективными мечтателями». Однако это понятие кажется слишком узким для определения содержания, форм и уровней ретроспективизма рубежа XIX–XX вв.

Новая генерация художественной интеллигенции и, прежде всего, «мирискусники», объявив себя новаторами, провозгласили полный разрыв с предыдущими художественными течениями: «ветхим академизмом» и «скучным реализмом», чьи платформы в конце XIX века находились в состоянии глубокого кризиса. Трагические коллизии, являвшиеся основой сюжетов исторических работ передвижников, уходят в прошлое.

Платформой, которая определила содержание и формы ретроспективизма, стал панэстетизм. У его истоков стояли представители западно-европейской философской мысли, но в России панэстетизм получил новое осмысление в работах В. Соловьева. Красота и ее носитель – искусство, которое провозглашалось «самоценным и самополезным», наделялись способностью «преосуществить» мир на началах гармонии и равновесия. Путь изменения действительности виделся не в революции, а в средствах искусства. Искусство становилось своего рода «новой религией», задача которой – насытить жизнь духовностью, преобразить человека и окружающую его среду.

Эта новая художественная программа строилась на широкой апелляции к прошлому. Историческое прошлое рассматривалось через сложную систему призм и, прежде всего, через историю культуры. Недаром О. Мандельштам говорил, что задача

³ Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С. 162–169.

⁴ Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 285.

художника – «гармонизировать хаос, превратить историю в культуру». Излюбленным объектом художественных произведений стали те или иные культурные эпохи со свойственным только им специфичным художественным языком. Однако стилизация не означала механического перенесения форм, рабского подражания, а приводила к созданию совершенно новых эстетических объектов. Интерпретация истории отечественной и европейской культуры представляла собой необыкновенное разнообразие сюжетов и форм: античность, средневековье с его многоцветьем традиций, мистикой, рыцарской этикой, барокко, ампир, классицизм, уходящая культура русской усадьбы.

В работах романтического русского европеизма присутствовало собственное истолкование истории, которое отличалось от взглядов передвижников. На рубеже веков шла эволюция жанра от историко-событийной картины, свойственной реализму, к историко-бытовой, историко-мифологической, историко-поэтической, к историческому пейзажу: «Версальские» серии А. Бенуа, исторические реминисценции К. Сомова, композиции на античные темы В. Серова и Л. Бакста, циклы работ, посвященные Петербургу Е. Лансере и М. Добужинского и др. Эти работы лишены событийности. Авторы интересовались не только и не столько конкретной исторической эпохой, ее сюжеты и объекты, сколько ее атмосфера. В. Брюсов подчеркивал, что хотел бы доказать, что поэты предыдущих веков порывались выразить и перенять не столько внешние формы, сколько их дух. Обращаясь к историческим темам, они хотели передать «неуловимый аромат и очарование минувших веков» или, как писал Дмитрий Философов, «быт, интимность и эстетику истории»⁵.

Таким образом, исторические представления переводились в другую плоскость: от конкретного исторического сюжета к духу, стилю эпохи, к «запаху» и «цвету» времени.

Однако исторические представления художественной интеллигенции не были оригинальными и являлись своеобразной «парафразой» уже имевшихся взглядов. Они смотрели на прошлое через призму наиболее популярных философских идей, в частности, представителей «философии жизни»: Ницше, Дильтея, Бергсона. Идеи Ницше об аполлоническом и дионисийском началах творчества, стихийности и гармонии получили отраже-

⁵ Философов Д. Тоже тенденция // Золотое руно. 1908. № 1.

ние в художественных произведениях рубежа веков. Вторичность исторических представлений отчетливо проявлялась и в петербургской теме, преломляясь через историзм поэтической культуры Пушкина и мрачных пророчеств Достоевского (иллюстрации А. Бенуа к «Медному всаднику»; гравюры О. Остроумовой-Лебедевой, посвященные Петербургу; серия иллюстраций М. Добужинского к «Белым ночам»). Содержательная сторона творчества складывалась на пересечении нескольких векторов: прошлого и настоящего, объективного и субъективного, «эго» художника, определяясь его личным опытом (уровнем образования, саморефлексией, принадлежностью к интеллектуальной элите, различиями в профессиональной подготовке).

Особенностью и преимуществом новой исторической живописи, по убеждению В. Серова, являлось проникновение в стиль минувшей эпохи, умение видеть ее глазами современника. А. Бенуа замечал, что он «лучше понимает прошлое, его идеалы, мечты, страсти, чем настоящее». «Мирискусники», в частности, проявили такую острую и верную интуицию в изображении мельчайших бытовых деталей, такую точность и разносторонность историко-археологических знаний, которую едва ли можно найти в предшествующей русской живописи.

Однако этот взгляд на историческое прошлое был взглядом человека начала XX века: в нем неуловимо присутствовали современность и своеобразная антиципация, предвосхищение будущего, носившее трагический характер. Как заметил И. Гарин, художник может чувствовать себя «троянцем или ахейцем, а его возлюбленная – Еленой, но все они – современники: мифология необходима как связующее звено между прошлым и настоящим»⁶. Обращаясь к сюжетам и сценам «галантной эпохи», повторяя «движения и позы XVIII в.», художник приносил в свою работу ощущение современности, трагизм эпохи «fin de siècle» и ее «печальный яд». Недаром «мирискусники», говоря о К. Сомове, подчеркивали, что «нет художника более современного», чем он⁷.

Ретроспективизм был своеобразным проявлением принципа панхронизма («содержание истории есть совместное движение времени – сотоварищами, соискателями, сооткрывате-

⁶ Гарин И. Серебряный век. М., 1999. Т. 3. С. 388.

⁷ Бенуа А. История русской живописи XIX века. СПб., 1901. С. 272.

лями)»⁸. Но произведения этого периода апеллировали и к будущему, несли в себе попытку угадать его очертания, окрашиваясь противоположными чувствами: страхом и надеждой, верой и неверием⁹.

Во многих ретроспекциях явно присутствовала ирония. Иронически, иногда гротескно, воспринималось прошлое, проецируясь на настоящее. Ретроспективная тематика становилась формой романтического протеста против «мещанской и прозаической» действительности¹⁰. Протест ироника обнаруживал себя как эстетический выбор, являвшийся зеркалом, в котором «окружающий мир видит весьма уродливый лик свой». По замечанию Кьеркегора, ирония представляла собой неотъемлемую черту романтического мирозерцания, для которого не история являлась ключом к собственному «я», а история воспринималась через призму «я»¹¹. Отсюда – саморефлексия, когда исторический сюжет не имел однозначного толкования. Это своего рода «безмерность в мире мер».

У большинства представителей романтического европеизма ретроспективизм носил активный характер, являясь проводником программных установок панэстетизма. Отрекаясь от всего, что носило характер злободневности, публицистики, иллюстративности, художники нового поколения, обращаясь к историческим сюжетам в своем творчестве, были далеки от идеализации прошлого и мечтательной поэтизации отживших форм. Лишь немногие, как, например, В.Э. Борисов-Мусатов, работы которого являлись своеобразным перформансом, пытались воссоздать просто «красивую эпоху» «фижм, кринолинов, буклей, откидных рукавов». Внешняя статичность форм не могла скрыть внутреннего напряжения, мучительных поисков Красоты, поисков подтверждения заранее сформулированных идей. Голландский исследователь Й. Хейзинга отмечает «повышенную эмоциональность и исключительную напряженность чувств» в произведениях рубежного периода¹².

⁸ Это отчетливо проявлялось, в частности, в работах А. Бенуа, когда в исторический пейзаж современного ему Версаля помещались стаффажные фигурки «короля-солнца» и его придворных.

⁹ Петров В. «Мир искусства». М., 1975. С. 12–19.

¹⁰ Гусарова А. «Мир искусства». Л., 1972. С. 27–28.

¹¹ Гайдукова Т.Г. У истоков. Кьеркегор об иронии. СПб., 1995. С. 35–38.

¹² Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 14, 31, 115.

Важной составляющей ретроспективизма являлся антропоморфизм. Одухотворение эстетических объектов характерно для многих работ «мирискусников», когда люди представляли некий условный плоскостный «театр марионеток», а произведения искусства – очеловечивались, пейзаж обладал собственным настроением, чаще всего, таинственным и грустным.

Характер культурных ретроспекций представителей романтического европеизма был различен: стилизации А. Бенуа, «сентиментально-ироническое» и «колдовское приятельство с мертвыми» К. Сомова, «аллегорический сентиментализм» С. Судейкина, «бытописание» Е. Лансере.

Художественная ткань произведений русского романтического европеизма, по сути дела, представляла собой интертекст, построенный из цитат и историко-культурных реминисценций. Ретроспективные работы, насыщенные аллегориями, аллюзиями, ассоциациями, метафорами, являлись своеобразными культурными кодами. В этих интертекстах использовались архаические, античные, библейские мифы и мифологизированные тексты предшествовавшей культурной традиции.

Но даже высокий культурный уровень зрителя и читателя не всегда позволял до конца дешифровать предлагаемые интертексты. «Версальские серии» А. Бенуа отправляли искушенного зрителя к мемуарам герцога де Сен-Симона, свидетеля последних дней жизни Людовика XIV, заставляли увидеть Версаль не прошлого, но настоящего, вынуждали задуматься над философскими проблемами сиюминутного и вечного. В качестве классических примеров многослойных культурных кодов можно привести произведения «пэоннейшего из поэтов» О. Мандельштама. В его знаменитом стихотворении «На развалинях, уложенных соломой...», казалось бы, рядовое событие (прогулка с М. Цветаевой по Москве) превратилось в сложный интертекст. Здесь странным образом переплелись представления о современной и средневековой Москве, гибели царевича Дмитрия в Угличе, Самозванце и двух Маринах: Мнишек и Цветаевой, несчастном сыне Петра Первого – царевиче Алексее. Эти исторические представления, расположенные за пределами текста стихотворения, вовлекаются в него логикой и динамикой ассоциаций. Однако последние – всегда поверхностны, ибо подтексты этого произведения более глубоки и бесконечны и не могут совместиться в каком-либо определенном, однозначно трактуемом образе, объекте или событии.

Ретроспективизм носил амбивалентный характер. С точки зрения содержания пересматривались все до той поры незыблемые императивы. «Зло может быть так же прекрасно, как и Добро», – утверждал С. Дягилев, обосновывая платформу новаторских исканий¹³. Противоречивость ретроспективных поисков заключалась и в том, что в провозглашенном служении Красоте, было очевидно желание подчинить прошлое новой платформе, найти в нем не столько созерцание красоты и гармонии прошлых эпох, сколько доказательство своих идей. Сторонники европейской философско-политической и художественной утопии Art Nouveau хотели средствами искусства, апелляцией к прошедшим векам «преосуществить», изменить не только художественную, но и перестроить всю окружающую их действительность. Поэтому они воплощали ретроспективные идеи не только в творческой, но в общественной деятельности и в быту.

В целях привлечения внимания общества к прошлому во всех его видах и вариантах, художественная интеллигенция вела активную пропаганду, возрождая утраченный интерес к старине. Об этом свидетельствовали крупнейшие ретроспективные выставки, проведенные в годы первой русской революции. Историческая выставка русских портретов XVIII–XIX вв. в Таврическом дворце (март 1905 г.) явилась для ее организаторов важной попыткой реабилитации русского искусства, «кассамблеей» изображений лиц послепетровской эпохи. Они открыли заново для публики не только творчество Ф. Рокотова, Д. Левицкого, В. Боровиковского, но многих неизвестных крепостных художников, чьи портреты пылились в полузаброшенных усадьбах. В 1906 г. ретроспективная выставка русской живописи (от старинных икон до «мирискусников») открылась в Парижском осеннем салоне и была показана еще в нескольких европейских столицах. Эти выставки поразили не только неискушенную публику, но и художников-профессионалов, в частности, И. Билибина:

«Только совершенно недавно, точно Америку, открыли старую художественную Русь, вандальски искалеченную, покрытую пылью и плесенью, – писал он. – Но и под пылью она была так прекрасна, что вполне понятен минутный порыв открывших ее: вернуть! вернуть!»¹⁴.

¹³ Дягилев С. Сложные вопросы // Мир искусства. 1899. № 1.

¹⁴ См.: Голынец Г.В., Голынец С.В. Иван Яковлевич Билибин. М., 1993. С. 68.

Проблема взаимоотношений национальной духовной традиции и культурного опыта Европы сделала тему «Петербург – Москва» центром острой дискуссии, продолжая в новых условиях традиционную полемику между западниками и славянофилами художественными средствами.

Трудно поверить, но в начале XX века архитектура «самого умышленного города на свете» квалифицировалась публикой как «казенная и канцелярская», отождествляясь с бюрократическим духом Петербурга. В живописных работах «мирискусников», в произведениях А. Блока, О. Мандельштама, А. Ахматовой воссоздавались пушкинские традиции в передаче облика «Северной Пальмиры». Искусствоведческие работы А. Бенуа открыли красоту барокко и классицизма, особенно расцветших в Петербурге. Его интересовала трансформация западных европейских начал в объект и субъект национальной русской культуры¹⁵. Культ старого Петербурга стал темой не только творчества, но и пристального интереса к истории города. Столице была посвящена выставка «Старый Петербург», из которой возник музей с одноименным названием (1908 г.).

Ретроспекции получили отражение и в сценической практике. В частности, «Старинный театр» Н.Н. Евреинова (1907 г.) ставил своей целью реконструкцию сценического представления «во всей своеобразной прелести его архаических форм, характерных для различных исторических эпох»¹⁶.

Огромное число публикаций по истории русского и европейского искусства, издательская деятельность, активное коллекционирование также становились своеобразным способом практического воплощения ретроспективных идей. Свои собрания старинных произведений искусства имели В. Аргутинский-Долгоруков, А. Бенуа, И. Браз, К. Сомов, Н. Рерих.

В соответствии с эстетической платформой строился быт: дом, в котором живет художник, мебель, посуда должны быть подлинными, «выдержанными в стиле». Этот «жизненно-творческий метод», по словам В. Ходасевича, представлял собой «ряд попыток найти сплав жизни и творчества, своего рода философский камень искусства»¹⁷.

¹⁵ *Стернин Г.Ю.* «Мои воспоминания» А. Бенуа // Александр Бенуа. Мои воспоминания. М., 1993. Кн. 4–5. С. 598.

¹⁶ *Старк Э.* Старинный театр. Пг., 1922. С. 8.

¹⁷ *Ходасевич В.Ф.* Некрополь. Воспоминания. М., 1991. С. 8.

Элитарность ретроспективизма творческой интеллигенции обернулась в массовом сознании своей противоположностью — эгалитарностью. Идеи ретроспективизма стали проецироваться на бытовом уровне, превращаясь в клише, шаблоны в искусстве и поведении. Философское понятие «Красота» трансформировалось в массовой культуре в «красивое», обладающее неким набором качеств, делающих созерцаемый объект приятным глазу потребителя¹⁸. Идеи ретроспективизма превратились в ходовой товар. Появились «Женское общество акварелисток», «Новое общество художников» Делла-Вос-Кардовской, тиражировавшие темы «красивой» старины с «роскошным бытом» и пышными костюмами. Именно такое представление о прошлом было понятно, по ядовитому замечанию В. Милашевского, «мечтающей мадам Бовари из Тамбова»¹⁹.

Все варианты и формы, уровни ретроспективизма должны были «соединить разорванную связь времен» путем создания нового целостного типа культуры, где естественно соединялось прошлое и настоящее.

Всей своей деятельностью «ретроспективные мечтатели» стремились к одухотворению общественного сознания, к пробуждению интереса к мировой культуре и истории, органической частью которой они считали Россию. Романтический русский европеизм, ориентируясь на подготовленного читателя и зрителя, стремился художественными средствами, параллельно с философией Серебряного века, ответить на вопрос о судьбах России и ее месте в мировой истории. Работам представителей этого направления, даже если их сюжеты были стилизацией предыдущей культурной традиции, была свойственна неуловимая «русскость».

Этот факт был отмечен Д. Андреевым, который, анализируя блоковский цикл «Стихов о Прекрасной Даме», увидел в нем «специфические оттенки российской метакультуры». Он обратил внимание на «отдаленность реминисценций» Запада и романтизма средневековья, которые «не проникли глубже наименования». Автор тонко заметил, что образ Прекрасной Дамы «обрамляется русскими пейзажами, еловыми лесами, скит-

¹⁸ Т.Л. Щепкина-Куперник насмешливо писала, что тогда считалось чуть ли не постыдным «не заказывать себе капотов, скопированных с картин Боттичелли».

¹⁹ Милашевский В. Вчера, позавчера... М., 1989. С. 99.

скими лампадами... Старая усадебная культура, мечтательная, клонящаяся к упадку, но еще живая, дышит в этих стихах – поздняя стадия этой культуры, ее вечерние сумерки»²⁰.

Объявив себя новаторами, приверженцами Красоты, основателями нового стиля, сторонники романтического европеизма в то же время оказались традиционалистами. Ретроспективизм и пассаизм входил в современное миросозерцание как одно из проявлений традиционализма в самом типе мышления и духовном складе личности²¹. В этой черте художественного мышления содержалась сила и слабость, новаторство и ограниченность. Для нового поколения художественной интеллигенции ретроспективисты начала XX века быстро превратились в ретроградов: «Мы осуждены, чтобы умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре..., которая нами возникнет, но нас и отметет»²².

Эпоха исторических предчувствий закончилась. Говоря словами Тойнби, художественная интеллигенция не смогла ответить на исторический вызов и была обречена в своих поисках Красоты. Путь «вперед, к прошлому» был тупиковым. Не Красота преосуществила Россию, а век революций.

Философско-художественные взгляды романтического русского европеизма оказались менее жизнеспособными, чем национальная романтическая традиция. Последняя оказалась более устойчивой, упрочив веру в самобытность России и представляя ее прошлое в «идиллическом, бестрагедийном свете». Отзвуки этой традиции до сих пор живы в общественном сознании.

²⁰ Андреев Д. Роза Мира. М., 1993. С. 210.

²¹ Неклюдова М.Г. Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX – начала XX века. М., 1991. С. 100.

²² Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С. 228.

Т.Ф. Волкова (Сыктывкар)

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОСТАВЕ
УСТЬ-ЦИЛЕМСКИХ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ
(к характеристике исторического сознания
печорских крестьян-старообрядцев)***

Усть-Цилемский район Республики Коми является уникальным центром традиционной народной культуры и старинной книжности, сохранившим до наших дней множество памятников фольклора, древнерусских рукописей и старопечатных книг. Крестьяне-старообрядцы с берегов Печоры и ее притоков – Пижмы и Цильмы – не только бережно хранили на протяжении столетий разными путями попавшие на низовую Печору древние рукописные и печатные книги, но и сами становились их переписчиками, создателями новых редакций древнерусских повестей, житий, апокрифов, составляли собственные компиляции из интересовавших их старинных текстов¹. К настоящему времени, благодаря работе нескольких поколений археографов, начатой и проводившейся в течение нескольких десятилетий В.И. Малышевым², в хранилищах Санкт-Петербурга и Сыктывкара отложилось свыше тысячи рукописных источников, дающих представление о круге чтения «устьцилемов», их этических представлениях, религиозных убеждениях, исторических знаниях, литературных вкусах. Весь этот огромный материал, изученный лишь в отдельных аспектах и фрагментарно, нуждается прежде всего в систематизации и в дальнейшем углубленном изучении по разным направлениям. Поэтому в последние годы мы начали рабо-

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекта № 02-04-00336 а/с)

¹ Общую характеристику печорской рукописной традиции см.: *Малышев В.И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX веков.* Сыктывкар. 1960.

² См. отчеты об экспедициях на нижнюю Печору в ТОДРЛ (т. 4, 7, 11, 12, 15, 16, 20, 24, 27, 29, 30, 34); о работе на Печоре филологов Сыктывкарского университета: *Волкова Т.Ф. Археографическая работа Сыктывкарского университета на Нижней Печоре в 1977–1990-х гг. // Источники по истории народной культуры Севера.* Сыктывкар. 1991. С. 94–105.

ту по созданию электронного банка данных, в котором была бы собрана вся доступная информация по истории печорской книжности³. В настоящее время почти сформированы базы данных о создателях и хранителях печорской рукописной традиции, о записях на книгах печорского бытования, об отдельных жанрах и видах старинной литературы в кругу чтения печорских крестьян (повести, эсхатология, выговская литература).

Настоящая публикация – еще один шаг в этом направлении. Цель ее – дать краткий обзор источников, сохранившихся в печорских собраниях ИРЛИ, БАН и Научной библиотеки СыктГУ, а также упоминаемых в отчетах археографических экспедиций на нижнюю Печору, характеризующих ту историческую информацию, которая могла формировать историческое сознание печорских крестьян-старообрядцев – читателей и переписчиков старинных рукописей, хранителей своеобразной общинной библиотеки, состоявшей из отдельных семейных и монастырских собраний, остатки которых сохранились до наших дней.

До сих пор такая работа еще не была проделана. В.И. Малышев в предисловии к своей известной монографии об усть-цилемских рукописных сборниках, делая обзор жанрового состава печорской рукописной книжности, лишь бегло упомянул наиболее интересные исторические сочинения, выявленные им в описываемых сборниках, отметив при этом, что по своему удельному весу историческая литература занимает в них далеко не первое место по сравнению с агиографией, учительной литературой, старообрядческой публицистикой⁴. Однако целенаправленные библиографические разыскания позволили выявить довольно значительный и разнообразный круг текстов, содержащих информацию исторического характера. Начнем обзор с собственно исторических сочинений.

О живом интересе усть-цилемских крестьян к русской и всемирной истории свидетельствуют многочисленные выписки из исторических сводов-летописей, Хронографа, Степенной книги, встречающиеся в бытовавших на Печоре рукописных сборниках. Большой интерес представляют два сборника из

³ О проекте банка данных см.: Волкова Т.Ф. Задачи и перспективы исследования книжных культурных центров на территории Республики Коми // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. 1996. Т. 2. Филология. Этнология. С. 50–56.

⁴ Малышев В.И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. С. 28–29, 32 и др.

Усть-Цилемского собрания ИРЛИ (далее – УЦ; Усть-Цилемское новое собр. – УЦН) – № 11 и 12⁵. В сборнике УЦ 11 на лл. 81–88 читается статья из Хронографа («Зачало Русской земли и како поименовася Русь. В лета от сотворения света 2244 году, во второе лето по потопе, по благословению Ноя праотца»), которая идентифицирована В.И. Малышевым с текстом, опубликованным А. Поповым⁶. Другая хронографическая выписка этого сборника (начинается с л. 98 – «Выписано из Степенной книги, еже есть летописец о днех, сия же в них Бог сотвори») сделана из Хронографа II-й редакции (по классификации А. Попова) и содержит помимо материала по древнейшей истории выписки о начале Польского и Чешского государств, о Болгарском царстве, о войне Темир-Аксака с Баязетом, взятии Царьграда турками⁷. Есть в сборнике УЦ 11 и выписка из какого-то русского летописца: «Выписано из Летописца вкратце московских князей и бояр и приезжих князей и бояр из розных государств, и дворян и детей боярских, московских и приезжих городов» (с л. 88)⁸. Примечательно, что эти исторические статьи окружены в сборнике сочинениями агиографического и дидактического характера (Повесть о Святогорской Иверской иконе Богоматери, Житие и чудеса Николы Мирликийского, Чудо Георгия о змее и девице, «Поучение попом Григория Богослова» и др.).

Та же тенденция прослеживается и в сборнике УЦ 12, найденном в том же году в другой пижемской деревне –

⁵ Сборник УЦ 11 (XVII в. (конец), в 4-ку, 126 л., скоропись из д. Боровской на р. Пижме, происходит из библиотеки местного наставника, знатока старинной книжности Тимофея Перфильевича Чупрова. Вместе со своим двоюродным братом Тимофеем Семеновичем Чупровым он занимался перепиской рукописей на заказ, был хорошо известен по всей Пижме, содержал молельню. После его смерти (ок. 1914 г.) вся его библиотека перешла к его жене – Феодосии Васильевне Чупровой. Книги хранились у нее в большом сундуке на чердаке, с содержимым которого в 1955 г. и ознакомился В.И. Малышев, получив затем в дар от Ф.В. Чупровой 18 рукописных книг XVI–XIX вв. Среди них был и интересующий нас сборник. См.: *Малышев В.И. Пижемская рукописная старина* (Отчет о командировке 1955 г.) // ТОДРЛ. М.–Л., 1956. Т. 12. С. 473–474, 478 (№ 2).

⁶ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русских редакций / Собр. и изд. Андрей Попов. М., 1869. С. 443–447.

⁷ Ср.: Там же. С. 131, 133, 141, 150–151, 160.

⁸ В.И. Малышев обнаружил сходный текст в сборнике ГПБ (сейчас-РНБ), собр. Погодина, № 1610.

Верховской⁹. Здесь в окружении житий Исидора Юродивого, Марии Египетской, Илинарха, затворника Борисоглебского монастыря на Устье, чудес Леонтия Ростовского, Федора Тирона, св. Георгия, повестей о Петре, царевиче ордынском, и об Акире Премудром также читается ряд выписок исторического характера. На лл. 66 об.–67 об. переписано начало Нового Летописца (1 параграф)¹⁰, а на лл. 32–56 об. помещаются выписки из Степенной книги¹¹. В сборник включены и выписки из разрядов: на лл. 57–59 приведены «разряды» о посылке царских воевод и войск на Ахмата и под Казань Иваном III и Василием Ивановичем, «взятые из какой-то летописи типа "Летописца начала царства"... заголовки некоторых разрядов не соответствуют тексту, путаны хронологически»¹². На лл. 60–66 об. помещены выписки из разрядных книг Ивана Грозного (в том числе – сл. 63 – «о псковском и о немецком походе» 1579 г.), отличающиеся, по наблюдениям В.И. Малышева, от изданных¹³. Владельцем этого сборника в самом начале XVIII века был некий «новгородец» Федор Стефанов, по-видимому, очень дороживший этой рукописью, так как, отдавая ее в залог некоему Козьме Тимофеевичу Силякову в 1704 г., он оставил на ней несколько охранных владельческих записей (скрепа на л. 87–114, «закладная» запись на л. 98, владельческая на л. 181 об.). На рукописи имеется читательская запись некоего Осипа Степанова, возможно, брата Федора Стефанова, который «книгу держа, месяца апреля взялъ, а держа до ноября» л. 210). В 1864 г. книга уже была в д. Верховской, о чем свидетельствует безымянная запись некоего «государственного крестьянина» от 24 марта этого года (л. 210). В числе владельцев книги был и некий «староста Стахий» (л. 211 об.).

В еще большей степени интерес крестьян-старообрядцев к летописным и хронографическим сочинениям подтверждают произведения, созданные в старинных формах исторического

⁹ Малышев В.И. Пижемская рукописная старина. С. 470, 478 (№ 3).

¹⁰ По наблюдению В.И. Малышева, аналог данного текста читается: ПСРЛ. Т. 14, первая половина. СПб., 1910. С. 33. «Текст сходен» (Малышев В.И. Усть-цилемские рукописные сборники... С. 62).

¹¹ Ср.: ПСРЛ. Т. 21, первая половина. СПб., 1908. С. 63, 66, 68–69, 74, 76, 89, 90, 93–96, 98, 104, 107, 108, 112–117, 139, 140, 143, 148 и др.

¹² Малышев В.И. Усть-цилемские рукописные сборники... С. 62 (сходный текст см.: ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. СПб., 1904. С. 33).

¹³ См.: Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901; Сибирский сборник. М., 1845. Т. 30. С. 1–69.

повествования. Одно из таких сочинений – «Миробытная история» – было особенно популярно на нижней Печоре и дошло в 4-х списках (ИРЛИ УЦ 66, 69, 70, УЦН 322), два из которых (УЦ 70 и УЦН 322) представляют его краткую редакцию, возможно, созданную на Печоре (издается в приложении к статье).

Происхождение «Миробытной истории» В.И. Малышев связывал с творчеством поморских (выговских) авторов¹⁴. Она представляет собой компиляцию, составленную, по-видимому, в первой половине царствования Николая I на основе, главным образом, Хронографа, и излагающую отдельные события библейской, византийской и русской истории, включая историю старообрядчества, причем в ней содержится и ряд интересных сведений из жизни поморов конца XVIII – начала XIX века. «Миробытная история» состоит из 7-ми разделов, 60-ти глав и заключения, заканчиваясь событиями царствования Николая I¹⁵.

Один из полных списков «Миробытной истории» (УЦ 69, XIX в. (третья четверть), в 8-ку, 96 л., печорский полуулав¹⁶) был приобретен и впервые описан в отчете об экспедиции 1954 г. под № 39¹⁷. Другой полный ее список находится в сборнике, хорошо известном исследователям печорской книжности (УЦ 66, XIX в. (третья четверть), в 8-ку, 478 л., печорский полуулав¹⁸), так как он составлен известным усть-цилемским книжником, автором разнообразных переработок древнерусских произведений И.С. Мяндиным (1823–1894), оставившим большое рукописное наследие¹⁹, и содержит такие давно введенные в научный оборот его переработки, как Повесть о царице и львице, Повесть о Дмитрии Басарге, Троянские сказания, печорская редакция Жития

¹⁴ Малышев В.И. Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР // ТОДРЛ. М.–Л., 1955. Т. 11. С. 428.

¹⁵ Малышев В.И. Усть-цилемские рукописные сборники... С. 32, 119.

¹⁶ Самоназвание в рукописи: «Сказание миробытной истории от сотворения мира и до нынешних времен, вкратце написанная. Глава 1, раздел 1» (л. 5); с л. 70 в рукописи следуют мучения вмч. Георгия (23 апреля) и вмч. Прокопия (Пролог, 8 июля).

¹⁷ Малышев В.И. Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР. С. 433. В начале рукописи было приклеено письмо выговцев за подписью некоего Михаила, адресованное неизвестным лицам, возможно, в пажетский Великопоженский скит. Последний владелец не указан.

¹⁸ Малышев В.И. Усть-цилемские рукописные сборники... С. 112–115.

¹⁹ См. о нем: Малышев В.И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 323–337.

Корнилия Выговского²⁰. Наше изучение этого сборника показывает, что и некоторые другие входящие в него сочинения, возможно, отражают редакторскую работу И.С. Мяндина (Повесть о посаднике Щиле²¹, Сказание об Александре Македонском²², некоторые слова из Великого Зеркала). «Миробытная история», озаглавленная здесь «Историческое описание от сотворение мира»²³, открывает сборник (всего 115 л.). Сборник (найден В.И. Малышевым в 1949 г. в с. Усть-Цильма²⁴) активно читался печорскими крестьянами: на его листах сохранились читательские записи целого ряда представителей известных печорских фамилий – Тироновых, Тороповых, Дуркиных, Мяндиных²⁵. Помимо «Миробытной истории» в сборнике УЦ 66 читается еще

²⁰ См., например: *Малышев В.И.* Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 326–337; *Волкова Т.Ф., Чупрова Г.В.* К изучению Повести о царевне Персике // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 16–25; *Творогов О.В.* Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие Древней Руси. (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 228–241; *Волкова Т.Ф.* Ранее не изученный печорский список Повести о Дмитриии Басарге // Человек и общество в информационном измерении. Екатеринбург, 2001. С. 96–104; *Брежнинский Д.Н.* Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции и его литературная история // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 275. (По наблюдению Д.Н. Брежнинского, список Жития в сборнике УЦ 66 «резко отличается от всех остальных списков, представляя собой скорее пересказ Жития..., текст настолько переработан, что трудно сказать, к какому виду он восходит»). Текст печорской редакции Жития подготовлен нами к изданию.

²¹ Особенности мяндинских списков Повести о посаднике Щиле рассмотрены нами в специальной статье: *Волкова Т.Ф.* Печорские списки Повести о новгородском посаднике Щиле (в печати).

²² На присутствие мяндинского стиля в этом списке Сказания ранее указал О.В. Творогов (Троянская история в переработках усть-цилемских книжников. С. 232).

²³ Этот текст идентифицирован с текстом «Миробытной истории» В.И. Малышевым: Усть-цилемские рукописные сборники... С. 32.

²⁴ *Малышев В.И.* Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР // ТОДРЛ. М.–Л., 1955. Т. 11. С. 438–439 (№ 19); см. также: *Малышев В.И.* Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 472. Последний владелец рукописи В.И. Малышевым, к сожалению, не указан.

²⁵ Тиронова Федора (л. 478), Тиронова Артемия Никитича, 1874 г. (л. 478), Торопова Ермолая Максимовича, 1874 г. (л. 478), Мяндина Василия Евграфовича, 1884 г. (л. 470 об.), Дуркина Федора Ивановича, конца XIX в. (л. 478 об). Последний не ограничился простой констатацией чтения книги, но и отметил, что он над ней «умомъ росмыслялъ».

одна историческая компиляция, составленная «местными грамотеями»²⁶ – Краткая Российская история²⁷.

Возвращаясь к «Миробытной истории», приведем сведения о списках ее краткой редакции. В ней указываются лишь хронологические границы отдельных событий ветхозаветной и новозаветной истории²⁸. Оба известных списка этой краткой «Истории» связаны с рукописной деятельностью И.С. Мяндина и находятся в сборниках, включающих его переработки. Первый – УЦ 70 (1882 г., в 8-ку, 165 л., печорский полуустав, почерк И.С. Мяндина²⁹) был приобретен в 1954 г. в Усть-Цильме³⁰. Текст озаглавлен в рукописи «Краткий список миробытной истории от Адама и до наших времен» (л. 21). На рукописи имеется карандашная читательская запись Андрея Тиронова (л. 164 об.). В составе сборника наряду с поучениями («о ленивых», «о антихристе») читается ряд повестей, в том числе мяндинская переработка Повести о Тимофее Владимирском³¹. Второй список краткой миробытной истории (УЦН 322, XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 63 л., печорский полуустав, почерк И.С. Мяндина), заголовок тот же (л. 39), был приобретен на Пижме, в с. Замежное в 1972 г. у известной наставницы Осташовой Феклинеи Ефимовны³². В

²⁶ *Мальшев В.И.* Усть-цилемские рукописные сборники... С. 32.

²⁷ Самоназвание в рукописи: «Краткая Российская история от начала существования ея и до нынешних времен. В ней же повествует, како царствовали цари и князи российскийя и также управляли великие люди народом. Ту же и о бедах, постигших во она времена Русь, и избавление ея и конечное освобождение от врагов ходатайством пречистыя владычицы нашей Богородицы. О древних народах» (л. 194). В основе ее, скорее всего, лежит «какое-то печатное популярное пособие по русской истории, возможно, даже школьный учебник XIX в.». «История» состоит из 9 разделов, последний из которых посвящен патриарху Никону («О Никоне патриархе»). См.: *Мальшев В.И.* Усть-цилемские рукописные сборники... С. 32.

²⁸ По мнению В.И. Мальшева, это – «местное, печорское произведение» (там же, с. 120).

²⁹ Там же. С. 119–121. Дата написания сборника устанавливается на основании неоднократных упоминаний в тексте 1882 года как текущего (л. 26 об., 120).

³⁰ *Мальшев В.И.* Археографическая экспедиция в Усть-Цилямский район Коми АССР. С. 432 (№ 28).

³¹ См.: *Волкова Т.Ф.* Повесть о Тимофее Владимирском в переработке печорского крестьянина И.С. Мяндина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9. Филология. Сыктывкар, 2001. С. 4–21.

³² См.: *Махновец Т.А., Пиотровская Е.К., Ярошенко Л.В.* Поездка за рукописями на Печору летом 1972 г. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 351–352.

сборнике помимо «Миробытной истории» читаются повести, восходящие к Великому Зерцалу³³, «Газета из ада», стих о табаке, пророчество Кирилла философа о последнем времени, слово о ленивых и др. Сборник, по-видимому, вызывал большой интерес у пижемцев, о чем свидетельствует запись Анания Фотиевича Бобрецова³⁴ от 1925 г. о том, что он читал «сию книжицу» вслух своим односельчанам и «домашним» и отозвался о ней весьма определенно: «очень похвально бысть» (л. 63). Наличие в мяндинском сборнике УЦ 66 полного текста «Миробытной истории» и двух кратких ее списков также в составе мяндинских сборников позволяет предположить, что работу по переделке этого сочинения также мог провести И.С. Мяндин.

Упомянем еще две печорские компиляции³⁵, сохранившиеся в сборнике УЦ 267 (XIX в., вторая половина, в 8-ку. 441 л., печорский полуустав, почерк И.С. Мяндина³⁶) из с. Усть-Цильма. Первая («Книга, глаголемая Гранография, сиречь историческое описание жизни от первых человек да последних...») – л. 5) включает изложение ветхозаветной истории, разделы «О Александре Макидонстем», «О брани греческой и троянской», «О царе Константине и Матери его Елены», «Повесть о судии праведном», рассказ о христианских мучениках, завершающийся описанием «мучительств от Никона патриарха». Второе сочинение («О великом царстве Росийском, откуда начася» – л. 356) соотносимо с упомянутой выше «Краткой Росийской историей» (УЦ 66). Как и последняя, оно начинается рассказом о славянских народах, но доводит повествование не до патриарха

³³ Две из них, имеющие одинаковое название, но разное содержание («О муже и жене и о верности обою» (лл. 1–5 и 49–54), оказались мяндинскими переработками (см.: Рыжова Е.А., Шучалина С.В. К вопросу о круге произведений И.С. Мяндина // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 45–56 (с публикацией текстов).

³⁴ А.Ф. Бобрецов из д. Степановской известен как переписчик рукописей (УЦН 145, 286), читатель (УЦ 31, УЦН 295, 322), владелец старинных книг (УЦ 25), а также автор «Записок о плавании» в 1893–1899 гг. на яхте «Полярная звезда» (УЦ 186).

³⁵ На их печорское происхождение указал В.И. Малышев: *Малышев В.И. Усть-цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания* // ТОДРЛ. М.–Л., 1961. Т. 17. С. 604.

³⁶ В.И. Малышев ошибочно датировал рукопись 1900-ми гг. Сборник переписан И.С. Мяндиным, на обороте последнего листа сохранилась запись «1898, 23 августа. Михайло Чупров».

Никона, а до освобождения Москвы от поляков нижегородским ополчением, при этом в самом конце дается описание памятника Минина и Пожарского на Красной площади в Москве. Источники этой компиляции, по наблюдениям В.И. Малышева, такого же рода, что и у «Краткой российской истории». Возможно, это разные варианты одного и того же сочинения.

Однако исторические сведения печорские крестьяне могли черпать не только из летописных и хронографических статей и компиляций типа «Миробытной истории», но и из произведений других жанров. В составе рукописей, поступивших в фонды БАН после первых поездок В.И. Малышева на Печору, имеется список «Повести о взятии Царьграда турками» (Текущие пост. № 398, сборник первой четв. XIX в., л. 267 об.–303)³⁷. Из той же рукописи печорский читатель мог узнать и об основании Царьграда³⁸, и о строительстве в нем храма св. Софии³⁹. В 1955 г. в д. Скитской на Пижме, возникшей на месте закрытого в 1854 г. Великопоженского скита, В.И. Малышев и Ф.А. Каликин приобрели сборник из библиотеки недавно умершего «грамотея» (УЦ 8, XVII в (третья четв.) – XX в.(первая четв.) в 4-ку, 218 л.), содержащий Повесть о чудесах от иконы Богородицы при осаде Царьграда скифами и персами⁴⁰. Она обычно печатается в приложении к Триоди Постной, встречается в составе Торжественников, Златоустов и Измарагдов. В с. Замезное в том же году нашелся сборник, в составе которого читается сказание о происхождении русского двуглавого орла⁴¹ – УЦ 25. (XVIII в. (середина) – XIX в. (начало), в 8-ку, 203 л.). Сочинение это представляет собой послание в защиту икон с изображением на них двуглавого гербового орла⁴².

³⁷ Первоначально сборник датировался XVIII в. – *Малышев В.И.* Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР. С. 475 (№ 12); см. также: *Кукушкина М.В.* Рукописи библиотеки Академии наук СССР, собранные при участии В.И. Малышева // *Рукописное наследие Древней Руси...* С. 402. Полное научное описание рукописи см.: *Описание рукописного отделения БАН СССР.* Т. 4. Вып. 1. (Повести, романы, сказания, сказки, рассказы) / Сост. А.П. Конусов, В.Ф. Покровская. М.–Л., 1951. С. 478–480.

³⁸ «Бытия о посталении Царяграда» (л. 261–267).

³⁹ «О созидании церкви святяыя Софея, еже есть премудрость Божия, иже во Цареградѣ Устинианомъ царемъ поставлена» (л. 305–323 об.).

⁴⁰ *Малышев В.И.* Пижемская рукописная старина. С. 470, 478 (№ 4).

⁴¹ *Малышев В.И.* Пижемская рукописная старина. С. 480. № 21; *Его же.* Усть-цилемские рукописные сборники... С. 84–85.

⁴² Учено В.Г. Дружининым (см.: *Дружинин В.Г.* Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 407, № 593).

В ходе этой же экспедиции В.И. Малышев из разговора с пижемским наставником Сидором Ниловичем Антоновым, жителем д. Скитской, узнал о существовании у него в охотничьей избушке на р. Умбе тетрадки со «Сказанием о Мамаевом побоище»⁴³. Возможно, это была какая-то копия с бытовавшего на Пижме раннего списка Сказания (второй половины XVII в.), который был куплен Н.Е. Ончуковым во время его поездки в Печорский край в этой пижемской деревне и поступил в БАН (№ 45. 8. 199)⁴⁴. Так как эта рукопись представляет собой лишь фрагмент (в 8-ку, на 4 л.), возможно, основная ее часть сохранялась у пижемских книжников, попав в собрание С.Н. Антонова, о чем он и сообщил ленинградскому археографу, с которым позднее подружился и вел переписку⁴⁵. Из этой переписки явствует, что рукопись со «Сказанием о Мамаевом побоище» пижемский книжник после встречи с В.И. Малышевым у себя уже не нашел: «О Мамаевом побоище, – пишет он, – у меня ничего не находится, а других книг много есть...»⁴⁶. Судя по приобретенному Н.Е. Ончуковым отрывку, пижемская рукопись содержала летописное сказание, которое, по наблюдениям В.И. Срезневского, было сходно по тексту «с той редакцией, которая вошла в Никоновскую летопись»⁴⁷. Ученый отметил в тексте фрагмента обширные сокращения при наличии и отдельных вставок⁴⁸. Текст фрагмента был им издан в Приложениях к описанию поступлений 1903 г.⁴⁹

Помимо исторических и воинских повестей (которых на Печоре, возможно, было больше, чем нам сейчас известно), в

⁴³ Малышев В.И. Пижемская рукописная старина. С. 470.

⁴⁴ См.: Срезневский В.И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1903 г. СПб., 1904. С. 27. № 16; Описание рукописного отделения БАН СССР. Т. 4. Вып. 1. С. 79–80.

⁴⁵ См. характеристику переписки и фрагменты из писем С.Н. Антонова В.И. Малышеву в статье: Маркелов Г.В. Письма усть-цилемских крестьян С.Н. Антонову // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуре Севера. Сыктывкар, 1997. С. 88–89.

⁴⁶ Там же. С. 89.

⁴⁷ В.И. Срезневский ссылается при этом на первое издание Никоновской летописи: Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767–1792. Т. 4. СПб., 1786. С. 90–94.

⁴⁸ Срезневский В.И. Сведения о рукописях..., поступивших в рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1903 г. С. 27.

⁴⁹ Там же. С. 130–131.

большей степени ориентировавшихся на исторические факты, чем на художественный вымысел, историческое сознание усть-цилемских крестьян питали и легендарные сочинения, связь которых с историей была достаточно условна. Среди них были и произведения, уводившие читателей в мир древней истории (например, Троянские сказания – УЦ 66, 267; Александрия – УЦ 66, 193, 267; Повесть о Вавилонском царстве – УЦ 6), и повести, связанные с русской историей (о Темир-Аксаке – УЦ 2; о Меркурии Смоленском – УЦН 2; о Петре, царевиче ордынском – УЦ 12; о Тимофее Владимирском – УЦ 70, 206; о посаднике Щиле – УЦ 66, 91, РНБ НСРК О.100), с историей Грузии (Повесть о царице Динаре – УЦ 6, 207, УЦН 181, 368). Некоторые из названных текстов являются печорскими редакциями этих произведений, созданными И.С. Мяндиным⁵⁰.

Много интересного исторического материала могли почерпнуть печорские крестьяне и из сочинений публицистического характера. Так, например, о еретических движениях на Руси они могли узнать из послания Геннадия, архиепископа новгородского, неизвестному (УЦ 1, сборник XVI в. (середина), в 4-ку, 378 л., полуустав; послание на л. 240–242)⁵¹, а также из другого его послания – Прохору Сарскому (там же, л. 242–244). Данная рукопись для нас интересна и тем, что в ней содержатся и краткие сведения по греческой мифологии и истории (с л. 268 об.). По наблюдениям Б.Н. Морозова, по своему составу этот сборник близок к двум историческим сборникам конца XV – начала XVI вв. (Музейное собр. 3271 и БАН 4.3.15), очевидным, связанным происхождением с усть-вымским епископом Филофеем (1471–1501), при котором в Усть-Выми получила заметное развитие книжная культура⁵².

Об эпохе Ивана Грозного, его взаимоотношениях с церковью и митрополитом Макарием, о подготовке Стоглавого собора печорские читатели могли узнать из «Писания» митрополита Макария к Ивану IV (УЦ 7, сборник XVII в. (первая. полов.) –

⁵⁰ Помимо указанных выше работ о мяндинских редакциях повестей о Тимофее Владимирском и посаднике Щиле см.: *Троицкая Т.С.* Повесть о Динаре в редакции И.С. Мяндина // *Древнерусская книжность...* С. 36–47.

⁵¹ См. *Малышев В.И.* Усть-цилемские рукописные сборники... С. 47–49.

⁵² *Морозов Б.Н.* К истории книжной культуры Коми края // *Духовная культура Севера: Итоги и перспективы исследования.* Сыктывкар, 2002.

XIX в. (конец), в 8-ку, 192 л., из д. Омелино)⁵³. Текст, дошедший в этом печорском сборнике (лл. 170–192 об., рукопись первой четв. XVII в.), представляет собой комплекс подготовительных материалов для послания митрополита Макария Ивану IV, узаконивающих, с точки зрения церковных деятелей, их права на обладание земельным имуществом, в полном объеме не вошедших в окончательный вид послания⁵⁴, каким оно читается в двух известных его списках – Волоколамской библиотеки № 522⁵⁵ и РНБ Q.I.214, л. 464–486 (сходен с Волоколамским).

Большую историческую информацию о событиях XVII–XIX вв., связанных прежде всего с расколом русской церкви в середине XVII в., несла старообрядческая публицистика, широко представленная в печорских сборниках. Однако этот обширный материал должен стать предметом специального исследования.

Завершая наш краткий обзор, считаем важным отметить, что историческое сознание печорских крестьян формировалось и произведениями риторического характера. В печорской рукописной традиции дошли два таких текста, направленные на прославление Ивана Грозного: «Заздравная» и «Многолетье» Ивану IV, читающиеся в составе Устава XVI в. (УЦ 366), приобретенного в 1958 г. в Усть-Цильме⁵⁶. В этом ряду назовем также «Плачи по Москве» (УЦ 191), представляющие собой один из первых откликов на эпидемию чумы, свирепствовавшую в Москве в 1770–71 гг. и принесшую много человеческих жертв⁵⁷, и стихи о нашествии «поганых» (УЦ 103, 108), в которых В.И. Малышев усматривает связь с событиями польско-шведской интер-

⁵³ Описание рукописи см.: Малышев В.И. Усть-цилемские рукописные сборники... С. 54–55.

⁵⁴ См. статью об этом сочинении и публикацию его печорского списка: *Моисеева Г.Н.* Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV // ТОДРЛ. М.–Л., 1960. Т. 16. С. 466–472.

⁵⁵ Список был впервые опубликован Н. Субботиным (Летописи русской литературы и древности. Т. 5. 1863). Отметим, что рукопись сохранила владельческие записи шестнадцатилетнего «писца» И.С. Мяндина (от 1839 г.), указывающие цену книги (5 рублей) и имя печорского книжника, продавшего ее будущему писателю – Матвею Абрамовичу Осташову.

⁵⁶ Эту ценную книгу В.И. Малышеву помог приобрести известный переписчик и владелец большого собрания старинных книг Василий Игнатьевич Лагеев и его жена Евдокия Ниловна (см.: *Малышев В.И.* Отчет об археографической командировке на Печору в 1958 г. // ТОДРЛ. Т. 16. С. 514–515; публикацию текста «Заздравной» и «Многолетия» см. там же, с. 519–520).

⁵⁷ См.: *Малышев В.И.* Пижемская рукописная старина. С. 486; публикацию текста плачей см. там же, с. 488–491.

венции и датирует их первой четвертью XVII в. (когда Москва была захвачена поляками, активизировался «Тушинский вор», был свергнут царь Василий Шуйский, распалось первое ополчение), рассматривая эти «покаянны» стихи как непосредственный отклик на события этого времени⁵⁸.

В качестве дополнительного материала при дальнейшей разработке данной темы могут быть использованы письма усть-цилемских крестьян и их записи на полях книг. Приведу лишь пару примеров подобного рода источников. Среди писем, найденных на Печоре, есть письмо усть-цилемца Максима Асташова в Великопоженский скит наставнику Ивану Стафеевичу Томилову от 1810 г. (марта 10), в котором он просит прислать ему Кормчую и Повесть об Александре Македонском (УЦН 133). В Мяндинском сборнике УЦ 66 в конце сказания «о еже чесо ради уповающие на Бога благоденьствуют, а на свою силу надеющиеся погибают» читается приписка о печальных судьбах могущественных держав (с л. 236 об.), свидетельствующая о непосредственных размышлениях печорского переписчика над текстом старинного сказания. Подобные материалы еще во многом не выявлены. Однако уже и этот краткий обзор исторических текстов в составе печорских рукописных сборников свидетельствует о живом и органичном интересе печорских крестьян к исторической литературе, о попытках осмысления ее и создания собственных сочинений на базе тех источников, которые были доступны любознательным «устьцилемам».

В приложении к нашему обзору публикуем текст краткого варианта «Миробытной истории» по одному из списков И.С. Мяндина (УЦ 70). Текст его весьма близок к тексту второго мяндинского списка (УЦН 322). Судя по разночтениям, УЦ 70 представляет собой беловой вариант текста, правленный по списку УЦН 322: в нем исправлены многие орфографические ошибки и описки УЦН 322⁵⁹. При передаче текста рукописи мы сохранили буквы «ѣ» и «ѡ», выносные буквы, внесенные в текст, и раскрытые титла не выделяют.

⁵⁸ *Малышев В.И.* Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганых» нашествии // ТОДРЛ. М.–Л., 1958. Т. 15. С. 371–374 (тексты стихов приведены).

⁵⁹ Та же тенденция прослеживается и при сравнении двух близких списков мяндинской редакции «Слова о ленивых», также читающихся в сборниках УЦ 70 и УЦН 322, что свидетельствует о повторном обращении печорского книжника к тексту этих произведений при создании сборника УЦ 70.

Краткий списокъ миробытной истории от Адама и до нашихъ временъ

От Адама до внития сыновъ Божиихъ к дочеремъ чело-
вѣческимъ 2102 год, а до потопа 7000 и 140 лѣтъ, а от Адама до
потопа 2242 годовъ. От потопа до раздѣления языкъ 530 лѣтъ. И
при столпотворении быша начальницы Неврот и Гигантъ. Мѣра
столп в высоту // (л. 21 об.) и в широту 5433 лакти или три по-
прища, а дѣлали столпъ 40 лѣтъ. И еще не совершенъ бысть,
внезапу прииде сильный вѣтръ и развѣя челоуѣки по всей земли
и размѣси на 71 языкъ, а 72 языкъ бысть адамовъ, который дос-
тался Филеку сыну Еверову. От того Евера евреи прозвашася,
ибо Еверъ не приложися к совѣту столпотворения, того ради
бысть в языкъ святъ // (л. 22). От Адама до столпотворения 2772
лѣтъ. И оттолѣ постави Богъ завѣтъ дугою, еже к тому не быти
всемирному потопу, и отягъ долгий вѣкъ от челоуѣка, и положи
точию 120 лѣтъ жития челоуѣческаго.

От Адама до Авраама лѣтъ 3324, а от потопа 1082 и от стол-
потворения 552 лѣта. У Аврамѣ бѣ отецъ Фара, а дядя Аранъ
идолопоклонники. Авраам же ненавидя идолы // (л. 22 об.) и за-
жоже храмину, в ней же бяху идоли. Аранъ же, дядя его, ревнуя
по идолхъ, вниде спасти ихъ и самъ згорѣ. Авраамъ же роди
Исаака на 99 году от Сарры, жены законныя, а прежде того на 86
году роди от Агари рабыни сына Измаила, коихъ Сарра, жена
Авраамля, изгна из дому своего. А Сарра на 127 году умре и по-
томъ Авраамъ поятъ жену Хуттуру и роди 6 сыновъ // (л. 23).
Исааку же даетъ все имѣние, а Хуттуровымъ сыновьямъ точию
дары и отпусти ихъ. Жить же Авраамъ 175 лѣтъ.

Исаакъ же поятъ жену Ревеку 40 лѣтъ, а 60 лѣтъ роди
Исава и Иякова. От первого лѣта Авраамова до прешествия
Чермнаго моря 545, а от Адама 3827 лѣтъ, и от исхода сыновъ
израилевыхъ до умертвия царя Давыда 730 лѣтъ. А от Адама
4457 лѣтъ // (л. 23 об.). От конца Давыдова до Рождества Христо-
ва 1043 год. От начала царства Соломонова до взятия Иеруса-
лима 448, а от Адама 4906 лѣтъ.

Иовъ праведный бѣ от Адама в лѣто 3759-е, в той же годъ
и огонь сожже дѣти его. Умре же Иовъ в лѣто 4014-е, от Адама за
1485 лѣтъ. Всего поживе Иовъ 248 лѣтъ. Поживе Ияковъ в земли
Египетской 17 лѣтъ, а всѣхъ лѣтъ живота его // (л. 24) 147 лѣтъ.

Иосифъ же пребывъ в разныхъ мѣстѣхъ, не видя лица от-
ца своего Иякова, егда продаша братия, 12 лѣтъ. Всѣхъ лѣтъ по-

живе Иосифъ 110 лѣт. Пребывъше же сыновья Израилевы во Египтѣ 430 лѣт. На трояньской брани убито 770 грекъ, а троянь до взятія Трои побито 676000, а во взятие города 276000, а стояли греки под Троей 10 лѣт 8 месяцев, изшедшихъ из Египта // (л. 24 об.) сыновъ израилевъ всего 600000 кромѣ женъ и дѣтей рабъ и пришельцовъ. От исхода сыновъ израилевыхъ до создания Соломонова храма 642 лѣта. От плѣнения Иерусалима до Александра Макидонскаго⁶⁰ умертвия 261 годъ. Александръ Макидонскій родился от Адама въ лѣто 5168, генваря на новъ месяцъ. Римъ начатъ от дву братьевъ Ромилом // (л. 25) и Римомъ в лѣто от Адама 4770-е, а до Рождества Христова за 730 лѣт. От плѣнения Иеросалима до Рождества Христова 530 лѣт. От умертвия Александрова до Августова царства 228 лѣт, до Рождества за 42 года, а от Александра до Рождества Христова 207 лѣт. И от Адама до Рождества Христова 270 лѣтъ, и от Рождества до страсти и Воскресения 33 лѣта. А от Воскресения до перваго царя Константина // (л. 25 об.) 279 лѣт, а от Адама 5812 лѣт. От Рождества Христова до крещения болгарьскаго 1206 лѣт, и от Адама 6377 лѣт, а от крещения до преложения книгъ 20 лѣт на славяньскій языкъ святымъ Кириломъ, а от Адама 6407. От перваго собора до 7 – 477, а от 7 собора до преложения книгъ 77 лѣт, а в Руси нача княжити Рюрикъ в лѣто 6375. От преложения книгъ до крещения русскаго // (л. 26) 123 год, от крещения рускаго до конца 7-я тысячи 5004 года.

ИРЛИ Усть-Цилемское собрание № 70, л. 21-26

⁶⁰ Далее в рукописи *рождения*, взятое в скобки.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВЛАСТЬ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Н.Н. Бонцевич (Саратов)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВЛАСТЬ В США (1947–1953)

Высокая миссия интеллектуалов в обществе, по мнению американского культуролога, состоит в том, чтобы «удерживать общество от растущей анархии»¹. Тенденция к «анархии», как показала история, может возникнуть в любом, даже самом демократическом обществе, если под «анархией» в данном случае понимать нарушение консенсуса между социальными группами, политическими силами, между традицией и реформой и пр. Состояние американского общества к моменту избрания Трумэна президентом было далеким от консенсуса. Политика «Нового курса» вызвала у части интеллектуалов устойчивые опасения утраты традиционных американских ценностей, не последнее место среди которых занимал корпоративный капитализм. Иным стало восприятие национальной идентичности, которая прежде отождествлялась с изоляционизмом, неучастием в военных и политических союзах. Вторая мировая война перечеркнула и эти представления, сделав США активным субъектом международных отношений, сверхдержавой послевоенного мира².

Начало «холодной войны», требовавшей от новой администрации подготовки прочного внутривнутриполитического тыла для проведения активной внешней политики, наложило на внутренний идеологический конфликт. Результатом стало формирование новой политической культуры, которая легла в основу американского послевоенного миропорядка. Роль интеллектуалов в этом процессе – предмет рассмотрения данной статьи.

¹ *Susman W.I. Culture as a History. The Transformation of American Society in the Twentieth Century. N.Y., 1984. P. 61*

² *Recasting American Culture and Politics in the Age of Cold War / Ed. by Lary May. Chicago; L., 1989. P. 3.*

После войны либеральная элита пребывала в поисках ценностных ориентиров, которые привели ее в политику. Линия конфликта пролегла в годы «Нового курса» между сторонниками политики Рузвельта и ее противниками, т.е. между сторонниками утверждения распределительной справедливости³, мер по борьбе с бедностью и безработицей и противниками подобных мер, в которых правым популистам виделся призрак коммунизма.

Впрочем, первые ростки подобной политики обнаружались в 30-е годы. Уже в 1938 г. яростный противник «Нового курса», конгрессмен-демократ Мартин Дайес потребовал создания парламентской комиссии по расследованию случаев иностранной пропаганды на территории США. В мае 1938 г. Нижняя палата одобрила резолюцию Дайеса номер 282 о создании комитета по расследованию антиамериканской деятельности (HUAC)⁴. Конгресс наделил HUAC судебными полномочиями процессуального характера. Однако, учитывая отсутствие всякой конкретики, особенно в части определения характера антиамериканской деятельности, полномочия HUAC получились совершенно необъятными⁵. Комитет пытался привлечь внимание общества к угрозе, исходящей от радикалов и даже организовал два громких разоблачительных процесса: один – в сфере профсоюзов и их лидеров, другой – в Голливуде, где в сотрудничестве с Кремлем, были обвинены звезды американского кинематографа – Кларк Гейбл, Роберт Тейлор, Джеймс Кэгни и даже 81 летний Ширли Темпл, который как «оказалось» был их лидером⁶.

Однако в конце 1930 – начале 1940-х разоблачительная деятельность HUAC мало кем воспринималась всерьез, кроме того, с началом войны, после открытия второго фронта в мае 1944 г. сотрудничество с Советами расценивалось как вклад в общее дело борьбы с фашизмом.

Со смертью Рузвельта и окончанием II мировой войны противостояние между сторонниками и противниками «Нового курса» обострилось. На Гарри Трумэна, сменившего пост вице-президента на президентский в результате всенародных выборов, оказывали давление неумеренные амбиции деловых кру-

³ *Созрин В.В.* Политическая история США. М., 2000. С. 220.

⁴ *Rose L.A.* The Cold War Comes to Main Street: America in 1950. Lawrence, 1999. P. 27.

⁵ U.S Congress House Committee on Un-American Activities. Washington, 1954. P. IV.

⁶ *Rose L.A.* Op. cit. P. 29.

гов Америки, разбогатевших на войне и ратовавших за более жесткие отношения с СССР. Идея сотрудничества великих держав уже не казалась привлекательной. В преддверии президентских выборов 1948 года интеллектуальное сообщество разделилось на два лагеря. Странники углубления политики либерального реформизма объединились в организацию «Прогрессивные граждане Америки» с тем, чтобы противостоять растущему давлению новой администрации, которая принесла с собой идеи ужесточения отношений с СССР и его союзниками и искусственно подогревала интерес к «растущей красной опасности». Их лидером и кандидатом в президенты стал Генри Уоллес, бывший вице-президент Рузвельта, один из разработчиков «Нового курса», представитель левого крыла Демократической партии. Правые популисты или либеральные антикоммунисты (так американские историки называют представителей второй организации «Американцы за демократические действия») рассматривали трумэновский курс как некий средний путь развития американского либерализма и обвиняли прогрессистов в поддержке СССР и коммунистов внутри страны⁷.

К моменту возникновения двух названных организаций произошли значительные перемены на международной арене, изменился климат в американском обществе. Курс на противостояние с СССР и поддержку демократических режимов во всем мире обозначился к началу 1947 г. В марте 1947 г. Трумэн запросил у Конгресса 400 млн. долларов на помощь демократическим правительствам Греции и Турции, 5 июля 1947 г. государственный секретарь генерал Дж. Маршалл выступил в Гарвардском колледже с планом помощи Западной Европе. В Китае американцы оказывали материальную и техническую помощь правительству Гоминдана и его лидеру Чан Кайши.

Весной 1947 г., одновременно с планом освобождения Греции и Турции от коммунистов, Конгресс принял разработанную государственным департаментом Федеральную программу по проверке лояльности служащих. Программа наделяла службы безопасности полномочиями по проверке любого наемного рабочего или служащего на предмет причастности к организациям и группам, которые вели «подрывную деятельность и своими действиями угрожали существующему правительству и политическому режиму». К программе прилагался список таких органи-

⁷ Gillon M.S., Kunz D.B. *America during the Cold War*. Philadelphia, 1993. P. 43.

заций, составленный министром юстиции США Говардом Мак Грэсом на основании источников ФБР и НУАС⁸. Большое жюри Министерства юстиции США после встречи с президентом весной 1947 г. занялось активным внедрением в судебную практику доктрины «опасной тенденции». Доктрина послужила основанием для нарушения гражданских прав судами общей юрисдикции, Конгрессом, его комитетами и подкомитетами и рядовыми гражданами. Согласно доктрине, всякое действие, всякое слово, которые суд признает способными вызвать «опасные обстоятельства», независимо от того, являются ли указанные действия или тот или иной вид пропаганды запрещенными, и от того, привели ли они к каким-либо «нежелательным» (для правительства) следствиям или не привели, являлось уголовно наказуемым. Таким образом, не закон, а усмотрение суда, причем специально подобранного жюри присяжных, сделалось достаточным основанием для приговора. Многие юристы того времени с возмущением отмечали расширение государственного вмешательства в жизнь общества и сужение границ правовой свободы индивида, его защищенности по закону. Член Верховного Суда США У. Дуглас писал, что США превратились в «царство нетерпимости»⁹. Теми же правительственными указаниями было расширено действие законов Хэтча и Смита от 1939 и 1940 гг. закон Смита официально предназначенный для пресечения немецко-фашистской пропаганды в США, теперь был истолкован в качестве общей нормы, запрещающей выражение мыслей, пропаганду и всевозможные организованные действия, имеющие целью «насильственное свержение правительства».

Мероприятия правительства по усилению контроля за политической лояльностью своих граждан, думается, имели целью не только удовлетворить деловую элиту Америки, жаждавшую приструнить «распоясавшиеся» профсоюзы, но также подготовить общественное мнение к планируемому увеличению финансовых расходов на «поддержание свободных народов, которые сопротивляются попыткам подчинения со стороны вооруженного меньшинства или внешнему воздействию»¹⁰.

⁸ Rose L.A. Op. cit. P. 26.

⁹ Цит. по: Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 1996. С. 550.

¹⁰ Цит. по: Трумэн Г.С. Выступление перед конгрессом США 12 марта 1947 года // Пономарев М.В., Смирнова С.Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки. В 3-х Т. Т. 3. М., 2000. С. 214–215.

Деятельность правительства по усилению политического контроля развязала руки НУАС, до тех пор бездействовавшему. Объединенные усилия президента, министра юстиции Тома Кларка и главы ФБР Э. Гувера запустили жернова мельницы, которую в начале 1950-х Трумэн уже не в силах будет остановить. Борьба с любого рода пропагандой превратилась в идеологию, которая трансформировала образ мыслей и поведение американцев, сделала их лояльными к любому рода мерам по усилению безопасности в обществе, принимаемым правительством, включая непривычное расширение полномочий спецслужб и, как следствие, ограничение гражданских прав и свобод.

1948–49 годы ознаменовались значительными переменами в мире. В июне 1948 г. союзники провели денежную реформу в трех западных зонах оккупированной Германии, в мае 1949 г. была создана ФРГ, в октябре того же года – ГДР. В 1949 г. в СССР прошли испытания ядерной бомбы. 1 октября 1949 г. Мао Цзедун в Пекине провозгласил Китайскую Народную Республику. Все эти события способствовали усилению в американском обществе страха по поводу возможного военного вторжения. В декабре 1949 г. в колонке, посвященной рождественским праздникам, известный журналист «Нью-Йорк Таймс» Артур Крок с удивлением отмечал неизмеримо возросшее присутствие СССР в сознании и в мыслях рядовых американцев.

Тон, по мнению Крока, задавало правительство США, которое теперь выстраивало свою внешнюю и внутреннюю политику, прогнозируя возможную реакцию Кремля и изменения в Европе, Азии, Латинской Америке и даже в Африке. Каждая улица, переулок, офис и завод в США находятся под наблюдением служб, в задачи которых входит выявление следов шпионажа в пользу СССР. Американцы стали излишне восприимчивы к слухам, подозрительны, мысль о том, что коммунисты где-то рядом не покидала их ни на работе, ни дома, ни в гостях. Это было похоже на массовый психоз¹¹. Подобные же свидетельства и аналогии поведения американских спецслужб и советских органов оставили многие журналисты, радиокomentаторы, писатели и др.¹²

Действительно обстановка в обществе к концу 1949 г. была накалена. Произошло это во многом благодаря усердию прессы, которая охотно «транслировала» все «разоблачительные» процессы, спровоцированные НУАС. В «охоту на ведьм» включились также печатная промышленность и католическая

¹¹ Rose L.A. Op. cit. P. 25.

¹² См. об этом: Vidal G. Rocking the Boat. N.Y., 1963. P. 85.

церковь. Уже в 1948 г. НУАС выпустила большими тиражами брошюры с характерными названиями «100 вещей, которые тебе следовало бы знать о коммунизме» в религии, образовании, на производстве, в области права и т.п. Конгресс опубликовал официальные доклады «Советский шпионаж в правительстве США», «100 лет коммунизма», «Коммунизм на Ближнем Востоке», «Коммунизм в действии: документальный анализ деятельности коммунистического правительства в СССР»¹³.

Министерство юстиции и ФБР также приложили руку к выпуску порции антикоммунистических памфлетов. Даже Торговая Палата не осталась в стороне и выпустила брошюры «Коммунизм в правительстве», «Коммунизм в профсоюзном движении», «Проникновение коммунистов в США». В сетке национального радиовещания появились передачи о советских шпионах и провокациях коммунистов. В книжных комиксах для детей нацистские и японские злодеи сменились персонажами русских и китайских коммунистов-шпионов и провокаторов. В книжных магазинах в избытке были представлены все новинки антикоммунистической и антисоветской литературы. Между 1947 и 1950 гг. вышли книги с такими названиями: «Красные заговорщики», «Советские шпионы», «Коммунизм в Америке», «Борьба за железным занавесом», «Потерянный шанс в Китае», «Коммунизм и совесть Запада», «Фальшивый Христос коммунистов и социальное Евангелие», «Американский капитализм против русского коммунизма», «Я никогда не вернусь назад», «Почему я сбежал», «Железный занавес» и т.п.

Центральные еженедельные журналы последовали примеру Конгресса, Министерства юстиции, ФБР, политиков, военных, либералов-антикоммунистов. Особенно преуспел в антисоветской пропаганде журнал "Colliers": с сентября по декабрь 1950 г. в нем было опубликовано свыше 30 статей, за содержание которых, по словам Бориса Полевого, их авторов следовало бы повесить как поджигателей войны. Вот несколько названий таких статей: «Голос за железным занавесом», «Красный заговор по захвату Берлина», «Расправа с семьей американских коммунистов», «Ужасный крестовый поход: коммунизм против церкви», «Четыре года войны с красными», «Вышинский – злой дух Кремля», «Наиглавнейший русский шпион», «Объединившись мы выстоим», «Как устроить взбучку Сталину»¹⁴.

¹³ Rose L.A. Op. cit. P. 33.

¹⁴ New York Times. 1951. January 3.

Центральные газеты и журналы, такие как *Saturday Evening Post*, *Current History*, *Nation's Business*, *Business Week*, *Newsweek*, *Harpers Magazine*, *American Magazine*, *Heral Tribune* охотно размещали статьи антисоветского содержания на своих полосах. Между 1947 и 1950 г. американская публика посмотрела такие фильмы как: «Замужем за коммунистом», «Красная угроза», «Конспиратор», «Виновен в государственной измене», «Красный Дунай». В 1951 г., когда к пропаганде антисоветизма прибавился страх военного вторжения, телевидение показало семисерийный фильм «Выживание», который посмотрели 12 млн. человек¹⁵. К 1948 г. едва ли остался хотя бы один клерк, дворник, школьный учитель или профессор колледжа, который бы не прошел через тест на благонадежность и не боялся агентов-информаторов следственных парламентских комитетов.

Начало войны в Корее в июне 1950 г. отозвалось беспрецедентным расширением полномочий гражданских служб, санкционированным принятием в Конгрессе Акта о внутренней безопасности Маккарэна-Вуда, в просторечье именуемого Актом по контролю за мыслями. Администрация Трумэна, предложившая закон, указала отдельным списком, какие именно отделы и службы нуждаются в расширении полномочий. В него попали практически все правительственные службы и ведомства, включая почтовое¹⁶. Широкие следственные полномочия получил созданный в рамках закона конгрессовский комитет по контролю за подрывной деятельностью, который мог для реализации своих полномочий воспользоваться свидетельством любого гражданина. В законе недвусмысленно были предприняты попытки ввести начала цензуры¹⁷.

В Европе с беспокойством восприняли принятие Конгрессом закона о внутренней безопасности, так как это свидетельствовало об очередном усилении политического прессинга в США. В течение месяца после принятия Акта Маккарэна-Вуда рекламные афиши и плакаты на улицах Парижа пестрили надписями типа «Американский фашизм в действии» или «Мы являемся свидетелями спектакля, в котором политический лидер самого

¹⁵ *Brown J. A Is for Atom, B Is for Bomb: Civil Defense in American Public Education, 1948–1963. // The Journal of American History. 1988. V. 75. № 1. P. 70.*

¹⁶ *McCarthy E. Up'Til Now. A Memoir. Santa Barbara; Oxford. 1987. P. 45.*

¹⁷ *Internal Security Act of 1950 // U.S Congress House Committee on Un-American Activities. Washington, 1954. P. 163.*

демократического народа на земле потворствует оргии тоталитаризма»¹⁸. Подобные настроения по поводу нарушения правового аспекта политической культуры США разделяли либералы остальных западноевропейских стран. 17 сентября НУАС обвинила Национальную Гильдию юристов в том, что она являлась «главным инструментом в потоплении демократии в США»¹⁹. Так парламентские следственные комитеты расправились с основным своим противником в лице профессиональных юристов.

Политический прессинг в США приобрел внушительные масштабы еще до возвышения Джозефа Маккарти в качестве председателя сенатского подкомитета по расследованию коммунистической деятельности. Однако мероприятия администрации Трумэна невозможно свести только к попыткам создать прочную коалицию для борьбы с республиканской оппозицией на президентских и парламентских выборах. Попытки контролировать содержание школьных учебников, сценических постановок и художественных фильмов – красноречивое свидетельство более широкой программы правительства по созданию прочного внутреннего тыла в условиях начавшейся «холодной войны». Еще в 1948 г. общественные школы и вузы страны под началом комитета по образованию США включились в программу «За демократию», предназначенную для укрепления идеологии американизма усилиями учителей начальной и средней школы и профессорско-преподавательского состава колледжей и университетов. Ранней весной 1948 г. в Вашингтоне состоялась встреча представителей правительственной, школьной и вузовской администраций, на которой были выработаны рекомендации о включении в учебники для начальной, средней и высшей школы разделов, посвященных разъяснению опасности проникновения антидемократических сил в американские институты и организации. Администрация поставила перед профессорско-преподавательским составом задачу укрепить доверие граждан к институтам американской демократии, сила и прочность которой зависят от единства нации²⁰. На эту встречу Трумэн возлагал большие надежды, так как многое в его усилиях по сплочению нации зависело именно от интеллектуалов высшей школы. Известно, что в большинстве своем американская профессура всегда поддерживала политику «Но-

¹⁸ Цит. по: Daily Worker. 1950. October 26.

¹⁹ Цит. по: Daily Worker. 1950. October 24.

²⁰ Rose L.A. Op. cit. P. 36.

вого курса», была сторонником расширения гражданских прав и свобод, прогрессивного трудового законодательства, рассматривалась в качестве мозгового треста правительства в 1930-е годы. На президентских выборах 1948 г. университетские профессора поддержали Генри Уоллеса, политического соперника Трумэна, противника ужесточения внешнеполитического курса.

В июне 1949 г. HUAC сделал запрос в 81 колледж и среднюю школу с требованием предоставить список литературы, используемой в преподавании целого ряда предметов, таких как литература, экономика, история, география и др. В тот же год возник конфликт из-за процедуры проверки на благонадежность в вузах. 26 профессоров университета Джорджа Вашингтона отказались проходить тест на лояльность, 37 – подали в отставку. В учебном плане стало на 55 курсов меньше. Реакция на эти события по всей Америке последовала мгновенно. Более 120 учителей и преподавателей из более чем 140 колледжей выразили протест унижительной процедуре проверки благонадежности, предусмотренной федеральной программой. Правительство отменило тест в школах и вузах, но с этого времени учителя стали бояться информаторов, агентов следственных парламентских комитетов, тем более что деятельность HUAC была в разгаре. Преподаватели вузов вынужденно пошли на приведение содержания своих лекционных курсов в соответствие со стандартами американизма. Над свободой слова и научной деятельности нависла мрачная тень HUAC²¹.

Странная атмосфера подозрительности, страха и недосказанности начала разрушать творческую жизнь страны. В те годы известный театральный критик Брук Аткинсон писал:

«...что-то неуловимое уничтожает жизненную силу театра и всего американского искусства. Актеры боятся открыто выражать свои настроения и чувства, боятся говорить, что думают. Творческое начало ушло из жизни интеллектуалов»²².

Популярностью у американских зрителей в начале 1950-х пользовались постановки двух типов: 1) откровенно антикоммунистические и 2) пьесы, в которых герой борется против обстоятельств и оказывается наедине с толпой. Среди постановок первого типа успехом у зрителей пользовался спектакль Сидни Кингсли по пьесе Артура Кестлера «Полуденная темнота». По сюжету пьесы молодой герой Николай Рубашов находится под след-

²¹ Ibid. P. 37.

²² Цит. по: Ibid. P. 319.

ствием по обвинению в попытке убийства Сталина. Пьеса посвящена событиям сталинских репрессий – знаменитых политических процессов 30-х годов. Автор изобразил своего героя типичным марксистом, материалистом, пленником идеологии. По замыслу Кингсли, Рубашов такой же вспыльчивый, как Троцкий, такой же непреклонный, как Ленин, и деликатный, как Бухарин. Следовательно требуется много времени, чтобы сломить героя. Главный редактор «Нью-Йорк Таймс» Лестер Маркел назвал пьесу мощным оружием против коммунизма. Сам Кингсли признавался, что главная проблема дня в том, чтобы правительство и его институты не подавляли собой, своей деятельностью права человека, иначе эти «бесценные» права исчезнут, испарятся, уступив место принципу всемогущества государства.

Характерным примером второго типа постановок являлся спектакль по пьесе Г. Ибсена в обработке Артура Миллера. В ключевых словах отражено все содержание пьесы. Главный герой доктор Стокман в финальной сцене пьесы бросает в толпу выразительные по силе слова: «Большинство никогда не бывает право. Это социальная ложь, одна из многих, против которой независимый интеллигентный человек должен вести борьбу». Брук Аткинсон, театральная критик, написавший статью о пьесе в «Нью-Йорк Таймс», подчеркивал актуальность постановки «в дни, когда свободы мысли и мнений популярны больше в теории, чем на практике»²³.

Несмотря на то, что цензура, политический прессинг и пропаганда не приобрели в США таких объемов как в странах с тоталитарными режимами, но в рассматриваемый период, пожалуй, не было ни одного известного актера, художника или писателя, который бы не испытал на себе контроля федерального правительства или Конгресса²⁴.

Свой второй²⁵ «поход» в Голливуд HUAC организовал в 1951 г., находясь на волне своего могущества и одновременно беспартия тех, кому комитетчики устраивали слушания. Это было время, когда Маккарти сделал сенсационное заявление о коммунистах в государственном департаменте, когда Алгер Хисс усилиями конгрессменов-республиканцев, в том числе при активном участии Р. Никсона, был осужден, когда супруги Ро-

²³ Цит. по: New York Times. 1951. January 7.

²⁴ Mathews J.D.H. Art and Politics in Cold War America // The American Historical Review. V. 81. № 4. October 1976. P. 764.

²⁵ Первый «поход» состоялся в 1947 г.

зенберг были приговорены к смертной казни за выдачу секретной информации о ядерных проектах СССР, когда сенатский подкомитет по внутренней безопасности, возглавляемый демократом из Невады Пэтом Маккэрэном, расправлялся со школьными учителями²⁶. Министерство юстиции, казалось, действовало заодно с правыми в Конгрессе. Попытки правительства противостоять маккартизму были слабы и неэффективны.

Комитет по расследованию антиамериканской деятельности выбрал Голливуд во второй раз не случайно. Этот центр киноиндустрии считался важнейшим звеном воздействия на сознание рядового американца. В первую очередь, атаке комитета подверглись сценаристы, драматурги, режиссеры – создатели фильмов. Методы расследования, используемые комитетчиками иначе как «грязными» не назовешь: обвинения строились на показаниях одного свидетеля, как правило, профессионального агента-информатора, весь процесс дачи показаний сводился к задаче сбить подозреваемого с толку и путем обвинения в лжесвидетельстве и в обмен на сохранение служебного положения получить как можно больше имен американцев, причастных к коммунистической деятельности. Это называлось быть «сочувствующим свидетелем»²⁷. Гарантированное пятой поправкой к конституции США право презумпции невиновности подменялось презумпцией нелояльности (не лоялен до тех пор, пока не доказано обратное).

Многие представители творческой элиты не выдержали испытания и стали «сочувствующими свидетелями», как, например, писатель Мартин Беркли, который установил своего рода рекорд, назвав имена около 155 своих коллег. Отказ давать показания сопровождался обвинением в неуважении правительства и таким же наказанием, как и в случае «признания». Фактически, представшие перед комитетом представители творческой элиты стояли перед выбором: либо сознаться самому и попасть в тюрьму, либо назвать имена других и отправить в тюрьму их. Когда актриса Гэйл Сандергад, по делу которой были организованы слушания HUAC, попросила поддержки у Гильдии киноактеров, руководство Гильдии предпочло остаться в стороне. Из 110 актеров, подозреваемых HUAC в антиамериканской деятельности в 1951 г., 58 признались в том, что имели контакты с

²⁶ Только в одном Нью-Йорке в начале 50-х гг. работу потеряли около 300 учителей. – См: *Gillon M.S., Kunz D.B.* Op. cit. P. 63.

²⁷ *Hellman L.* Scoundrel Time. Boston; Toronto, 1976.

коммунистами²⁸. Среди давших показания на слушаниях НУАС были известные деятели кино, актеры, сценаристы Ларри Паркс, Элиа Кэзэн, Жозе Феррер и многие другие.

Отказавшихся свидетельствовать против других ждало занесение в «черные списки», еще один характерный символ времени. «Черные списки» публиковались, а занесение в них было равносильно социальному ostracism. Не желая иметь дело с властями, наниматели отказывались давать работу «черносписочникам». Многие деятели Голливуда годами не могли устроиться на работу. Приходилось либо эмигрировать в Европу, Мексику, Латинскую Америку, либо брать псевдоним и работать под чужой фамилией далеко за пределами «фабрики грез». Бывали случаи, когда человек вносился в «черный список» уже под псевдонимом и не один раз. Некоторые пострадавшие от действий НУАС писатели, актеры, режиссеры вместе с членами семей надолго попадали под контроль спецслужб. Продукция Голливуда в эти годы тщательно проверялась на соответствие стандартам американизма. Рецензентом и одновременно цензором выступали парламентские следственные комитеты. Цензоры были крайне придирчивы и могли обнаружить след русской пропаганды, например, в фильме, где русский крестьянин улыбался. Так произошло с актером Робертом Тейлором, который играл роль такого крестьянина в фильме 1944 года «Песня о России». Вообще фильмы с советской тематикой в 50-е годы попали в категорию нелояльных, администрация кинотеатров и университетских клубов снимала их с показа²⁹.

Либеральный комментатор Элмер Дэвис в январе 1951 г. охарактеризовал обстановку в стране следующими словами: «Жестокое время, полное зависти, злобы, ненависти»³⁰. Но и у этого жестокого времени были свои герои. После допроса в комитете по антиамериканской деятельности 21 мая 1952 г. о Лиллиан Хеллмэн, известной в Голливуде сценаристке³¹ заговорили как о героине этого жестокого времени, бросившей вызов злосчастному комитету и победившей в неравной схватке.

²⁸ Gillon M.S., Kunz D.B. Op. cit. P. 63–64.

²⁹ Daily Worker. 1950. October 26.

³⁰ Цит. по: Gillon M.S., Kunz D.B. Op. cit. P. 54.

³¹ Автор целого ряда пьес неполитического содержания: «Час детей», «Грядущие дни настанут», «Маленькие лисицы», «Дозор на Рейне», «Ищущий ветер» и др.

Хеллмэн была вызвана в комитет по антиамериканской деятельности в мае 1952 г. У комитета было несколько оснований вызвать ее для дачи показаний. Во-первых, она с 1947 г. состояла членом организации «Прогрессивные граждане Америки», известной своей критикой администрации Трумэна за ужесточение отношений с СССР и поддержавшей предвыборную кампанию Генри Уоллеса. Во-вторых, Хеллмэн была активным организатором и участником международной конференции деятелей науки и культуры, прошедшей весной 1949 г. в США, где последовательно защищала честь американских интеллектуалов в ходе спровоцированного ФБР идеологического конфликта. В 1944 г. Хеллмэн посетила СССР, где завязала дружеские контакты с деятелями науки и кино, помогала приезду творческой интеллигенции СССР в Америку, способствуя, таким образом, развитию культурных связей. Она была лично знакома с Шостаковичем, Черкасовым и другими звездами советской культуры. Наконец, одним из серьезных оснований для вызова Хеллмэн в комитет явилось то обстоятельство, что она долгое время прожила с известным в Голливуде драматургом Дэшиелем Хэмметом, который в 1951 г. был осужден за неуважение правительства, вследствие отказа давать показания на слушаниях НУАС³².

Зная о нарушениях гражданских прав и поправки к конституции США, гарантировавшей каждому гражданину право не свидетельствовать против самого себя, а также то, что комитетчики трактовали данную поправку по-своему³³, Лиллиан Хеллмэн избрала другую тактику в отношении НУАС. Перед тем, как явиться на слушание 21 мая 1952 г., она написала письмо на имя председателя комитета по антиамериканской деятельности Джона Вуда. В письме, с которым во время слушания смогли ознакомиться присутствовавшие в зале журналисты, Хеллмэн признавалась, что ей нечего скрывать от комитета, что она всегда осуждала действия, наносившие вред существовавшему политическому режиму и ценила демократические традиции своей страны, заявляла о готовности давать показания о своих взгля-

³² *Hellman L.* Op. cit. P. 25, 26–28.

³³ Признавая право не свидетельствовать против себя, зафиксированному в пятой поправке к конституции США, члены НУАС считали, что вызванный для дачи показаний обязан отвечать на вопросы о других. В условиях отсутствия должной защиты индивида в ходе слушаний это выглядело как грубейшее нарушение правовой процедуры в целом и права, гарантированного пятой поправкой, в частности.

дах, действиях, связях, но отказывалась свидетельствовать против и вообще давать показания о других своих коллегах, считая это бесчестным и недостойным поступком.

Ключевая фраза письма звучала следующим образом: «Я не могу и не пойду на сделку с собственной совестью ради соответствия заведенному порядку. Я давно пришла к выводу, что я не политик и чувствую себя некомфортно в любой политической группе».

Дальше Хеллмэн напомнила, что она воспитана на традиционных американских ценностях, каковыми всегда считались честность по отношению к себе и другим, правдивость, помощь и содействие ближнему, лояльность по отношению к правительству своей страны и т.д. В конце письма Хеллмэн выражала надежду на то, что ее откровенность и желание давать показания о себе, не прибегая к конституционной защите, в свою очередь, не вызовут у членов комитета вопросов о ее коллегах, знакомых и близких. Хеллмэн предупредила, что в противном случае, она будет вынуждена воспользоваться пятой поправкой³⁴. Причем о поправке Хеллман говорила как о реальном конституционном праве, а не извращенной практикой политиков процедуре. Письмо, с которым журналисты смогли ознакомиться благодаря усилиям юриста Джозефа Роха, стало ловким ходом, бомбой, взорвавшей привычный ход слушаний. Комитетчики не рискнули вынести обвинение Хеллмэн, которая призналась в письме в своей лояльности правительству, и которую они сами вынудили воспользоваться пятой поправкой. Привычная процедура слушаний была нарушена созданным прецедентом, а пятой поправке вернули, наконец, ее истинное содержание.

Слушания с участием Хеллмэн закончились спустя час, в рекордно короткий срок. Ее отпустили. Это означало, что она избежала участи многих, занесенных в «черные списки», потерявших работу или вынужденных работать под псевдонимом, уехавших из страны. Однако это означало и другое. Хеллмэн не стала «сочувствующим свидетелем» из-за страха потерять работу и социальный статус, как это сделали известные писатели и деятели кино Л. Паркс, Э. Кэзэн, Д. Феррер, М. Беркли.

Письмо Хеллмэн и ее поведение на допросе вызвали нескрываемый восторг, как у либералов, так и у консерваторов. Центральные газеты консервативного толка с уважением написали о ней. Артур Крок из «Нью-Йорк Таймс» с восхищением

³⁴ Цит. по: *Hellman L.* Op. cit. P. 93–94.

отозвался о поступке сценаристки. Писатель Эрик Бентли в своей книге назвал позицию Хеллмэн «вехой». Для журналистики «Вашингтон Пост» Мирэй Кемптон показания Хеллмэн стали знаком надежды на скорое прекращение безумия. Своими впечатлениями она поделилась с читателями газеты, написав статью «Портрет леди». Известный американский драматург Артур Миллер последовал примеру Хеллмэн. Оказавшись на допросе перед Комитетом, он воспользовался своим правом не свидетельствовать против себя и точь в точь повторил аргументы Хеллмэн. Позднее в одном из своих фильмов «Горн» Миллер создал образ героя, выбравшего смерть, спасая других от участи быть обвиненными в тяжком преступлении³⁵.

Прямота и внутренняя смелость поступка Л. Хеллмэн внушили уверенность и надежду в сердца тысяч американцев. Деятели искусства и кино, следуя созданному ей прецеденту, стали активно апеллировать к своему праву, зафиксированному в пятой поправке. Рубежи крушения порочной политической практики маккартизма стали более обозримыми после смелого призыва сценаристки воспользоваться конституционными правами.

Первое десятилетие «холодной войны» многим представителям интеллектуального сообщества запомнилось как «ужасное» десятилетие, когда власть вела «бешеную» охоту на коммунистов, а рядовые сограждане, подогреваемые слухами и «кричащими» заголовками газет, готовы были обвинить в нелояльности правительству своего сослуживца, соседа и даже родственника ради сохранения собственного благополучия. Рядовым американцам было сложно разобраться в реальной подоплеке всех мероприятий новой администрации и Конгресса. Только небольшая часть интеллектуалов, преимущественно из профессорско-преподавательской среды, творческой элиты взяла на себя смелость противостоять усилившемуся политическому прессингу, переросшему к началу 50-х гг. в настоящее «безумие». Гражданская позиция Л. Хеллмэн была знаковой для многих представителей интеллектуального сообщества: она еще раз продемонстрировала глубокую веру в «исконные» демократические ценности, которыми политики пренебрегли ради осуществления нового плана послевоенного мирового устройства.

³⁵ Ibid. P. 93.

Н.И. Николаева (Саратов)

ДЕЯТЕЛИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА И ANTIAMЕРИКАНСКАЯ ПРОПАГАНДА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

В 1946–47 гг. в Советском Союзе шел процесс формирования новых направлений внешней политики, что было связано с переходом от антигитлеровской коалиции к конфронтации с бывшими союзниками. Вывод о том, что мир разделен на два лагеря, один из которых представлен развивающимися силами социализма, другой – загнивающими, но агрессивными силами капитализма, пронизывал советскую пропаганду. Американская внутренняя и внешняя политика были подвергнуты ожесточенной атаке, «интенсивность которой, – как указывал в сентябре 1947 г. посол Смит, – превосходила ярость Советской пропаганды против фашистской Германии»¹. Тезис о борьбе двух лагерей на мировой арене знаменовал теоретическое обоснование «холодной войны»². В то же время он показал усилившееся влияние идеологического аппарата в советском руководстве.

В условиях монополии на власть, идеологию и пропаганду формировались нужные советскому руководству стереотипы восприятия Соединенных Штатов Америки. Они внедрялись в общественное сознание с помощью средств массовой информации, литературы и искусства. Причем процесс манипулирования массовым сознанием был многомерен: господство упрощенного восприятия социальных явлений, событий, личностей, способ полуправды, высокая степень однородности публикуемых материалов, выпячивание второстепенных сторон, акцент на самых отрицательных моментах жизни американского общества. Весь материал о США подавался без контраргументов и объяснений, как вся правда об Америке, что приводило к формированию од-

¹ *Barghorn F.* The Soviet Image of the United States. A study in distortion. N.Y., 1950. С. 105.

² См.: *Чубарьян А.О.* Новая история «холодной войны» // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 16.

ностороннего, крайне обедненного образа, что и было целью советской антиамериканской пропаганды. В нужный момент идеологические стереотипы рождали «образ врага», на борьбу с которым руководство страны объединяло все общество.

Складывавшийся в послевоенные годы образ врага в лице США к 1949 г. сформировался окончательно. На первый план выступала характеристика внешней политики Соединенных Штатов. Стереотип «поджигатели новой войны» становится главным критерием оценки этой страны. Однако только одной агрессивности внешней политики для образа врага было мало. На советских читателей обрушилась лавина материалов обо всех сторонах американской жизни. «Культура жевательной резинки», «Упадок американского театра», «Голливуд – опора реакции в искусстве», «Американское радио на службе поджигателей войны», «Искусство сумасшедшего дома», «Трагедия американских фермеров», «Профбюрократы США – агентура американского империализма», «Растрепанная «культура» американских поджигателей войны» – вот типичные заголовки в прессе того времени. Любая статья в газете или журнале о советском образе жизни, как, например, «Национальный доход СССР», «За новый мощный подъем социалистического сельского хозяйства» и многие другие обязательно содержали сравнительный, однозначно отрицательный материал об американском образе жизни. Такой же прием использовался в лекциях для населения, в радиопередачах, в драматургии, киноискусстве.

В 1948 г. в журнале «Огонек» появилась рубрика «Быт и нравы за рубежом», разоблачавшая западный образ жизни, с 1949 г. в ней помещались в основном материалы антиамериканской тематики. Целенаправленно формировалась картина «ужасов» американской жизни: сплошная нищета трудящихся, «суд Линча», «мракобесие и мордобой» в школьном образовании, торговля детьми и рост проституции в США, миллионы безработных и разорение фермеров. Активно в антиамериканскую пропаганду включился сатирический журнал «Крокодил». Очень ярким представляется пример публикаций 1949 года. Кроме того, что увеличилось количество статей, карикатур на американскую тему, некоторые номера этого года полностью были посвящены антиамериканской пропаганде³. На антиамериканскую «вахту» встали деятели советской литературы и искусства.

³ См.: Крокодил 1949. № 23, 30, 31, 35.

Вся эта стремительно разворачивавшаяся антиамериканская кампания, безусловно, была организована и направлялась из Кремля. Основным стержнем выступлений и заявлений высокопоставленных советских руководителей в конце 1940-х – начале 50-х годов стало проявление все большей воинственности в адрес империализма и, в первую очередь, Соединенных Штатов.

Секретарь ЦК ВКП (б) Г. Маленков в своем докладе к 32-й годовщине Октябрьской революции обрушился на главных «поджигателей войны» – Соединенные Штаты: «С каждым днем все более обнажается программа главных противников мира. Эта программа предлагает создание путем насилия и новых войн мировой американской империи, которая должна по своим масштабам превзойти все когда-то существовавшие в мировой истории империи завоевателей»⁴. Линия на всемерное разоблачение американского империализма была продолжена секретарем ЦК ВКП (б) М. Сусловым на совещании Коминформа в ноябре 1949 г.: «Агрессивность империалистического лагеря еще более усилилась... Став на путь военно-политического заговора против мира и безопасности народов, правящие круги США и Англии на всех парах ведут подготовку новой войны, с все более циничной беззастенчивостью и наглостью заявляют о своих претензиях на мировое господство, на американское руководство миром»⁵.

Советских людей убеждали в том, что если поджигатели новой войны, не прекращавшие «пресловутую атомную дипломатию», развяжут третью мировую войну, «то эта война явится могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма»⁶.

Обвинения США и их союзников в развязывании новой мировой войны нашли свое отражение в многочисленных публикациях средств массовой информации. В радиопередаче «Ленин – создатель и руководитель первого в мире социалистического государства» нашлось место для характеристики Соединенных Штатов, которые «став центром и оплотом мировой реакции, все более проявляют свои разбойничьи намерения, пытаются развязать новую мировую войну»⁷. Подобные оценки становятся регулярными в радиопередачах конца 40-х – начала 50-х годов.

Особой критике советская пропаганда подвергала американский образ жизни, изображая разложение американского об-

⁴ Большевик. 1949. № 21. С. 10.

⁵ Суслов М. Защита мира и борьба с поджигателями войны. Доклад на третьем совещании Коминформа // Совещание Коминформа. 1947. 1948. 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 547–550.

⁶ Большевик. 1949. № 21. С. 11.

⁷ ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 146. Л. 66.

щества, выражавшееся в глубоком экономическом кризисе, росте преступности, падении уровня жизни, образования, распаде культуры, моральной развращенности верхушки общества.

Советское радио в марте 1950 года так расписывало «ужасы» экономического положения США и жизни американцев:

«Экономика США, запутавшись в неразрешимых противоречиях, все сильнее вползает в экономический кризис. Производство только за последний год сократилось на 22 %. Число безработных и занятых неполной рабочей неделей перевалило за 14 млн. Чувство страха и неуверенности в завтрашнем дне стало постоянным спутником американцев». «Розничные цены на продукты питания по сравнению с 1937 г. повысились в 3 раза. По сравнению с довоенным временем жизненный уровень народа снизился на 1/3. Официальная статистика США признает, что 76% американского населения не располагают необходимым прожиточным минимумом. В то время как массы голодают, американские монополисты гноят и уничтожают колоссальные запасы продуктов питания, в частности картофель, фрукты, пшеницу, кукурузу, с целью удержать цены на высоком уровне, обеспечить себе сверхприбыль»⁸.

Журнал «Большевик» в 1949 г. сообщал, что экономика США и Англии «задыхается в заколдованном кругу противоречий». На его страницах рассказывалось об упадке сельского хозяйства США (сокращение сельскохозяйственного производства, посевных площадей, разорение фермеров), о проблемах огромного дефицита государственного бюджета, о валютном кризисе, который свидетельствует о том, «что устои капиталистического мира давно уже насквозь прогнили»⁹.

Самой убийственной, уничтожающей критике подвергалась американская культура. «Растрепанная культура доллара» – так озаглавил свою статью Б. Вронский в газете «Культура и жизнь»: «Американская литература и искусство подчинены законам доллара, наживы и обогащению. Торгаши крепко держат в своих руках искусство, которое служит их целям наживы и оболванивания рядовых американцев»¹⁰. Еще более мрачную картину рисует журнал «Огонек» в статье «Культура жевательной резинки»: «Американская «культура» уже давно стала синонимом марзма и упадка, превратившись в пародию, в карикатуру на саму себя»¹¹. Не нашлось ни одной области американской культуры,

⁸ ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 146. Л. 45, 178.

⁹ Большевик. 1949. № 6, 7, 20, 21; 1950. № 11, 12.

¹⁰ Культура и жизнь. 1949. 21 октября.

¹¹ Огонек. 1950. № 4. С. 100–101.

где бы советская пропаганда не усмотрела «растления», «разложения и упадка». Американское театральное искусство характеризовалось эпитетами «кризис» и «упадок».

«Распад и разложение буржуазной американской культуры отчетливо сказываются на организационной деятельности театров: систематически сокращается число театров, растет банкротство театральных компаний, растет безработица среди актеров. Наиболее популярным жанром является музыкальное ревю и развлекательные комедии».

Это выдержки из статьи И. Ланицкого, который, анализируя в журнале «Театр» несколько американских пьес, использовал такие характеристики, как «фальшивая, вздорная пьеса», «пошлейшая пьеса в тоне псевдопсихологической драмы» и т.д. Нет смысла перечислять все публикации, посвященные американскому театру. Их общий смысл выразился в одной из них:

«Затхлая атмосфера, созданная американскими империалистами на Бродвее, душит все творческие начинания театральных коллективов, превращает актеров и режиссеров в роботов, покорных воле своих хозяев с Уолл-Стрита»¹².

Тем же термином «разложение» характеризуется и балетное искусство. В. Красовская писала в журнале «Театр»:

«Так называемый «национальный» балет Америки, вообще не имеющий своей истории и существующий в виде многочисленных странствующих трупп и труппок, особенно наглядно демонстрирует беспринципность и убожество американского буржуазного театра... Руководители балетного театра с восторгом воплощают в своих произведениях гнусные антинародные идейки Пруста и Фрейда, Сартра и Сантаяны, открывают доступ на балетную сцену горячечному бреду таких, с позволения сказать художников, как американец Сальвадор Дали или англичанин Лесли Херри, широко используют какофонию Стравинского и ему подобных»¹³.

Американское изобразительное искусство, скульптура получили еще более резкую оценку в советской пропаганде. «Искусство сумасшедшего дома», «Искусство людоедов» – эти и подобные названия статей характеризовали творчество художников-модернистов. В журнале «Огонек» президент Академии художеств А.М. Герасимов дал комментарии к помещенным там репродукциям картин и скульптур западных модернистов, в том числе американских: «Чем иным, как не издевкой над зрителями, можно назвать полотна «ведуших» буржуазных живо-

¹² Куликова И. Американский театр на службе Уолл-Стрита // Театр. 1949. № 4.

¹³ Театр. 1950. № 5. С. 100–105.

писцев, изображающих вместо людей каких-то убудочных уродов с разложившимися от гниения лицами?»¹⁴.

Американская литература представлялась советской пропагандой «мутным потоком пошлости и развращенности», который «оказывает пагубное влияние на молодежь, прививает ей в ее поведении методы гангстеризма». Героями многих «художественных произведений в США являются атомщики, шпионы, диверсанты, маньяки, убийцы»¹⁵. В формировавшемся пропагандой образе американской культуры особое место отводилось киноискусству. Известный политобозреватель Д. Заславский называл американское кино «орудием фашизации страны». Голливуд виделся ему «как один из важнейших бастионов Уолл-Стрита, как крупнейшая военно-политическая база реакции в США с ее сумасбродной стратегией завоевания господства над миром». Д. Заславский называл американское кино – «кино дикарей для дикарей»¹⁶. О Голливуде писали журнал «Огонек» («Мракобесы в Голливуде»), «Крокодил» и другие издания¹⁷. Свои впечатления об американском кино передал писатель Н. Васильев после поездки в США:

«Мистика, психопатология, грубые, примитивные инстинкты, сексуальная развращенность, социальный обман, оправдание милитаризма и империализма – таково основное содержание американских фильмов. Невзыскательная публика без остатка поглощает этот недоброкачественный ассортимент, вкушая с ним солидные дозы идеологической отравы»¹⁸.

Объектом советской пропаганды часто становились американские школы, положение школьных учителей, система воспитания. Приведем цитату из «Огонька» за 1951 год:

«В Соединенных Штатах, стране, кичащейся своим богатством, хронически не хватает школьных помещений. Миллионы детей не учатся... на нужды народного образования отпускается смехотворно мизерные суммы. В государственном бюджете США более 70% всех средств идет на гонку вооружений, и только менее одного процента уделяется в виде подачки на нужды школы». Особенно выделялся тот факт, что «американская школа недоступна миллионам детей»¹⁹. По мнению автора статьи в «Огоньке», этим самым «реакционеры стремятся иска-

¹⁴ Огонек. 1949. № 21. 22 мая.

¹⁵ Там же. № 20. 15 мая.

¹⁶ Культура и жизнь. 1950. 11 января.

¹⁷ См.: Огонек. 1949. № 30; Крокодил. 1949. № 6; 1950. № 10.

¹⁸ Васильев Н. Америка с черного входа. М., 1949. С. 50.

¹⁹ Огонек. 1950. № 14. С.21.

лечить разум детей в надежде, что удастся воспитать оглушенное поколение людей, находящийся в плену диких предрассудков, с неразвитым общественным сознанием, поколение рабов, слепых исполнителей воли правящих классов»²⁰. Под стать содержанию образования показаны и методы воспитания: «Мракобесы, подвизающиеся в американских школах в качестве педагогов, считают мордобой важнейшим средством воспитания подрастающего поколения»²¹.

О целях американских империалистов в отношении высшей школы рассказала радиопередача 15 ноября 1952 года «Международный день студентов»:

«Уничтожая академические свободы и устанавливая фашистские порядки в американских высших учебных заведениях, правящие круги страны стремятся воспитать послушных исполнителей воли претендентов на мировое господство, готовить пушечное мясо для новых кровавых авантур. Дело дошло до того, что университет в Сан-Франциско недавно объявил о введении спецкурса по провокаторству. По заданию монополий Уолл-Стрита из молодых американцев готовят убийц»²².

Резкой критике подвергалась американская наука. Газеты писали, что «современные реакционные американские философы и социологи являются в прямом смысле слова наемными агентами Уолл-стрита. На службе американской разведки оказалась и география. Американские географы «усиленно распространяют «теорию климатического оптимума», согласно которой претензии США на руководство миром обосновываются превосходством климата США. Буржуазная псевдонаука выполняет заказ своих хозяев империалистов»²³.

Особое внимание в советской печати и литературе уделялось американской молодежи. Н. Васильев в своих очерках об Америке рисовал ужасающую картину жизни молодых людей. По его словам, среди них много бандитов, убийц, хулиганов. Они становятся такими под влиянием американского кино, прессы и радио, которые действуют на психику молодых людей бесчисленными детективными и ковбойскими фильмами, книгами и радиопередачами со сценами насилия, убийств и грабежей.

«Одним из примеров отклонения американской молодежи от элементарных норм здоровой, духовной жизни является массовая детская истерия, связанная с концертами певца Франка Синатра и продолжающаяся уже много лет. Массовый психоз, существующий

²⁰ Там же. 1950. № 14. С.22.

²¹ Там же. 1949. № 11. С.27.

²² ГАРФ. Ф.6903. Оп.13. Д.25. Л.168.

²³ Литературная газета. 1949. 25 июня.

вокруг концертов Франка Синатра, является одним из частных последствий того духовного растления, которому подвергается современная американская молодежь»²⁴.

Толкование любой темы было подчинено интересам антиамериканской кампании. Наиболее эффективный способ манипулирования массовым сознанием – обращение к эмоциям личности. Особое воздействие на внутренний мир человека оказывает культура. Поэтому активно к ведению антиамериканской пропаганды были привлечены деятели советской литературы и искусства. Выделялась кампания 1949 года, которая была организована по поручению Секретариата ЦК ВКП (б), на что прямо указывал К. Симонов в своем письме Г. Маленкову²⁵.

Руководствуясь партийными директивами, К. Симонов, как заместитель Генерального Секретаря Союза Советских писателей СССР, составил и 1 апреля 1949 г. представил в отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время»²⁶. План предполагал согласованную деятельность газет, радио, ряда издательств («Искусство», «Молодая гвардия», «Госполитиздат»), министерства кинематографии СССР, Всесоюзного общества знаний, Союза писателей СССР, Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, Института философии Академии наук СССР для «разоблачения агрессивных планов мирового господства американского империализма, развенчание культуры, быта и нравов современной Америки». Ведущим газетам и журналам («Правда», «Известия», «Труд», «Литературная газета», журнал «Большевик») предписывалось

«развенчивать басни американской пропаганды о «процветании» Америки, показывать глубокие противоречия экономики США, лживость буржуазной демократии, маразм буржуазной культуры и нравов современной Америки». Предполагалось «организовать выступления видных советских специалистов и деятелей науки и культуры о современном состоянии американской буржуазной науки, литературы и искусства, чтобы раскрыть реакционный характер и упадок культуры в империалистической Америке»²⁷.

Согласно плану, в короткий срок (2 месяца) большим тиражом должны были быть выпущены книги и брошюры, рассчитан-

²⁴ Васильев Н. Указ. соч. С. 107–115.

²⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 224. Л. 55.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 224. Л. 48–52.

²⁷ Там же. Л. 48.

ные на массового читателя: «Экспансия американского империализма и «план Маршалла», «Расовые теории англо-американских империалистов», «Геополитика на службе американского империализма», брошюры о современном состоянии буржуазного искусства в США, сатирические плакаты на антиамериканские темы. К формированию образа врага предполагалось привлечь ведущих советских драматургов (К. Симонова, Н. Вирту), которые должны были в 3–4 месячный срок создать новые пьесы на антиамериканские темы. Планом предусматривалось увеличить число постановок таких пьес в Москве и на периферии путем увеличения государственных заказов на новые драматические произведения, музыкальные комедии – для театров, сатирические песни – для эстрадного исполнения, разоблачающие политику, культуру, быт и нравы империалистической Америки. Предписывалось шире демонстрировать имеющиеся кинофильмы на антиамериканские темы. План завершался примерной тематикой, по которой должна была строиться антиамериканская пропаганда по линии печати, радио и Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Список содержал 36 тем, охватывавших характеристику американской внешней политики, экономики, социальных проблем, культуры. Среди них: «Вырождение американской буржуазной литературы», «США – главный оплот международной реакции», «Американские реакционеры в роли «спасителей» капитализма от коммунизма», «Американские империалисты – душители свободы и независимости народов», «Монополисты вскармливают фашизм на американской почве», «Кризис просвещения в США», «Проповедь американизма и звериной психологии в США», «Басни о «процветании» Америки и реальная действительность», «Упадок современного театра в США». Предложенный К. Симоновым план был одобрен Секретариатом ЦК ВКП (б)²⁸.

В это же время в Секретариат ЦК Г. Маленкову Симоновым был направлен проект «Плана мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу Советских Писателей». Проект содержал подробнейшее перечисление авторов, названий сборников, сроков и ответственных за выпуск, тиражи и т.п. В нем, в частности, намечалось:

«Обеспечить создание художественных произведений – пьес, кино-сценариев, повестей, романов, разоблачающих американский образ жизни. Привлечь для этого писателей П. Павленко, Н. Вирту,

²⁸ Там же. Л. 51–52.

А. Корнейчука, К. Симонова, Л. Леонова, Б. Чирскова, С. Михалкова, А. Сурова, Бр. Тур, Т. Семушкина, И. Эренбурга, В. Василевскую, М. Чиатурели, С. Герасимова, А. Первенцева. Показательна в этом отношении книга А. Васильева «Америка с черного хода», написанная после поездки в Соединенные Штаты, в рецензии на которую профессор Анисимов отмечал, что «факты и наблюдения, которые здесь собраны, дают правдивую, а, значит, разоблачающую картину современной Америки». Такой правды о США, такого разоблачающего материала в очерках Н. Васильева вполне достаточно для того, чтобы рекомендовать книгу к изданию»²⁹.

В очень сжатые сроки (2–3 мес.) готовились к изданию книги антиамериканского содержания. Среди них: сборник «Американский образ жизни» (тираж – 150 тыс. экз), имевший целью «разоблачить миф о якобы высоком жизненном уровне среднего американца». Большая работа предстояла издательству «Советская книга», которое должно было в течение 1949 года выпустить тиражом в 25 тыс. экз. сборник антиамериканских пьес советских драматургов («Заговор обреченных» Н. Вирты, «Русский вопрос» К. Симонова, «Холодная война» Бр. Тур, «Цвет кожи» В. Биль-Белоцерковского, «Лев на площади» И. Эренбурга), по 50 тыс. экз. – книги Б. Горбатова «На Тихом океане», С. Козельского «Фашизм в Америке», Ф. Запорожского «Янки в Китае». В новой редакции планировалось переиздать книги Ю. Жукова «На Западе после войны», О. Курганова «Американцы в Японии», И. Эренбурга «В Америке», С. Козельского «Быт и нравы американской печати» и др.³⁰

До конца 1949 года в театрах страны предполагалось осуществить около 400 новых постановок на антиамериканские темы³¹. В репертуаре концертных организаций и эстрады намечалось более широкое использование произведений на антиамериканские темы, исполняемых ведущими мастерами эстрады – Н. Смирновым-Сокольским, Г. Афониним, Н. Набатовым, Л. Утесовым и А. Райкиным³².

Планы, одобренные в ЦК, начинали выполняться буквально на следующий день после их принятия.

Следует обратить также внимание на издание большого количества книг русских, советских и иностранных авторов, писавших об Америке в предшествующие десятилетия: М. Твена,

²⁹ Там же: Д. 133. Л. 69.

³⁰ Там же. Л. 58–59.

³¹ Там же. Л. 61.

³² См.: Там же. Л. 26–27.

Т. Драйзера, М. Горького, В. Маяковского и др. С помощью русских и зарубежных классиков советские политики старались сформировать упрощенную картину американской жизни: стремление «акул капитализма» к войне, разжигание ненависти между народами, роскошь буржуазии и нищета трудящихся, «суд Линча», безработица, упадок здравоохранения и просвещения.

Активно использовались в антиамериканской пропаганде произведения М. Горького и В. Маяковского. На рассмотрение секретаря ЦК ВКП (б) М. Сулова была представлена книга «Маяковский об Америке», доложенная Секретариату по списку антиамериканской литературы. Особо обращалось внимание, что в стихах и очерках, включенных в книгу, Маяковский срывает маски с так называемого «американского образа жизни», показывает его человеконенавистническую сущность, Америку магнатов капитала, зверски эксплуатирующих трудящихся и лелеющих мечты о мировом господстве, разоблачает антинародное содержание буржуазной демократии и лживый характер «буржуазных свобод», растленность, продажность буржуазной культуры и морали. В докладной записке указывается целесообразность издания этой книги в данное время³³.

Для создания «нужного» образа Америки использовались имена русских классиков – Пушкина, Радищева, Салтыкова-Щедрина и др. Авторы многочисленных публикаций, появившихся к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина, считали для себя обязательным упоминание статьи поэта о Джоне Теннере, в которой, по их мнению, звучат предельно остро слова, разоблачавшие «показную, лицемерную, прикрывающую всевластие и всевластие денежного мешка, пресловутую американскую «демократию»³⁴. Слова великого поэта, произнесенные в XIX в., воспринимались в середине XX века как «уничтожающий акт против современных американских реакционеров».

Столь же прямолинейно и упрощенно использовались и произведения А.Н. Радищева. В одной из радиопередач от 3 августа 1949 г. было подчеркнуто, что «в главе «Хотиллов» («Путешествие из Петербурга в Москву») Радищев показывал, что так называемое «американское процветание» представляет собой результат бесчеловечной эксплуатации труда черных невольников...С негодованием Радищев пишет о социальных

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 133. Л. 48.

³⁴ См.: Правда. 1949. 6 июня; также: Культура и жизнь. 1949. 21 мая. С. 3; Большевик. 1949. № 9. С. 31–43.

порядках в Америке, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова». Эти слова писателя, по мнению авторов передачи, не утратили своей злободневности. «Они приговождают к позорному столбу империалистов»³⁵.

Вслед за А.Радищевым и А.Пушкиным «вскрывать лживый и продажный характер буржуазных свобод» были привлечены революционеры-демократы 1840-60-х годов – В. Белинский, А. Герцен, Н. Чернышевский. К этой группе обличителей американского образа жизни относили и В.Г. Короленко.

Великий русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин также не остался в стороне от антиамериканской пропаганды. По мнению Д. Заславского, чья статья была опубликована в «Правде», созданные Салтыковым-Щедриним художественно-сатирические образы не только помогают советскому народу вести борьбу против всяких пережитков капитализма в сознании людей, но и против живых щедринских персонажей, оскверняющих землю за пределами нашей страны, еще сохранявших власть и претендовавших на мировое господство. Автор статьи пишет: «Щедринский ретивый начальник пытается закрыть Америку Линкольна в самой Америке... А гиена, приняв облик мистера Кэннона, отвратительно визжит и хохочет, приводя в ужас премудрых пескарей»³⁶. Думается, что, узнав о таком использовании своих произведений в целях антиамериканской пропаганды, великий русский писатель не удержался бы и написал еще одну главу в своей «Истории одного города».

Еще большее удивление вызывает рецензия Н. Рябова на спектакль Малого театра «Ревизор» Н. Гоголя, опубликованная также в газете «Правда». Вряд ли Гоголь мог надеяться на столь высокую идеологическую оценку своего гениального произведения. Н. Рябов, видимо, без тени сомнения, восклицает: «Разве современная действительность капиталистических стран не изобилует этими героями? Разве не видим мы Хлестаковых и Голловлевых в политических, дипломатических, моральных учреждениях и институтах Америки и Западной Европы?! Гениальная гоголевская сатира бьет по современным буржуазным крепостникам – в этом ее непреходящая злободневность, в этом ее политическое звучание, в этом могучая сила ее»³⁷.

³⁵ ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 142. Л. 67.

³⁶ Заславский Д. Великий русский сатирик // Правда. 1949. 10 мая.

³⁷ Правда. 1949. 12 июня.

Обращаясь к другому произведению Н. Гоголя, Д. Заславский писал в журнале «Огонек»:

«Долго ли искать современных Собакевичей? Да они сами о себе заявляют ежедневно, громко и настойчиво. Не далее как 16 января нынешнего года в конгрессе США было внесено предложение члена палаты представителей Шиана о создании специального комитета из пяти сенаторов и пяти членов палаты представителей для изучения возможности аннексии Канады Соединенными Штатами или покупки Канады у Англии. Кто он этот Шиан? Империалист, конечно. Реакционер, несомненно. Негодяй, пожалуй. Но все эти определения неполны. Точнее всего Шиан – Собакевич. Нельзя назвать его более определенно. В его личности выражается наиболее ярко существенная черта сатирического образа, созданного Гоголем»³⁸.

Уже в мае 1949 г. в ЦК начинают поступать отчеты о выполнении планов антиамериканской пропаганды, а в начале октября П. Лебедевым была направлена служебная записка Секретарю ЦК М. Сулову с подробным отчетом. Во всех отчетах указывалось, что в текущем репертуаре драматических театров возобновлены лучшие спектакли прошлых лет, посвященные «разоблачению поджигателей войны»: «Русский вопрос» К. Симонова, «Губернатор провинции» Бр. Тур и Шейнина, «Остров мира» Е. Петрова, «Снежок» В. Любимовой (спектакль детского театра о расовой дискриминации детей в США) и др.³⁹. Интересно отметить, что пьеса К. Симонова «Русский вопрос» была опубликована в декабре 1946 г., а в начале марта 1947 г. – уже поставлена в 500 театрах страны.

П. Лебедев отмечал, что репертуары театров пополнялись и новыми антиамериканскими пьесами: «Закон чести» А. Штейна поставлен в московских театрах и в 36 театрах других городов страны и будет поставлен еще в 44, «Заговор обреченных» Н. Вирты шел, кроме московских и ленинградских театров, в 45 театрах страны и включен в репертуарный план еще 75 театров. «Чужая тень» К. Симонова поставлена во МХАТе, Ленинградском Большом драматическом театре и еще 47 театрах периферии (Калужском, Ярославском, Сухумском и др. театрах), «На той стороне» Барянова выпущен в столичных, а также 70 театрах страны. Кроме того, эту пьесу поставят еще 45 театров. Комедия Л. Шейнина «Роковое наследство», темой которой являлось утверждение нравственного превосходства советских людей над

³⁸ Огонек. 1952. № 13. С. 10.

³⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 234. С. 59–81.

хищнической моралью капиталистической Америки, была поставлена в театре им. Моссовета, в Московском театре Сатиры, в театрах Риги, Еревана, Владимира, Каменск-Уральска и еще в более 30 периферийных театров. Готовились к постановке и должны были быть показаны в ближайшее время пьесы: «Сердца и доллары» А. Левады, «Два лагеря» А. Якобсона, «Холодная война» Бр. Тур, «Голос Америки» Б. Лавренева. Как отмечалось в отчетах, «в репертуаре драматических театров за последнее время значительное место заняли спектакли на внешнеполитические темы, разоблачающие поджигателей войны и политических авантюристов с Уолл-стрита»⁴⁰.

Появление на сценах театров большого числа пьес антиамериканской направленности, соответствовавших по духу указаниям ЦК ВКП (б), получило высокую оценку в газетах и журналах. Журнал «Театр» писал о пьесе Н. Вирты «Заговор обреченных»: «Это идейное разоблачение хищнической, коварной империалистической политики американских поджигателей новой войны, их лицемерной фразеологии, их темных и грязных дел, их идеологической агентуры в демократическом лагере»⁴¹. По этой пьесе был поставлен фильм, который народный артист СССР Г. Александров оценил как «фильм против поджигателей войны, против дипломатических махинаций и интриг, так называемой тотальной дипломатии Вашингтона»⁴². Такую же оценку фильму дала газета «Культура и жизнь»⁴³. Высокую оценку советской критики получила пьеса Б. Лавренева «Голос Америки». В газете «Культура и жизнь» отмечалось, что «Б. Лавренев выводит галерею типов, которые олицетворяют звериную личину современной империалистической Америки и ее лидеров»⁴⁴.

В осуществлении планов антиамериканской пропаганды участвовали не только столичные театры и артисты. Она проводилась работниками искусств по всей стране. Примером может быть Саратов. В репертуаре Саратовских театров на 1949 г. значились: «Театр драмы – «На той стороне» Барянова, «Счастье» Павленко, «Заговор обреченных» Вирты. Театр Юного зрителя: «Я хочу домой» С. Михалкова, «Снежок» Любимовой, «Хижина

⁴⁰ Там же. Л. 63, 64, 78.

⁴¹ Театр. 1949. № 4. С. 21.

⁴² Огонек. 1950. № 27. С. 25.

⁴³ См.: Культура и жизнь. 1950. 30 июня.

⁴⁴ Культура и жизнь. 1950. 11 июня.

дяди Тома» Бруштейн⁴⁵. Проводя выездные спектакли для сельского населения в период весеннего сева, саратовские театры также активно ставили антиамериканские пьесы. Вольский театр – «Заговор обреченных» Н. Вирты, «Московский характер» А. Сафронова, «Я хочу домой» С. Михалкова; Балашовский театр – «Счастье» Н. Павленко, «Заговор обреченных» Н. Вирты, «Хижина дяди Тома» Бруштейн⁴⁶. В плане мероприятий Саратовского областного отдела по делам искусств по обслуживанию трудящихся, занятых в подготовке и проведении весеннего сева 1951 года, отмечалось, что Энгельский драматический театр обслуживает Марковский, Краснокутский, Терновский, Ровенский районы с репертуаром: «Чужая тень» Симонова, «Два лагеря» Яacobсона⁴⁷. Антиамериканская тема звучала и в передачах Саратовского радио. В Тематическом плане радиопередач Саратовской области в еженедельной программе «Театр у микрофона» значились спектакли «Заговор обреченных» Вирты, «Московский характер» Сафронова⁴⁸.

Не остался в стороне и «легкий жанр» – музыкальная комедия. В отчетах отделу агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) приводился перечень оперетт с содержанием, «направленным на разоблачение империалистической политики американской капиталистической клики». Среди них – «Воздушный замок» (музыка О. Фельцмана, текст Винникова и Крахта), «У голубого Дуная» (музыка Лепина, текст Гуревича – «о происках американских разведчиков в советской зоне Австрии»)⁴⁹. Балетное искусство также было мобилизовано на антиамериканский фронт борьбы. В филиале Государственного Академического Большого театра был поставлен балет «Дружные сердца», «затрагивающий вопрос расовой дискриминации в колониях»⁵⁰.

Пожалуй, самым ярким примером того, что антиамериканской пропагандой были охвачены все сферы искусства и литературы, было включение в нее работников циркового искусства, казалось бы совсем далекого от политики. В целях усиления антиамериканской пропаганды литературно-репертуарной частью

⁴⁵ ЦДНИСО (Центр документации новейшей истории Саратовской области). Ф. 594. Оп. 2. Д. 1083. С. 82.

⁴⁶ Там же. Д. 1082. С. 149.

⁴⁷ Там же. Д. 1867. С. 22.

⁴⁸ Там же. Д. 1092. С. 73.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 234. Л. 67.

⁵⁰ Там же. Л. 68.

Главного управления цирков приняты и разосланы артистам для исполнения 78 литературных произведений на злободневные международные темы. Были подготовлены и исполнены: «Аллегорическое шествие» под руководством заслуженного артиста РСФСР Ю.В. Дурова (текст Сухаревича, художник Б. Ефимов), новый цикл программ аттракциона под руководством Заслуженного артиста Э. Кио (текст Смирнова-Сокольского). Во многих цирках страны исполнялась клоунада «Посылки» об американском бизнесе, клоунада «Телескоп» о преклонении перед буржуазной культурой, сатирическое обозрение-памфлет «Вокруг света» – о плане Маршалла. С репризами на международные темы выступали наиболее квалифицированные артисты цирка: М. Румянцев (Карандаш), К. Берман, С. Любимов, В. Гурский, А.А. Иванов и др. В отчетах перечислялось 35 цирков страны, в репертуаре которых активно использовалась антиамериканская тематика. В цирках страны исполнялись репризы: «Американская честность», «Американская помощь», «Американская свобода», «Помощь Маршалла», частушки на международные темы: «Иллюзия дядюшки Сэма», «Голос Соединенных Штатов Америки», «Хау-ду-ю-ду», фельетоны «Американские гроши», «Мистер доллар с Уолл-стрита», «Современные пираты».

Аналогичная картина наблюдалась и в эстрадном жанре. Были разосланы во все концертные организации Союза следующие произведения, «разоблачающие антинародную, лживую политику американских деятелей»: А.В. Карбовская – пьеса «Девушка из штата «Иллинойса», А. Безыменский – стихотворный фельетон «Сильнее атомной бомбы», Г. Рыклин – фельетон «Привычка быть миллионером», Л. Ленч – сцена «Солдат мира» и др.⁵¹ «Все конферансье и артисты-сатирики Москвы, Ленинграда и Киева: Гаркави, Смирнов-Сокольский, Набатов, Дарский, Миров, Муравский, Райкин, Блекман, Шуров-Рыкунин, Березин, Тимошенко, Миронова и Менакер, Райский и другие в основном свои выступления-репризы, куплеты, фельетоны, пародии, интермедии и сценки направляют на разоблачение двурушнической политики американских и прочих поджигателей войны»⁵². Весь антиамериканский репертуар был разослан 90 концертным организациям Советского Союза для исполнения артистами эстрады и филармонии⁵³.

⁵¹ Там же. Л. 69–74, 81.

⁵² Там же. Л. 60.

⁵³ Там же. Л. 81.

Активное участие деятелей советской культуры в антиамериканской пропаганде было важной составной частью идеологических битв «холодной войны». Произведения популярных писателей, выступления известных артистов, любимые кинофильмы часто значили больше, чем выступления пропагандистов. В написанных по заказу ЦК ВКП (б) книгах, пьесах, киносценариях реализовались установки советской пропаганды, утверждался стереотип восприятия Соединенных Штатов Америки как врага номер один. Умело манипулируя массовым сознанием, власть с помощью средств массовой информации, литературы и искусства сформировала нужный ей в то время образ США – образ мирового зла, который благодаря этой политике занял большое место в сознании советских людей. Сформировавшиеся в годы холодной войны стереотипы восприятия этой страны оказались настолько живучими, что их проявление мы наблюдаем до сих пор.

ИЗ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ

А.С. Клемешов

ПОНЯТИЕ ОПЫТА У РОДЖЕРА БЭКОНА

На протяжении всего средневековья мыслителей Западной Европы волновала проблема познания человеком самого себя и окружающего мира. Среди целого ряда ее аспектов одним из наиболее спорных стал вопрос о способе получения знаний. Религиозно-философская мысль средних веков назвала три важнейших источника знания – авторитет, рассуждение и опыт. Идея изучения мира посредством опыта занимает важное место во взглядах Альберта Больштедта, Роберта Гроссетеста, Аделярда Батского, Петра Испанского и других, но наиболее ярко проявляется в учении об опыте одного из представителей «высокой схоластики» – Роджера Бэкона.

Монах-францисканец Роджер Бэкон (1215–1292) разработал концепцию «всеобщей мудрости» или системы наук, включающей все известные в то время области знания, методы познания и способы удостоверения истины. Эту концепцию он изложил в нескольких сочинениях, из которых наиболее важными являются «Великий», «Малый» и «Третий труд» (*Opus Majus*, *Opus Minus*, *Opus Tertium*), «Компендий философии» (*Compendium Studii Philosophiae*), а также «Послание о тайных деяниях искусства и природы и о ничтожестве магии» (*Epistola de secretis operibus artis et naturae et de nullitate magiae*). Главное место в этой системе занимают опыт и опытное познание.

Понятие опыта у Бэкона, хотя и не является уникальным (идеи, в разной степени близкие его воззрениям, высказывали другие представители религиозно-философской мысли развитого средневековья), тем не менее достаточно оригинально и своеобразно. Сам Бэкон в VI части «Великого труда», именуемой «Опытное знание» (*Scientia experimentalis*), делит опыт на два вида –

внутренний и внешний: «опыт двояк»¹. Человек получает внешний опыт посредством органов чувств; внутренний даруется божественным откровением, озарением светом божественной истины.

Внутренний опыт, вернее, внутреннее озарение (*illuminatio interioris*)², Бэкон объясняет так: «святые отцы и пророки, которые первыми дали миру науки, получили *внутренние озарения*, а не придерживались только одних ощущений. Сходным образом поступали и многие верующие после Христа. Ведь благодать веры и божественные вдохновения часто даруют озарение не только в духовных, но и телесных [вещах], и в философских науках...»³. Озарение имеет семь ступеней (*gradus*), на первой из которых исследователь получает опыт посредством «озарений просто в знаниях». Вторая ступень «состоит в добродетелях», даруемых озарением⁴. Бэкон напрямую связывает этот уровень духовного опыта с познанием телесного мира. С одной стороны, францисканец, ссылаясь на «Никомахову Этику» Аристотеля, утверждает, что «плох невежда»⁵. С другой же, цитируя «Логику и философию» аль-Газали⁶, он указывает, что душа, запятнанная пороками и грехами, не может достичь света истинного знания всех вещей, подобно тому как ржавое зеркало не может верно отразить истинный вид вещей. Именно по этой причине «истинные философы» (*veri philosophi*) большое внимание

¹ Bacon R. Opus Majus. Ed. by J.H. Bridges. Vol. II. L., 1897. P. 169 (далее – ОМ); Бэкон Р. Большое сочинение / Пер. А.Х. Горфункеля // Антология мировой философии. Т. I. Ч. II. М., 1968. С. 874.

² См. об этом: Carton R. L'Experience mystique de l'illumination interieure chez Roger Bacon. Paris. 1924.

³ ...sancti patriarchae et prophetae, qui primo dederunt scientias mundo, receperunt illuminationes interiores et non solum stabant in sensu. Et similiter multi post Christum fideles. Nam gratia fidei illuminat multum, et divinae inspirationes, non solum in spiritualibus, sed corporalibus et scientiis philosophiae... (ОМ II,169; Бэкон Р. Большое сочинение. С. 874). Ср. Bacon R. Opus Tertium // Fratris Rogeri Baconi Opera hactenus inedita... Ed. by J. Brewer. L., 1859 (Далее – ОТ). P. 79–80.

⁴ ...unus per illuminationes pure scientiales (ОМ II,170).

⁵ Nam malus est ignorans (ОМ II,170).

⁶ См. *Algazel*. Logica et philosophia. Venice. 1506: Sicut est speculum cui non est perfectio nisi appareat in eo forma pulchra secundum quod ipsa est sine deformatione et permutatione, quod non fit nisi sit omnino tersum a sorde et rubigine, et nisi postea apponantur ei formae pulchrae in rectitudine. Anima vero speculum est... Трактат был переведен в XII в. Домиником Гундисальви. Цит. по: ОМ II,170, прим.1.

уделяли «почету добродетели»⁷, которая «просветляет ум так, что человек легче постигает не только моральные, но и научные вещи»⁸. Третья ступень представляет собой обретение семи даров Святого Духа, «которые перечисляет Исайя»⁹. Четвертая – «блаженства, которые Господь определяет в Евангелиях», пятая – «духовные чувства». Шестая ступень является озарением в «наслаждениях, в которых – мир Божий, превосходящий всякое разумение»¹⁰. Наконец, седьмая – «восхищения и их способы», озарение, дарующее непосредственное мистическое видение Бога¹¹. Достигшие этого уровня озарения увидели бы то, «о чем не позволено говорить человеку»¹².

Как человек может получить божественное откровение? Согласно Бэкону, «Сам Господь освещает человеческие души относительно всякой мудрости», на основании чего именуется «действующим интеллектом» (*intellectus agens*)¹³. Ссылаясь на Аристотеля¹⁴, Бэкон отождествляет «действующий интеллект» с Богом и указывает, что сама душа, воспринимая знание от Бога, является «возможным интеллектом» (*intellectus possibilis*)¹⁵.

Семичастную классификацию видов озарения, или «света», предлагает и Бонавентура (ок. 1217–1274), в 1257–1274 г. зани-

⁷ OM II, 170.

⁸ *Virtus ergo clarificat mentem ut non solum moralia sed etiam scientilia homo facilius comprehendat* (OM II, 171).

⁹ «и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится» (Ис. 11, 2-3).

¹⁰ OM, II, 171.

¹¹ Ср. у Гуго Сен-Викторского (1096–1141): «Пятый способ познания Бога есть высший род созерцания, который называется радостью блаженнейшего видения. Блаженнейшее видение есть то, коим счастливы наслаждаются в теперешней жизни и в коем они, восхищенные необычайной сладостностью отведывания божественного, созерцают только Бога» (*Гуго Сен-Викторский. О созерцании и его видах / Пер. с лат. М.А. Гарнцева // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV вв. М., 1996. С. 308*).

¹² *Septimus consistit in rapibus et modis eorum secundum quod diversi diversimode rapiuntur, ut videant multa, quae non licet homini loqui* (OM II, 171). В этом месте латинского текста «Великого труда», изданного Бриджесом, опечатка: «*rapiuntur*» вместо «*rapiuntur*». Ср.: «остается только видение Бога лицом к лицу, о коем мы сможем вполне сказать тогда, когда узрим Его как Он есть» (*Гуго Сен-Викторский. О созерцании и его видах. С. 311*).

¹³ OT 73.

¹⁴ Аристотель. О душе III, 5, 430a14.

¹⁵ OT 73-74.

мавший пост генерала ордена францисканцев, в котором состоял Бэкон. Согласно Бонавентуре, существует шесть видов света – свет Священного Писания, чувственного познания, технических умений, рациональной, натуральной и моральной философии. Этими шестью озарениями люди располагают в этой брэнной жизни, но настанет вечер, поскольку «все это знание будет уразднено. И затем заменит их седьмой день покоя, день не вечерний, то есть озарение славы»¹⁶. Несмотря на то, что классификации уровней озарения Бэкона и Бонавентуры имеют значительные различия¹⁷, последний по сути повторяет тезис Бэкона о тщетности познания без озарения¹⁸, если учитывать, что речь идет прежде всего о познании «небесных вещей». Впрочем, и «земные вещи» познать в полной мере лишь благодаря рассуждениям и данным органов чувств человек также не в состоянии: «никто не может истинно знать природу крошечной вещи, простого стебелька травы, мухи или чего-либо еще»¹⁹.

Также очевидна параллель между озарением, то есть освещением божественным светом изнутри, у Бэкона и «метафизикой света» Роберта Гроссетеста (1175–1253)²⁰. Его учение о

¹⁶ Et ideo sex illuminationes sunt in vitae ista, et habent vesperam quia omnis haec scientia destruetur. Et ideo succedit eis septima dies requietionis, quae vesperam non habet, scilicet illuminatio gloriae (*Bonaventura. Opera omnia. V. Quaracci, 1891. P. 321; Джованни Бонавентура. О возвращении наук к теологии / Пер. с лат. А.Г. Вашестова // Знание за пределами науки... С. 318*).

¹⁷ Вопрос о соотношении «Великого труда» Бэкона и «О возвращении наук к теологии» Бонавентуры неясен, поскольку исследователи сильно расходятся в точной их датировке. Если «Великий труд» может быть отнесен к 1265–67 гг., то временем создания трактата Бонавентуры называют и 1255–57 гг., и 1269–1270 гг. См.: *Вашестов А.Г. Метаморфозы схоластического дискурса // Знание за пределами науки... С. 331*.

¹⁸ Quae quidem unio fit per charitatem, ad quam terminatur tota intentio sacrae scripturae, et per consequens, omnis illuminatio desursum descendens, et sine qua omnis cognitio vana est... (*Bonaventura. P. 325; Джованни Бонавентура. О возвращении наук к теологии. С. 323*).

¹⁹ OM II,384. Здесь высказывание Бэкона почти дословно совпадает со словами Бонавентуры: si per multos annos viveres, adhuc naturam unius fectusae, seu muscae, seu minimae creaturae de mundo ad plenum cognoscere non valeres (*Bonaventura. Sermo II de rebus theologiae // Bonaventura. Opera omnia. P. 541*).

²⁰ См. об этом: *Crombie A. Robert Grosseteste and the origins of Experimental Science. Oxford. 1953; Robert Grosseteste, scholar and Bishop. Oxford. 1955; Шишков А.М. Роберт Гроссетест и метафизика света. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н. М., 1997.*

божественном озарении²¹, с помощью которого может быть восполнена ограниченность человеческого познания, в значительной степени было воспринято Бэконом, в его учении об опыте озарение божественным светом играет первостепенную роль для познания окружающей действительности²².

Среди двух видов опыта – внутреннего и внешнего – важнейшим для Бэкона является именно внутренний, позволяющий получить истинное знание, не искаженное несовершенным человеческим восприятием и разумением. Перечисляя ступени внутреннего опыта, по которым человек поднимается до прямого мистического видения Бога, Бэкон следует христианской традиции и подчеркивает ведущую роль божественного озарения – руки Божьей, ведущей человека по пути духовного совершенствования и открывающей перед ним истинное знание²³. Он прямо указывает на цель обретения мудрости: «существует лишь одна совершенная мудрость, данная одним лишь Богом одному роду человеческому с одной лишь целью, а именно, ради вечной жизни»²⁴.

Внешний опыт Бэкон определяет как тот, который «приобретается посредством внешних чувств, и так с помощью изготовленных для этого устройств исследуются те явления, которые происходят в небесах; а дальнее испытывается нами трудами, удостоверенными зрением»²⁵. Схоласт называет этот опыт «чело-

²¹ Учение Гроссетеста о роли божественного света главным образом изложено в его трактате «О свете или о начале форм (De luce seu de inchoatione formarum)» (*Grosseteste R. Die philosophischen Werke des Robert Grosseteste, Bishops von Lincoln. Munster. 1912. S. 51–59*). См. перевод: Роберт Гроссетест. О свете, или О начале форм / Пер. А.М. Шишкова // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 122–136.

²² Вопрос о влиянии друг на друга учений Бэкона и Бонавентуры о внутреннем озарении, возможно, следует ставить иначе: оба францисканца, по-видимому, испытали воздействие идей Александра Гэльского и Роберта Гроссетеста. Подробнее о влиянии Роберта на Бэкона см.: Шишков А.М. Указ. соч.

²³ «...определенно не Соломон, не ветхозаветный Адам, не какой-либо человек, но сам Господь открыл святым закон свой, и философию, и обнародование, и защиту...» (*Certe nec Salomon, nec Adam maximus, nec aliquis; sed Deus ipse revelavit legem suam sanctis, et philosophiam, et promulgationem, et defensionem...*) (OT 80-81).

²⁴ ...una sola est sapientia perfecta, ab uno Deo data uni generi humano propter unum finem, scilicet vitam aeternam (OT 73).

²⁵ Sed duplex est experientia: una est per sensus exteriores, et sic experientia ea, quae in caelo sunt per instrumenta ad haec facta, et haec

веческим и философским», подчеркивая, что человек может обладать им благодаря «данной ему благодати». Несмотря на значение, которое Бэкон придает внешнему опыту, его «человеку недостаточно, поскольку он не вполне достоверен для познания телесных вещей по причине его трудности и совсем не касается духовных»²⁶. Выше уже была рассмотрена роль в познании, отведенная Бэконом внутреннему опыту, здесь же следует отметить, что «недостаточность» внешнего опыта не означает его ненужности, и последующие рассуждения схоласта подтверждают это. Что же Бэкон понимал под «внешним опытом»? Из текста следует, что этот опыт неоднороден. Можно выделить и его виды. Прежде всего, это наблюдение. Наблюдение за небесными телами, за животными и растениями, природными явлениями открывает человеку тайны мира. На значение, которое Бэкон придавал наблюдению, указывает то, что на третье место по своей важности и достоинству после моральной философии и «опытного знания» он поместил «науку перспективы», или оптику, которую называл «наукой об истинном зрении», с помощью которого «мы познаем все вещи». Зрение – важнейший способ познания мира: «слепой ничего не знает об этом мире; зрение же показывает нам отличия вещей, как говорит Аристотель и как мы знаем по опыту»²⁷.

Вопреки утверждению ряда исследователей²⁸, это не только созерцательное, но, в первую очередь, «активное» наблюдение, исследование телесного мира с помощью зрения. Бэкон определенно указывает, что люди «испытывают» (*experimur*) земные вещи, удостоверяя свои усилия зрением. Естествоиспытатель словно вопрошает природу, стремясь найти ответ на тревожащие его вопросы²⁹. Он «изучал орла, и оленя, и змею, и феникса», спосо-

inferiora per opera certificata ad visum experimur (OM II,169; Бэкон Р. Большое сочинение. С. 874).

²⁶ *Ibid.* С. 874.

²⁷ *Caecus enim nihil scit de hoc mundo; visus enim ostendit nobis rerum differentias, ut Aristoteles dicit, et scimus per experientiam* (OT 36–37).

²⁸ См., напр.: Елькина Г.П. Роджер Бэкон об опытном пути познания // Известия КазССР. Серия обществ. наук. Вып. 2. Алма-Ата. 1982. С. 29–30; Рабинович В.Л. Теоретическое предвидение и его интерпретация // Научное открытие и его восприятие. М. 1971. С. 151. Впрочем, Г.П. Елькина тут же себе противоречит, утверждая, что «характерной чертой бэконовского метода исследования» является целенаправленность, приближающая его к научному эксперименту (Указ. соч. С. 30).

²⁹ Заметим, что одно из своих сочинений предшественник Бэкона Аделярд Батский (конец XI – начало XII в.) вслед за Сенеккой назвал «Вопросы о природе», или «Естественнонаучные вопросы» (*Quaestio-*

бы «значительного продления жизни и возвращения молодости»³⁰. Причем если в ходе эксперимента вопрос, который ставит для себя экспериментатор, конкретен, то в случае наблюдения он может носить самый общий характер. Наблюдение у Бэкона – своего рода чувственный аналог «луча созерцания» Гуго Сен-Викторского, посредством которого, по образному выражению Гуго, дух «делает вылазку в мир»³¹.

Употребляемое Бэконом выражение «чувственный опыт», с помощью которого он предлагает исследовать телесный мир, нередко, как следует из контекста, тождественно понятию «наблюдение», в том числе с использованием особых увеличивающих или уменьшающих оптических приспособлений³².

Важность наблюдения для познания «дольних вещей» подтверждает высказывание Бэкона о том, как человек узнает о вещах, недоступных его органам чувств. В этом случае используется опыт «других сведущих людей, которые сами это извели (experti)». Бэкон со ссылкой на Плиния³³ приводит в пример действия Аристотеля, отправившего «властью Александра Македонского две тысячи человек в разные края, чтобы они извели на опыте все, что находится на поверхности земли»³⁴. Более того, Бэкон и сам, по его словам, путешествовал, чтобы исследовать природные явления собственным опытом. Речь здесь, несомненно, идет о наблюдении и приобретении знаний с помощью органов чувств. Францисканец прямо пишет об этом: «чтобы видеть природные вещи своими глазами и испытывать истину творения посредством зрения, осязания, обоняния и, наконец, слуха и посредством достоверности опыта»³⁵.

nes naturales), где также излагаются результаты наблюдений за природными явлениями (см.: *Adelardus Batensis. Quaestiones naturales*. Ed. M. Müller. Münster, 1934).

³⁰ ...experimentator fidelis consideravit aquilam, et cervum, et serpentem, et phoenicem et multa prolongare vitam et renovare juventutem (OT 44).

³¹ Гуго Сен-Викторский. Цит. соч. С. 304.

³² Bacon R. De speculis comburentibus // Roger Bacon's philosophy of nature. Ed. by D. Lindberg. Oxford, 1983. P. 110, 298.

³³ Plinius. Historia naturalis VIII,17,3.

³⁴ OM II,169; Бэкон Р. Большое сочинение. С. 874; OT 46.

³⁵ ...ut ipsas res naturales oculis viderem et probarem veritatem creaturae per visum, tactum et olfactum et aliquando per auditum et per certitudinem experientiae (*Gasquet F.A. An Unpublished Fragment of a Work by Roger Bacon // The English Historical Review. 1897. № 12. P. 502*). Ф. Гаске опубликовал обнаруженный им в Библиотеке Ватикана текст, несомненно, принадлежащий Роджеру Бэкону и, по разным версиям, представляю-

Однако понятие внешнего опыта не исчерпывается наблюдением. Говоря о Петре из Марикура, которого высоко ценил и уважал, Бэкон указывал, что Петр, «господин опытов», «стеснялся, если какой-либо мирянин, или старуха, или рыцарь, или крестьянин знает то, чего не знает он сам»³⁶. Как видно, по словам Бэкона, кто угодно может обладать знаниями, полученными с помощью этого вида опыта. Схоласт настаивает на важности его использования, поскольку простые люди нередко от самой жизни получили такие знания, которых нет у ученых и мудрецов. Этот опыт, который можно назвать житейским, присущ каждому человеку вне зависимости от того, имеет ли он целью изучение окружающего мира или нет.

В противоположность мнению исследователей второй половины XIX в.³⁷, собственно эксперимент у Бэкона не играет исключительной роли, однако, несомненно, присутствует и составляет особый вид опыта. В «Великом труде» схоласт настаивает на том, чтобы желающий «радоваться истинам вещей» «умел заниматься получением опыта»³⁸. Среди трех примеров, которыми Бэкон подтверждает этот тезис, два³⁹ можно отнести к наблюдению, тогда как последний, где он опровергает на основе собственного опыта заблуждение относительно скорости замерзания воды; все же ближе к эксперименту. В определении, какая вода, горячая или холодная, быстрее замерзнет – причем в приводимом францисканцем случае вода разной температуры один раз выставляется на мороз в одинаковых сосудах, а другой – выливалась на лед – несомненно, присутствуют черты спланированного опыта. С полным правом можно назвать экспериментами подробно описываемые Бэконом в ряде своих работ⁴⁰

щий собой часть «Малого труда» либо введение или резюме «Великого труда» (мнение Ф. Гаске). См.: *Gasquet F.A. Op. cit. P. 494–497.*

³⁶ ...immo verecundatur si aliquis laicus, vel vetula, vel miles, vel rusticus de rure sciat quae ipse ignorat (OT 46–47).

³⁷ См., напр.: *Charles E. Roger Bacon: sa vie, ses ouvrages, ses doctrines. P., 1861.*

³⁸ OM II, 168.

³⁹ Возможность расколоть алмаз без козлиной крови, что Бэкон «видел своими глазами» (OM II, 168, курсив наш – А.К.), и особенности физиологии бобра, у которого железы, вырабатывающие бобровую струю, не тождественны, по собственному наблюдению Бэкона, половым органам (OM II, 168–169).

⁴⁰ В первую очередь, пятая часть «Великого труда», именуемая «Оптикой» (*Perspectiva*), «Третий труд» (*Opus tertium*), трактаты «Об умножении видов» (*De multiplicatione specierum*) и «О сжигающих зер-

«опыты», касающиеся изучения и применения оптических явлений⁴¹. Таким образом, «внешний опыт» у него можно разделить на три вида – наблюдение, житейский опыт и эксперимент.

Если говорить о функциях «внешнего» и «внутреннего» опыта в учении Бэкона, то, исходя из цитированного выше фрагмента «Великого труда»⁴² и того значения, которое он придавал озарению, можно предположить, что внутренний опыт открывает, по мысли схоласта, человеку истины прежде всего о духовных вещах, хотя и дает знания о материальном мире. Внешний же опыт в первую очередь позволяет получить знания о «телесных вещах», если нет возможности приобрести истинное знание, даруемое озарением. Он необходим, хотя и «недостаточен».

Бэкон выделяет эти два вида опыта, которые не считает взаимоисключающими. Оба они имеют одну цель – приближение к Богу, «вечную жизнь души». Внешний и внутренний опыт дополняют друг друга, давая цельное и верное представление о мире. Первый позволяет получить совершенное и истинное знание, другой же используется тогда, когда недоступен такой источник, как откровение; кроме того, он незаменим для уточнения и прояснения смысла «темных мест» богооткровенного знания – священных текстов. Для Бэкона познание мира носило не абстрактный характер, но, выполняя важную функцию – обращение души человека к Богу⁴³, подразумевало также возможность практического использования полученных знаний.

калах» (*De speculis comburentibus*), «Послание о тайных деяниях искусства и природы и о ничтожестве магии».

⁴¹ Ср. «Третий труд»: «юноша же Иоанн доставил сферический хрусталь для опыта, и я наставил его в показе и представлении этой тайной вещи [т.е. преломления солнечных лучей, способных в точке фокуса поджигать легковоспламеняющиеся материалы – *Авт.*]» (*Puer vero Johannes portavit crystallum sphaericum ad experiendum: et instruxi eum in demonstratione et figuracione hujus rei occultae*) (OT 111).

⁴² Напомним: Бэкон пишет, что внешний опыт «не вполне достоверен для познания телесных вещей по причине его трудности и совсем не применим к духовным» (OM 2,169; *Бэкон Р.* Большое сочинение. С. 874).

⁴³ В учении Бэкона о познании, выраженном в сочинениях зрелого и позднего периодов его творчества, прослеживается, хотя и не прямо, идея богопознания посредством изучения «двух книг» – Писания и тварной природы, столь ярко проявившаяся во взглядах Бонавентуры.

Ю.В. Кокунова (Иваново)

**ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ СУДЬБА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА У. ШЕКСПИРА)**

Какие строки сразу же приходят на ум при упоминании имени Шекспира? Несомненно, начало знаменитого монолога Гамлета (Hamlet III, I, 56–60):

To be or not to be: that is the question:
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing them end them?

Быть или не быть – таков вопрос;
Что благородней духом – покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством?¹

И не случайно, так как именно этот вопрос в той или иной форме мы чаще всего задаем себе. В этих строках поэт выразил всю суть отношения человека к судьбе, два противоположных подхода: полное принятие своей участи, либо сопротивление неблагоприятным обстоятельствам, борьба с судьбой.

Изучение представлений о судьбе невозможно вести изолированно от контекста определенной эпохи, национальной культуры, художественного сознания. Творчество У. Шекспира представляет собой в этом смысле богатейший лингвокультурологический материал. Шекспир считается величайшим практиком языка, его произведения составляют около 40% всего письменного наследия того времени, «когда английский язык достиг своего наивысшего драматического уровня». Богатство тематических групп слов в языке поэта (о чем свидетельствуют специальные словари языка писателя) говорят о его образованности и значительной осведомленности в различных сферах жизни и культуры Елизаветинской Англии: в экономике, в военном и морском деле, в естествознании и философии. Тематика и

¹ Перевод М. Лозинского.

сюжеты, литературные источники его произведений демонстрируют его широкие познания в области литературы, истории, фольклора, театра, современной поэту языковой ситуации в Англии. Все наследие У. Шекспира представляет собой «синтез культуры, науки и слова его времени, обогащенный оригинальным творчеством гения».

В творчестве Шекспира функционируют восемь наименований, пронизанных универсальным понятием «судьба». В группу входят слова как исконного германского, так и романского происхождения, пришедшие в английский язык из латинского преимущественно через французский. Исконные наименования (doom, lot, luck, weird) были связаны с языческими представлениями о судьбе. Заимствованные лексемы (chance, destiny, fate, fortune) получили широкое употребление и заняли центральное положение в ЛСГ, составив ее ядро. Германские наименования продолжали сохранять устойчивую семантическую связь с другими понятийными системами, а также получали функциональную ограниченность (weird), что в целом определяло их место в приграничных периферийных зонах ЛСГ.

В большинстве своем исконные и заимствованные наименования могут быть сведены в бинарные оппозиции на основании коннотативного (аксиологического) сходства:

“-”	“0”	“+”
weird / fate	lot / chance	luck / fortune

Следовательно, процесс заимствования романских наименований в английский язык шел не хаотично, а целенаправленно, так, чтобы не образовывалось лакун в системе. Вместе с тем иноязычные новые наименования не замещали полностью германские и не дублировали их. Увеличение числа и сохранение наименований судьбы свидетельствует о переделе семантического пространства концепта и эволюции понятийного поля. Сосуществование и противопоставление германских и негерманских наименований обусловлено наличием тонких смысловых нюансов, улавливаемых не в языковой системе, а в частных речевых употреблениях при детальном изучении.

Понимание *гибельной судьбы* (fate) в англо-саксонской культуре уходит корнями в древние языческие представления о фатуме как «несчастной судьбе», «времени, определенном

судьбой, смерти»². По отношению к судьбе-fate герои испытывают страх и стремление уйти, избежать ее, так рождается образ зловещего рока, наступающего героя и несущего ему гибель. В текстах лексема fate часто соотносится с идеей убийства или фактом смерти человека.

Так, угроза Отелло предшествует убийству Дездемоны (Othello V, I, 35):

Othello. ...And your unblest fate hies: strumpet, I come! –
Твоя проклятая судьба спешит: неверная, иду я³.

Фраза Ромео This day's black fate (сегодняшнего дня трагедия) последовала за гибелью Меркуцио. В «Макбете» (II, III, 118–119) участь убитого короля может стать судьбой и для его наследников:

What should be spoken here, where our fate,
Hid in an auger-hole, may rush and seize us? –

Что говорить здесь, где наш рок,
скрытый в дупле, может вырваться и схватить нас?.

Концепция fate как судьбы-смерти усиливается языковыми средствами, в частности, употреблением лексических единиц, содержащих сему «смерть» (to die, to perish, death). Очевидно, что, Шекспир заимствовал из античности персонифицированный образ смерти «со всеми атрибутами и эмблемами» и использовал разнообразные приемы – memento mori devices, среди которых исследовательница называет «батальные сцены, похороны, казни»⁴.

Наименование doom наравне с fate могло соотноситься с явлением смерти или гибели человека и реализовывать значение 'судьба-смерть'. Однако в этом случае гибель героя осмысливалась как приговор судьбы или человека, как наказание по закону, либо злой волей кого-то из героев:

Aegeon. Proceed, Solinus, to procure my fall,
And by the doom of death end woes and all –

Заканчивай, Солин, вершить мое паденье
И приговором смерти положи конец несчастьям

(The Comedy of Errors I, I, 2-3);

...the doom of destiny – приговор судьбы (Richard III.IV,IV,218).

² Яворская Г.М. О семантических параллелях в индоевропейских наименованиях судьбы // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 118.

³ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод автора.

⁴ MacMullen K.V. Death Imagery in *Antony and Cleopatra* // Shakespeare Quarterly. Vol. 14. Autumn. 1963. N 4. P. 399.

Fate соединяет идею смерти и идею предопределения и выражает концепцию судьбы-гибели как предрешиемого и неотвратимого исхода для героя. Следовательно, doom и fate именуют судьбу-смерть как следствие, но имеющее разные причины: предопределение свыше и приговор как наказание соответственно.

Для лексем chance и fortune нетипично наименование гибели героев, так как их понятийные сферы не соприкасались со сферой концепта «смерть». Однако, мы находим в произведениях У. Шекспира примеры употреблений этих слов в связи с фактами смерти. Так, в «Гамлете» (III, IV, 33) fortune именует гибель Полония от руки Гамлета:

Hamlet. I took thee for thy better; take thy **fortune** –

Я посчитал тебя за более достойного (короля);
прими свой жребий,

и смертный приговор короля восставшему против него графу Вустеру (Henry IV, part I, V, V, 12–15):

Earl of Worcester. And I embrace this **fortune** patiently,...

King Henry. Bear Worcester to the **death**, and Vernon too... –

Граф Вустер. Я принимаю этот жребий терпеливо...

Король Генрих. Предайте Вустера смерти и Вернона также.

В данных контекстах скрытые значения «трагическая участь (гибель)» эксплицировались в первом случае при привлечении широкого вертикального контекста, во втором – через семантику лексемы *death*. Подобное значение наименования *fortune* не зафиксировано ни в шекспировских, ни в общелингвистических словарях, следовательно, является контекстуальным.

Наименование *chance* соотносится с гибелью героев: Гамлета в одноименной трагедии, короля в «Макбете», Ромео и Париса в «Ромео и Джульетте» (V, III, 146-148):

Friar Laurence. Romeo! O, pale! – Who else? what, Paris too?

And steeped in blood? – ah, what an unkind hour

Is guilty of this **lamentable chance!** –

Ромео! О, бледен! – Кто еще? как, Парис тоже?

И залит кровью? – Ах, что за недобрый час

виновен в этом страшном деле!

Именно идея случайности и незапланированности этих событий обуславливает выбор лексемы для их наименования. В контексте всего произведения она означает событие итоговое для судьбы героев и ведет к ее оценке как нежелательной и несчастливой.

Сопоставление данных речевых ситуаций с теми, в которых употреблено *fate*, свидетельствует о частичном проникно-

вении концепций судьбы *fortune* и *chance* в сферу судьбы-*fate*, о пересечении соответствующих понятийных полей.

Концепция *счастливой судьбы* берет начало в традиции языческой культуры. Так, под влиянием концептов «слава» и «счастье» в скандинавской мифологии складывались представления о хорошей, удачной судьбе, проявлявшейся в победах воинов и битвах. В экстралингвистическом контексте военных действий *fortune* обретает не только коннотативную, но и смысловую конкретизацию:

Marcus Andronicus. And welcome, nephews, from **successful** wars.

You that survive, and you that sleep in **fame!**

Fair lords, your **fortunes** are alike in all,

That in your country's service drew your swords...; –

Добро пожаловать, племянники, с успешных войн.

Вы, что выжили и спите в славе.

Lavinia. O, bless me with thy **victorious** hand,

Whose **fortunes** Rome's best citizens applaud!;

Captain. ...**Successful** in the battles that he fights,

With **honour** and with **fortune** is return'd...

(Titus Andronicus I, I, 172–175; I, I, 163–164; I, I, 66–67).

Под давлением семантики слов *successful*, *fame*, *fair*, *victorious*, *honour* реализуются семы «славный, успешный, победный», а экстралингвистический контекст способствует актуализации имплицитного значения 'победа'. Наименование *fate* также могло эксплицитировать это значение, выступая в необычном для себя амплуа (Н 5. II, IV, 62–64):

French King. This is a stem

Of that **victorious** stock: and let us fear

The native **mightiness** and **fate** of him –

Это основа победы,

и будем опасаться врожденного могущества его и славы,

где значение *fate* – «слава, победа» актуализируется под давлением семантики слов *victorious* и *mightiness*. Так возникает представление о судьбе человека, связанной с победой и могуществом и устрашающей врагов как о частной реализации концепции «счастливой судьбы» (*Antony and Cleopatra* III, XIII, 168–169):

Antony. Caesar sits down in Alexandria; where

I will oppose his **fate** –

Цезарь восседает в Александрии,

где я буду противостоять его славе.

Положительно окрашенное концептуальное значение актуализируется при привлечении предыдущего содержания (верти-

кального контекста): Цезарь одерживает победы, он удачлив в политических делах. Следовательно, Антоний собирается противостоять его успеху, счастью. Вместе с тем, в обоих случаях счастливая судьба героя нежелательна для говорящего, что ясно из широкого контекста.

Употребления наименований, демонстрирующие подобные концептуальные и коннотативные трансформации, довольно редки в произведениях У. Шекспира и порой не отражены в языковой системе (в словарях) на тот период и потому могут рассматриваться как продукт авторского осмысления.

В произведениях У. Шекспира в полной мере реализуется *концепция судьбы-предопределения* через семантическое содержание *destiny* и единиц ближайшего окружения лексемы. *Destiny* именуется судьбу установленную ('determined', 'an edict in destiny'), неизменную ('fixed destiny'), неизбежную и неотвратимую ('Tis destiny unshunnable, like death'). Судьба в данных случаях понимается как предопределенный общий ход событий и связывается не с деталями, а с конечной целью жизни, предназначением свыше.

В рамках семантической структуры лексемы *fate* реализуется *концепция судьбы-закона, необходимости*, согласно которой происходящее предстает «неизбежным и необратимым, неконтролируемым и предрешенным предшествующими событиями»⁵. Судьба-*fate* раскрывается непосредственно лишь ходом самой жизни, но может предчувствоваться и проявляться косвенно через различные необычные и роковые события. «Шекспировские пьесы полны предчувствий, примет того, что должно случиться, странных существ, явившихся из древних поверий». Судьбу-*fate* определяют «действия неосознанных причин, каковыми являются законы материального мира»⁶.

Появление образа *fate* в трагедиях сопряжено со сверхъестественными явлениями: кометы, странное поведение солнца и звезд, появление призрака отца Гамлета, колдуньи в «Макбете» – или роковыми событиями: убийство Меркуцио в «Ромео и Джульетте»:

*Horatio. ...As, stars with trains of fire, and dews of blood,
Disasters in the sun; and the moist star...
And even the like precurse of fierce events –*

⁵ Вежбицка А. Судьба и предопределение // Путь. Междунар. филос. журнал. 1994. № 5. С. 118.

⁶ Шах-Азизова Т.К. Линия Гамлета или герой драмы перед лицом рока // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994, с. 269.

As harbingers preceding still the fates
 And prologue to the omen coming on
 Have heaven and earth together demonstrated
 Unto our climatures and countrymen (Hamlet I, I, 119-125) –

Кровавый дождь, косматые светила,
 Смущенная в солнце, влажная звезда...
 Такие же предвестья злых событий,
 Спешащие гонцами пред судьбой
 И возвещающие о грядущем.
 Явили вместе небо и земля
 И нашим соплеменникам и странам⁷.

Romeo. This day's black fate on more days doth depend;
 This but begins the woe others must end
 (Romeo and Juliet III, I, 69-70).

Подобное понимание связывает fate с древними представлениями о судьбе «астрологической» или «халдейской»⁸. Идея предначертания вообще характерна для концепта судьбы.

В шекспировских контекстах присутствует момент предсказания будущего, которое осуществляется трансцендентальными персонажами: сестрами-вещуньями (weird sisters), богиней ночи Гекатой, духами:

Hecate. He shall spurn fate, scorn death and bear
 His hopes 'bove wisdom, grace and fear...
 (Macbeth III, V, 30-31)

Геката. С презрением оттолкнет он свою судьбу и смерть
 и сохранит надежду невзирая на разум,
 на приличия и страх...

Roger Bolingbroke. What fates await the Duke of Suffolk?

Spirit. By water shall he die, and take his end
 (Henry VI, p. 2. I, IV, 31–32).

Болинброк. Какая участь ожидает герцога Саффолка?

Дух. В воде найдет он смерть свою.

Употребление лексемы в контексте прорицания наводят на мысль о внутренней связи этого факта с этимологическим значением наименования: «предреченное, предсказанное», – которое возводится учеными вслед за Э. Бенвенистом к античной традиции прорицательства, гадания жрецов⁹.

Предсказание судьбы-fate подразумевает факт гадания – магического или астрологического – и соответствующую ему та-

⁷ Перевод М. Лозинского.

⁸ Бокадорова Н.Ю. Семантическое поле «судьбы» у французских энциклопедистов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 111.

⁹ Яворская Г.М. Цит. соч. С. 119.

индивидуальность, символичность, иносказательность. Так нагнетается ощущение мистицизма и трагичности, сопровождающие концепцию судьбы-предопределения, выражаемую наименованием *fate*. Предсказываемая судьба-*fate* – это грядущие катастрофы, разрушения морального (предательство, лицемерие, алчность, клевета) и следующего за ним физического (заговоры, междоусобные войны, кровавые преступления, месть) свойства. Определение будущей судьбы-*fate* сводилось также к установлению общего хода и смертельного конца жизни человека. Появление образа судьбы-*fate* связано с ключевыми сюжетными событиями, определяющими весь дальнейший ход и настрой действия. Так, в трагедию «Гамлет» (I, I, 133–135) судьба-*fate* входит вместе с призраком отца Гамлета: в этом зловещем образе герои прочитывают грядущее свое и своей страны:

Horatio. If thou art privy to thy country's fate,
Which happily foreknowing may avoid
O! Speak...

Гораций. Коль знаешь жребий ты страны своей
Которого счастливо можно избежать, предвидя,
O! Говори...

Для Гамлета встреча с призраком отца стала определяющей, он услышал зов судьбы (*Hamlet* I, IV, 81): *My fate cries out...* (моя судьба взывает...) – и с этого момента почувствовал свою избранность: его руками действует судьба-*fate*, его направляет и им руководит высшая необходимость. В «Ромео и Джульетте» (III, I, 69–70) *black fate* – убийство Меркуцио – положило начало веренице бед. Идея судьбы-миропорядка, общего устройства и хода событий реализуется в семантике наименования *chance* (*Wiv*. V, I, 3–4):

Sir John Falstaff. They say there is divinity in odd numbers, either in nativity, **chance**, or death.

В последнем примере *chance* именуется не просто судьбу, а одну из категорий бытия, сопоставимую с рождением и смертью. Формальное расположение лексемы между *nativity* и *death* заставляет соотносить ее с временным промежутком, начинающимся с рождения и заканчивающимся со смертью человека, то есть с физической жизнью. Так судьбе задается определенная темпоральная характеристика.

Fate и *destiny* обозначают судьбу как общий порядок и ход жизни и ее итог ('that what is destined to happen'). Идея окончания судьбы объединяет их с понятием судьбы-*doom*. Для *doom* и *fate* идея итога выражается в осознании конечности и смерт-

ности (связь с концептом «смерть, гибель»), для *destiny* – в наличии предназначения, цели, результата человеческого бытия. Все три лексемы именуют судьбу, совершающуюся в соответствии с высшей необходимостью, неизменно идущую в одном установленном русле, не подверженную неожиданным поворотам и не подвластную вмешательству человека.

Концепция судьбы-предопределения подразумевает *пассивность человека*: в отношении ее человек не помышляет о выборе или вмешательстве. Действия судьбы могут не совпадать с волей героев (*Hamlet III, II, 203*):

Our wills and fates do so contrary run...

Наши стремления с судьбой не совпадают...

Характер отношения – слепое следование, тем более, что судьба-предопределение несет события, воздействовать на которые не во власти человека (*Tw. II, I, 283*):

Fate, show thy force: ourselves we do not owe;

What is decreed must be, – and be this so –

Судьба, прояви свою власть: себе мы не принадлежим;
что установлено, должно произойти, пусть так и будет.

Вместе с тем в минуты горького отчаяния герои пытаются выйти из-под власти судьбы. В «Макбете» наиболее ярко представлена попытка противостояния человека судьбе. В центре трагедии – отношение героя к року: пока судьба благоприятна, Макбет принимает ее, когда нежелательна – он отвергает ее, бросает ей вызов, пытается обмануть (убийство Флеанса, *Macbeth III, I, 135*). Но человек бессилён перед фатумом. В стремлении субъекта повлиять на судьбу-*fate* просматривается его желание избежать роковой участи, однако любое воздействие человека вписывается в общую схему предопределения и осуществляется по необходимости, становясь связующим звеном цепи. Своим противодействием человек, напротив, реализует судьбу.

Итак, в отношении *fate* исключается всякий момент волеизъявления человека: *Who can control his fate? – «Кто может управлять своей судьбой?»* – восклицает Отелло. Персонажи осознают свою подчиненность року, что усиливает их негативную оценку *fate*. Судьба-*doom* также нежелательна для субъекта, но он воспринимает ее как неизбежность без активного воздействия. Судьба-*destiny* не несет угрозы человеку, и потому отношение к ней нейтрально.

Концепция индивидуальной судьбы-жребия, участи с наибольшей полнотой реализуется в семантике лексем *fortune*,

chance, lot, luck. В речевых употреблениях наименований формируется представление о личной судьбе как о совокупности ее реальных проявлений – отдельных событий, которые являются фактическим наполнением предопределения свыше.

В следующих примерах *fortune* именуется участь Отелло, оскорбленного, обманутого мужа (*Othello IV, I, 59–60*): *bear your fortune like a man!* (неси свой жребий как мужчина); судьбу Глостера, обвиненного в предательстве и обреченного на казнь (*King Lear IV, VI, 232–235*): *the infection of his fortune* (пагубное влияние судьбы его); участи близнецов и их родителей, потерявшихся во время кораблекрушения, перипетии их прошлой жизни (*The Comedy of Errors V, I, 194–196*): *And hear at large discoursed all our fortunes* (и слушай рассказ о наших приключениях...).

Судьба-участь, жребий во многом определяется случаем и поступками людей, а потому периодически меняется от радости к горю, от счастья к несчастью, от хорошего к плохому. «И если и FATE и DESTINY всегда предполагает нечто необратимое, некий исход, то FORTUNE в каждом единичном случае отмечает в личной судьбе персонажа лишь какую-то ее превратность»¹⁰.

В произведениях У. Шекспира на реализацию концепции судьбы-жребия указывает сочетание наименований с указательными и притяжательными местоимениями:

their fortunes both are weigh'd... – их жребии взвешены;

the ashes of my chance – пепел судьбы моей;

...bequeath not to their lot

The shame that from them no device can take... –

...не оставляй на их долю позор,

от которого ничто их не избавит.

Концепция личной судьбы, реализовавшаяся в семантике *destiny*, тесно связана с идеей предназначения, конкретизирующей в представлении о высшей, величественной роли, для выполнения которой и рождается человек. В этом смысле *destiny* является некий абсолют, идеализацию представлений о личной судьбе, воплощение желаний, ожиданий, мечтаний людей. Активация подобных психологических импликаций способствовала в дальнейшем формированию в семантике слова положительных оттенков «оптимизма и целенаправленности» и соответствующей коннотативной «поляризации *fate (-)* и *destiny (-)*»¹¹.

¹⁰ Полторацкий А.И. Судьба у Шекспира // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 260.

¹¹ Вежбицка А. Цит. соч. С. 88, 122, 133.

О том, каково предназначение человека в мире, можно судить лишь по итогам, т.е. по истечении определенной части жизни. И справедлива мысль, что о судьбе *fate* или о жребии *lot* может говорить каждый и на любом этапе, а о предопределении / предназначении *destiny* – только тот, кто прошел значительный путь¹².

Destiny – «личная судьба, жребий» означает все то, что установлено пережить – и радостное и горестное. В него вписываются и самые различные поступки человека, что наиболее ярко отражено в пословицах:

Hanging and wiving goes by destiny (Merch. II, VIII, 81);

Your marriage comes by destiny... (All. I, III, 54).

Иными словами, *destiny* «помещает в фокус то, что люди *могут* делать..., а еще точнее то, что *некоторым* людям *назначено* делать (*meant to do*)»¹³.

Взаимоотношения человека и судьбы – ключевой вопрос культурологического анализа концепта, так как раскрывает основополагающие психологические факторы формирования и модификации представлений о судьбе. В видении Шекспира человек сам формирует свою жизнь, но всегда «в присутствии Рока»¹⁴, который соотносится с концом земной жизни, «воздаянием за зло» и законами мироздания. Концепция личной судьбы, в отличие от судьбы предопределенной, неизбежной, подразумевает активную роль индивида, его жребий зависит от его воли. Прежде всего знаменателен момент выбора человеком своей позиции в отношении судьбы: смирение или борьба. Возможность человека участвовать в своей судьбе признавалась еще в древних культурах, где закреплялась идея активной силы, «творческого характера личности» человека, его ответственности за свое счастье. Человек зависит от воли божества, но «открывает в себе самом духовный принцип, который побуждает его принимать свободные решения и который ведет его через события»¹⁵.

Мифология древних германцев пронизана мыслью об активной роли индивида, который не может отклониться от судьбы, но на каждом этапе должен осуществлять свой свободный выбор, преодолевая ее разрушительные действия силой воли и отвагой. Кон-

¹² Там же. С. 118.

¹³ Там же С. 122.

¹⁴ Шах-Азизова Т.К. Цит. соч. С. 269.

¹⁵ Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990. С. 195.

кретизация борьбы с судьбой в форме борьбы с морем в монологе Гамлета: «поднять оружие против моря волнений» продиктована обычаем кельтов: воины в полном обмундировании сражаются с бушующим морем, чтобы показать свою доблесть¹⁶. Языческие представления поощряли сопротивление человека «несчастьям и искушениям мира»¹⁷. Герои Шекспира также идут навстречу судьбе, уже предугадав ее возможно трагический исход в различных предзнаменованиях. И в ту, и в другую эпоху человек наделялся свободной волей и возможностью выбора, от которых зависела его участь. Лишь при действительном восприятии жизни ему сопутствовали успех, удача и счастье. Такая концепция судьбы отличается более пропорциональным соотношением между предопределением, необходимостью и свободной волей и пронизана духом эпичности.

Особый интерес вызывают те примеры, где герои проявляют непокорность судьбе, открыто заявляя о своем нежелании подчиняться ей, «совать шею в ярмо судьбы», становиться ее рабом или служить ей:

Yield not thy neck to fortune's yoke... (Henry VI, p. 3. III, III, 17);

I would not take a knighthood for my fortune... (Henry IV, p. 2. V, III, 117).

Художественное воплощение отношений между героями и судьбой – вассальная система (vassal), институт рыцарства (knighthood) – отразило элементы социальной иерархии Елизаветинской Англии.

Концепция судьбы-активной силы сформировалась еще в древнем мифологическом сознании в образе безличной верховной силы, подчиняющей себе даже богов, либо ассоциировалась с божествами. Олицетворение концепта находило выражение также в образе демонов-двойников, которые сопровождали человека в течение жизни¹⁸. В эпоху Возрождения, когда художественное сознание обращалось к античности и, соответственно, к пантеону языческих богов, в концепцию персонифицированной судьбы были вовлечены образы древнегреческих и римских божеств: Мойры, Парки, Фортуны, – полу-

¹⁶ Комарова В.П. Метафоры и аллегории в произведениях У. Шекспира. Л., 1989. С. 105.

¹⁷ Phillpotts B.S. Wyrд and Providence in Anglo-Saxon Thought (1928) // Interpretations of *Beowulf*: a Critical Anthology. Ed. by R.D. Fulk. USA: Indiana Un-ty Press, 1991. P. 5–6.

¹⁸ Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время. М., 1983. С. 32, 36.

чавших в англо-саксонской культуре наименования Fates, Destinies, Fortune.

В творчестве У. Шекспира олицетворенный образ судьбы-активной силы существует в двух ипостасях: как безличной, объективной необходимости и как антропоморфный образ богини судьбы или богинь / божеств. Оба понимания реализуются при употреблении наименований в функции субъекта действия и потому их бывает сложно дифференцировать. Сравним:

Thy Fates open their hands;...(Tw. II, V, 130–131) (fate-судьба, по SL)
 – according to Fates and Destinies, and such odd sayings, the Sisters
 Three... (Merch. II, II, 55–57) (fate-богиня, по SL).

В произведениях У. Шекспира раскрываются особенности понимания персонифицированного образа судьбы-правительницы миропорядком. В сферу деятельности судьбы-destiny подпадает управление «миром и всем, что в нем», а также определение участи человека, точнее – срока жизни (Temp. III, III, 60–63):

Ariel. You are three men of sin, whom Destiny, –
 That have to instrument this lower world
 And what is in't – the never surfeited sea
 Hath caused to belch up you...–

Вы – трое грешников, которых Судьба,
 что управлять должна всем нижним (земным) миром,
 и всем, что в нем, – ненасытному морю
 велело поглотить вас...

Duchess of Gloster. Some of those branches by the Destinies cut...–
 фраза представляет развернутую метафору: «срезанные ветви» –
 это убитые сыновья короля Эдварда.

Функция управления осуществляется судьбой-destiny посредством физического акта¹⁹ и чаще всего вербального воздействия:

'though destiny say no' (Wint. IV, iii, 46) – хотя судьба говорит нет;

'as the Destinies decrees' (As. I, ii, 88) – как богини определяют;

'the doom of destiny' (R III. IV, iv, 218) – приговор судьбы.

Таким образом, судьба-destiny запрещает, постановляет, выносит приговор и одновременно исполняет его. Создается концепция судьбы-«автора» предопределения, с одной стороны, и его исполнителя – с другой.

¹⁹ См. последний пример.

Деятельность персонифицированного образа судьбы-fate проявляется в определении общей, как правило, трудной участи человека (Егг. I, I, 141–142):

Duke of Ephesus. hapless Aegeon, whom the fates have markt

To bear the extrimity of gire mishap! –

Несчастный Эгеон, кому судьба определила
вынести чрезвычайное горе.

Но в большей степени она связана с темой смерти человека и функцией положения предела, прекращения человеческого бытия:

Tisbe. And I like Helen, till the Fates me kill (Mids. V, I, 193) –

И я буду любить Елену, пока судьба не погубит меня.

Pyramus. O, Fates, come, come,

Cut thread... (Mids. V, I, 271–272) –

О, боги, ну, полно, оборвите нить...

В последнем примере со всей очевидностью оживает языческое представление о богинях судьбы, отмеряющих и обрывающих нить жизни человека.

Дифференциация образов судьбы-силы и богини достигла максимальной степени в понятийном содержании наименования *fortune*. Именно в образе Фортуны процесс персонификации и антропоморфизации судьбы обрел завершенность, что обусловлено историко-культурными традициями.

В эпоху Средневековья образ богини судьбы Фортуны подвергся христианизации. Ей было отведено место подчиненной богу, отвечавшей за «мирской блеск». В художественном переосмыслении Фортуна «пережила свое новое возрождение»²⁰. С одной стороны, она рассматривалась как «исполнительница воли Провидения» и включалась в иерархию Творения, где «соотсилась со Случаем и занимала положение ближайшее к человеку»²¹. С другой стороны, акцентировались отрицательные свойства Фортуны. Она изображалась искусительницей, соблазнительницей и обманщицей, совращавшей ложными посулами счастья людей с пути добродетели. На этом основании Фортуну относили к «дьявольской, теневой стороне мира»²².

²⁰ Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры. М., 1972; 1984. С. 157.

²¹ Котельникова Т.М. Тема Фортуны у Ульриха фон Гуттена в немецкой изобразительной традиции // Культура Возрождения XVI века. М., 1997. С. 93.

²² Там же.

Сознание Средневековья и Возрождения актуализирует иное качество судьбы – ее изменчивость, символизирующую непостоянство мира и положения человека в нем. Концепция судьбы-*fortune* в эти эпохи складывается под влиянием понятия «случай». Образ античной Фортуны, слепо вращающей колесо жизни, как нельзя более соответствовал новому толкованию судьбы. В нем «благая природа» совмещалась со злой и обнаруживалось диалектическое единство доброго и злого начал, расположенности и враждебности к человеку, что выражало противоречивость средневекового мира в целом. Фортуна воспринималась как персонификация некоей безличной силы, приводящей в движение судьбу.

В творчестве Шекспира воссоздается классический образ Фортуны-богини, сложившийся в европейской межнациональной культуре в эпоху Возрождения. Атрибутика Фортуны представлена у поэта в полной мере и является собой комбинацию античных и средневековых характеристик.

Широко распространены такие античные детали Фортуны, как «шар, рог изобилия, двуличность, как у Януса, повязка на глазах... Фортуна изображается стремительно несущейся над землей, стоящей на шаре, с крыльями, означающими быстроту ее движения, а значит, – и приносимых ею изменений...». Повязка на глазах ('a muffler afore her eyes') или слепота богини-судьбы ('blind fortune') означают равнодушие к людям²³. Но этот символ может трактоваться намного шире: Фортуна не желает видеть, кто заслуживает, а кто нет, ее поощрений, и поэтому она часто одаряет недостойных. В этом не просто безразличие, в этом – несправедливость судьбы, коварство.

Фортуна управляет ходом событий, поворачивая колесо (King Lear. II, II, 169):

Fortune, good night: Smile once more; turn thy wheel

Фортуна, доброй ночи: улыбнись еще раз; поверни колесо.

Так судьба человека ставится в зависимость от неожиданного поворота, случая. Изображение Фортуны, бегущей на шаре, усиливает мысль о ее непостоянстве, ненадежности и скоротечности, а также оторванности от конкретности человеческого бытия.

Новой «шекспировской» деталью образа представляется трон, водруженный для Фортуны на холме (Tim. I, I, 76–77):

This throne, this Fortune, and this hill, methinks

²³ Там же. С. 103–104.

With one man beckon'd from the rest below...

который символически утверждает недосыгаемость, недоступность и царственность богини и демонстрирует, насколько далека она от реальных нужд и чаяний людей.

Основная характеристика судьбы-*fortune* – изменчивость и неустойчивость – эксплицируется в семантике эпитетов, в противоположности эмоций, вызываемых ее действиями у человека:

what to delight in, what to sorrow for (Err. I, I, 107) –

чему радоваться, о чем сожалеть;

to weep or to exclaim on fortune's fickleness

(Henry VI, p.1. V, III, 133–134) –

рыдать или ликовать от изменчивости судьбы),

в неодинаковых чувствах, проявляемых ею по отношению к людям:

'fortune's love' (Troil. I, III, 23);

'Fortune's displeasure' (All. V, ii, 6);

'Fortune... frowns on him' (Henry V. III, VI, 36).

В неустойчивости Фортуны современники Шекспира видят «самое устойчивое ее качество, позволяющее надеяться и правильно использовать неизбежно приносимое ею изменение»²⁴.

Писатель разделял новое разумное отношение к судьбе-*fortune* (Rom. III, V, 63–65):

Juliet. Be fickle, fortune;

For then I hope, thou will not keep him long

But send him back –

Джюльетта надеется, что новый поворот изменчивой фортуны повлечет перемену участи Ромео – его возвращение.

Концепция изменчивой судьбы в творческом осмыслении поэта находит воплощение в концептуальной метафоре «Судьба есть море», где судьба описывается в терминах моря: 'storms of fortune', 'flood of fortune', 'straits of fortune':

Prince Henry. ...the fortune of us that are the moon's men doth ebb and flow like
the sea, being govern'd, as the sea is, by the moon

(Henry IV, p.1. I, ii, 30–32) –

Судьба людей, которые во власти луны, и приливает, и отливает, как море, зависит, как и море, от луны.

Аллегорическая форма описания раскрывает соответствующие аспекты концепта судьба более ярко, выпукло: «шторма судьбы» символизируют бурность жизненных перипетий, неукротимую силу судьбы, угрожающую людям. Контраст с «течением

²⁴ Там же. С. 95.

судьбы», передающим спокойствие и равномерность, воспринимается как знак непостоянства и переменчивости судьбы.

Актуальность и жизненность образа судьбы-*fortune* и богини Фортуны проявляются в том, что он «отразил столкновение разнонаправленных тенденций – ренессансно-гуманистической, актуализировавшей античную подоснову образа фортуны, и средневековой (в ее официальном и более глубинном, народном вариантах)»²⁵.

Для культуры той эпохи характерно восприятие Фортуны не только как богини (*goddess*). Она вводится в мир людей, где ей также отводится высокое положение благородной дамы (*lady*), повелительницы, хозяйки (*mistress, housewife*). Результатом проявления именно «народного варианта» стало принижение судьбы-богини до образа простой женщины, как правило, порочной блудницы, девки (*wench, whore, strumpet, giglot*). Такое представление коренилось в бытовом опыте и сознании людей: Фортуна грешна непостоянством и продажностью. Соответственно меняется и отношение героев к ней: они ругают и проклинают ее, наделяют оскорбительными наименованиями (*Merch. II, II, 155–156*):

Let fortune go to hell for it... –
пусть к черту катится судьба за это.

На протяжении всей истории своего бытия концепт «судьба» претерпевает изменения, связанные с различием в подходах к его пониманию и интерпретации в контексте культуры. На ранних этапах наблюдается большая степень конкретности в представлениях о судьбе. Они развились из практической, бытовой деятельности людей, были связаны с актами гадания, предсказания и воплощались в физических и вербальных действиях. В дальнейшем представления о судьбе эволюционировали в направлении абстрагирования от физических действий и проникновения в сферу духовной и ментальной деятельности человека. Однако опыт и направления осмысления судьбы в предшествующие эпохи не канули в Лету. Они накапливались и служили источником для генерации новых представлений – философских, религиозных, художественных. В творчестве Шекспира понимание судьбы удивительно сочетает в себе черты древних представлений, воплотившихся в сценах гаданий и образах предсказателей (*weird*

²⁵ Там же. С. 92.

sisters) и языческих божеств (Fortune, Fates, Destinies), – с новыми художественными интерпретациями концепта.

На разных этапах существования представления о судьбе складывались под влиянием других общекультурных концептов «смерть», «воля», «свобода», «необходимость», «закон», «случай», «предопределение», «счастье». В результате их сочетания выделялись отдельные концепции судьбы, находившие конкретное воплощение в различных языковых формах – наименованиях. Так, понимание судьбы как неизменной, неизбежной, как предопределения воплотилось максимально в слове *destiny* и в разной степени в других наименованиях. *Fate* понимается как неизвестное предопределение свыше, *lot* – жребий, выбор которого предопределен, *doom* – присуждаемая участь, приговор. Концепция случайной судьбы, переменчивой, выпадающей человеку, реализуется в наименованиях *chance* – судьба, зависящая от случая и от воли человека, которая реализуется в выборе, в возможности воспользоваться выпадающей удачей. *Fortune* – судьба переменчивая, переходящая от счастья к несчастью; *luck* – удача, выпадающая человеку по воле свыше, по предопределению; *lot* – жребий, который человек сам себе выбирает на определенном этапе жизни. Понятие судьбы смертельной, роковой, фатальной, несущей гибель, складывается из нескольких более конкретных представлений: *fate* понимается как фатум, рок, несущий смерть, *doom* – гибельная судьба по приговору, *lot* – смертельный жребий, определяемый свыше, *chance* – смертельная участь, выпадающая человеку по случаю. Представление об успешной, счастливой судьбе в полной мере реализуется в наименовании *fortune*. *Chance* понимается как судьба счастливая, предоставляемая случаем, реализация которой зависит от воли и выбора человека. *Luck* – удача, выпадающая человеку на определенном этапе. *Fate* именуется (хотя и не регулярно) судьбу славную, связанную с успехом в военном деле.

Таким образом, общая когнитивная модель судьбы в ту эпоху объединяет в себе прямо противоположные понятия: судьба представляется и как благая сила, несущая радость, счастье, помощь, и как гнетущая, враждебная, грозящая гибелью. Данная оппозиция выражается в отношении человека к судьбе: в стремлении избежать рок, фатум он обращается к фортуне, счастливой судьбе, способной уберечь его.

ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Г.Г. Пиков (Новосибирск)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИСТОРИИ В ЕВАНГЕЛИЯХ

Cogito, ergo historicus sum!

Ибо как метод истолкования природы состоит главным образом в том, что мы излагаем собственно историю природы, из которой, как из известных данных, мы выводим определения естественных вещей, так равно и для истолкования Писания необходимо начертать его правдивую историю и из нее, как из известных данных и принципов, заключать при помощи законных выводов о мысли авторов Писания.

Б. Спиноза¹

I. Renovatio Christi

История любой цивилизации – многофакторный процесс, где обязательно присутствуют экономическая, политическая, этническая, социальная и др. составляющие, но она также и история Текста², лежащего в ее основе.

В период так называемых «цивилизаций», в рамках которого мы до сих пор живем, хотя процессы глобализации, судя по всему, приняли необратимый характер, форма их культур обязательно связана с сосуществованием и соотношением на необходимом и достаточном уровне двух сфер – сакральной и секулярной, что и находит отражение в Тексте. Сакральное «отвечает» за «смысл» всего бытия, «истории» особенно, обосновывает «право на существование» цивилизации, ее легитимность и место в мире. Секулярное «отвечает» за «формы» бытия, создает необходимый «механизм» существования цивилизации в виде

¹ Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 2. М., 1964. С. 387.

² Стоит лишний раз напомнить, что цивилизация – это историографическая традиция, ибо «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст», словесные тексты есть «первая данность... всего гуманитарно-филологического мышления». (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285–286, 281).

стройного и непротиворечивого синтеза социальных, политических, юридических и т.п. концепций.

Соотношение сакрального и секулярного непростое. По ряду параметров «религиозные» идеи неизбежно предстают в виде «ведущих», «программных», но текучая эмпирия неоднократно создает возможность для «философии» перестать быть «служанкой богословия», дистанцироваться от нее или даже заявлять о ненужности «религии». На самом деле они, как сиамские близнецы, неразлучны. Культура может восприниматься как нечто бифидальное, двуглавое, или двуликое, как Янус. Проще представить ее «форму» в виде «дробей», где в «числителе» сакральное, а в «знаменателе» секулярное:

Бог

Человек

Идеалом, «целью» этой «дробей», а следовательно всей цивилизации является превращение в целое число, коим может быть только «единица»³. Это возможно только в том случае, если «верхнее» и «нижнее» числа «равны», т.е. не «противоречат» друг другу. В реальности этого никогда не бывает, ибо каждая из этих сфер стремится к абсолютизации своей «истины»: «знаменатель» – к «атеизму», «числитель» – к абсолютному Божественному «произволу». И то, и другое – ненормальные состояния общества, ибо просто недостижимы. Соотношение «божественной истины» и «человеческой» («бытия» и «сознания») всегда было проблемным и часто именовалось «основным вопросом философии». Вероятно, оптимальное «решение» дал Фома Аквинский, который сказал, что две истины соотносятся как «а» и «б».

«Двуетидная заповедь» Христа – универсальная формула культуры, недаром на этом делается акцент во всей последующей культуре Европы. Достаточно вспомнить диалог Августина с собственным разумом в его Soliloquia: «Что ты желаешь знать? – Бога и душу. – И более ничего? – Совершенно ничего»⁴.

³ «Единица» во всех цивилизациях имеет особое значение. Египтяне в гимнах Амон-Ра именовали его «Один-Единственный». Моисей обращался к народу: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть» (Втор 6:4). Пифагор в «единице» видел единое и неделимое.

⁴ Цит. по: *Аверинцев С.С.* Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Христианство и культура в Европе. Сборник докладов международного

В истории европейской цивилизации четко прослеживаются два Текста. Прежде всего, это – «античная культура», представленная в виде иерархии разного рода авторитетных «профаных» сочинений Платона, Аристотеля, Эпикура и др. Именно они представляют секулярную сферу культуры сначала Средиземноморья, а потом и всей Европы.

«Сакральную»⁵ сферу европейской культуры представляет «Библия», основой которой является один из архетипических Текстов Западной цивилизации Тора⁶, – практически первый синтез мифологических, исторических и философских представлений Средиземноморья как метарегиона. Этот синтез не случайно был осуществлен «бездомным» народом, ведущим кочевой образ жизни, чужим для всех окружающих государств и этносов. Ведя борьбу за место в густонаселенном мире, за завоевание и сохранение Земли Обетованной с многочисленными и крупными племенами, народами и культурами, он нуждался в религиозно-идеологическом «щите», основу и суть которого должна была, естественно, составить идея «избранного» народа. Таким же образом строили свою цивилизацию древние египтяне, китайцы, основатели месопотамских государств.

Тора представляет собой один из первых на планете письменных Текстов, созданных на основе синтеза устной и письменной традиций (египетской, греческой, ближневосточной). Ее

предсинодального симпозиума (Ватикан 28-31 октября 1991г.). М., 1992. Ч. 1. С. 21.

⁵ Не случайно термин *Religio* по одной версии, идущей от Цицерона, происходит от глаголов *religare*, *eligare* (связывать, соединять, выбирать). Ее великолепно дополняет вторая версия, по которой он происходит от глагола *relegere* (вновь собирать, достигать). Именно в рамках Римской империи происходит переход от локальных культов, философских систем, этнических вариантов верований к единой, общеимперской религии и на этой основе появляется представление об универсальной, обязательной для всех системе религиозно – философских представлений.

⁶ Сефер-Тора – Пятикнижие Моисея, в которое входит пять книг: Берейшит (Бытие), Шмот (Исход), Ваикра (Левит), Бэмидбар (Числа) и Дварим (Второзаконие). Окончательная канонизация Торы – 397 г. до н.э. (История всемирной литературы. Т. I. С. 574). Тора именуется также «Хамиша Хумшей Тора» («Пять частей Торы») или просто «Хумаш» («Пятикнижие»). Раннехристианские авторы обозначали ее греч. словом «пентатеухос» («Пятичастная книга», «Пять свитков»). (Рункер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. Кременчуг, 1999. С. 805).

создание идет во многом в русле так называемой эллинистической, т.е. синтетической, традиции, определяющей развитие государственности и культуры Средиземноморья после походов Александра Македонского. Особую роль в создании Тора сыграло приобщение к средневосточной традиции в период Вавилонского плена. Таким образом, Тора есть Текст всесторонне выверенный, прошедший мощную апробацию в тогдашнем культурном «мире», скорректированный с другой «мировой» (вавилонской) традицией.

В то же время, в Торе произошло непротиворечивое слияние «мировой» традиции с конкретно этнической (еврейской). История евреев становится благодаря «поддержке» «общемировой» культуры особой и в результате Тора превращается в своего рода «программный» документ («указание», «наставление»), на основе которого должно было быть осуществлено строительство «возрожденного» и «обновленного» еврейского государства. Именно на основе Тора вырабатывается система идей и механизмов этого строительства, в законченном виде превратившаяся в Танах⁷. Танах – это адаптация универалистских, в большей степени общеисторических и общеполитических идей Тора к этно-географическому региону (Земле Обетованной).

Иисус Христос фактически осуществляет так называемую «реновационную» операцию по возвращению к идеям Тора⁸. «Возрождение» Тора Христом есть проявление универсального закона развития культуры в целом⁹. Когда общество попадает в ситуацию выбора, трансформации, «стресса», неопределенности, интервенций любого рода и т.п., оно обращается в поисках ответа

⁷ Танах (ТаНаХ) – комплекс текстов, который является священным текстом иудаизма, но в христианской традиции именуется Ветхим Заветом. Сама аббревиатура указывает на три части (Тора невимим ве кетубим): собственно Тора (Учение, Закон), Невимим (Пророки) и Кетубим (Писания). Канонизация происходила постепенно (в талмудической традиции: 621 г. до н.э., 444 г. до н.э., конец I в. н.э., в масоретской – к. IX в. н.э.). В III–II вв. до н.э. фарисеи стали приобщать к Торе Пророков и Писания и говорить, что они тоже даны свыше.

⁸ Христос прямо употребляет термин «возрождение» (греч. Палингенезия, русск. «пакибытие») как своеобразное «творение заново» (Мф 19:28; Тит 3:5; Рим. 8:19-23).

⁹ См.: Пиков Г.Г. «Возрождение» как особенность развития европейской культуры // Из истории западноевропейского средневековья. Новосибирск, 2002. С. 84–120. Идея «возвращения – обращения» (conversion) присуща всей средиземноморской культуре. См.: Hadot P. Exercices spirituelles et philosophie antique. P., 1981. P. 175–182.

на возникающие вопросы, прежде всего к прошлому. Культура начинает изучаться как история культуры. Каждая цивилизация имеет свою систему понятий, свой язык и складывается он в начале ее истории. Если учесть, что ни одна цивилизация не развивается в изоляции и периодически испытывает на себе интервенции извне, не только и не столько военные, сколько культурно-идеологические и экономические, то, противостоя им, она должна выставлять «навстречу» некий «щит» в виде непротиворечивой и популярной системы философско-религиозных и социально-политических идей. Вдохновение и основу она ищет в своем «героическом» («золотом») веке, – времени славы и складывания базовых архетипов, времени некоей социальной гармонии. Тора – своеобразный «кочевой» текст, созданный в динамичном обществе, но и Новый Завет – тоже универсальный, переходной, стыковой Текст. Мы наблюдаем своеобразную пульсацию базового («ядерного») Текста. Если евреи были избраны для управления миром, то христиане – для спасения мира. И то, и другое утверждается на основе идей Торы.

Причины этого «возвращения» многочисленны. Ближневосточный регион на рубеже эр переживает всесторонний кризис: экономический, социальный, политический, культурный и идеологический. Проявлением этого кризиса стала ситуация перенаселения. «Излишки» населения выходят за пределы региона, прежде всего, Палестины и образуют многоступенчатую внешнюю зону (диаспору, галут). Связи Земли Обетованной особенно сильны и интенсивны с районами Египта и Малой Азии. Эти районы, в свою очередь, представляют зону активного проникновения греческой и римской культур. Интервенция этих культур в зоны «диаспоры» и «Земли Обетованной» становится угрожающей самим основам еврейско-иудейской цивилизации. Теократическое государство переживало глубокий внутренний кризис уже в период эллинизации Востока¹⁰. В ответ на это идут интенсивные духовные поиски, вырабатываются планы политических изменений и социальных преобразований во все более интернационализирующемся еврейском сообществе¹¹. В конечном итоге парадигма «рассеянно-

¹⁰ Тексты Кумрана. СПб., 1996. С. 18.

¹¹ Это особенно важно, ведь в соответствии с практически общепринятой точкой зрения «Клио» не могла родиться в ближневосточном обществе, которому не присущи динамизм и бурные изменения во всех сферах жизни. См.: *Ракитов А.И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 40–41.

го» этноса будет сформулирована в Талмуде. Комплекс идей Иоанна Крестителя – Иисуса Христа является одним из вариантов «ответа» на сумму внутренних и внешних вызовов.

За основу рассуждений Христа о прошлом и будущем человечества берутся базовые идеи средиземноморской цивилизации: Бог как надъестественная сверхличность, креационизм, провиденциализм, «мир» как место обитания и действия «избранного народа», Завет Бога с Человеком как цель космического бытия и др. Все эти идеи в развернутом и всесторонне обоснованном виде сформулированы именно в Пятикнижии¹². Поэтому Христа очень часто современники воспринимают как всего лишь этика, софиста. На самом деле он отталкивается в вопросах космологии, гносеологии и т.д. от Торы. Основные христианские принципы (единобожие / монотеизм, откровение / ре-веляционизм, творение / креационизм, предопределение / провиденциализм и др.) принципиально ничем не отличаются от идей всего метарегиона. Танах не удовлетворяет в полной мере все иудейское общество, ибо максимально непротиворечив был лишь для второй половины первого тысячелетия до н.э.

Дело и в том, что история любой цивилизации может быть представлена как история ее Текста: Тора – Танах – Новый Завет. Распределение трех Текстов, трех составляющих «Священного Писания», не случайно. «Новый Завет», «отрицая» Танах как Текст отдельного, хотя и большого региона, снова выходит на универсальный вариант, гибкий и пригодный для условий нового «плена», в который были уже не «уведены», а «выведены» представители «Избранного народа». Диаспора начинает восприниматься как инокультурный «плен», где происходит утрата «чисто иудейской культуры». Даже апостолы будут спорить о том, стоит ли «нести слово Божье» в диаспору.

Здесь проявляется еще один универсальный закон развития культуры: сначала выдвигается базовый Текст, потом он приспособливается к определенной ситуации и «работает» некоторое время. С изменением этой ситуации появляется необходимость создать новый «программный» документ. Он будет создаваться путем «возрождения», т.е. обращения к истокам цивилизации, к «золотому веку», когда вырабатывались осново-

¹² Основные задачи Торы как Закона можно сформулировать следующим образом: равновесие общества и окружающей среды и стабильность в обществе («дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как теперь» – Втор 6:24).

полагающие идеи. В данном случае происходит «возвращение» к базовым понятиям (Тора как Закон), а не моделям (Танах как описание действия Закона, в том числе «пророки» как «напоминание» о Законе и необходимости его соблюдения)¹³. Промежуточный Текст не будет забыт, ибо он путем «комментирования» и «толкования» будет приспособлен для нужд зарождающейся общеевропейской цивилизации. Средневековая цивилизация по сути своей является аграрной и иерархической, а, значит, не могла обойтись без опыта и еврейской культуры. Более того, Тора станет исходной точкой нескольких мировых религий (христианство, ислам) и даст базовые идеи для европейской цивилизации (единобожие, Завет, Декалог). Действительно, многие «духовные, морально – этические и идеологические истоки западной цивилизации коренятся в иудаизме»¹⁴ и, прежде всего, в Торе. Тора как Текст формирует, если можно так выразиться, «колею» культуры. В нем ищут ответы на все возможные вопросы о прошлом, настоящем и будущем. Как писал равви Гаон (Вильно, втор. пол. XVIII в.): «Вот несомненная истина: все, что было, есть и будет до конца времен, содержится в Торе между первым ее словом и последним словом. И не только в главном, но и в подробностях всех родов и каждого человека в отдельности, и подробности подробностей всего, что случилось с ним со дня его рождения и до кончины»¹⁵. История европейской культуры есть история перетолкования («комментирования») изначального Текста: Тора – Танах (Ветхий Завет) – Новый Завет – патристика – схоластика – неотомизм/протестантская литература.

Как можно судить на основе Евангелий, переакцентовка Текстов приводит к изменению и картины истории. Но прежде, чем говорить об этом, надо определиться с тем, что будет пониматься под «историей». Наиболее развернутое представление дано Р. Дж. Коллингвудом. Противопоставляя ее мифологии, как «доистории», он выделяет четыре ее признака («особенности»):

¹³ См. также: Корнев В. Особенности библейской традиции // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С. 65.

¹⁴ Даймонт М. Евреи, Бог и история. Иерусалим, 1989. С. 13. Действительно, там впервые появляется множество понятий, которыми мы пользуемся до сих пор (новый, индивидуальный, личность, история, свобода, дух, справедливость, время, вера). См. Янси Ф. Библия, которую читал Иисус. М., 2001. С. 20.

¹⁵ Цит. по: Дроздин М. Библейский код. Тайнопись будущего. М., 2000. С. 18.

- «1) она научна, т.е. начинается с постановки вопросов, в то время как создатель легенд начинает со знания чего-то и рассказывает о том, что он знает;
- 2) она гуманистична, т.е. задает вопросы о сделанном людьми в определенные моменты прошлого;
- 3) она рациональна, т.е. обосновывает ответы, даваемые ею на поставленные ею вопросы, а именно – она обращается к источнику;
- 4) она служит самопознанию человека...»¹⁶.

В современной исторической науке акцент делается на двух значениях слова «история»: «история – это последовательность событий, ситуаций и процессов в предшествующем развитии общества, т.е. в прошлом, и история – это отражение, исследование и описание этих событий, ситуаций и процессов в прошлом»¹⁷. Особенно категорично это выражено в текстах, имеющих «нормативное» значение для исследователей: «История (ἱστορία) – исследование, рассказ, повествование о том, что узнано, исследовано – 1) Всякий процесс развития в природе и обществе... 2) Наука, изучающая развитие человеческого общества во всей его конкретности и многообразии, которое познается с целью понимания его настоящего и перспектив в будущем»¹⁸; «широко распространенное представление об истории как о прошлом... понимание истории как процесса человеческого бытия, как социального бытия, развертывающегося во времени»¹⁹. Оставляя в стороне как вполне самостоятельную проблему формирования «современного» понимания «истории», укажу на то, что оно в значительной степени формировалось под влиянием античных греко-римских представлений, особенно основательно приспособивавшихся к нуждам европейской цивилизации в эпоху Возрождения. Искать такое развернутое и предельно социологизированное понимание «истории» на Ближнем Востоке в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. сложно и вряд ли целе-

¹⁶ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография.* М., 1980. С. 20; См. также: Лосев А.Ф. *Античная философия истории.* М., 1977. С. 3 и сл.

¹⁷ Вейнберг И.П. *Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э.* М., 1993. С. 9–10.

¹⁸ История // *Советская историческая энциклопедия.* Т. 6. М., 1965. С. 577.

¹⁹ Современный философский словарь. Под ред. В.Е. Кемерова. С. 377. Ср.: «История есть такая наука, которая изучает и изображает в психофизической причинной связи факты развития людей, поскольку факты эти составляют проявление деятельности людей как социальных существ» (Бернгейм Э. *Введение в историческую науку.* М., 1908. С. 26).

сообразно, в чем отчасти убеждает исследование И.П. Вейнберга²⁰. В тогдашней «истории» признаки Коллингвуда присутствуют скорее лишь в зачаточном состоянии. Историю можно представить в виде «педагогической проблемы», которую должно было решать человечество: на определенном этапе (в Эдемский период), под влиянием определенных причин (происки Сатаны) произошла грандиозная катастрофа (Первородный Грех). Человек оказался один на один с Миром и для спасения необходимо «возвращение в Эдем». История таким образом понимается как «безбожный» период (от нарушения Адамова Завета до последнего «экзамена» в форме «Страшного суда»). С «помощью» античной мысли христиане рационализируют это представление, используют конкретные методы и наработки античной историографии и начнут детально анализировать «дорогу истории» с целью определения срока наступления «субботы». Тем самым представление об истории формируется как одна из базовых и отличительных идей европейской цивилизации.

В рамках средиземноморского региона к рубежу эр широко была распространена тенденция связывать развитие человечества с волей того или иного бога (митраизм, гностицизм, неоплатонизм и др.). Кульминацией ее является ветхозаветная модель «Завета», однажды заключенного с Богом и впоследствии неоднократно подтверждаемого или возобновляемого («многозаветная» модель: заветы Эдемский, Адамов, Ноев, Авраамов, Моисеев, Палестинский, Давидов). Множественность «заветов» должна была свидетельствовать о непрерывности «творения» этого мира, проявляющейся в помощи Бога, его «промысле»²¹. Так строится «картина истории». «Великим достижением иудаизма первого века нашей эры была его сосредоточенность на исторических событиях»²². История – чуть ли не единственная тема Ветхого Завета.

²⁰ Вейнберг И.П. Рождение истории...

²¹ Однажды даже было высказано предположение, что ритуал возобновления Завета повторялся каждые семь лет. См.: Вайнфельд М. Уникальность Декалога и его место в Еврейской традиции // Библейские исследования. Сб. ст. Составитель Барух Шварц. М., 1997. Вып. 1. С. 363.

²² Райт Н.Т. Кем был Иисус? Цит. по: Янг Д. Христианство. М., 1998. С. 20. Развитие этой концепции см. также: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 84; Бердяев Н. Смысл истории. Берлин, 1924. С. 39.

та²³. Замечено, что истории в Пятикнижии придается особое внимание: 95% текста посвящено рассказам о патриархах и Моисее, 4% – о «дочеловеческой» истории²⁴. Попутно можно сказать, что древнееврейская литература, пожалуй, первой демонстрирует сложившееся историческое сознание, которое является особой формой каузального мышления, стремящегося в соответствии с потребностями политической жизни объяснить настоящее исходя из прошлого²⁵. Сущность исторического сознания весьма удачно определил В.А. Ельчанинов, полагающий, что оно заключается «в многообразном по форме отражении, оценке и эмоциональном переживании развивающейся во времени социальной действительности»²⁶. Ключевым здесь является ощущение близости конца мира и порядка, ибо, как сказано в позднейшей хронике Псевдофредегара: «Мир стареет, и в нас ослабевают острота разума» (Mundus iam senescit, ideoque prudentiae acumen in nobis tepescit)²⁷.

Христос фактически отвергает «многозаветную» модель и противопоставляет ей идею единственного «завета» как «нового»²⁸, который «обновляется» однократно в критический момент истории, становится «новым», т.е. первоизданным, очищенным от искажений и неверного толкования. Он – вечно новый (греч. *Καίνός*, лат. *Novus*; *hic est enim sanguis mens novi et aeterni testamenti* – Это моя кровь Нового и Вечного Завета)²⁹. Закон дается однажды и навсегда и необходимо вернуться к его истокам: «Ты знаешь, что Яхве, твой Бог – есть Бог, Бог верный, блюдущий завет и милость любящим и блюдущим его заповеди на тысячу

²³ Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. СПб., 2001. С. 284–291.

²⁴ Селезнев М.Г. Мир Ветхого Завета // Религии Древнего Востока. М., 1995. С. 115–116.

²⁵ Герхард фон Рад. Начало историописания в древнем Израиле // Библийские исследования. Вып. 1. С. 485, 486, 488.

²⁶ Ельчанинов В.А. О Содержании и сущности исторического сознания // Диалектика форм и уровней общественного сознания. Барнаул, 1988. С. 5.

²⁷ Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.–Л., 1964. С. 81.

²⁸ *Novus* – первоизданный, первоначальный, ранний, беспримерный, последний. Слово «новый» указывает также на растущую разочарованность человека в устройстве и судьбе мира, в возможностях его познания. Цивилизация зашла в тупик, люди не видят иной возможности «спасения», кроме возвращения в то место, с которого развитие пошло «неправильно».

²⁹ Чистяков Г. Над строками Нового Завета. М., 2000. С. 183.

поколений» (Втор 7:9). В Вульгате это подчеркнуто особо: *in sanguine testamenti aeterni Dominum nostrum Iesum* (кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса) (Евр 13:20)³⁰. В то же время идея «нового» завета носит, как и «закон», динамический, а не статический характер, ибо рассчитана на неопределенный срок, отрицая актуальную эсхатологию и заменяя «конец света» (тайна эта «не человеческая») на «второе пришествие» Христа.

Надо отметить, что сама идея «завета» могла существовать только на основе Торы и в этом Христос тоже осуществляет «переключку» со временем Моисея³¹. В своих поучениях он под Торой понимает именно закон Моисеев³². В Нагорной проповеди Иисус толковал Тору даже строже, чем было принято законоучителями его времени, а в конце заявил:

Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном (Мф 5:17-19).

Читатель, незнакомый с ивритом – языком Торы, может не понять всю категоричность высказывания Иисуса об исполнении закона. Дело в том, что в иврите нет гласных, вместо них, под буквами ставятся знаки, которые не только заменяют гласные звуки, но и указывают, как читать текст: где сделать паузу, а где возвысить голос, т.е. дают указания об интонациях, с которыми читающий Тору, должен произносить слова. Именно это имел ввиду Иисус, говоря об йотах и чертах. Все должно исполниться в законе так, как там написано, вплоть до интонации! Не случайно Христос опирается в своей деятельности и проповедях на «малых сих», ибо так было легче «отрицать универсальную связь Моисеева закона с построенным на его основе обществом»³³.

³⁰ *Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem*. Stuttgart, 1994. P. 1857. См. также: *Чистяков Г.* Цит. соч. С. 183.

³¹ *Старкова К.Б.* Литературные памятники кумранской общины // Палестинский сборник. Вып. 24 (87). Л., 1973. С. 11.

³² Во времена Христа ветхозаветный канон в нынешнем виде практически не сложился, но он ссылается все же на комплекс Пятикнижия и пророков (Небиим): «Моисей и пророки» (Лк 16:29; 24:27). «Закон и пророки» (Мф 5:17; 7:12; 11:13; 22:40; Лк 16:16, 29, 31; 24:27; Деян 13:15; 24:14; 26:22).

³³ *Тексты Кумрана*. С. 18, 21.

Иисус здесь заявляет совершенно определенно, что закон Моисея – это основа, на которой базируется праведность человека и путь достижения Царства Божьего³⁴. Тора как Закон важна именно потому, что определяла «движение мира, существование человечества, историю народа, заключившего вечный Завет с Богом, каждодневное бытие человека», она – «некий священный план» развития мира и потому в ней сосредоточены необходимые для этого «важнейшие парадигмы, модели исторического и духовного бытия человека»³⁵. Христос сохраняет главное в Торе – представление о том, что только Закон может обеспечить развитие мира от простого к сложному, от примитивного к истинному, от хаоса к «миру», обретение и соблюдение Завета и в итоге, говоря словами Н. Бердяева, «встречу народа с Богом путем истории».

Ядром Торы несомненно являются Асерет Диброт («Десять заповедей», Декалог, Десятисловие – Исх 20:1-17; Втор 5:7-21). Эти заповеди фактически кодируют культуру, отличают ее от остальных культур. Они универсальны, ибо практически описывают все возможные исторические и жизненные ситуации. «Свой» Бог как символ «своей» культуры поможет не только справиться с любой культурно-идеологической интервенцией, но и приведет туда, где есть наилучшие возможности для существования и процветания («Земля Обетованная»). «Земля Обетованная» становится проекцией Рая на земле, ведь там не только тучные поля и луга, изобилие плодов и животных, но и сам Бог, его Дом, который краше и надежнее всех человеческих жилищ. Отличительной является не только идея единобожия, но и свое

³⁴ Ряд авторов даже настаивают на «реиудаизации» христианства и утверждают в связи с этим, что Христос на самом деле ставил перед собой задачу распространить еврейскую религию среди неевреев; будучи «Торой во плоти», он открывал ее смысл язычникам. См.: *Buren P. The Burden of Freedom. N.Y., 1976; Idem. Discerning the Way. N.Y., 1980; Idem. A Christian Theology of the People Israel. N.Y., 1983; Павликовский Д.* Иисус и теология Израиля. М., 1999. С. 101. По Ф. Ницше, сработал «иудейский инстинкт вдвойне» (*Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. М., 1990. С. 44*). С I в. н.э. не прекращается традиция рассматривать Христа как лидера национально-освободительного движения или даже террориста. См., например: *Данэм Б.* Герои и еретики. Политическая история западной мысли. М., 1967. Гл. 3. Однако он одинаково дистанцируется как от зилотов с их призывом к вооруженной борьбе, так и от апокалиптических кругов (*Шнакенбург Р.* Новозаветная христология. М., 2000. С. 24).

³⁵ *Синило Г.В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). Минск, 1998. С. 188, 189.

понимание Бога как чистой духовности. Это обеспечивало легитимность борьбы с «язычеством», т.е. остатками полисных и племенных культур, и складывание единства «мира». Заповедь о субботе служила вечным напоминанием о начале мира, смысле его истории и их Причине.

Симптоматично, что заповеди ничего не говорят о культе и обрядах и тем самым делают акцент на «нравственности» восприятия всего Закона в целом. Их пронизывает идея «страха Божьего» как необходимости вечно равняться на Бога как моральный ориентир, осознавать его постоянное присутствие всегда, везде и во всем. Одной из основ этого корпуса является и идея миролюбия и дружбы всех со всеми. Для доцивилизационного периода характерно преобладание ситуативного подхода к праву, отсутствие абсолютных рецептов и запретов. Формирование единого этнокультурного пространства требовало точных и безоговорочных формулировок, абсолютной категориальности «религиозных» и «нравственных» парадигм. Десять заповедей, как и последующие предписания Христа – аподиктичны, безоговорочны. Вторая часть заповедей в свернутом виде содержит сакральные алгоритмы решения всех социальных и политических проблем. Точное соблюдение их приведет и к экономическому прогрессу («изобилию»), и к увеличению продолжительности жизни (возвращение к «мафусаиловым векам»), и к душевному спокойствию, ибо строгое соблюдение этих «правил» не позволит существовать бедным, обиженным, оскорбленным и нуждающимся. Именно таких людей позовет и Христос под свое знамя.

Евангелист Марк говорит, что когда Иисуса спросили, «какая первая из всех заповедей?», он ответил: «Первая из всех заповедей: «слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею»: вот, первая заповедь!» (Марк, 12:29-30). Это краткий пересказ того, что говорится в Торе: «Слушай, Израиль! Господь – Бог наш! Господь один! Люби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем существом твоим. Да будут слова эти, которые Я заповедаю тебе сегодня в сердце твоём. И тверди их детям твоим, и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась, и вставая. И навязки их в знак на руку твою, и да будут они повязкой меж глазами твоими. И напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих» (Второзаконие, 6:4-9). Христос, однако, не может считаться мозаистом, т.е. сторонником лишь учения Моисея, ибо

мозаистские идеи были основательно ассимилированы и «истолкованы» позднейшим иудаизмом.

Вся проповедническая деятельность Иисуса в изложении Матфея проходит под знаком постоянных противоречий с Ветхим заветом. Переходя из общины в общину и проповедуя в «домах собрания» (бэйт кнессет, по-гречески – синагога), он, возможно, идя навстречу чаяниям простых людей, отступает от строгих правил иудаизма. В его проповедях начинают звучать новые мотивы: «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плеча людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все дела свои делают с тем, чтобы видели их люди» (Мф 23:2-5). Книжники и фарисеи на многое претендуют, а на самом деле лишь «вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие» (Мф 23:24)³⁶. Своей притчей о ветхой одежде (Мф 9:15-17) он фактически говорит о невозможности компромисса «между установленным им принципом искренности помыслов и старой обрядностью»³⁷. Как и Лютер позднее, Христос делает акцент на покаянии, «ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 4:17-25). Акцент на «глазе с неба», который дает устное откровение, – тоже проявление антитекстовой реакции. Этим приемом будут пользоваться в будущем и еретики.

Состоявшаяся культура на основе программного Текста создает Текст, регулирующий жизнь общества. Именно такую роль в еврейско-иудейском обществе играл Танах. Этот Текст как бы становится между Богом и Человеком и помогает последнему «решать» проблему «спасения». Он представляет собой своеобразный механизм, который с помощью определенной шкалы (скажем, десяти заповедей и системы запретов и разрешений) определяет степень «чистоты» человека перед общест-

³⁶ Для фарисеев Христос был «невеждой в Законе», «ам – хаарец» (Am haarez, деревенщина), а, следовательно, нечестивцем. «Невежда не боится греха, ам – хаарец» не может быть праведным». Цит. по: Мень А. Сын человеческий // Пуцыкович Ф.Ф. Жизнь господя нашего Иисуса Христа, спасителя мира. (СПб., 1900). Ставрополь, 1991. С. 183. Современник Христа Равви Гиллель заметил: «Амхаарец все нечестивый». (Цит. по: Мережковский Д. Иисус неизвестный. Харьков – М., 2000. С. 116.

³⁷ Штраус Д.Ф. Жизнь Иисуса. М., 1992. С. 183.

вом и Богом. По мере эволюции общества и под влиянием внешней культурно-идеологической экспансии он перестает работать эффективно и появляется потребность его замены или, чаще всего, реконструкции. Что касается собственно Танаха, то он стал огромным связным текстом, а в таком случае, по наблюдениям Ю.М. Лотмана³⁸, нарастает «избыточность»: чем больше пройденный нами отрезок, тем легче предсказать еще не пройденную часть траектории». Однако в реальной жизни наблюдалось «столпотворение» «случайных» факторов, пришедших из-за пределов «Земли Обетованной», их сам Текст не понимал и не мог с ними справиться.

Именно это и делает Христос, когда отрицает Танах как Текст, не связующий Человека и Бога, а вставший между ними: «в Израиле не нашел я такой веры» (Мф 7:10)³⁹. Это не абсолютное отрицание, ибо любой Текст, созданный в ходе истории цивилизации, обречен на вечное существование как неотъемлемый элемент ее культуры, но неизбежно его переосмысление в виде иного толкования, комментирования или перевода.

Нарушения связи человека с человеком – непосредственное свидетельство и критерий нарушения связи человека с Богом. Именно так воспринимает исторический процесс библейская традиция⁴⁰. «Реновационная» операция Христа приводит к «восстановлению» связи между Богом и Человеком, порождает социальный и политический оптимизм, «обновляет» Завет. «Завет»⁴¹ снова приводит в «равновесие» «числитель» и «знаменатель» «дробь», объединяя «богово» и «кесарево». Подобную же операцию впоследствии проведет и Мартин Лютер, выдвинув принцип *sola scriptura* (Только Священное Писание является единственным источником Слова Божьего). Но для Лютера Богом будет прежде всего Христос.

³⁸ Лотман Ю.М. Клио на распутье // Наше наследие. 1988. № 5. С. 2.

³⁹ Ко времени Христа иудаизм как религия не просто не работал, но в нем явственно стали проявляться такие кризисные черты, как стремление не столько изучать и объяснять мир и общество, сколько анализировать свои собственные методы, разрабатывать в деталях свой аппарат «истинного» описания действительности, критически переоценивать достигнутый опыт, искать свое место в сонме новых «языков», т.е. народов, религий и культур.

⁴⁰ Speiser E. A. The biblical idea of history in its Common Near Eastern Setting // Israel Exploration Journal. Jerusalem, 1957. V. 7. № 4. P. 201–216 (особенно P. 202–204).

⁴¹ Как «формула» единой культуры.

В результате меняется и отношение к Богу. В христианстве сохраняется теоцентризм как одна из базовых идей европейской цивилизации. Основой новой религии должна быть именно идея Бога: «Ищите... царства божия и правды его и... все приложится вам» (Мф 6: 33). Бог и правда едины, сам Бог не может переступить пределы правды⁴². Выражение «Царство Божие» толкуется таким образом, что вновь признается власть Бога над всеми существами Вселенной. Включается сюда и вечность в пространстве и времени. Наиболее часто цитируются слова Христа: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною!» (Мк 8:34; Мф 10:38; 16:24; Лк 9:23; 14:27). Он говорит это до ареста и казни, значит, имеет в виду древнее обозначение последней буквы алфавита, которая является знаком принадлежности Яхве (Э. Динклер)⁴³. Это имело особое значение в условиях кризиса общества. Иудейско-ветхозаветная картина истории под влиянием массы «случайных» эндогенных и экзогенных факторов лишилась такой обязательной для развитой культуры черты как гармония цели и причины исторического процесса. Кризис в обществе нарастал «не по дням, а по часам», а Мессия не приходил и Бог, казалось, забыл о своем народе. Как и во времена Моисея – Аарона на первый план выходят поиски более осязаемого «Тельца» как метод решения всех проблем. Но, если Бог перестал быть причиной всех событий и истории в целом, то он перестает быть и целью их. Пока не «найден» новый Бог, складывается ситуация хаоса, ответственность за которую не берет и человек.

Однако, к «именам» Бога, обозначенным ранее и свидетельствующим о его активном участии в жизни «избранного народа» (Яхве⁴⁴, Творец, Открывающий себя, Искупитель, Избавитель, Саваоф, Милосердный, Промыслитель, Ире /усмотрит/, Рафа /Целитель/, Нисси /знамя мое/, Шалом /Господь мира/, Раах /Пастырь мой/, Цидкену /оправдание наше/, Шаммах /Господь

⁴² Шафир М.П. Очерк моисеево-талмудического права. СПб., 1871.

С. 3.

⁴³ Грундман В. Иисус из Назарета // Грундман В. Иисус из Назарета. Элперт Г. Мухаммед Пророк Аллаха. Ростов н/Д, 1998. С. 93.

⁴⁴ На этом имени также акцентирует свое внимание Христос, ибо тетраграмматон («имя из четырех букв») Yhwh (jod, he, waw, he) представляет собой наложение друг на друга трех слов «был», «есть» и «будет» (Пятикнижие и гафтарот. М.– Иерусалим, 2001. С. 15). Идея «претечного» Бога – одна из основных идей Торы и соответственно христианской европейской цивилизации.

там/)⁴⁵ Христом добавляется еще одно важнейшее, несомненно, культурообразующее – Отец. Отныне Бог становится не верховным правителем, как это характерно для традиционного иерархического общества, а опускается до каждого отдельного человека. Он – Отец всех и каждого, любящий, заботящийся. Он становится фактом личной жизни. Не случайно Христос настаивает на «детском» имени «отец»⁴⁶. Гнев уже не является основным свойством Бога⁴⁷. «С посланием Иисуса изменилось все: люди, отпавшие от Бога и виновные друг перед другом, вступают в новые отношения с Богом, приблизившимся к ним, как отец, простившим им грехи и пригласившим к своему столу и в свое сообщество»⁴⁸. Это представление совершенно не характерно для Ветхого Завета⁴⁹. Притча о блудном сыне демонстрирует новое отношение Бога-Отца к сыновьям, основанное на бескорыстии и ненасилии. Но и сыновья должны стать «детьми», проявляя открытость и доверчивость. Только христианин имеет право называть Бога Отцом, ибо это предполагает особые отношения, основой которых является идея «Завета» из Торы⁵⁰. Это принципиально важно для новой культуры, ибо, по мнению апостола Павла, после проповеди Христа человек начинает воспринимать себя «уже не рабом, но сыном». «Высшее и чистейшее представление, которое возможно в границах монотеизма, доходит до идеи сыновства всех людей по отношению к Богу-

⁴⁵ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, в русском переводе, с прим. Ч.И. Скоуфилда. М.: Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов, 1989. С. 13–14; *Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская энциклопедия Брокгауза. С. 395–397; Библейская энциклопедия. М., 1996. С. 142–143.

⁴⁶ *Мень А.* Цит. соч. С. 178, 179.

⁴⁷ *Юлихер А.* Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора // Раннее христианство. Т. 1. М., 2001. С. 207.

⁴⁸ *Грундманн В.* Цит. соч.; *Эллерт Г.* Цит. соч. С. 78.

⁴⁹ *Штраус Д.Ф.* Цит. соч. С. 178; *Аннаньель Т.* Христианство: догмы и ереси. СПб., 1997. С. 70. В христианстве происходит предельная универсализация представления о Боге. Если сначала идея бога была связана с тотемным животным (эль – овен, баран) как символом жизненной силы и Яхве изображали в виде «пар-бен-бакар» (молодого вола), то теперь он окончательно «теряет» форму.

⁵⁰ *Иеремияс И.* Богословие Нового Завета. Ч. 1. Провозвестие Иисуса. М., 1999. С. 203–207. Заметим, что слово «отец» в отношении Бога впервые применяется тоже в Торе (Втор 32:6).

отцу»⁵¹. В ответ на знаменитый вопрос Пилата об истине Христос подчеркнул, что истина есть только на небе. Даже если вопрос Пилата о наличии истины на земле риторический⁵², Христос в своем ответе предельно серьезен, ибо, по его мнению, зло на земле сильнее добра⁵³. Христиане возродили фактически множественного бога Элохим «с его сочувствием к людям, изрядно притупленным у Яхве» как Бога царства Давида⁵⁴. Христос все же не выходит за рамки геронтократически – авторитарной модели: даже добрый «отец» все равно остается старшим⁵⁵ и потому оказывает покровительство, творит суд и дает прощение. Эта модель станет и европейской.

Как позднее в случае с М. Лютером, подобный подход фактически отрицает весь опыт предшествующей церковной организации (в данном случае «иудейское бремя»), который замещается непосредственным, индивидуальным союзом-заветом между каждым верующим и Богом, и тем самым открывается простор для складывания новой церкви, приспособленной к изменившимся реалиям. Ветхозаветные законы, по мнению Христа, нарушили справедливость, ибо установили фактически кастовый строй и различные виды неравенства. Между тем, по Моисею, все одинаково равны перед Богом, ибо из-за первородного греха все в равной мере греховны и все одинаково участвовали в «клятвенном договоре» с Богом (Втор 29:10-13). Такая общественная трансформация вполне объяснима. Идея равенства родилась еще в кочевом обществе, но в «Земле Обетованной» происходило оседание древних евреев на землю, они переходили к земледелию и, естественно, устанавливалась социальная иерархия. Все же длительное время в этой маргинальной зоне⁵⁶

⁵¹ Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 93. «Изо всех религий одно христианство рядом с совершенным Богом ставит совершенного человека, в котором полнота божества обитает телесно» (Соловьев В.С. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1990. С. 306).

⁵² Мень А. Цит. соч. Гл. 18.

⁵³ Иисус Христос в документах истории. СПб., 1998. С. 182.

⁵⁴ Аннаньель Т. Цит. соч. С. 70.

⁵⁵ Сам беспрекословно подчиняется воле божьей, даже в своей знаменитой молитве: «впрочем, не моя воля, но твоя да будет!» (Лк 22:42), хотя и не «видит» в этот момент Бога («Элои, Элои! Ламма савахфани! – Боже мой, боже мой! Для чего ты меня оставил?» (Мф 27:46; Мк 15:34; Псалом 22:1).

⁵⁶ Лопухин А.П. Библейская история Ветхого Завета. Монреаль, 1986. С. 152.

сосуществовали земледелие и скотоводство, точнее происходил переход от скотоводства к земледелию (братья Иосифа были скотоводами: Быт 47:3; 47:4-6). Постепенно в земледельческой среде рождалась идея землепользования и законодательно устанавливался запрет на продажу земли «навсегда»⁵⁷. Рано появилась идея равенства всех перед законом: «закон один и одни права... да будут для вас и для пришельца, живущего у вас» (Числ 15:16, 29; Лев 24:22; Исх 12, 49). Постепенно происходит переход к монархии. Моисей и Иисус Навин потомками воспринимаются как «диктаторы»⁵⁸. Эпоха «судей» была переходной, аналогичной эпохе «республики» в Риме и греческой «демократии». Затем устанавливается и монархия.

Если перефразировать слова Л. Толстого, Христос предлагал формулу «Моисей минус церковь». По мысли Христа, новая церковь должна была быть общиной, состоящей из людей, связанных «братскими», т.е. равноправными отношениями. Он придавал исключительное значение достоинству каждой отдельной личности. Христос первым отказывается от «традиционных» отношений, например, когда общается с «оккупантом» – римским сотником. Его привлекает не этническая принадлежность, а вера (Мф 8:5-10; Лк 7: 2-8). В какой-то мере это воспримет Павел, заявивший о том, что «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28). Это же дает возможность трактовать Бога как покровителя не только отдельного этноса, но и всех народов на земле.

В учении Христа происходит отказ от этноцентризма, склонного воспринимать все жизненные явления с позиции предпочтения «своей» этнической группы, рассмотренной как эталон. Складывается этноцентризм в течении ряда веков с помощью «двухвекторной» установки. С одной стороны, существует установка на самое себя на этноцентр. С другой, остальные народы рассматриваются именно с этой этноцентристской позиции⁵⁹. Этнические «предубеждения – это не просто личные или индивидуальные установки, но установки одной (количественно превосходящей) социальной группы по отношению к другой, которые разделяются всеми или большинством членов группы и которые помещены в исторические, экономические и социаль-

⁵⁷ Там же. С. 154.

⁵⁸ Там же. С. 159.

⁵⁹ Антонов В.И. Символ в обществе и культуре Востока. М., 1993. С. 11.

ные структуры»⁶⁰. Таким образом складывался этнический «замок», связанный с этноиудеоцентризмом, который Христос и открывает. Он прямо выступает против этнической исключительности. «Братом» и «ближним» может и должен быть любой человек. Можно согласиться с А. Менем, что «Евангелие разрушило преграды, издавна разделявшие людей»⁶¹.

Это особенно интересно, если учесть, что в рамках Римской империи шел процесс складывания бифецефального устройства мира, вырабатывались две могущественные силы – единодержавие и единобожие⁶². Монархическая модель общества отодвигает на задний план предка («деда», «прадеда»), и государство становится «отчизной». Таковой оно начинает восприниматься и подвластными народами. Император начинает рассматриваться как отец всех и вся (народов, миров, правителей, отдельных людей). «Оборотной стороной», естественно, станет самовластье императоров Поздней империи. Их власть буквально обожествляется. Александр Македонский считался явившимся на землю богом (Δεός ἐπιφανής), спасителем, дарующим мир и жизнь. Римский поэт назвал Августа *praesens divus* («божество, живущее рядом с нами») (Гораций. Оды III,5). В Средиземноморье идет и процесс складывания особой формы политеизма – генотеизма, когда из множества богов выделялся один, главный (Яхве, Митра, Юпитер) и религиозный культ концентрировался вокруг него. Однако ни один из «известных» богов, связанных с крупной, развитой культурой, не мог быть принят в качестве «главного» и «единственного», тем более «единого» бога метарегиона (империи). Еврейский прозелитизм достигает большого распространения⁶³, но только «чужой» христианский Бог мог сыграть такую роль.

В неразрывной связи с понятием «Бога-Отца» выдвигается на первый план и образ «Сына»⁶⁴. Понятие «сына» – одно из сложнейших в средиземноморском культурном арсенале. Здесь

⁶⁰ Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989. С. 175–176.

⁶¹ Мень А. Цит. соч. С. 192.

⁶² Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.

⁶³ Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории. М., 1998. С. 139, 142.

⁶⁴ «Отец» и «сын» – символы начала и перспективного продолжения истории. Под сыном чаще всего понимается первородный сын, который становился духовным наследником (ср. рассказ о «споре» Исава и Исаака).

достаточно отметить, что снова налицо своеобразная переключка со временем Торы. Одним из значений имени «Моисей» является «сын». По мнению некоторых античных авторов (Манефон, Иосиф Флавий) и современных специалистов⁶⁵, это слово («мозе») египетского происхождения и означает «ребенок, данный /посланный/ богом»: Ра-мозе, Ра-месу – Рамсес, Тот-мозе, Тот-месу – Тотмес. Моисей был «сыном», через которого Бог даровал «избранному народу» «закон». Моисей дал Тору, религию и обрезание. Христос дал Евангелие, «мировую религию» и причастие. С Моисея начинается иудейская «литература», с Христа – новая, христианская. Осознанно или неосознанно Христос подражает Моисею. Их роднит тайное рождение обоих. Близки рассказы о преображении Иисуса (Мф 17: 1-13; Мк 9: 2-13; Лк 9: 28-36) и восхождении Моисея на гору Синай (Исх 24, 34)⁶⁶. Даже эпизоды из детства у них похожи (Исх 4:19-20; Мф 2: 20-21)⁶⁷. В христианской традиции Моисей прямо рассматривается как прообраз Христа⁶⁸ (Исх 61:1; Лк 4:18; 2Кор 1:10; 1Фес 1:10). Оба – «избавители» (Исх 3:7-10; Деян 7:25; Ин 3:16), оба «отвергнуты» Израилем и обращаются к язычникам (Исх 2:11-15; Деян 7:25; 18:5-6; 28:17-18). «Моисей искупил ...грех» человеческий⁶⁹. Он, как и Христос, посредник между Богом и греховным народом. По утверждению Ш. Айзенштадта существовала «многовековая традиция, характеризующая Моисея, руководителя народного освобождения и народного законодателя, как “князя пророков”, как основоположника пророческого движения»⁷⁰. Сам Яхве называет Моисея «главным пророком». По свидетельству древнеславянского перевода «Истории Иудейской войны» современники воспринимали Христа как «второго» Моисея: «Одни говорили, что это наш первый законодатель, воскресший из мертвых и творящий много исцелений и

⁶⁵ Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М., 1993. С. 4; *Breasted D.H. The Dawn of Conscience.* L., 1934. P. 350; *Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская Энциклопедия Брокгауза. С. 591; *Келлер В.* Библия как история. М., 1998. С. 133; *Wörterbuch der Aegyptischen Sprache.* Bd. II. Berlin, 1955. S. 137–138; *Faulkner K.O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian.* Oxford, 1990. P. 116.

⁶⁶ Ленцман Я.А. Сравнивая евангелия. М., 1967. С. 53.

⁶⁷ Штраус Д.Ф. Цит. соч. С. 306.

⁶⁸ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов., 1989. С. 87.

⁶⁹ Слова светильные // Тексты Кумрана. С. 272.

⁷⁰ Цит. по: *Беленький М.С.* Иудаизм. М., 1974. С. 152–153.

чудес... Ибо во многом он действовал не согласно с законом...»⁷¹. Моисей предвосхищает и предсказывает Христа как пророка (Деян 3:22-23), защитника (Исх 32:31-35; 1Ин 2:1-2), ходатая (Исх 17:1-6; Евр 7:25), Вождя, Царя (Втор 33:4-5; Исх 55:4; Евр 2:10). С Моисея «богоправление» становится основой жизни еврейского народа. Яхве провозглашается царем и судьей «избранного народа». Через ряд законов обеспечивалась такая «справедливость», какой не знали окружающие народы и на которую они ориентировались. Моисей есть предтеча Христа, ибо он «служитель» в доме Бога «для засвидетельствования того, что надлежало возвестить», а Христос уже «сын в доме Его» (Евр 3:5-6). Оба свои идеи излагают спокойным, поучительным тоном и даже по этой причине воспринимаются окружающими как учителя⁷². Двенадцать учеников Христа есть подобие двенадцати колен израелевых. Откровение как сообщение Богом главных законов жизни народу через посредника в обоих случаях происходит в экстремальных условиях⁷³. Такого масштаба «предводителей» у евреев было только двое⁷⁴. Только Моисей и Христос – посредники (μεσίτες) между Богом и людьми: Моисей – пророк, не имеющий себе равного (Втор 34:10), Христос – воплощенный Бог. Оба не увидели плодов своего труда, но оба заложили основы новой мощной традиции.

Даже то, что Христос именует себя «Сыном человеческим» может указывать на его стремление вернуться к первоначальным значениям слов, ведь на древнееврейском это звучит как «бен-Адам», «бар-енаш». Он не сам придумал его. Это обозначение прилагается к любому человеку в целом ряде библейских книг (Быт 11:5; Чис 23:19; 1 Цар 26:19; Пс 89:4; Притч 8:4; Еккл 1:13). Говорит оно о преходящем характере человеческой жизни, незначительности перед Богом, греховности человека. Оно применяется, однако, и по отношению к особо отличившимся людям (Иез

⁷¹ II,9,3 – Цит. по: Бобринский А. Из эпохи зарождения христианства. Свидетельства нехристианских писателей первого и второго веков и Господе нашем Иисусе Христе и христианах». М., 1995. С. 18. Один из главных терминов евангелий – «Я» (Меня, Мне). Начинает с традиционной интерпретации иудейского Закона («вы слышали, что сказано древним...»), но затем дает свою интерпретацию («но я говорю вам»).

⁷² Селезнев М.Г. Цит. соч. С. 122.

⁷³ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998. С. 120.

⁷⁴ Золотаревский М. Элементы христианского богословия с точки зрения иудея. Ч. 1. Тель-Авив, 1996. С. 77. См. также: Словарь библейского богословия / Под ред. Ксавье Леон-Дюфура и др. Киев – М., 1998. С. 588–591.

2:1) и Мессии (Дан 7:13)⁷⁵. Понимать его следует в том смысле, что человек должен быть столь же «чистым» как Адам, венец творения Бога. Павел прямо описывает Христа как небесного («нового») Адама (1 Кор 15:45-49; Евр 2:5-9). Многие средневековые авторы и представители Реформации будут настаивать на том, чтобы человек вернулся в «состояние Адама до грехопадения».

Через Христа закрепляется и развивается сделанная впервые именно в иудейской литературе крайне необходимая для «строительства» цивилизации попытка скоррелировать два неравных временных периода – настоящее и бесконечное. Настоящее – это время «бедствий» и «катастроф», «испытаний» и «наказаний». Вечное чаще всего обозначается словом 'Ōlam и традиционно понимается как 1) «вечность», «длительность», «длительное время»; 2) «будущее время»; 3) «давнее время», «далекое прошлое»; 4) «сокрытое», «сокровенное», «истинное»⁷⁶. Этот термин широко распространен в Ветхом Завете (около 440 упоминаний). В результате внимание читателя и слушателя максимально удерживается на необходимости решения самой главной педагогической проблемы – искупления первородного греха. Настоящее понимается как «безбожное» время: от конфликта и расставания с Богом в Эдеме до встречи с ним после Страшного Суда и «возвращения в Эдем». Вечное объемлет настоящее, превращая его в хронологический «остров», оно «было» и «будет» всегда, ибо только оно «истинно»⁷⁷. Мир становится историей, история строится как дорога к Храму и Богу. Графически модель истории⁷⁸ можно выразить так. Фигура Христа (точка бифуркации) ставится в центре оси координат:

⁷⁵ Ринекер Ф., Майер Г. Библиейская энциклопедия Брокгауза. С. 962; Словарь библейского богословия. С. 1154.

⁷⁶ G.R. 'Ōlam // Biblia e Oriente. Vol. 16. 1974. P. 182; Vries J. De. Yesterday, Today and Tomorrow. Time and History in the Old Testament. Grand Rapids. 1975. P. 39; Вейнберг И. Пространство и время в модели мира ветхозаветного историописца // Народы Азии и Африки. 1990. № 6. С. 76.

⁷⁷ 'Ōlam – «поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история» (Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. С. 88).

⁷⁸ Эта модель фактически существует в любой культуре и связывается с двумя обязательными «точками отсчета»: «грехопадением» и фигурой «спасителя» («первопредка», «родоначальника», «героя», «мудреца», «вождя»).

Вертикаль А⇒В связана с хронологией и показывает движение от «начала» к «концу» «истории». «Началом» является не сотворение мира и не сотворение человека, а нарушение «завета» с Богом, который придавал смысл существованию человека. Человек «изгнан» из Рая и начинается его существование «без Бога». «Встреча» с Богом произойдет после Страшного Суда и тогда «история» окончательно лишается смысла, заканчивается. Фигура Христа делит время пополам: «доистория» – это то, что вело к нему, «история» – время распространения его «истины». Вертикаль обязательно ограничена, ибо без четкого обозначения «начала» и «конца» «истории» невозможно решение главной педагогической задачи – исправления человечества. Именно поэтому и вертикаль важнее горизонтали. Многие специалисты⁷⁹ утверждают, что существует принципиальное, сущностное и непреодолимое различие между динамизмом древневосточного мышления, проявляющимся в примате времени, и статичностью древнегреческого мышления, выражающейся в примате пространства. Скорее всего, именно в рамках иудаизма впервые

⁷⁹ Например, *Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы*. С. 83.

произошло серьезное смещение акцента в системе координат «хронология – хорология» в пользу времени. Но и греки как бы «догоняли» семито-хамитские народы, ибо тоже «обладали необычайно острым чувством времени»⁸⁰.

Горизонталь $C \Rightarrow D$ связана с хорологией (пространством). «До» Христа «истина» была связана с «Землей Обетованной», а «после» него раздвигается до пределов ойкумены, т.е. всего населенного людьми пространства. Со временем появится уверенность, что эта истина «доступна» и для понимания всех «тварей» («творений») Бога. Горизонталь тоже обязательно ограничена – сама идея «истории» возможна только в ситуации «клетки», т.е. ограничения пространства. Если пространство безгранично, то просто нет проблемы выживания, с которой и связано появление понятия «истории». Пространство дискретно, «лоскутно», качественно разнородно и его окончательное «упорядочивание» необходимо и возможно, но должно происходить не стихийно и хаотично, а целенаправленно и осмысленно⁸¹. Так рождается идея «строительства» «мира».

«Нижнее» полушарие (CAD) описывает «историю» до Христа и выделяет обязательно прежние «миры»: «Земля Обетованная» (CA) и «Языческий мир» (AD). Именно их взаимоотношение и определяет суть и смысл исторического процесса. Эта «история» описывается в Танахе, «прочитывается» она, естественно, сквозь призму «истины» Христа⁸². Этот период имеет крайне важное значение, ибо он посвящен «человековедению» (человекопознанию, самоопределению «человечества» во времени и пространстве). Здесь Бог дает «обещание».

«Верхнее» полушарие (CBD) – «новозаветное», футурологическое. Здесь выделяются уже новые «миры» – «Святая Земля» с «центром» в Иерусалиме и «христианский мир», который предстоит «построить». Задача этой «истории» – «человековедение», т.е. «воспитание» и «исправление». Бог исполняет свое «обещание».

⁸⁰ Коллингвуд Р.Дж. Цит. соч. С. 23.

⁸¹ Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 58; Вейнберг И.П. Рождение истории. С. 264; Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. Цит. соч. С. 31–34; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 212; Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982. С. 12.

⁸² Любопытны слова М. Лютера: «Ветхий Завет – это завещание Христа, которое по его воле было вскрыто после его смерти и прочитано, и провозглашено повсюду посредством Евангелия» (Цит. по: Янси Ф. Библия, которую читал Иисус. М., 2001. С. 22).

Фигура Христа связывает воедино четыре старых и новых «мира», время и пространство, хронологию и хорологию и, в то же время «раскалывает историю пополам». В этом «разрыве исторического материала сияет свет иного мира»⁸³.

Если воспользоваться идеей Рафаэля Санти (фреска «Афинская школа»), то у истоков европейской культуры можно поставить не Платона и Аристотеля (это видение итальянского Возрождения!), а Христа и Аристотеля. Христос, а не Платон, должен указывать на небо, но именно Аристотель чертит необходимую для культурной сетки координат горизонталь. Не случайно схоласты называли его «praecursor Christi in naturabilis» («предтеча Христа в естественных делах»). Именно так соединяется «сверхъестественное» и «естественное», небесное и земное, сакральное и секулярное как две ипостаси культуры. Так соединяется вертикаль и горизонталь, хронология и хорология, время и пространство, так воздвигается Крест культуры и истории. Пересечение времени («вечности», сущностного) и пространства («мира», сущего) позволяет предельно точно обозначить местоположение любого факта, события, явления, поступка. Создается механизм оценки «правильности» культуры и человека⁸⁴.

Можно сделать уверенное предположение, что таким образом формируется и важный для развития европейской цивилизации историзм как «способ разграничения прошлого и настоящего... определенная форма понимания структуры исторического времени»⁸⁵. Традиционно считается, что он утверждается лишь в XIX в., однако ряд исследователей говорят об историзме в античном мире и ближневосточном историописании⁸⁶. И это совершенно справедливо, ибо в основе этого понятия лежит «идея развития во всех областях человеческого знания вообще и в науках о чело-

⁸³ Зеньковский В. Апологетика. Рига, 1992. С. 167.

⁸⁴ В связи со сказанным невозможно согласиться с утверждением, что «тот, кто будет стараться осмыслить историю односторонне, настаивая на самостоятельности (автономности) человеческой деятельности, тот никогда не придет к библейскому откровению» (Маннуччи В. Библия – Слово Божие. Общее введение в Священное Писание. М., 1996. С. 38–39).

⁸⁵ Антипов Г.А. Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск, 1987. С. 111.

⁸⁶ Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 38; Ахундов М.Д. Указ. соч. С. 78; Андреев Ю.В. Об историзме гомеровского эпоса // Вестник древней истории. 1982. № 12. С. 3–11; Вейнберг И.П. Рождение истории. С. 308.

веке в частности»⁸⁷, что и демонстрирует приведенная модель «истории». Здесь прослеживается и такая обязательная характеристика как взаимодействие событий и явлений⁸⁸ в форме взаимодействия божественного и земного, общественного и индивидуального, прогрессивного и регрессивного. Христианскому историзму присущи концептуальность и казуальность⁸⁹ – Бог выступает в форме «первопричины». Для иудейско-христианской концепции характерно понимание истории как «мощного инструмента формирования будущих поколений»⁹⁰.

Появляется возможность перехода от концепции «Земли Обетованной» к концепции «мира» как территории Истины. Бог начинает покровительствовать всем, кто принимает эту Истину. Здесь надо отметить и то, что Христос не разделял представление, достаточно характерное для Танаха, о постепенном этическом прогрессе и ожидал скорого наступления страшной эсхатологической катастрофы⁹¹. Бог и История – эта дихотомия становится как минимум общеевропейской, а в итоге просто специфически европейской.

Подчеркивается это и акцентированием на одном из важнейших положений Торы о том, какой должны быть любовь к Богу и Человеку. Христос фактически создает концепцию двуединой любви. Фарисеи, «слышав, что народ дивился учению Его», собрались вместе и в результате коллективного творчества родили очень «каверзный» вопрос: «какая наибольшая заповедь в законе?». И Христос называет свою знаменитую двуединую заповедь. Он сближает «любовь к ближнему с любовью к Богу почти до полного отождествления» и тем самым снова воедино соединяет «мораль и религию»⁹². В то же время, его отношение к любви предельно своеобразно: впервые в истории любовь распространяется даже на

⁸⁷ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 3.

⁸⁸ Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 203–204.

⁸⁹ Там же. С. 204; Пятикнижие и гафтарот. С. 7, 1389.

⁹⁰ Пятикнижие и гафтарот. С. 1390.

⁹¹ См.: Иеремияс И. Цит. соч. С. 153–162. Точнее будет все же, видимо, говорить о том, что он в соответствии с иудейской традицией ожидал «ахрит хаимим» («конца времен»). Но слово «конец» означает и «цель», утверждение Цели. См.: Розен М. Уроки Библии // Иностранная литература. 1990. № 9. С. 234.

⁹² Гарнак А. Сущность христианства // Раннее христианство. М., 2001. С. 50.

врагов. Завет любви к врагам – «собственность» только Иисуса: «в евангелиях мы слышим этот завет только из его уст»⁹³.

Существенным признаком переходного характера культуры является изменение отношения к человеческим чувствам и эмоциям. Как в любую «ренессансную» эпоху Христом делается особый акцент на свободе размышлений и чувствований. Об этом говорит уже то, что на первый план он выводит понятие «любви», которое тоже позаимствовал у Моисея (Мк 12:28-31)⁹⁴. Усложняется или даже меняется психология людей, эмоции приходят в конфликт с идеями, становятся «неуправляемыми»⁹⁵. Для их постижения применяется «древний» принцип *similia similibus* (подобное подобным) – постигать эмоции эмоциями, страсти страстями, интересы интересами, т.е. сопереживать, сочувствовать. Как Тора обосновывает Новый Завет, так и поведение древних должно обосновывать поведение современных людей. Традиционный человек «боялся» погубить свою душу излишней привязанностью к земному (Г. Штокмайер). Любая сложившаяся идеология не осмысливает телесной жизни, чаще всего она просто отрицает ее, а в переходную эпоху широко распространяется интерес ко всему земному и человеческому, и тема любви становится одной из центральных в культуре. В Танахе есть много описаний любви, однако частотность основного слова для ее обозначения ('ahbā как любовь между мужчиной и женщиной, себялюбие, любовь бога и любовь к богу) обнаруживает четкую тенденцию к понижению⁹⁶. Теперь же «любовь» воспринимается, во-первых, эмоционально⁹⁷, а, во-вторых, как жизненно важная философская категория, какой она была в «древности» (на-

⁹³ Флуссер Д. Иисус, свидетельствующий о себе. Челябинск, 1999. С. 91.

⁹⁴ Теуш В.Л. О духовной истории еврейского народа. М., 1997. С. 160.

⁹⁵ Осмелюсь возразить А.С. Пушкину (Полн. Собр. Соч. Т. XI. М., 1949. С. 127): провидение – алгебра, а ум человеческий действительно пророк, а не угадчик, но лишь в условиях «состоявшейся» культуры. На стыках же культур он попадает под власть «случая», но, как замечает сам поэт, случай все равно остается «мощным, мгновенным орудием провидения», просто человек с ним ЕЩЕ не сталкивался. Случайное в данном случае не просто редкое и непостоянное, а еще и доселе неведомое.

⁹⁶ Вейнберг И.П. Рождение истории. С. 139.

⁹⁷ Закарас В.К. Библейские истоки половой морали христианства. Автореферат дисс. канд. филос. наук. Минск, 1988. С. 14.

пример, у Эмпедокла и Платона). Любовь Христа не связана с чувственностью, ибо предполагает заботу не о себе, а о другом человеке (Ин 15:12). И здесь он, вероятно, идет от Торы: «любви ближнего твоего, как самого себя» (Лев 19:18). Однако если в иудаизме это положение воспринимается как запрет⁹⁸, то Христос требует активной, воспитующей любви. Заповеди-запреты заменяются на евангельские «заповеди блаженства».

Человек «Возрождения» оказывается предоставленным самому себе и лично, индивидуально ответственным за свои проступки: «итак каждый из нас за себя даст отчет Богу» (Римл 14:12). Наблюдается, по терминологии Гегеля, «реакция индивидуумов против законной власти»⁹⁹. «Историческая значимость Христа проявляется в том, что благодаря ему была разработана новая система ценностей, за основу которой взята человеческая личность»¹⁰⁰. Главное, что любовь не творит зло (Римл 13:10), она даже больше, чем вера и надежда (1Кор 13:13) и, действительно, «больше всех всесождений и жертв» (Мк 22:23). По Христу, любовь вместе с раскаянием и верой является прямым поводом для отпущения грехов (Мф 9:2; Лк 7:47). Присутствие Бога в мире проявляется не внешне, а в тихом и слабом голосе любви и совести.

О личностном отношении к религиозным проблемам говорит и свободное и рациональное отношение Христа к Тексту (как позднее у Лютера). В Евангелии от Марка описывается случай исцеления «одержимого духом» в городе Капернауме. «Вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил». Все, естественно, «дивились» его учению, «ибо Он учил их как власть имеющий, а не как книжники». Под учением подразумевалось толкование положений Торы. При таком толковании принято было ссылаться на предыдущих толкователей — в духе какого признанного мудреца ты разъясняешь то или иное положение Торы. Иисус так не поступал, он толковал Тору от своего имени, поэтому и «дивились» собравшиеся. Отличался от прежних учителей он и тем, что, подобно Моисею, принявшему закон на горе Синай, избегал учебных помещений и шел за пределы городов: проповедь у горы (Лк 6:17), Нагорная проповедь (Мф 5:1), проповедь у моря (Мк 4:1). «У него была чистая и неиспорченная душа страны, не знавшей городов» (О. Шпенглер). Христос дополнил ветхозаветную «любовь к Богу

⁹⁸ Гилель: «не делай ближнему своему того, что ты не желаешь, чтобы делали тебе». См.: Пятикнижие и гафтарот. С. 790.

⁹⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб, 1993. С. 385.

¹⁰⁰ Кернс Э. Дорогами христианства. История церкви. М., 1992. С. 38.

от всего сердца, всей душой и изо всех сил» фразой «и всем своим разумением» (Мк 12:28-34). Интерес к текстам является особым признаком любого «Возрождения». Христос «декодирует» Тору и таким образом закладывает основы будущей герменевтики.

Важнейшая в будущем христианстве концепция «откровения» также развивается за счет сравнения Христа и Моисея. Если Моисей «беседовал» с Богом на горах Хорив и Синай, то Христос есть единородный Сын Божий. Их опыт общения с Богом не просто уникален, он просто неповторим¹⁰¹.

В результате вскоре рождается и концепция «евангелия» (арам. Бесора). Слово «евангелие» происходит от греческого «евангелион» и первоначально обозначало вознаграждение, полагавшееся человеку, принесшему добрую весть. Библейское бесора (besora) употребляется в значениях «весть», «радостная весть» (2Цар 18:20, 22, 25, 27; 4Цар 7:9), «награда за радостную весть» (2Цар 4:10). На народном греческом языке койне это слово означало вообще любое доброе известие или сообщение о прибытии какого-то значительного лица. Известна надпись в одном греческом городе о приезде императора как о его евангелии. Как бы там ни было, для жителя греческого мира слово «евангелие» обозначало самое очевидное его понятие – благая весть. «Закон» – символ и механизм культуры, а Евангелие – символ культурного поиска или «ремонта» прежнего культурного механизма.

Таким образом, закладывается возможность «агрессии» новой Истины и складывания «мировой религии». Социальный оптимизм увеличивается. Одиннадцать оставшихся апостолов, отправились в Галилею, где они и встретились с воскресшим. Учитель, предварительно заверив своих учеников в том, что ему «ана всякая власть на небе и на земле» отправил их «аучать» все народы, ибо он, по его же словам, «явился в мир не изменять законы, а утверждать их».

(окончание следует)

¹⁰¹ Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1997. С. 282.

С.И. Сотникова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКОВИИ В РУССКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЧЕРТЕЖАХ XVII ВЕКА

Среди свидетельств русской истории и культуры повседневности рубежа позднего средневековья и нового времени несомненный интерес представляют практически не освоенные гуманитарной наукой *графические образы пространства*, давшие начало впоследствии современным картам. В Москве XVI–XVII веков их называли чертежами (земель, городов, дворов и др.). В исследовательской литературе они получили известность вначале как «карты-чертежи», либо географические чертежи¹ в отличие от технических чертежей. Термин «ландкарта» войдет в русский обиход лишь в 1720 г.: в Генеральном Регламенте он будет употреблен наряду с термином «чертеж»². В корпусе картографических источников прошлых эпох русские географические чертежи как протокарты образуют нижний хронологический рубеж.

В большинстве своем чертежи имели ярко выраженную практическую направленность, представляя собой *графический способ инвентаризации конкретных пространственных реалий* хозяйственной, политической и культурной жизни. Например, их использовали для показа границ земельных владений, обнаружении и учете сырьевых и земельных ресурсов, прокладке дорог, инвентаризации городских построек, отображении географической ситуации в пограничных районах и др.

Для истории науки и, прежде всего, картографии как предметного знания изучение чертежей важно для выяснения *генезиса карты*. Чертежи – это «детство» картографирования, период «доинструментальных» приемов картосоставления.

¹ Кузин А.А. Развитие чертежного дела в России (до XVIII в.) // Труды ИИЕиТ. Т. 3, М., 1955. С. 148–167.

² О ландкартах и чертежах государевых // ПСЗ Российской империи. Т. VI. № 3534.

Этот период в истории русской картографии до сих пор мало изучен. В значительной мере, это объясняется существовавшим (буквально до 80-х годов XX в.) дефицитом фактографического материала, необходимого для выполнения фундаментальных исследований. Ситуация существенно улучшилась в 1980-е годы, когда в РГАДА началась планомерная работа по всестороннему выявлению географических чертежей в фондах и коллекциях архива. К началу 1990-х годов было выявлено и описано около 1000 чертежей, а также дана первая схема их систематизации. Опубликованный на основе этих материалов каталог³ явился первым шагом для введения в широкий научный оборот этих интересных источников.

Отдельные обращения историков к географическому чертежу, как и попытки их публикации, восходят к середине XIX столетия⁴. В конце XIX века появляются исследования, посвященные бытовой культуре различных сословий, где чертежи используются для воссоздания облика жилых построек⁵. Однако устойчивый интерес к ним как историческим свидетельствам начинается, пожалуй, в середине XX века и связан, прежде всего, с работами в области источниковедения⁶.

³ Кусов В.С. Чертежи земли русской XVI–XVII вв. М., 1993.

⁴ Иванов П.И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846; Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова // Записки Славяно-русского отделения Археологического общества. Т. II. Спб., 1861. Приложение; Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. II. М., 1895. С. 249 и др.

⁵ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, т. I, М., 1895; Чечулин Н.Д. Русские деревянные жилые постройки в XVII в., Спб., 1893, 13 с.

⁶ В это время появляются работы о картах прошлых эпох как специфическом корпусе исторических свидетельств; в общем виде обсуждаются проблемы разработки методов их анализа, оценки полноты содержания и точности изображения, специфики публикации и др. В структуре источниковедения начинает формироваться особый раздел, связанный с этим корпусом источников. Из работ этого периода выделяются учебное пособие О.М. Медушевской, а также исследования Л.А. Гольденберга, посвященные истории, теории и методике картографического источниковедения. См.: Медушевская О.М. Картографические источники XVII–XVIII вв. Учебное пособие по источниковедению истории СССР / Отв. ред. В.К. Яцунский), М., 1959; Гольденберг Л.А. Русские картографические материалы как исторические источники и их классификация (XVII–XVIII вв.) // Проблемы источниковедения. Вып. VII. М., 1959. С. 296–347; он же. Семен

В отдельных работах были опубликованы сами чертежи, чаще всего, в качестве приложения к тексту и как графическая привязка описываемого исторического события или факта⁷.

Первые обращения к чертежу как основному источнику для изучения исторического феномена, связаны с работами в области истории архитектуры и, в частности, в воссоздания облика древнерусских городов. При отсутствии в рассматриваемый период (XVII в.) других способов видеофиксации пространственных реалий чертежи для истории архитектуры – единственные свидетельства, воссоздающие планировку улиц, облик зданий и пр. В цикле этих исследований выделяется монография Г.В. Алферовой и В.А. Харламова, в которой по чертежам города осуществлена реконструкция архитектурного облика Киева второй половины XVII века воссоздана общая его планировка, показаны особенности застройки отдельных районов, воспроизведен архитектурный облик наиболее примечательных зданий. Работа построена на чертежах города как главным источнике, а наиболее замечательный из них (чертеж 1695 года) опубликован в приложении к монографии⁸.

В середине XX столетия появляются работы, фиксирующие внимание на принципах построения изображения географического чертежа как пространственной модели местности, вначале – в связи с анализом особенностей построения изображения технического (инженерного) чертежа. Это – исследования историка техники А.А. Кузина. «Натурный» способ отображения строений на чертежах, отмеченный еще в конце XX в. Н.Н. Оглоблиным⁹, А.А. Кузиным был назван *физиограммой* города (вид «с высоты птичьего полета»). Вообще с работами А.А. Кузина начинает формироваться новое направление в историографии географического чертежа, связанное с изучением

Ульянович Ремезов – сибирский картограф и географ (1642 – после 1720 г.). М., 1965; он же. К вопросу о картографическом источниковедении // Историческая география России XII – начала XX вв. М., 1975. С. 217–238.

⁷ Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVIII в. М., 1957. Приложение; Преображенский А.И. Экономические карты дореформенной России // Вопросы географии. 1950. № 7. С. 113–144; он же. Экономическая картография. М., 1953. С. 13.

⁸ Алферова Г.В., Харламов В.А. Киев во второй половине XVII в. Историко-архитектурный очерк. Киев, 1982. Приложение.

⁹ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. III. М., 1900.

его семантики, лексики, способов передачи пространства, наконец, формирования картографической символики как специфической графической системы и ее места среди других графических систем¹⁰. А. Кузиным были описаны *принципы построения неперспективного изображения*, изначально во многом общие для географического и технического чертежа. Кроме того, автор, кажется впервые, затронул вопрос о генезисе русской карты-чертежа, показав, что своими истоками она, в значительной степени, связана с *древнерусской иконописью*.

Эта идея получила развитие в работах исследователей конца 1980–90-х годов. Так, В.С. Кусов особо выделил так называемые «чертежи-иконы», сочетающие натурное изображение местности с персоналиями или событиями священной истории. В этих чертежах фиксируется факт бытования практики механического соединения элементов религиозной живописи и графической инвентаризации реалий местности. Это, как бы *уже не икона, но еще не карта* в привычном для нас значении.

Проблемы семантики и лексики русского чертежа на фоне и в связи с другими семиотическими системами (текстом, живописью, иконописью) рассматривались также автором данной статьи, с подробным разбором различных типов изображения на ряде опубликованных чертежей. На основе анализа большого массива (более трехсот) чертежей, посвященных разным практикам социального их бытования, была предложена первая типология локальных географических чертежей применительно к социальной их функции («назначению», как говорят картографы) с краткой содержательной характеристикой выделенных типов¹¹.

Позднее мною был рассмотрен вопрос о «взаимоотношений» русского географического чертежа с живописью и иконописью (лексика, правила построения изображения и др.)¹², важ-

¹⁰ К сожалению, это перспективное, на мой взгляд, направление разработано до настоящего времени недостаточно.

¹¹ Сотникова С.И. Памятники отечественной картографии XVII в. // Памятники науки и техники. М., 1989. С. 176–201; она же. Источниковедение русских карт XVII – начала XX вв. Автореф. докт. дисс. М., 1990.

¹² Сотникова С.И. Русский географический чертеж, его знаковая структура и социальные функции // Древнерусская культура в мировом контексте; археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. Москва 19–21 ноября 1997 г. М., 1999. С. 124–129; она же. Древние живописные традиции в русских географических чертежах XVII века // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия. М., 2001. С. 67–74.

нейший для понимания становления картографической символики как знаковой системы. В данной работе географические чертежи анализируются в контексте реалий повседневной жизни, т.е. на фоне ординарных событий.

Чертежи XVII века являются наиболее ранними из сохранившихся в подлиннике отечественных картографических образов местности. Основной их массив хранится в РГАДА, где они отложились в фондах приказных учреждений тех лет: Посольском, Разрядном, Поместном, Тайном приказах. К настоящему времени их известно чуть более тысячи. Примерно половина из них сохранилась в фонде Поместного приказа, в составе судебных дел, связанных с земельными тяжбами. Около четырехсот чертежей сохранилось в составе приказа Тайных дел, небольшой массив (около 50 чертежей) – в фондах Разрядного и Сибирского приказов. Наконец, около 60 чертежей отложились в составе коллекций МГАМИД и МАМЮ. Кроме РГАДА, 48 чертежей XVII века обнаружено В.С. Кусовым в Московском областном краеведческом музее¹³. Отметим, что работа по выявлению чертежей продолжается и свидетельствует о том, что этих документов немало и в личных и монастырских фондах.

XVII век не является самым древним периодом практики использования чертежей: нижний хронологический рубеж бытования обзорных чертежей, составленных на большую территорию Московии, восходит к концу XV века¹⁴. Основанием к такому заключению послужил выполненный Б.А. Рыбаковым анализ нескольких европейских карт XVI века, на которых изображение Московии явно диссонирует с остальным «текстом» карты (вплоть до обратного общего ориентирования по странам света). Отсылая интересующихся к этой работе, отметим наиболее существенный для нашей темы «итог» исследования Б.А. Рыбакова: факт довольно раннего бытования локальных чертежей в Московии. Как известно, обзорные чертежи готовились на основе «сведения» воедино серии локальных чертежей, а, следовательно, если принять версию Б.А. Рыбакова, то можно предположить, что локальные чертежи, вероятно, широко быто-

¹³ Кусов В.С. Собрание древнерусских чертежей земель // Геодезия и картография. 1980. С. 59–61.

¹⁴ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI вв. М., 1974.

вали уже в XV в. Таким образом, дошедшие до нас подлинные чертежи XVII века фиксируют, как минимум, двухсотлетний опыт составления чертежей, который привел к их первичной «специализации» по содержанию, обобщению информации, а также к формированию определенных типов изображения, т.е. складыванию тех особенностей в построении изображения, которые в XVIII в. явно выделяют карту из смежных графических систем.

Необычайно симптоматичен русский географический чертеж как культурный текст эпохи. Дело в том, что чертежи составлялись непрофессионалами и, потому стихийно в них фиксировался образ мышления, «картина мира» рядового человека. Напомню, что в XVII в. в Московии еще не существовало практики подготовки специалистов-картосоставителей. Как известно, первые учебные заведения, в программе которых были представлены дисциплины, имеющие отношение к картосоставлению появились лишь в начале XVIII века: Навигацкая школа была открыта в Москве в 1702 г., а Морская академия в Санкт-Петербурге – лишь в 1715 г.

Не менее важна и *ординарность мотивов* его составления и бытования. Если обзорные чертежи Московии являли картографическую версию государства и потому составлялись с привлечением по возможности лучших умельцев (вплоть до иностранцев, в частности, итальянцев, живших в то время в Московии), то чертежи локальных территорий создавались и бытовали в сфере решения *рядовых повседневных задач* и составлялись на месте, «случайными» людьми (служилые люди, воеводы, священнослужители и др.). Однако именно здесь, в решении сугубо практических задач закладывались основы для формирования в будущем различных способов отбора и обобщения информации (картографическая генерализация) применительно к назначению карты, а также широкая палитра картографической символики и приемов построения изображения. Так, чертежи поражают невероятной вариативностью приемов построения изображения, фиксируя, с одной стороны, традиционные стереотипы мышления и «привычки сознания» человека своей эпохи, а с другой, определенные навыки и умения чисто рисовального «технического» свойства, связанные с индивидуальными способностями, талантами, тщанием и пр. Большая часть чертежей анонимна, и, в этом смысле, использование определенных навыков составителя нередко выводит на предположение об авторстве, хотя бы на уровне принадлежности к определенной социальной страте (священник, служилый чело-

век, «иконник» и пр.). Анализ изображения многих чертежей обнаруживает в ряде случаев четко выраженную тенденцию ломки привычных образов мира под напором формирующихся областей рационального знания.

Как показали наши исследования, во многих чертежах второй половины XVII века – налицо тенденция к формированию очень *огрубленной их типологии как системы однотипного реагирования на сходный социальный заказ* (создание аналогичных картографических образов для отображения сходных пространственных реалий). Так, именно в чертежах XVII столетия уже четко просматриваются будущие карты и планы населенных пунктов, рек, дорог, сырьевой тематики и др.

Сопоставление семантики русских географических чертежей с аналогичной практикой других стран свидетельствует, что подобное ранжирование картографического образа местности применительно к назначению было общим процессом, хотя и реализовывавшимся диахронно в соответствии с конкретной историко-культурной ситуацией. Вероятно, многолетняя практика осмысления человеком окружающего пространства и форм взаимодействия с ним вырабатывала *оптимальные способы и сходные навыки графической инвентаризации слагающих его структур*. Сходные приемы фиксации пространственных реалий прослеживаются в весьма удаленных хронологически и регионально культурах: например, русских географических чертежах XVII в. и изображениях владений буддийских монастырей XII века на территории нынешнего Вьетнама.

Для понимания сути происходившей *ломки в стереотипах сознания* необычайно плодотворен и *семиотический анализ изображения*. Чертежи выявляют наметившуюся тенденцию формирования самостоятельной знаковой системы для отображения пространства. Лексика географического чертежа содержит широкий диапазон знаков, фиксировавших различные этапы, пройденные средневековым человеком в восприятии окружающего пространства как *простой совокупности индивидуальных предметов, к обобщению, абстрагированию, формированию определенных понятий*. Этот процесс перехода от конкретного восприятия предметов к абстрактному мышлению хорошо прослеживается в динамике знаков, используемых на русском чертеже. Как показали наши исследования, типы знаков, встречающиеся в чертежах XVII века, образуют определенный эволюционный (хронологически неупорядоченный) ряд:

текстовое описание пространственного объекта, натурное изображение, наглядный значок, абстрактный знак, или символ.

В зависимости от назначения и объекта картографирования, дошедшие до нас чертежи можно разделить на следующие группы¹⁵: населенных пунктов или их частей; земельных владений; сырьевых ресурсов; чертежи рек, обзорные чертежи местности. Внутри каждой из этих групп можно дать дополнительную их дифференциацию. Так, среди чертежей населенных пунктов выделяются чертежи городов, царских сел, улиц Москвы, дворов и др. Чертежи дворов представлены изображениями казенных, монастырских, а также частновладельческих дворов. Земельные чертежи (наиболее многочисленная часть из всего массива сохранившихся чертежей) представлены чертежами поместных земель, свободных («пустопорожних») земель, изображениями спорных земельных владений. Чертежи «сырьевой» тематики содержат изображения солепромыслов, нередко представлявших предмет спора разных владельцев, а также лесных ресурсов, реже – рудопроявлений. Наконец, обзорные чертежи местности, на первый взгляд, как бы «безразличны» к тематике. Но при внимательном анализе обнаруживается, что их составление диктовалось зачастую военными, торговыми или дипломатическими задачами.

«Картографическая» инвентаризация населенных пунктов и их частей

1. Чертежи городов

Чертежей городов сохранилось немного, однако описи чертежей XVI–XVII вв., хранящихся в Посольском, Разрядном и Тайном приказах, свидетельствуют о регулярности городского картографирования¹⁶. Как известно, управление городами, как и

¹⁵ Сотникова С.И. Указ. Соч. 1989. С. 178–181.

¹⁶ Эти инвентарные документы опубликованы и широко известны исследователям: Акты Археографической экспедиции. 1836. Т. 1. № 289 (издана повторно: Описи царского Архива XVI в. и Архива Посольского приказа в 1614 г. / Под ред. С.О. Шмидта), М., 1960; Ламанский В.И. Старинная русская картография // Вестник ИРГО. СПб., 1859. XXVII. Отд. V (смесь). С. 11–18; Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. 2. СПб., 1861. С. 25–29; Белокуров С.А. Роспись чертежам разных государств, бывшим в Посольском приказе в 1614 г. // Чтения в Императорском обществе истории древностей Российских при Моск. ун-те. 1884. Кн. 3 (повторно издана К.С. Сербиной (Источники книги Большого Чертежа // Исторические записки, 1947.

военное управление в целом, составляло компетенцию Разрядного приказа. Вместе с тем, многие города западного порубежья (где нередко территориальные вопросы были предметом жарких дипломатических дискуссий) находились в ведении Посольского приказа. Наконец, по стратегически важным объектам чертежи городов нередко поступали в Приказ Тайных дел, минуя Разрядный и Посольский приказы. И все же наиболее насыщена чертежами городов (248 чертежей) «Опись чертежей, составленная в Разряде в 1668 году», опубликованная Гоздаво-Голомбиевским.

Будучи административно-территориальным центром, а в районах «засек» (пограничной полосе) и важным оборонительным рубежом, город рассматривался Разрядом, прежде всего, как потенциальная крепость на случай военных действий, а также место укрытия мирных жителей при наступлении неприятеля. Инвентарный учет всех городских строений и их состояния был регулярным и осуществлялся в текстовой («роспись городу») и графической (чертеж города) формах. По некоторым городам описи содержат несколько чертежей, свидетельствующих о фиксации всех изменений в топографии и фортификационном строительстве города. Чем важнее был город в стратегическом отношении, тем больше чертежей по нему обнаруживается в соответствующих описях. Из Белгорода, ставшего в XVII столетии средоточием всей сторожевой и станичной службы на южном порубежье, чертежи присылались почти ежегодно, а иногда и несколько раз в год. Немало чертежей, судя по описям, было составлено и по Киеву в 1654 г. в связи с широко развернувшимся там строительством фортификационных объектов.

Чертеж представлял собой подробную картографическую опись общей топографии города, всех городских строений, а также оборонительных сооружений. Чертеж не имел самостоятельного значения, он использовался в совокупности с составленным параллельно текстовым описанием всех строений, или «росписью городу». Оба эти документа непременно использовались в процедуре смены воеводы (через каждые 2–3 года): передача дел прежним воеводой новому правителю города осуществлялись по этим текстовым и графическим инвентарям.

По чертежам хорошо прослеживается структура городской застройки: традиционное деление на крепостную часть и посадскую, особенности планировки и состав строений каждой из этих частей. В пределах крепости подробно отображались: окружной ров, крепостная стена с башнями, административные и культовые строения, «осадные дворы», служившие во время военных действий местом для укрытия дворян, живших в мирное время в уезде. За пределами крепостной стены жило посадское население, что хорошо прослеживается по изображениям слобод (пушкарских, стрельцов и др.) на чертежах. Представление о структуре городского чертежа-инвентаря дает один из чертежей Витебска, расположенного на русско-литовском пограничье и имевшего сложную историческую судьбу. Как известно, город входил попеременно в состав Литовского княжества и Московии. В период с 1654 по 1667 годы, когда он временно входил в состав Московии, и был составлен чертеж, присланный витебским воеводой в Разрядный приказ 15 ноября 1664 г.¹⁷ В структуре города четко фиксируется три исторически сложившихся района: Верхний и Нижний замки и Взгорский город (острог), в XVII в. – административный центр города. Чертеж фиксирует систему оборонительных сооружений города: крепостные стены с башнями и окружной оборонительный ров.

Для каждого района подробно изображена вся географическая ситуация: реки, плотины, мельницы, церкви и (или) монастыри, административные здания (ратуша, тюрьма), торговые ряды, гостиный двор, а также дворы частных владельцев. За пределами окружной городской стены и оборонительного рва обозначены слободы с их церквями, а также «гора Кстовская», вероятно, имевшая значение и как господствующая высота в случае военных действий.

В целом картографическая символика чертежа довольно унифицирована. Ее основу составляют перспективные значки (наглядные значки), широко бытовавшие в рассматриваемый период в западной, в частности польской и литовской, картографии. К современному минимуму (географическая номенклатура и топоним) сведено использование текста при графическом знаке. Пожалуй, *средневековым* ее «рудиментом» является лишь ориентирование знаков по рекам и дорогам,

¹⁷ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Витебская губерния.

приводящее к перевернутости изображения некоторых объектов и сопровождающих надписей по отношению к читателю.

На чертежах других городов встречаются текстовые обозначения расстояний между башнями, а нередко и отсылки к тексту «росписи». Например, на чертеже города Олонца, на одной из городских башен написано «зри башня ширина и вышина имянно написано в описи росписной»¹⁸, к сожалению, не сохранившейся.

2. Чертежи (слободских) пригородов

Если потенциального «пользователя» чертежа интересовали, главным образом районы городских посадов и слобод, содержание чертежа существенно изменялось по сравнению с типовыми «городскими инвентарями». В частности, ситуация внутри городских стен, мало значимая в данном случае для пользователя чертежа, не отображалась. Напротив, топография слободских районов отображалась с максимально возможной подробностью. Прежде всего, это касается случаев, когда город с его окружением был *пунктом транзита* продовольствия или других продуктов, причем пригороды служили основными пунктами размещения двигавшихся «караванов». Наиболее типичным вариантом таких транзитов были случаи регулярной доставки из Разряда в пограничные районы продовольствия (прежде всего, хлеба и соли), для выдачи «жалованья» служилым людям и создания необходимых резервов продовольствия на случай стихийных бедствий, либо затяжных военных действий. Отправляемые в многодневный путь обозы с продовольствием должны были располагать подробной информацией о территории движения: реках как транспортных артериях, больших дорогах, населенных пунктах на случай возможного расквартирования на ночлег в пути, хозяйственных объектах (мельницах, кузницах и пр.), пристанях, местах возможной починки или замены водных средств передвижения (струи) и пр.

Вероятно, такие обстоятельства послужили поводом для появления «чертежа города Брянска со слободами», составленного во второй половине XVII века в Разрядном приказе в связи с отправлением в малороссийские города хлеба и соли «на жалованье служилым людям»¹⁹. Чертеж исключительно «разнопод-

¹⁸ РГАДА. Ф. 192. Опись 1. Карты Олонецкой губернии. Д. 3.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 1755. Л. 1–66.

робен» в отношении показа города Брянска и его пригородов. Информация по Брянску практически сведена к минимуму. Город обозначен сложным наглядным значком, сопровождаемым записью: «город Брянск на Сомородной горе». Между тем, все пригороды изображены удивительно подробно. Так, весьма подробно показаны: река Десна (с указанием направления течения) с притоками первого и второго порядков; дороги, ведущие в город, на пристань, в слободы, к хозяйственным объектам (мельницам, житницам), пристани, «где строят запасные струги». На чертеже детально изображены городские слободы: дворцовая, стрелецкая и пушкарская с жилыми и культовыми строениями. Специальным графическим знаком (домик без дверей и окон) обозначены пустующие дворы с записью: «9 дворов старой селитьбы». Вероятно, такая информация для двигавшихся обозов с продовольствием была весьма полезной.

Лексика чертежа довольно однородна (с большой осторожностью я бы сказала – унифицирована) и в целом четко фиксирует тенденцию к «специализации» типа знака применительно к характеру изображаемого объекта: жилым строениям, административным, культовым зданиям, фортификационным объектам. Довольно невелик объем информации, приводимый текстовой записью: главным образом, это уточнение социальной страты посадского населения (пушкарки, стрельцы и пр.), сведения по географической номенклатуре и топониму (церквей, монастырей, рек, дорог и пр.). Иными словами, текст является дополнительным элементом к графическому знаку и представлен, в основном, не формализуемой (и потому не имеющей специального графического эквивалента) информацией. Безусловно, довольно важны для транзитов текстовые уточнения направлений больших дорог и течения судоходных рек. Возле русла Десны текстовая запись: «река Десна течет на полдень» (юг). Очевидно, что практическая потребность в ориентировке чертежа по странам света уже ощущается, однако «картографическая норма» на этот счет еще не выработана. Возможно, важность маршрута, региона и возложенной задачи служили основанием для привлечения к созданию таких чертежей наиболее «умелых» составителей, причем сравнительное единообразие графической лексики было рассчитано на удобство его неоднократного использования разными людьми. Пожалуй, по-прежнему рудиментом средневекового восприятия окружающего пространства оставалась «перевернутость» изображения некоторых объектов географической ситуации по отношению к пользователю

чертежа. Эта «детскость» рисунка – неотъемлемая черта *многих графических систем* изображения пространства, (например, древнерусской иконописи, народного лубка и др.), пройденная диахронно разными культурами.

3. Чертежи улиц Москвы

Среди сохранившихся чертежей XVII века встречаются изображения, детально фиксирующие *топографию московских улиц* и, в частности, жилую застройку, казенные, культовые и хозяйственные строения²⁰. Как правило, на таких чертежах отсутствует (либо сведено к минимуму) текстовое сопровождение. Обычно текстовые записи используются для обозначения названия улиц и переулков, их размеров (ширины), а также сведений о дворовладельцах (фамилия, социальный статус). Для служилого сословия (стрельцы, пушкари) и крестьян чаще всего используется суммарный знак двора с обобщенным текстовым обозначением. Кроме того, на чертежах фиксируются также пустые дворы. В большинстве своем чертежи утратили связи с сопутствовавшей документацией, что не позволяет определенно говорить о мотивах их составления. Вместе с тем, в архиве хранится «Чертеж зданий по Ильинке и Маросейке (1682 г.)», обнаруженный в составе дела об организации встречи шведских послов в Москве²¹. На нем подробно изображена вся застройка соответствующей части города: Спасские и Ильинские ворота, Спасский мост, лобное место, гостиный двор, церкви, административные здания (Посольский приказ, Новороссийское и Новгородское подворья), а также торговые ряды, лавки, калачный ряд, богадельни, дворы городских жителей, стрельецкие дворы.

Чертежи других улиц Москвы, периферийных по отношению к Кремлевскому центру, фиксируют географию населения с приведением сведений о каждом владельце²². Например, «двор боярина Василия Ивановича», «двор подъячего Онисима Недовескова», или «дворы разных владельцев», «дворы стрельецкие». На чертежах этой группы полностью отсутствует информация о размере двора, структуре, составе строений и их

²⁰ РГАДА. Ф. 192. Опись 1. Московская губерния. Д. 42. Ч. 2; РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 1722. Л. 240; Московский стол. Стб. 482. Л. 38–39; РГАДА. Ф. 27. № 484. Ч. I. Д. 14; Ч. II. Д. 4 и др.

²¹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 482. Л. 38–39.

²² РГАДА. Ф. 27. № 484. Ч. I. Д. 24. Воспроизведен: Белокуров С.А. Указ. соч. 1898.

характеристике. Вероятно, подобные чертежи служили для городской администрации своеобразными топографическими указателями и графическими инвентарями дворов и дворовых мест. Вероятно чертежи использовались при решении вопросов наделения дворовым местом, отписании «выморочных» дворов в казну, переводворении и пр. Неслучайно графическому учету подлежали и пустующие дворы²³. Очевидно графический учет в рассматриваемый период был довольно привычной формой инвентаризации уличной застройки столицы.

4. Чертежи дворов

Вместе с тем, детальная графическая инвентаризация всех жилых и хозяйственных строений также имела место в практике государственного управления. В РГАДА имеются чертежи казенных, государевых, монастырских, частновладельческих дворов. По «сценарию», это – своеобразный инвентарный чертеж города в миниатюре, сопровождаемый (как и для чертежа города) подробной текстовой росписью всех строений с содержательной (качественной) их характеристикой. Мотивы составления таких чертежей различны: наделение двором, отписание в казну²⁴ или передача двора другому лицу («выморочные» дворы), сдача в аренду²⁵, изменение площади и состава строений в случае прикупа или продажи²⁶.

5. Чертежи проектируемых городов и (царских) сел

В составе коллекции чертежей встречаются случаи составления чертежа нового варианта существующего города, либо его восстановлению после пожара или разрушения. Например, «Чертеж старому и где быть новому городу Олонцу для примера», включенный в состав дела «О представлении проекта чертежа построения города Олонца на новом месте»²⁷. Олонец в рассматриваемый период был быстро растущим и стратегически важным пунктом русско-шведского порубежья. На чертеже в обобщенном виде показан существующий «старый» город. Вокруг него изображены контуры предполагаемого Нового Олонца: прежде всего, предполагаемого положения

²³ РГАДА. Ф. 27. № 484. Ч. I. Д. 14.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 2558. Л. 293.

²⁵ РГАДА. Ф. 27. № 484. Ч. I. Д. 38.

²⁶ Там же. Д. 37. Опубликовано Ламанским, 1861.

²⁷ ЦГАДА. Ф. 9. Отделение 1. Ед. хр. 66. № 14.

новой крепостной стены с башнями и въездными воротами. Кроме того, текстом в определенных местах обозначены проектируемые объекты: церкви, мельницы, а также места, отводимые для поселения разных сословий (городские слободы).

Аналогичная практика бытовала и в случаях восстановления сгоревших городов. Например, по южному порубежью сохранилось дело о «постройке вновь сгоревшего города Соленого на Торских озерах», также содержащее чертеж²⁸.

Сохранившиеся в составе коллекции Тайного приказа чертежи свидетельствуют, что аналогичная практика существовала и при проектировании различных объектов в работах по благоустройству государевых сел – Измайловского, Алексеевского, Чашникова, а также садов экзотических растений в астраханских владениях царя²⁹.

б. Общегеографические чертежи местности

Среди географических чертежей XVII века встречаются и чертежи, не имеющие, на первый взгляд, четко выраженной тематики или адресата. По набору отображаемых реалий чертежи близки к общегеографическим картам XVIII в., называвшихся в то время ландкартами. При детальном анализе этих чертежей становится очевидным их назначение: они использовались в военных целях, а также при решении дипломатических задач и в торговле (торговыми караванами). Скорее всего, именно этот тип локальных чертежей служил основой для составления сводных чертежей Московского государства (Большой чертеж Московского государства), либо крупных его частей (обзорные чертежи Сибири). По территориальному охвату в этой группе встречаются чертежи крупных регионов европейской части; чертежи административного региона (обычно города с уездом или станом для южного порубежья). Интересно, что по мере уменьшения изображаемой территории возрастает подробность изображения чертежа. С введением математических приемов картосоставления и инструментальных съемок (практически с первой трети XVIII в.) территориальный охват общегеографической карты будет четко увязан с ее масштабом, а, следовательно, с подробностью и точностью изображения. В этой группе географических чертежей четко прослеживается

²⁸ ЦГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 1624. Л. 70.

²⁹ РГАДА. Ф. 27. № 484. Ч. II. Д.д. 52, 53, 93, 126.

тенденция к различной степени генерализованности изображения в зависимости от территориального охвата.

6.1. Обзорные чертежи местности имеют довольно «стандартное» по набору показателей содержание. Прежде всего, это реки как транспортные артерии и водные преграды. Обычно речные системы показаны с подробностью до притоков второго и третьего порядка. Кроме того, на чертежах изображены главные дороги с указанием текстовой записью их названия (применительно к конечному пункту), например, Московская, Смоленская дорога и др. На чертежах изображаются все города, монастыри, засечные линии. Примером такого картографического обзора обширной территории, максимально обобщенного (генерализованного) содержания, является «Чертеж городам лежащим по рекам Дону, Оке и Волге от Москвы до Астрахани», датируемый архивом второй половиной XVII столетия³⁰. На нем представлено более сорока городов, обозначены главные дороги с указанием расстояний между городами в верстах и днях пути. Обращает на себя внимание очень детальное изображение засечной черты в междуречье Волги и Дона с расположенными на пограничной линии городами-крепостями (от Волги к Дону): Симбирск, Саранск, Ломов, Тамбов, Козлов, Воронеж и дополнительной засеки на линии Мокшанск – Пенза. Судя по изображению этой засеки, сходный чертеж (возможно копия), обозначенный «Большой дорожной картой 1685 года», хранится в Архиве Морского Министерства Франции в Париже³¹. Возможно, сохранившийся чертеж представлял собой один из этапов составления очередного обзорного чертежа на территорию Московии. Однако не исключен и обратный вариант: чертеж мог быть воспроизведен с существовавшего сводного чертежа в связи с потребностями оперативного использования.

В составе обзорных чертежей привлекает внимание чертеж, составленный на территорию Малороссии, вошедшей в состав Московии после 1654 года. («Чертеж городов и местечек лежащих по реке Днепр и рекам впадающим в него»)³². Вероятно, он замышлялся как графический инвентарь новых террито-

³⁰ ЦГАДА. Ф. 192. Опись 1. Астраханская губерния. Д. 7.

³¹ Он был (в целом и частями) опубликован английским историком картографии Л. Багровым. См., например, *Imago Mundi*. X. 1953. P. 87–97; *ibid.* XII. 1955. P. 100.

³² РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Киевская губерния. Д. 5.

рий Московии. На нем весьма детально отображена вся географическая ситуация, а именно: реки, дороги, мосты, все типы населенных пунктов (города, местечки). Построение изображения, а также знаки не типичны для русского чертежа, но характерны для польской и литовской картографии, что исторически вполне объяснимо. Аналогичное назначение имел, вероятно, и «Чертеж русским и шведским городам»³³, фиксирующий ситуацию на северном порубежье.

6.2. Локальные чертежи административных районов («город с уездом», иногда несколько уездов), вероятно, широко бытовали в рассматриваемый период. Особенно это касается засечных районов, а также колонизируемых районов Сибири. Содержание их интересно попыткой соединения элементов общегеографической ситуации со специальными (тематическими) сюжетами. В будущем картографировании они будут разведены и дадут начало двум разным ветвям картографирования: общегеографическому и специальному, или тематическому. По-разному будет строиться их концепция и ее реализация.

По сравнению с вышеописанными обзорными чертежами чертежи этой группы более подробны и менее выдержаны по содержанию. Элементы общегеографической ситуации (реки, дороги, населенные пункты, границы) образуют основу изображения, к которой фактически привязано «специальное» (тематическое) содержание чертежа. Встречающиеся вариации связаны в основном с «тематической» компонентой показателей. Чаще всего, это сведения по различным аспектам социально-экономической жизни: числу дворов в населенных пунктах, хозяйственным объектам и их локализации, пашне, пустошам, отдельным лесным массивам, сенокосам, спорным природным и хозяйственным угодьям, переправам, засекам и др.

Так, на южном порубежье «специальная» тематика представлена такими неизбежными для пограничной полосы компонентами, как: засечные линии, оборонительные рвы, надолбы, караульные башни, броды и «татарские перелазы» и пр. Кроме того, размещение воинских подразделений на границе сопровождалось строительством поселений, наделением земель и природными угодьями (сенными покосами, лесными участками), строительством мельниц, рытьем колодцев и пр. Как из-

³³ РГАДА. Ф. 16. Госархив. Д. 387.

вестно, военные поселенцы в мирное время были хлебопашцами на отведенных им землях, а потому нередко возникали земельные тяжбы за природные и хозяйственные угодья. Решение всех этих задач повседневной жизни нашло отражение в появлении на чертежах соответствующих элементов (показателей) социально-экономического характера³⁴.

Локальные чертежи сибирских территорий четко фиксируют ситуацию во вновь осваиваемых территориях: в частности, структуру хозяйственных и природных угодий, особенности расселения, фортификационное строительство, поиск и разработку природного сырья и др. Поскольку в Сибири с ее гористыми и залесенными территориями основными средствами передвижения служили реки, их картографированию отводилась первостепенная роль. Более того, речные долины были основными районами заселения. Так что в целом локальные чертежи сибирских территорий – это фактически изображения бассейнов сибирских рек как основных районов колонизации территории.

Довольно репрезентативен в этом отношении «чертеж Илимского уезда по реке Тунгуске»³⁵, составленный во второй половине XVII века. На нем подробно изображены все реки: Тунгуска с притоками первого и второго порядков с обозначением текстовой записью расстояний между их устьями (в днях пути «судном» или «на лошадях с телегами», либо в верстах). В тех случаях, когда наземное передвижение невозможно, это фиксируется специальной записью с указанием причины непроходимости местности «...а конного пути тем местом к порогу и не бывает ...подле реки горы каменные». На чертеже изображены все населенные пункты (деревни) с указанием числа дворов, владельца, а также расстояния до соседней деревни, а также границы между соседними уездами. Для пограничного (Братского) уезда графически и текстом приведены суммарные сведения по числу дворов. Наконец, представляют интерес и помещенные на чертеже в виде текстовой записи сведения о занятиях коренного и пришлого населения и местах их дислокации. Так, например, на одном из участков чертежа написано: «по сей реке Талдомке ясачные тунгусы соболя промышляют». На «Енисейской сторо-

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 968. Л. 211; там же. Поместный стол. Стб. 158. Л.л. 80–81; там же. Ф. 383. Опись 1. Д. 90.

³⁵ ЦГАДА. Ф. 383. Ед. хр. 148. Л. 116.

не» в местах проживания русских поселенцев написано: «а живут в тех деревнях илимские пашенные крестьяне».

По Сибири сохранились и чертежи более обобщенного характера, охватывающие обширные территории, и использовавшиеся, вероятно, не только местной, но и центральной администрацией. Например, безымянный чертеж Лено-Енисейского междуречья на участке между Иркутским и Якутским острогами³⁶. На чертеже весьма подробно представлена речная сеть бассейна, а также озеро Байкал, существующие остроги и острожки, деревни с указанием волости, в которую они входят. Заслуживает внимания изображение фрагмента Лено-Енисейского тракта, сопровождаемое текстовой записью: «дорога до Усть Муки что ездят воеводы и всякие чинов люди». Наконец, чертеж содержит и сведения экономического характера. В частности, на нем помечены (графически и текстом) места ремонта и строительства судов, а также солепромыслы.

6.3. Чертежи рек и речных бассейнов. Начало детального изучения и картографирования рек связано, прежде всего, с колонизируемыми, а также с пограничными территориями, где реки служили главным (а порой и единственным) средством сообщения, а также выступали нередко естественными государственными рубежами. Чертежи рек составлялись одновременно с текстовым описанием местности, называемым *рописью*, или *рописной книгой*. В ней полностью повторялись все сведения, приведенные в чертеже, а также приводилась дополнительная информация по судоходности, рельефу русла (пороги, мели) и др. Такой вариант «полного комплекта» (чертеж и роспись) представлен в РГАДА для реки Западной Двины (на участке от ее верховья до города Полоцка)³⁷. Он позволяет воссоздать практику речного картографирования, сложившуюся к концу XVII века. На чертеже с исчерпывающей полнотой изображена Западная Двина с системой притоков первого и второго порядков. В ее русле подробно изображены острова, мели, пороги, а в росписи к чертежу даны их названия, размеры, расстояния до населенных пунктов или устьев притоков, позволяющие надежно опознать их на местности. Детально отображены все типы населенных пунктов: города, монастыри, села, деревни, вплоть до дворов от-

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1545. Л. 37.

³⁷ РГАДА. Ф. 192. Описание 1. Витебская губерния. Д. 1.

дельных владельцев. Так, например, на обоих берегах реки Двины показаны шляхетские дворы с указанием владельца. Например, «двор шляхтича Жабы», «двор Огинского». В тех случаях, когда населенный пункт расположен по обоим берегам, это фиксируется на чертеже специальной записью. Например, «село Поречье по обе стороны реки Каспли». В некоторых местах обозначены одиночные объекты, повидимому, важные как ориентиры для движущихся торговых караванов или войска. Например, на левом берегу реки Межи, недалеко от Смоленской дороги изображена церковь с текстовой записью «пустая церковь Егоря, пороги и мели». Для территорий, покрытых лесом, в отдельных случаях приведен *породный состав*, например, «лес боровой дубняк». На чертеже обозначены две *транзитные дороги*, сопровождаемые соответствующими текстовыми записями, а именно: «дорога большая Московская на Луки и дорога из Смоленска к Торопцу и на Луки».

В сопровождающей чертеж «росписной книге» порядок описания отвечает, вероятно, порядку ее обследования: от истока реки вниз по течению до конечного пункта – города Полоцка. В тексте приводится последовательный перечень всех изображенных объектов. Для каждого населенного пункта приводится его локализация (правый, левый берег, по обоим берегам), а также расстояние от реки или дороги, или соседнего населенного пункта. Для городов содержатся сведения по расстоянию до ближайшего города. И все же главное внимание в росписи отведено руслу реки. Буквально по каждому порогу дается его название и привязка (в верстах) к ближайшему населенному пункту, либо устью близлежащего притока Двины. Например, «По реке Меже от устья реки Опши до устья реки Двины пороги», расписанные далее поименно. Для тех рек, по которым на чертеже есть сведения об их судоходности, в росписи уточняется время года, когда возможно движение. Например, «река Опша а ходят по ней струги с товары белой полой водою» (в весеннее половодье). Для Двины сказано о том, что по ней в весеннее половодье купцы с товарами «ходят» до Риги.

Таким образом, в своей совокупности чертеж и роспись давали весьма детальную и точную информацию о реках как транспортных артериях и естественных рубежах. Обширные сведения по населенным пунктам, лесам и другим характеристикам местности позволяли широко использовать эти документы для движения войск и торговых караванов. Отметим, что этот тип чертежей заложил основу для будущего гидрографи-

ческого картографирования, сопровождавшегося составлением речных атласов и лоций.

7. «Сырьевое» (ресурсное) картографирование

Многочисленные косвенные свидетельства, а также редкие сохранившиеся чертежи позволяют говорить о бытовании практики использования чертежей для фиксации мест обнаружения рудопроявлений, соленосных залежей и др.

7.1. *Картографирование рудопроявлений.* В фонде Сибирского приказа сохранился чертеж, фиксирующий один из случаев обнаружения и учета рудопроявления (серебряной руды)³⁸. Обычное для сибирских чертежей его содержание дополнено сведениями о рудопроявлении («рудокопный ручей»), с локализацией его на местности с помощью приведения расстояний до примечательных объектов в форме текстовой записи. Очевидно, о перспективе его разработки свидетельствует и факт обозначения в устье реки Серебрянки «рудокопного зимовья». Чертеж служил, вероятно, графической формой первичного учета обнаруженного рудопроявления и начала будущего его освоения (разработки). В XVIII в., по мере становления и развития горнозаводской промышленности на Урале и Алтае графическая ее фиксация получит отражение в возникновении специальных видов картографирования и даст начало составлению комплексов карт по каждому месторождению, известных в истории картографии как горнозаводские атласы. Выше описанный чертеж – это первая версия будущей *маршрутной карты разведки и опробования месторождения*, составлявшейся на этапе, предвещающем промышленную его эксплуатацию. Вместе с тем, заметим, что каждый из этапов организации работ (отвод земель, строительство рудника или прииска, организация вывоза сырья и пр.) будет сопровождаться составлением соответствующей карты, а их совокупность ляжет в основу горнозаводского атласа. В этом смысле географические чертежи этой тематики – это первая «проба пера» для будущего горнозаводского картографирования.

7.2. *Картографирование лесных ресурсов.* В рассматриваемый период лес представлял интерес, прежде всего, как строительный материал, топливный ресурс, а также сырье для производства поташа. Организации и ведению поташного дела

³⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 385.

предшествовали обследования, или «досмотры» лесов на предмет определения пригодности определенных их категорий, а также оценки сырьевых запасов для определения возможных производственных мощностей и сроков эксплуатации лесных ресурсов. Одним из таких «картографических свидетельств» разведки лесных ресурсов для организации поташного дела является «чертеж досмотра лесов Поволжья» 1701 года³⁹. Он охватывает бассейн реки Волги с впадающими в нее реками Камой и Окой и их притоками второго–четвертого порядков. На чертеже обозначены все города Поволжья (16 городов). Вместе с тем, основное содержание чертежа составляют сведения о лесах, реках и дорогах как транспортных артериях (для вывоза производимого поташа). Для рек текстовой записью приведены сведения о направлении течения, судоходности или «плавном ходе» (например, «река Пьяна впадет в реку Суру по ней мочно быть плавному ходу»; «река Ока и по ней судовою ход»).

«Специальное» или целевое содержание чертежа составляет информация по лесам как сырьевым ресурсам для поташного дела. Для лесов приводятся сведения о породном их составе (от которого, как известно, зависит состав и количество получаемой при сжигании золы), а также площадях лесных массивов, обозначаемых указанием длины и ширины лесного массива. Кроме того, исходя, повидимому, из сложившейся практики и опыта работы приведены ориентировочные прогнозы возможных сроков работы станов в зависимости от лесного ресурса. По результатам обследования лесов, на чертеже даны сведения о реально существующих на момент обследования станах с приведением сроков возможной их эксплуатации; местах возможного устройства новых станов и их мощностей. Наконец, на чертеже помечены и те массивы лесов, где организация поташного дела не целесообразна. Так, например, на одном из участков чертежа возле лесного массива написано: «От Лунгинского стану вверх по реке Алатыри по берегу к реке Суре лесу дубняку липягу... в длину верст с десять а поперек верст с пять *на поташное дело не годица*». Отметим, что все существующие станы, а также места, перспективные для устройства производства, имеют географическую привязку, т.е. вполне узнаваемы на местности.

³⁹ РГАДА. Ф. 192. Опись 1. Казанская губерния. Д. 2. Часть 2.

7.3. *Картографический учет солепромыслов.* В отличие от картографирования рек, графический учет соленосных залежей (или рассолов) имел, как правило, попутный характер⁴⁰, а реально существующие солепромыслы попадали в область графического их учета как предмет тяжбы за них между разными владельцами⁴¹. Для «технологии» этого раздела формирующегося тематического картографирования представляет интерес опыт фиксации «государевых» солепромыслов на «Чертеже государевым Переславским соляным заводам», составленном во второй половине XVII века⁴². Варницы расположены на правом берегу реки Вексы и граничат с угодьями Данилова монастыря, также имеющего свой солепромысел. Для государевых и монастырских солеварниц указана глубина «до рассолу» в сажнях. Кроме того, на чертеже отображены существовавшие наземные и водные пути вывоза соли. Для вывоза рекою Вексою указана грузоподъемность речных судов. Так, в русле реки Вексы изображен кораблик с текстовой записью «Судно ходит рекою Вексою до Переславля а подымает пудов с 500».

8. Чертежи земельных владений

Чертежи земельной (межевой) тематики составляют примерно половину всего массива сохранившихся документов. При этом подавляющее большинство в этой группе (более четырехсот) составлено по земельным тяжбам между различными владельцами. Вместе с тем, встречаются и чертежи свободных («пустопорожных») земель в связи с просьбами о наделении ими, либо обмене земли. Наконец, есть чертежи, составленные в связи с челобитьями о подтверждении права на владение. Вряд ли есть основания полагать, что большая сохранность этого вида чертежей – счастливая историческая судьба. Скорее всего, дело в социальной миссии земельного чертежа в рассматриваемый период. Как известно из аграрной истории, к концу XVII века по мере увеличения численности населения в европейской части Московии естественно уменьшался фонд свободных и, прежде всего, пахотнопригодных земель. С увеличением их дефицита росло число земельных тяжб. Чертежи фиксируют широкий социальный диапазон «тяжущихся». Это – частные владельцы,

⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1545. Д. 37.

⁴¹ РГАДА. Ф. 192. Опись 1. Пермская губерния. Д.д. 12, 12а, 12б.

⁴² РГАДА. Ф. 27. № 484. Ч. III. Д. 97.

монастыри, жители городских посадов и пр. Предмет спора, как правило, пустоши. Споры возникали в связи со случайной, либо намеренной утратой писцовой документации (обветшание, а возможно и намеренное уничтожение), либо при несоответствии реального владения данным писцовых описаний.

География изображаемых территорий разнообразна: это земли уездов, вошедших впоследствии в Московскую, Ярославскую, Владимирскую, Тверскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую и Белгородскую губернии. Анализ чертежей, а также обстоятельств их составления, порядка использования в разборе земельной тяжбы свидетельствуют о сложившейся к XVII столетию традиции. Так, при возникновении спора истец (либо представители всех тяжущихся сторон) подавал в Поместный приказ челобитную с изложением сути дела. Сохранившиеся на челобитных пометы свидетельствуют, что служитель приказа (подьячий) готовил на основе челобитной «выпись в доклад», после чего дело рассматривалось в Поместном приказе. Затем составлялась указная грамота воеводе, в ведении которого находилась спорная земля. В грамоте говорилось о необходимости «сыска спорной земли ее осмотру и составления чертежу». Отметим, что до 1680-х годов его составление не было обязательным при разборе тяжбы: многие судные дела не содержат чертежей и сведений об их составлении. Но по мере уменьшения фонда свободных земель быстро росло число тяжб. Вместе с тем, накопившийся к этому времени опыт ведения дела с использованием чертежа убедил в целесообразности его использования в межевом делопроизводстве. Поэтому в правилах, составленных в дополнение к наказу писцам 1684 г. (отправлявшимся на межевание) составление чертежа на спорную территорию (второй и шестой пункт правил) признано необходимым⁴³.

Составленный на месте чертеж на спорную землю прилагался воеводой к «отписке», направляемой в Поместный приказ. При повторном рассмотрении дела он позволял вести разбор тяжбы более конкретно и, в то же время, не выезжая на место. Чертеж давал в наглядной форме информацию о взаимном положении земель тяжущихся сторон, оспариваемом владении – структуре и составе угодий, размере, межевых границах, нередко с указанием на чертеже, кем и когда отмежева-

⁴³ Полное собрание законов Российской империи. Т. II. № 1178.

на земля. По мере нарастания числа тяжб учащалась практика межевого картографирования, что способствовало в конечном итоге совершенствованию его составления. Интересно, что именно чертежи межевой тематики наиболее разнообразны по приемам картосоставления, и в то же время – наиболее продуктивны для фиксирования наметившихся тенденций в их развитии как картографической модели местности.

Чертеж не имел еще определенного формуляра: большая часть земельных чертежей не имеет заголовка, как правило, анонимны, также отсутствуют даты их составления. Вероятно, такой потребности не ощущалось, поскольку чертежи не имели самостоятельного значения: они прилагались к отписке и фигурировали в составе судебного дела по тяжбе. И все же единично, на оборотной стороне чертежа встречаются подписи чело-битчиков (данные «о рукоприложении») одной, либо обеих тяжущихся сторон. При всем несовершенстве, с современной точки зрения, картографического изображения межевого земельного чертежа, он был весьма эффективен по выполняемой им функции. В отличие от рассмотренных выше видов чертежей, для земельных чертежей характерно широкое использование обширных сопроводительных текстов, помещенных на самом картографическом изображении и сообщающих об обстоятельствах возникновения тяжбы, ссылок на писцовые описания и межевание земель, установивших границы владений и пр.

Эта не формализуемая и потому не могущая быть графически представленной информация в XVIII в. уйдет с межевой карты в сопровождающий текстовый документ – межевую книгу. В своей совокупности план земельного владения и межевая книга к нему в период генерального межевания приобретут юридический статус и станут основными документами, удостоверяющими право владения землей. Как правило, для спорных угодий (прежде всего пустошей) приводились сведения по их размерам – указывались длина и ширина угодья. Для пашни приводился ее вид (пашня перелогом, пашня лесом поросла и пр.), а для сенокосов их продуктивность (количество копен скашиваемого сена). Спорная земля имела географическую привязку в виде сложившейся к этому времени практики приведения расстояний до ближайших хорошо знакомых объектов (реки, деревни, дороги и пр.). На земельных чертежах очень

часто встречаются случаи когда графическое отображение вообще отсутствует: его заменяет обширное текстовое описание, помещенное в соответствующей части чертежа⁴⁴.

Отметим, что бытующие на многих межевых чертежах обширные тексты – обозначения пустошей, пашни, сенных покосов являются пример, вероятно, наиболее архаического варианта картографической модели: значительная часть структуры пространства представлена взаимно расположенными (по возможности адекватно реальности) пространственно ориентированными текстами-описаниями. Чертежи такого типа как бы фиксируют изначальную неразвитость картографической лексики.

Например, один из чертежей⁴⁵ составлен в связи с самовольным поселением частным владельцем (князем) своих крестьян сначала на земле жителей посада, а затем переводворенных и вновь незаконно, на драгунские земли. Текстовые записи на всех этих землях фиксируют право владения по писцовой выписи, а там, где писцовая документация утрачена, приводятся сведения по опросу жителей («скаске») и обследованию («обыску») на местности по наказу из поместного приказа. На чертеже эта этапность тяжбы, ее последовательные «итоги» зафиксированы в ряде текстовых записей. Так, по поводу первого этапа *незаконного водворения князя на чужих землях*, запись гласит: «земля орлян Федосея Телегина с товарищи распахали стольника князя Федора Хотетовского люди а по челобитью детей боярских та земля оспорена и после того поселился на драгунской земле под общим леском». На чертеже изображено и место *нового водворения князя*, опять-таки на чужой земле. Графическим значком (домик) изображена деревня с текстовой записью: «Деревня что поселил князь Федор Хотетовский а по выписи и по скаске и по обыску та земля драгунская». Как видим, текст содержит тройное подтверждение законности владения землей: по писцовой документации, опросу жителей и обследованию на месте.

Воссоздание истории бытования чертежа в конкретных социальных практиках оказывается весьма перспективным с точки зрения изучения как истории науки, так и истории культуры.

⁴⁴ Например, «Пустошь что ныне деревня Мокрово на ручью место дворовое старые пустоши да прудец пашни перелогом средней земли осьмина лесом поросло по пашне 2 десятины сена по ручью и по заполью от пустоши Захаровой по одну сторону 30 копен да пустоши Бакшеихи и до Пищалина лесу пашенного 5 десятин». – РГАДА. Ф. 1209. Стб. 33020. Т. 11. Л. 230. Опубликовано в: Сотникова С.И. Памятники отечественной картографии XVII в. С. 185–188.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Поместный стол. Стб. 191. Л. 124.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ АНТИЧНОСТИ

И.Р. Блохина (Тамбов)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА: К ОЦЕНКЕ РОЛИ ПЛАТОНОВСКОЙ АКАДЕМИИ

В 388 г. до н.э. Платон основал в Афинах Академию, которая просуществовала без малого тысячу лет¹. Она стала первой строго организованной школой философии, хотя появление альтернативных социальных сообществ было изначально присуще античной Греции с ее жесткими рамками полисного строя. Тем более естественен был «выход из круга» в эпоху кризисных явлений IV века в сфере интеллектуальной и духовной². Создание Академии в меняющемся, измученном политической и социальной борьбой эллинском мире была попыткой группы единомышленников, возглавляемых уже известным тогда философом, посвоему противостоять хаосу и цинизму. Для самого Платона это событие явилось не только итогом долгих раздумий и трагических перемен, но, прежде всего, итогом разочарования в справедливости и разумности устройства существующих государств (Plat., Ep. VII, 326ab). К этому времени философ уже пережил крушение многих надежд, связанное с невозможностью реализовать себя как гражданина и политика, смерть любимого учителя, ставшую результатом невежества и экстремизма афинской демократии, долгие скитания, принесшие ему горький, но полезный опыт. Этот нелегкий путь прекрасно описан им на склоне лет в письме, адресованном друзьям ученика Платона – Диона (Ep. VII, 324b-326e)³. Не случайно, в те же годы разрабатывается

¹ Академия в Афинах была закрыта в 529 г. византийским императором Юстинианом.

² Об альтернативных социальных сообществах см.: Фролов Э.Д. Философские содружества в античной Греции как вид альтернативных социальных сообществ // АКАДΗΜΕΙΑ. Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. II. СПб., 2000. С. 111–149.

³ Вопрос о подлинности дошедших до нас писем Платона был полемически острым с середины XIX в. В настоящее время большинство исследователей считает их подлинными.

Платоном и проект идеального государства, изложенный в главном труде «Государство», а позднее – в «Законах».

Принимая решение о создании Академии, Платон исходил из убеждения, что «без друзей и верных товарищей невозможно чего-то достичь» (Ер. VII, 332c, 325cd) – к этому времени круг наиболее близких его учеников, должно быть, определился. На этот шаг подтолкнуло его, вероятно, и общение с членами Пифагорейского союза в Южной Италии, сохранившего в IV в. до н.э. черты философской, научной и политической консолидации. Многие из пифагорейцев, особенно Архит Тарентский, были влиятельными людьми на греческом Западе (Cic., *De amicit.* 88). Есть упоминания о знакомстве Платона, помимо Архита, с Тимеем, Архедемом, Архиппом, Филонидом, Филолаем (Plat., Ер. VI, 339b; XII; Diog. Laert. VIII, 79, 81, 84-85; Plut., *Dion.* 18; Ael., *Var. Hist.* VII, 14, Olympiodor, *Vita Plat.*)⁴. Связь с южноиталийскими философами продлилась не одно десятилетие. Возможно, именно они внушили Платону мысль о необходимости возникновения содружества ученых и политиков⁵. Есть основание полагать, что в деле создания Академии определенную роль сыграла существовавшая в Афинах школа Исократов, а также стремление Платона утвердить в противоположность знаменитому оратору свой метод философского образования и воспитания⁶.

Основанная Платоном Академия привлекала к себе пристальное внимание уже древних авторов. Своим высоким духом, неординарным стилем жизни, особым имиджем ее членов, служившим поводом для удивления, а иногда и насмешек, она

дователей решают его положительно. Не возникает сомнений в подлинности главных писем (VII и VIII), адресованных друзьям Диона в Сиракузы. См.: *Müller T.A.* Письма Платона и Исократов // *Античная эпистолиграфия*. М. 1967. С. 29–30. *Aalders H.W.* Political thought and political programs in the Platonic epistles // *Pseudepigrapha I. Vandaeures*. Geneve, 1971. P. 147–187. *Gulley N.* The authenticity of the Platonic epistles // *Ibid.* P. 105–143.

⁴ Есть основания считать, что интерес и симпатию к пифагорейцам Платон воспринял от Сократа, имевшего связи с этим союзом: *Vatai F.* Intellectuals in politics in the Greek world from early times to the Hellenistic age. L., 1984. P. 71.

⁵ О влиянии пифагорейцев на решение Платона основать Академию см.: *Йегер В.* Пайдейя / Пер. М.Н. Ботвинника. М., 1997. С. 256. *Müller C.W.* Platons Akademiegründung // *Hyperboreus*. Vol. I (1994). Fasc. 1. СПб., 1994. С. 61; *Vatai F.* Op. cit. P. 70–71, 85.

⁶ О различии методов Исократов и Платона см.: *Россиус А.А.* Полемика Исократов с Академией Платона // *ВДИ*. 1987. № 2. С. 93. *Müller C.W.* Op. cit. S. 61.

поражала современников. Не менее впечатляющими были и ее научные успехи. Однако цель ее создания, характер и итоги деятельности неоднозначно оцениваются в настоящее время историками, что побуждает вновь обратиться к этой теме.

Академия расположилась в предместье Афин, в полутора километрах от Дипилонских ворот города, в священной роще Академа, которому был посвящен и гимнасий на ее территории (Diog. Laert. III, 7; Plin., Nat. Hist. 12, 5, 9; Athen. XIII, 561). Место это было не только священным – с алтарями, храмами и статуями богов (Paus., I, 29–30; Plut., Solon I, 7), но и славным своей красотой (Plut., Cimón. XIII, 7), а также тем, что вблизи хоронили павших в бою афинян, воздавая им последние почести (Phuc., II, 34). Именно здесь Платон купил участок земли, на котором воздвиг святилище Муз, покровителей философов и школы (Diog. Laert., IV, 1), поставил статую Аполлона. Последующие схолярхи также благочестиво украшали священное место (ibid.). Выбор территории, наличие многочисленных храмов, а также религиозная жизнь Академии, включавшая совместные празднества в честь богов, позволяют назвать школу Платона особым религиозным сообществом, что в своем роде тоже продолжило традицию пифагорейцев⁷.

Академия была продуманно организованным учебным центром, где имелось все необходимое для жизни и работы. Основатель приобрел здесь дом для себя, служивший одновременно жилищем, рабочим кабинетом и местом для занятий. Он построил крытую галерею – экседру – для занятий. Учил он и в саду Академии. Рядом, вероятно, располагались и дома ближайших учеников (Diog. Laert., III, 5; IV, 1, 6, и 19)⁸. Возможно, для нужд школы была создана библиотека, хотя известно, что Платон – вслед за Сократом – предпочитал устное слово написанному. Тем не менее, есть свидетельства, что его сочинения ученики переписывали и хранили (Diog. Laert., III, 37), а также данные о покупке Платоном книг (ibid. III, 9, 18; VIII, 15, 84–85; Plat., Ep. XIIIc)⁹.

⁷ См.: Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 128. Vatai F. Op. cit. P. 86. Baltes M. Platon's school, the Academy // Hermathena. Dublin, 1993. № 155. P. 6–7.

⁸ О средствах на покупку участка и обустройство сооружений Академии см.: Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 128–129. Dillon J. What happened to Plato's garden? // Hermathena. Dublin, 1983. № 134. P. 51–59.

⁹ Специально вопрос о библиотеке Платона и Академии рассматривает Дж. Филд. См.: Field J.C. Plato and his contemporaries. L., 1967. P. 47–48.

Платоновская Академия объединила, в основном, молодую аристократическую элиту. Однако круг учеников был достаточно широк. Принадлежность к нему, надо думать, определялась не столько социальным положением или достатком, сколько рвением к наукам и интересом к политической философии. Диоген Лаэртский замечает, что Платон не брал с учеников платы (как не делал этого и Сократ), а Спевсипп – преемник Платона – «брал с согласного и несогласного» (IV, 2; ср.: Athen. VII, 279). Расходы же на содержание школы ложились, по-видимому, на плечи Платона и тех, кто готов был оказывать добровольную помощь. Так, «спонсорами» выступили богатый сиракузянин Дион (Plut., Dion. XVII, 2), тиран Дионисий Младший (Plat., Ep. XIII; Diog. Laert. III, 9), Александр Великий – по отношению к третьему схоластику Ксенократу (Diog. Laert. IV, 8). Любопытен рассказ Афиней (IV, 168) о слушателях Академии, которые работали по ночам на мельнице, чтобы днем иметь возможность заниматься в Академии¹⁰. Очевидно, обычной практикой среди учеников была и материальная поддержка друг друга (Diog. Laert. IV, 22, 38).

Столь же мало, как социальный и имущественный фактор, значило для причастности к обучению в школе и наличие афинского гражданства. Слава Академии распространилась далеко за пределами Афин, среди ее приверженцев были жители самых разных греческих, и не только греческих, государств. (ibid. III, 46). Наряду с мужчинами слушателями школы были и женщины. Диоген называет имена Ласфении из Мантинеи и Аксиофеи из Флиунта (ibid. III, 46; IV, 1; ср. Plat., Resp. 451d., где Платон говорит, что женщины должны быть не только женами, но и соратницами мужчин).

Таким образом, Академия не была замкнутой корпорацией. Одни ученики составляли более тесный круг, были постоянными ее членами. Часто они сами – еще при жизни Платона – читали лекции в Академии или за ее пределами (Ael., Var. Hist. III, 19; Plat., Ep. V, VI). Другие приезжали или приходили на время послушать философов и по дискутировать. В любом случае, популярная школа была центром притяжения интеллектуалов в греческом мире. По разным данным нам известны имена нескольких десятков учеников.

В Академии царил дух терпимости и уважения к чужому мнению. Убедительным примером является Аристотель, который провел в Академии двадцать лет, несмотря на известные

¹⁰ Интерпретацию этого места у Афиней см.: *Baltés M. Op. cit. P. 12*

расхождения с учителем, рождавшие истории о соперничестве (Ael., Var. Hist. III, 9; IV, 9; Diog. Laert. V, 2). Совместные занятия, знаменитые симпозиумы, славившиеся умеренностью и изысканностью (Ael., Var. Hist. II, 18; Plut., *Moralia* I, 612, 614; VI, 686)¹¹, особое достоинство в поведении (Diog. Laert. IV, 8–9) и даже особый внешний вид, выдававший импозантность и щегольство (Diog. Laert. V, 1, 86; Ael., Var. Hist. III, 19; Athen. XI, 509; XII, 544–545)¹² – делали философов заметными среди афинян, привлекали к ним внимание. Отношения между учениками, как правило, были свидетельством искренней дружбы и более нежных чувств (Diog. Laert. IV, 21; III, 41, 43–45).

При всей демократичности атмосферы внутри Академии существовала довольно строгая иерархия. «Высшие полномочия» находились в руках главы школы – схоларха, на которого ложились обязанности по ее содержанию, организации лекций и бесед, поддержанию стиля и духа сообщества. В этом качестве Платон пользовался непререкаемым авторитетом. Глубокое уважение к основателю Академии при жизни, сменилось почитанием, если не обожествлением, после смерти¹³. Похоронен Платон был в Академии (Diog. Laert. III, 41; Olympiodor, *Vita Plat.*). Одна из надписей на его гробнице хорошо передает характер этого почитания:

В лоне глубоком земля сокрыла останки Платона,
 Дух же бессмертный его в сонме блаженных живет.
 Сын Аристана, ты знал прозренья божественной жизни
 И меж достойнейших чтим в ближней и дальней земле
 (Diog. Laert. IV, 44).

Академия была крупным и первым по своей значимости научным объединением такого рода. Преобладали занятия математикой и диалектикой («не геометр да не войдет»), но в целом диапазон научных интересов был чрезвычайно широк. Платон направлял и подталкивал учеников – в духе сократовского метода – к поиску истины, а результаты этого поиска мог-

¹¹ Сам Платон отличался в повседневной жизни крайней скромностью (Ael., Var. Hist. IV, 9), аскетизмом (Diog. Laert. III, 39), отрицанием всеческих излишеств (Plat., *Ep.* VII, 326bd).

¹² М. Бэлте приводит стихотворение комического поэта Эфиппа, в котором говорится, что по модной прическе и стилю речи узнавали членов Академии Платона. Он полагает, что это – не результат тщеславия философов, а убеждение, что внешний вид должен отражать внутреннее достоинство. См.: *Baltés M. Op. cit.* P. 13–14.

¹³ См. также по этому поводу: *Фролов Э.Д. Указ. соч.* С. 132–133.

ли быть самыми разными. Научный универсализм Аристотеля, вышедшего из школы Платона, – не ординарный, но вполне показательный пример не только высокого научного потенциала Академии и гения ученого, но и свободы научного исследования¹⁴. При этом важно учитывать, что существование Академии оправдывалось, наряду с научными, еще и политическими целями. Она была первой школой государственных деятелей.

Достаточно распространено мнение, что само создание школы было связано с неудачей Платона на политическом поприще, которая заставила философа отказаться от роли политика и обратиться к чистой науке¹⁵. Такое противопоставление (наука – политика) сфер деятельности Платона и Академии нам представляется не совсем верным.

Действительно, в юности Платон испытывал горячее желание принять участие в политической жизни Афин (Ер. VII, 325). Оно кажется вполне понятным, если иметь ввиду его происхождение (весь аристократический род философа был славен деятельностью на благо государства) и гражданское воспитание, обычное для людей его круга в Афинах V в. до н.э.¹⁶. Понятен и дальнейший отказ Платона от участия в политической жизни Афин.

Сам он, отвечая на упреки, объясняет последнее следующим образом: «Платон слишком поздно родился для своей страны и застал народ постаревшим и вдобавок приученным его предшественниками делать многое, не соответствующее его мнению. Он охотно бы, как родному отцу, помогал ему, если бы не считал, что напрасно подвергает себя опасности без всякой надежды на успех» (Ер. V, 322ab, пер. С.П. Кондратьева).

Однако это признание невозможности принять участие в сложной политической игре по правилам, которые философ считал недостойными, совсем, на наш взгляд, не означает отказ от политической деятельности вообще. Напротив, наблюдая жизнь современных ему государств, он пришел к убеждению, что главной бедой всех неурядиц является социальный и нравственный недуг, поразивший эллинов, и целью человека, обладающего истиной, должно стать лечение этого недуга (Ер. VII, 330de, где сравнивается государственный деятель с врачом).

¹⁴ Подробнее о научной жизни Академии см.: *Baltès M.* Op. cit. P. 15–17.

¹⁵ См: *Фролов Э.Д.* Указ. соч. С. 126. *Vatai F.* Op. cit. P. 70.

¹⁶ *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Платон. Аристотель. М., 1993. С. 7–8.

В широком смысле эта цель была делом его жизни. И достаточно категоричное замечание Вернера Йегера по этому поводу не кажется лишним основанием:

«Для человека, главными произведениями которого были “Государство” и “Законы”, политика в том или ином виде была главным содержанием размышлений, а все остальное – лишь дополнение к ней»¹⁷.

Итогом этих размышлений стал проект идеального государства. Орудием же воздействия на окружающий мир для достижения главного замысла должна была стать Академия, то есть люди, обладающие специальными знаниями, освоившие высокое искусство политики и готовые приступить к преобразованию несовершенного общества. Они должны были перебросить мост от философских теоретических построений к реальной жизни, руководствуясь той позитивной программой «лечения», которая была заложена Сократом и развита Платоном.

В пользу подобного подхода говорит широкий авторитет Академии и ее членов, как знатоков государственной науки, и то поистине удивительное влияние, которое оказывали ученики Платона на политическую ситуацию в эллинском мире в IV в. до н.э. Направления этого влияния были очень различны – от прямого вмешательства в политику государств до мягкого давления. Из среды «академиков» вышли политики очень разного профиля – законодатели, советники, тираны, тираноборцы, ораторы, политические мыслители... Даже учитывая, что данные наших авторов отрывочны и часто грешат преувеличением или вымыслом, невозможно не признать, что политическая мудрость и компетентность членов школы были хорошо известны в Греции и за ее пределами.

Примеры деятельности учеников Платона многочисленны. Так, Эвфрей Эвбейский был послан Платоном в качестве советника к македонскому царю Пердикке (Plat., Ep. V, 321d–322b; Athen. XI, 508), Эраст и Кориск с той же целью отправились ко двору тирана Атарнеи – Гермия, известному своей приверженностью к философии и дружбой с Аристотелем (Plat., Ep. V, ср.: Strab. XIII, 1, 54). Сам Аристотель, как известно, играл не последнюю роль при Филиппе Македонском, воспитывая Александра (Diog. Laert. V, 4, Plut., Alex. VII, 1).

Довольно много данных сохранилось о законодательной деятельности членов Академии. Плутарх (Adv. Colot. 32) назы-

¹⁷ Йегер В. Указ. соч. С. 106.

ваает Аристонима, написавшего законы для Мегалополя в Аркадии, Формиона, выступившего законодателем в Элиде, Аристотеля, создавшего свод законов для родного Стагира (см. также Diog. Laert. V, 4), Эвдокса, сделавшего то же самое для своего Книда (см. также Diog. Laert. VIII, 88), и Менедема – законодателя Пирры. Ксенократ откликнулся на просьбу Александра Македонского о составлении правил монархического правления (Plut., Adv. Colot. 32). Нередко подобные просьбы были обращены и к самому Платону, однако философ уклонялся от предложений, ссылаясь, как правило, на крайнюю испорченность нравов граждан полиса (Ael., Var. Hist. II, 42; XII, 30; Diog. Laert. III, 23-24; Plat., Ep. XI)¹⁸.

Многие ученики или слушатели Академии сами выступили в роли правителей или пытались установить тиранию. Известны имена Хайрена, тирана Пиллены (Athen. XI, 509), Леонта – правителя Византия, Эвеона, правившего в Лампсаке, Тимея Кизикского, Клеарха Гераклийского и Гермия, тирана Атарнеи, который, возможно, тоже слушал Платона (Diog. Laert. III, 46, Athen. XI, 509; Plat., Ep. VI). Другие, напротив, оставили о себе память как тираноборцы. Например, Пифон и Гераклид, убившие фракийского царя Котиса (Arist., Pol. V, 10, 1311 и Demosth. XXIII, 119). В той же роли выступили, если верить нашим авторам, Гераклид Понтийский (Diog. Laert. V, 86), Хион (Just. XVI, 5,12), Дион Сиракузский, изгнавший тирана Дионисия Младшего (Plut., Dion. 26-28), Лептин, расправившийся с захватившим власть Каллиппом (ibid. 58).

Пожалуй, самым впечатляющим примером политической активности Академии была история с сицилийским тираном Дионисием Младшим, которая на первом этапе представляла собой попытку обратиться к философии, воспитав его по образцу платоновского государственного деятеля. Инициаторами эксперимента выступили ученик Платона Дион и пифагорейцы Южной Италии. Кроме самого Платона, который дважды ездил ко двору тирана, в Сиракузах побывали Ксенократ, Спевсипп, Эвдокс (Diog. Laert. IV, 6, 8; Ael., Var. Hist. II, 41; VII, 17; Tim. Hist., Frg. 556). Неудача предприятия побудила Диона снарядить экспедицию против Дионисия, окончившуюся

¹⁸ Возможно, исключением были наброски законов для Диона. См.: Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus. Prag, 1929. S. 114. Как рекомендации законотворческого толка можно рассматривать советы друзьям Диона в VII и VIII письмах Платона.

свержением последнего (Diod. XVI, 10, 4–5). Многие друзья Диона по Академии приняли участие в походе – Эвдем Кипрский, Тимонид Левкадский, афиняне Каллипп и Филострат, Алкимен (Plut., Dion. 22–23; Plat., Ep. VII, 338; Cic., De divin. I, 53). Те же, кто остался в Греции, получали подробную информацию о событиях в Сицилии (Письма Тимонида Спевсиппу легли в основу версии жизнеописания Диона Плутарха).

Платон к идее переворота в Сиракузах отнесся отрицательно и отказался в нем участвовать (Ep. VII, 331d, 336c, 351). Тем не менее, он приветствовал победу Диона, рассматривая ее как возможность преобразования Сиракуз. (Ep. IV, 320a, 321a). Уже древние считали Платона «духовным отцом» предприятия (Cic., De orat. III, 34, 138–9, Ael., Var. Hist. III, 17). По словам самого философа, Дион, освободив город от тирана, собирался установить в нем справедливые законы (Ep. VII, 324b, 336a; VIII, 355b). Однако победитель не смог справиться со сложной социально-политической борьбой в Сицилии и погиб от руки нового претендента на власть – Каллиппа, в свою очередь вскоре устраненного оппозицией (Plut., Dion. 54–58; Corn. Nep., Dion. 8–9). Последняя попытка повлиять на политическую ситуацию в Сицилии была сделана Платоном уже после смерти Диона: два знаменитых письма философа (VII и VIII) друзьям Диона содержат советы по обустройству государства¹⁹. Наконец, связи философов платоновского круга с известными правителями и политиками (македонскими царями, афинскими стратегами и др.) также говорят немало о политической роли Академии.

Таким образом, жизнь в Академии не ограничивалась занятием «чистой наукой». Глава школы и его сподвижники постоянно искали и осуществляли выход в практическую политику.

В связи с этим встает вопрос о характере взаимоотношений Академии с Афинским полисом, а также о том, почему Платон и его ученики не стремились осуществить преобразования в Афинах. В самом деле, ведь Платон был воспитан этим городом, его предки играли в нем заметную роль, поэтому вполне

¹⁹ Подробнее о сицилийском эксперименте Платона и правлении Диона в Сиракузах см.: *Блохина И.Р.* Дион Сиракузский: о социально-психологических аспектах эксперимента в политике // *Человек в истории (Homo politicus)*. Тамбов, 2000. С. 5–24. *Berve H.* Dion // *Abh. Akad. Mainz*. Jg. 1956. № 10. Mainz–Wiesbaden, 1957. *Fritz K.* Platon in Sizilien und das Problem der Philosophenherrschaft. Berlin, 1968. *Sprute J.* Dions Syrakusanische Politik und die politischen Ideale Platons // *Hermes*. Bd. C. 1972. № 3. S. 294–317.

естественным выглядело горячее желание юноши участвовать в государственных делах. Оно было сломлено еще «нечестивым правлением» тридцати тиранов («Видя все это, я вознегодовал и устранился от всех этих зол» – Ер. VII, 325a). Смерть Сократа по «безбожнейшему из обвинений» (*ibid.* 325b) сделала невозможным даже само пребывание в Афинах, подтолкнула Платона к добровольному изгнанию. Вместе с тем трогательное сравнение отечества с отцом и матерью (Ер. V, VII, 324c) говорит о привязанности к родному городу. Возвращение в Афины и основание Академии означало примирение.

Новые отношения Платона и Афин строились на иных началах, которые можно было бы оценить как удобный компромисс²⁰. Йегер справедливо замечает, что само существование Академии – независимого философского содружества – было возможно именно в демократических Афинах, где была развита традиция интеллектуальной и духовной преемственности²¹. К этому времени многими согражданами Платона смерть Сократа воспринималась как горькое недоразумение, а Академия умножала славу города, к ней и ее наставнику отношение было дружелюбным и почтительным (Olympiodor, *Vita Plat. Diog. Laert.* IV, 7, 8, IX, 113). Конечно, распространение идей Платона здесь ощущалось слабее. Предположение М. Шуля, что в институте эфебии явно прослеживается влияние политической установки Платона, кажется нам натянутым²². Однако не было оно и ничтожным (как полагает К. Армстронг²³), о чем свидетельствует тесное общение «академиков» с видными в Афинах людьми – известными ораторами Ликургом, Гиперидом, а может быть, и Демосфеном, афинскими стратегами – Хабрием, Фокионом, Тимофеем (*Diog. Laert.* III, 23–24, 46–47; *Plut., Phoc.* 4, 7; *Ael., Var. Hist.* II, 18).

Следует также объяснить, почему политическое влияние Академии проявлялось столь разнообразно, а в сфере практической деятельностью вышедших из школы Платона политиков руководили подчас не только высокие, но и низменные побуж-

²⁰ По меткому выражению Мюллера, Платон – разочарованный патриот (*der enttäuschte Patriot*), а его отношения с Афинами – парадоксальное соединение «чуждости и близости». – *Müller C.W.* *Op. cit.* S. 70.

²¹ *Йегер В.* Указ. соч. С. 256.

²² *Schuhl P.M.* *Platon et l'activité politique de l'Académie // Revue des Etudes Grecques.* 1946/1947. № 59–60. S. 47.

²³ *Armstrong C. B.* *Plato's Academy // Proceeding of Leed's Philosophical and Literary Society. Literary and historical section.* Vol. VII. Part. II. Leeds. P. 104.

дения (как в случае с Каллиппом или Клеархом Гераклийским). Известный социолог Карл Поппер противопоставляет Сократа Платону, отмечая верность своим идеям первого и укоряя за непоследовательность и измену второго:

«Платон... был вынужден на каждом шагу пути, по которому он пошел, заключать компромиссы со своей совестью. Ему пришлось бороться со свободной мыслью и свободным исследованием истины, ...защищать ложь, политические миражи... и в конце концов – жесточайшее насилие²⁴».

Едва ли можно признать справедливой столь резкую оценку человека, жизнь которого была посвящена воплощению его главной идеи создания достойного человека и достойного общества. Этой идее были подчинены и неизбежные компромиссы, которые нельзя рассматривать как сделки с совестью.

Стремление Платона заложить философские основы в политике, в которой он видел высшее искусство, неизбежно наталкивалось на жесткие условия реальной жизни в переходную эпоху, изменить которые было не под силу законодателю или философу-правителю. Значение Академии как школы государственных деятелей заключалось не в способности ее учеников излечить больное общество, а в том, что гражданской апатии, политическому цинизму и авантюризму она стремилась противопоставить программу совершенствования общества, «разбудить» политическую активность граждан, возродить искусство политики. А поразительное разнообразие этой политической активности учеников Платона, на наш взгляд, является свидетельством особого (сократовского!) метода воспитания, предполагавшего высокую степень терпимости, духовный суверенитет, свободу выбора.

²⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. I. Чары Платона. М., 1992. С. 247.

А.В. Карасева (Иваново)

ОБРАЗ ЖИЗНИ ЦИЦЕРОНА И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ, СТИЛИЗАЦИЯ И «ПОЗА»

Цель настоящей статьи – на основании сохранившихся писем, сочинений и свидетельств современников выявить особенности образа жизни и интеллектуальной деятельности Марка Туллия Цицерона и близких к нему по жизненному укладу и способам самореализации активных деятелей римской политики и культуры; определить степень влияния интеллектуальной деятельности на избираемые поведенческие модели тех, кто постоянно и даже повседневно входил в его круг общения. Среди таких людей – Марк Юний Брут, Марк Теренций Варрон, Публий Корнелий Лентул, Луций Папирий Пет, Марк Целий Руф, Сервий Сульпиций Руф, Гай Требаций Тест, Квинт Туллий Цицерон, Воллумний Евтрапел, Марк Марий и другие.

Цицерон одобрял и хвалил Марка Мария и его способ проведения досуга (ad Fam. VII,1,5); Луций Лукцей отмечал, что утомленному уму досуг позволяет отдохнуть, а эрудированному – провести новые изыскания (ad Fam.V,14,1). Письма предоставляют возможность увидеть, чем заполнялся досуг окружения Цицерона.

Чаще всего отдых использовался для обмена информацией и общения: писали письма (ad Att. I,19,1; II,5,3; XII, 38,2; ad Q.fr. II,9,1; ad Fam. III,7,1; VIII,3,1; XII,20; XII,30,1), вели беседы (ad Att IV, 11,2; ad Fam. IX,4; XI,27,5) о красноречии и греческой литературе (ad Att. IV,15,2), философствовали (ad Att. II,14,2; II,15,3; ad Fam. XI,27,5); совместно слушали и обсуждали написанные друзьями и близкими литературные произведения (ad Att. II,2; 6,2; XIII,20,2; XII,2,2; 6,2; XVI,2,6; 3,1; 11,1; ad Fam. XVI,10,2; ad Q.fr. III,5,1). Немало времени уделялось чтению книг и научным занятиям (ad Att. IV,10,1; 11,2; 14; 16,2; ad Q.fr. II,9,1; ad Fam. VII,1,1), в том числе литературным и философским (ad Att. II,6,1; 13,2; XII,20; ad Q.fr. II,7,1; ad Fam. I,8,3; VI,18,5), написанию исторических произведений (ad Att. II,8,1; ad Q.fr. II,11,4). Свободное время позволяло писать книги, посвящая их друзьям и тем, кому хотелось оказать дружеское расположение (ad Fam. VIII, 3,3). Например, Цицерон так напряженно трудился на досуге, что бывшие с ним переноси-

ли досуг труднее, чем он сам труд. Удалившись после смерти дочери в свою усадьбу, Цицерон за 30 дней пребывания в садах написал столько, сколько те, кто порицал его за уход с Форума, не смогут прочитать, при этом он никому не отказывал в беседе и в возможности встречи (ad Att. XII,40,2). Естественно, что труды на Форуме и досуг, полный напряженного интеллектуального труда, утомляли. Для того, чтобы действительно отдохнуть, выбирали приятные занятия по своему усмотрению (ad Fam. VII,1,1). Это могли быть прогулки и наслаждение природой (ad Att. XIV,13,1), посещение театральных и цирковых представлений или выступлений известных актеров (ad Att. IV,15,6; XIII,43,44).

В качестве характерной особенности античного общества, можно выделить потребность в общении, в пребывании среди близких по статусу и образу жизни людей не только во время занятий¹, но и на отдыхе. Письма фиксируют то, что римляне больше всего ценили в общении и чего от него ожидали. Беседа должна была быть приятной (ad Fam. XI,27,2), вежливой и изящной (ad Q.fr. II,10,2); должна была быть возможность шутить в волю, играть словами (ad Fam. I,10; VII,11; 32; IX,15; 16; 18,3; 19;21,1). Умение вести беседу, образованность и начитанность (ad Fam. XVI.16,2) доставляли удовольствие (ad Att. XIII,52,2; ad Q.fr. II,8,1; ad Att. IV, 11,2). Дружеские беседы на пирах были особенно сладостны (ad Fam. VIII,3,1; IX,24,3). Кроме удовольствия от общения (ad Fam. VII,17,2; ad Q.fr. III,I, VI,22), такая беседа позволяла отвлечься от забот и страданий (ad Fam. IV,6,2), тревог и переживаний политической жизни (ad Fam. IV,6,3). Возможность подругески и с пониманием посмеяться над несуразностями в политике смягчала горечь поражений (ad Fam. XII,18,1), отвлекала от тревог, вооружала против ударов судьбы (ad Fam. XII,23,4). Обсуждались и личные дела (ad Fam. VIII,15,2). Совместные прогулки и беседы побуждали обращаться к литературным и научным занятиям, в том числе и к написанию философских сочинений (ad Fam. XI,27,2). Соответственно, собеседник мог непосредственно оказывать помощь и услуги в занятиях и сочинениях (ad Fam. XVI, 4,3; 11,1; ad Att. VII, 5,2). Ценилось само умение вести беседу, образованность, причастность к литературе (ad Fam. XVI,16,2), общительность, приятность, любезность (ad Fam. XVI,5,1; 8,1).

К досужим занятиям прибегали тогда, когда из-за сложившейся политической обстановки не было возможности принять

¹ Кнабе Г.С. Древний Рим: История и повседневность. М., 1986. С. 156–166.

участие в решении государственных дел: «неустойчивость и неуверенность в завтрашнем дне заставляла многих искать удовлетворения и покой в занятиях философией и другими науками», например, Лукреция и самого Цицерона, а других – «в эротике и изысканных формах поэзии»². Из подобных занятий стремились извлечь пользу и для общественной деятельности. Так, литература содействует воспитанию и развитию в человеке доблести, возмечивает славу римского народа и побуждает служить ей. Среди основных требований, предъявляемых к литературным занятиям тех, кто принадлежал к кругу Цицерона, была общественная полезность³. На первый взгляд, переписка подтверждает это представление. К философским сочинениям обращаются, чтобы аргументировать политическую и жизненную позицию ссылками на авторитет того или иного философа или положениями философской доктрины (ad Fam. I,9; IV,3; 5; V,13,1; VI,1; 4; III,7,5; XV,4,13-14). В то время, когда многие колеблются и не имеют четких предпочтений⁴, образование и занятия философией приносят пользу, позволяя выбрать достойную позицию (ad Fam. 21,3; 19,2). Можно мудро переносить случившееся, если политик использует все, что получил от великих мужей древности, и то, что изучил сам (ad Fam. IV,13,7). В условиях Гражданской войны учения и литература приносят спасение (ad Fam. VI,12,4), знание величайших наук и слова великих дел дают поддержку в трудных обстоятельствах жизни (ad Fam. VII,3,4). Если обстоятельства складываются неблагоприятно, то от тревог времени можно уйти в занятия философией (ad Fam. IV,3,4; 4,4) или в занятия литературой (ad Fam. V,21,2), сделав их смыслом жизни (ad Fam. XIII,28a,2). То, что украшает жизнь в счастливых обстоятельствах, помогает в превратностях (ad Fam. V,13,3). Цицерон утверждает, что он и Катон Младший «внесли философию на Форум и в государственные дела» (ad Fam. XV,4,16), тем самым превратив занятия праздности в государственные дела, полезные обществу.

Значимость интеллектуальных трудов не сводилась только к общественной полезности. Дружеская беседа успокаивает рас-

² Радциг С.И. Цицерон и его время. Социально-политические отношения в Риме в эпоху Цицерона // Цицерон. 2000 лет со дня смерти. Сборник статей. М., 1959. С. 52,54.

³ Петровский Ф.А. Литературно-эстетические воззрения Цицерона // Цицерон. Сборник статей. М., 1958. С. 745.

⁴ Bosworth A.B. Asinus Pollio and Augustus // Historia. 1972. Bd. 21 N. 3. S. 441-473.

тревоженную душу (ad Fam. IX,24,3), литературные занятия смягчают и облегчают душевное состояние (ad Att. XII,20,1). Хотя Цицерон и приравнивает свои занятия по важности к государственным, именно в них он находит отдых от трудов на форуме. При счастливых обстоятельствах дел в государстве ученые занятия украшают жизнь (ad Fam. V,13,3) и доставляют удовольствие (ad Fam. VI,12,5, ad Q.fr. III,7,2), приносят пользу и наслаждение (ad Fam. IX,6,4). Удовольствие и наслаждение – неперемнное условие и следствие ученых занятий: Цицерон и его друзья наслаждаются книгами (ad Att. II,6,1), Музами (ad Att. II,4,2), литературой (ad Fam. I,9,23), возможностью вести утонченную, изящную и вежливую беседу (ad Q.fr. II,10,2). Общение побуждает к творчеству (ad Fam. XI,27,2), результат и продукт которого также доставляет удовольствие всем участвующим (ad Fam. V,14,1). Присутствующие наслаждаются наличием духовного союза и причастностью к одним и тем же занятиям (ad Fam. V,13,5). Это позволяет ощущать родство душ и связь между людьми даже на расстоянии (Там же). Удовольствия и наслаждение от ученых занятий в зрелые годы столь велико, что напоминает удовольствие и радости юноши (ad Fam. I,9,23), поэтому передаются им с большим желанием (ad Att II,4,2, ad Fam. IX,6,5).

Таким образом, очевидно, что у Цицерона и тех, кто входил в его круг, интеллектуальные занятия заполняли досуг. По интенсивности и напряженности они не уступали занятиям на Форуме. Кроме «плодов» этих занятий в виде сочинений, участники наслаждались общением, его атмосферой – дружественной и ученой, дающей ощущение сопричастности и единения, а также испытывали эмоциональное удовлетворение. Соответственно, к занятиям литературой, историей, красноречием, философией они обращались не только потому, что политическая деятельность разочаровывала, пугала и заставляла искать спасение в интеллектуальной деятельности на досуге, но и потому, что для образованной части общества они стали жизненной потребностью.

Распорядок дня Цицерона и его окружения

Как правило, деятельные люди начинали день с первыми лучами солнца. Плутарх свидетельствует, что во время наместничества в Киликии никто не видел Цицерона лежащим праздно: он вставал с первыми лучами солнца и стоял или расхаживал у дверей своей спальни, приветствуя посетителей. Сам Цицерон в письме к Луцию Папирию Пету пишет, что утром он приветствует дома многих (ad Fam. IX,20,3). В утренней сутолоке (in turba

matutinae salutationis) находилось время только для написания небольшого письма (Epist. Brut. II,4,1). Рано утром принимались за дела и Марк Брут (Плутарх. Брут 4,20,40), и Катон Младший (Плутарх. Катон. 15,18,19,27). Даже слабый здоровьем Марк Марий утренние часы отдавал чтению (ad Fam. VII,1,1). В зависимости от состояния дел в государстве, последующие часы посвящались Форуму или занятиям частным. Марк Марий, как человек болезненный, не отправлял государственных должностей, поэтому остальные часы дня он тратил на приятные занятия по своему усмотрению. Поскольку Марий не любил смотреть на гладиаторов, атлетов, оские или греческие игры, он проводил день в беседах и прогулках в лектике (ad Fam. VII,1,2-3,5), в чтении книг со своим анагностом Протогеном (ad Fam. VII,1,3). Видимо, так же проводил день и отец Цицерона, который из-за болезни чуть ли не всю жизнь провел в литературных занятиях (De leg. II,1,3). Цицерон в период диктатуры Цезаря, когда удалился от государственных дел, после приветствия сразу приступал к литературным занятиям, писал или читал. К нему присоединялись соседи, чтобы послушать ученого человека (ad Fam. IX,20,3; ad Att. II,14,2; II,15,3; ad Att. XII,9). Многие его часы проходили в беседе (ad Fam. XI,27,5). Если ему никто не мешал заниматься литературными и философскими трудами, то день проходил в чтении вместе с анагностом и учеными библиотекарями (ad Fam. VII,1,3; ad Att. IV,11,2; IV,8a,1). Марк Цицерон-младший, желая загладить недовольство беспутной и разгульной жизнью в Афинах описывает, как он проводит день после исправления: он-де ежедневно изучает философию, декламирует по-гречески у Кассия, по латыни – у Бруттия, проводит целые дни с философом Кратиппом, нередко общение затягивается до глубокой ночи, так как Цицерон-младший упрасивает Кратиппа обедать совместно как можно чаще (ad Fam. XVI,21,3; ad Fam. XII,16,2).

Несомненно, Марк Цицерон-младший преувеличивал степень своего исправления и созданная картина не во всем соответствует реальности, для нас же важно видеть, что ожидал от сына его отец. Сам Цицерон часть дня уделял «телу» – прогулке, бане, умачению, приему пищи (ad Fam. IX,20,3), но даже в это время он находил возможность заниматься. Так, во время обеда у Волумния Евтрапела он пишет на табличках черновик письма к Луцию Папирию Пету (ad Fam. IX,26,1).

Многие, подобно Цицерону, изыскивают время для ученых занятий: Гай Требоний, когда по морю отправился наместником в провинцию Азия, на досуге подготовил книгу изречений Цицерона

(ad Fam. XII,16,3). Во время путешествия по Азии Гай Требоний предлагает Цицерону-младшему в спутники философа-перипатетика Кратиппа, чтобы не терять зря времени (Там же, 1-2). Юлий Цезарь написал две книги «Об аналогии» при переходе через Альпы, возвращаясь с войском после судебных собраний из Ближней Галлии, поэму «Путь» – в течение 24-х дневного перехода из Рима в Дальнюю Испанию, а памфлет «Антикатон» – сразу после битвы при Мунде (Suet. Div. Jul. 56,5). Октавиан Август в Мутинскую войну, среди всех забот, каждый день находил возможность читать, писать и декламировать (Sueton. Div. Aug.84,1).

Квинт Цицерон, отправившись к Цезарю в Трансальпийскую Галлию за 16 дней написал 4 трагедии (ad Q.fr. III,5,7). Сам Цицерон с гордостью перечисляет в письме к Лентулу Спинтеру, что он написал после отъезда адресата в Киликию (ad Fam. I,9,23): 9 речей, 3 книги диалога «Об ораторе», поэму «О моем времени» в 3 книгах. А в ответ на упреки, что недостойно государственного мужа слишком тяжело переносить смерть дочери и удаляться с Форума в уединение в усадьбах, описывает как напряженно он трудится: порицающие его не в состоянии прочесть столько, сколько он написал; он пишет и читает такое, что находящиеся рядом с Цицероном с трудом переносят такой досуг (ad Att. XII,40,2). Качество написанного, добавляет Цицерон, совсем не относится к делу, главное – несправданный и наполненный интенсивным трудом досуг, за который по возвращении в Рим его не смогут упрекнуть (ad Att. XII,40,3). Иногда Цицерон пишет ночью (ad Fam. IX,2,1; ad Q.fr. III,9,2), тем более, что он редко ложился к столу до захода солнца (Плутарх. Цицерон, 8).

Значительное время уделял Цицерон занятиям с молодыми людьми, желавшими изучать красноречие и философию (ad Fam. VII,33,2; IX, 6,7; Плутарх. Цицерон, 40; De fato I,2; II,3), и часто вместе с ними обедал, «чтобы не отказать друзьям во внимании» (ad Fam. IX,26,1-4). Очевидно, что интеллектуальные занятия наполняют весь день Цицерона и его окружения. Марк Юний Брут удлинял день за счет сна и не ложился, пока не оставались какие-либо дела, которыми он мог бы заняться, или люди, с которыми он мог бы вести беседу (Плутарх. Брут, 36).

Особенности образа жизни Цицерона и его окружения

Рассмотрение образа жизни Цицерона позволяет выявить особенности, присущие его кругу. Приводимые Плутархом сведения о народном трибуне I в. до н.э. свидетельствуют о стремлении

не отделяться он народа ни пространственно, ни физически⁵. Ливий Друз на предложение отремонтировать дом, чтобы в дом его не могли с разных сторон заглядывать соседи, предложил 10 талантов, чтобы сделать прозрачным для всех граждан как дом, так и каждодневную жизнь его обитателей (Плутарх. Наставления о государственных делах 4). В письмах к Аттику Цицерон описывает с юмором своих соседей по усадьбе: Гая Аррия и Себоса, которые приходят философствовать и не дают возможности приступить к сочинениям. Раз не могу остаться один, замечает Цицерон, буду общаться с деревенскими (ad Att. II,15,3). Нет ничего сладостнее уединения в астурской усадьбе, сообщает он в другом письме, если бы не мешала болтовня Луция Марция Филиппа (ad Att. XII,9). Только благодаря тому, что Цицерон удаляется в библиотеку, он имеет возможность создать свои труды (ad Fam. VII,28,2). Луций Лукцей напрямую связывает наслаждение с уединением и написание трудов (ad Fam. V,14,1). И Цицерон, и близкие к нему осознают уединение как неперемное условие для творчества, но в то же время они понимают, что общество относится к уединению с некоторой долей подозрительности. Цицерон высказывает Теренцию Варрону опасение, что их общение друг с другом может быть воспринято как праздность во время кризиса и вызовет неодобрение (ad Fam. IX,3,1). По той же причине он не одобряет приезд Варрона в Байи (ad Fam. IX,2,1).

Соединение традиционных норм и зарождающихся новых создавало особую атмосферу, при которой их соблюдение приобретало характер стилизации. Смысл для стилизации возникает тогда, когда появляется оппозиция декларируемым нормам, повседневным формам жизни, а также в случае выделения социальной группы, объединенной совместно пережитым общественным опытом⁶. Если мы обратимся к биографии Аттика, то увидим, что одним из принципов организации домохозяйства была воздержанность, но не в ущерб комфортности. Домашняя утварь

⁵ Очевидно, что публичность существования характерна для Рима как общества: стремление принадлежать к массе сограждан и раствориться в них начинает исчезать только с середины I в.н.э., отдельный человек не только не мог, но и не хотел замкнуться, уединиться, остаться наедине с собой. См.: Кнабе Г.С. Цит. соч. С. 165–166. По мнению исследователя, подобную потребность почувствовал только полтора столетия спустя император Марк Аврелий.

⁶ Кнабе Г.С. Цит. соч. С. 7–12. По мнению Кнабе, стилизация отчетливо выявляется в некоторых формах бытового поведения, прежде всего в застольях (С. 7).

была немногочисленна и скромна, так что не казалась ни бедной, ни богатой. Дом, доставшийся по наследству от дядюшки, Аттик обновил, но привлекательность его заключалась не в самом строении, а в парке. Покупал и строил Аттик умеренно, но, по утверждению Непота, имел все лучшее (Nep. Att. 13). Согласно традиции, наряду с предлагаемой пищей, важна была беседа сотрапезников и «культурная программа» для развлечения. Совместная трапеза укрепляла дружеские связи, поддерживала чувства взаимной приязни и доверия. Традиция требовала также определенного ограничения расходов и скромности трапез⁷. Будучи богатым человеком, Аттик на месячные расходы определял не более 3000 сестерций. За едой сотрапезники наслаждались самым приятным развлечением – голосом (Nep. Att. 14). Такие трапезы можно назвать «антиобедом», их привлекательность – в подчеркнутой скромности, противостоящей проникновению роскоши, распаду связей и дружеских отношений⁸.

Развлечения также носили особый характер: это было музицирование на флейте или лире, исполнение классических стихов, часто происходила так называемая «сократическая беседа» на философские, литературные и повседневные темы, но разговор обязательно должен был быть живым и остроумным, в котором можно было состязаться в находчивости⁹. Похоже, именно такие пиры предлагал собеседникам Луций Папирий Пет. Цицерон подтрунивал над ним по поводу того, что у Пета после разорения нет возможности принять и удовлетворить запросы гостя, учившегося у Долабеллы и Гирция искусству застолий (ad Fam. IX, 20, 2). То, что это шутка, видно по маленькой записке от ноября 46 г. до н.э., в которой Цицерон объявляет себя врагом дорогих обедов (ad Fam. IX, 23). Тем не менее даже его забавляет подчеркнутая скромность трапез Пета – соленая рыба с сыром (ad Att. XIV, 16, 1), блюда из помпыла, оливки и луканская колбаса (ad Fam. IX, 16, 7-8), полип под красным соусом, чтобы соус придавал дешевой рыбе вид морской, печенье из муки с примесью вина, молока, масла и перца (ad Fam. IX, 20, 2). Цицерон с равной иронией относится и к подчеркнuto скромным обедам и к пышным. Он, благодаря общению с Долабеллой и Гирцием, которых называет своими учителями, может считать себя человеком, который уже что-то понимает, который к тому же начал поздно учиться – и

⁷ Кнабе Г.С. Цит. соч. С. 124–131; 135, 139, 146; 25.

⁸ Согласно Г.С. Кнабе.

⁹ Кнабе Г.С. Цит. соч. С. 149.

потому особенно требователен (ad Fam. IX,20,2). В письмах к Пету Цицерон сатирически изобразил любителя застолий: прожорлив, заносчив, претендует на утонченность и изящество, хочет быть равным признанным гурманам (ad Fam. IX,20,2). Поэтому он высмеивает скромные пиршества и требует от друзей достойного приема с блюдами из павлинов, великолепия и пышности, какие особенно любят богатые выскочки вроде вольноотпущенника Фамеи, известного изысканностью своих поздно начинавшихся обедов (ad Fam. IX,16,7-8).

Истинное отношение Цицерона выявляется в переписке не только в иронических подтруниваниях. Он действительно неплохо разбирался в кулинарных изысках (ad Fam. IX,20,2; XII,26,1; IX,10,1), получал немалое удовольствие от тонкостей кухни и не отказывался от участия в веселых пирушках (ad Fam. IX,26,1). Цицерон ценил в пирах и совместное общение. Он советует Пету жить среди честных, приятных, расположенных к нему людей, что гарантирует спокойствие духа. Более всего это достигается дружеской беседой во время пиров, которые предки называли совместной жизнью (*convivium*), так как тогда более всего проводят время вместе (ad Fam. IX,24,3). В трактате «Катон, или о старости», Цицерон подробнее останавливается на этом. Его Катон в юности пировал скромно, но со всем пылом молодости (*De senec. XIII,45*). С возрастом Катон не перестал чувствовать удовольствия от материальной стороны пира – от председательствования за столом, от произносимых во время пира речей, от кубков, удобно располагающихся в руке, от летней прохлады или тепла зимой, от ранних пиров (которые в Риме считались данью чревоугодию) – *De senec. XIII,46*. Но совместное питье и совместное потребление еды с точки зрения Катона на пирах менее ценно, удовольствие во время пира приносит присутствие друзей и беседа с ними, что соединяет людей на всю жизнь (*De sen. XIII,45*). Таким образом, и в обеде Цицерон более всего ценит интеллектуальное общение.

В то же время в переписке Цицерона есть моменты, позволяющие проследить элементы иронии, игры и стилизации по отношению к тому, что составляет смысл жизни – к интеллектуальной деятельности и соответствующему ей образу жизни. Желая подчеркнуть глубину своего несчастья, Цицерон пишет Аттику: «Я все еще нахожусь в том месте, лишенный всякой беседы, всякой мысли» (ad Att. III,12,3), а в письме к Варрону утверждает, что не может удержаться от того, чтобы не объявить о союзе с ним в литературных занятиях и дружбе (ad Fam. IX,8,1). Луцию Папирию

Пету Цицерон сообщает, что утратил здоровье из-за того, что прекратил заниматься красноречием (*ad Fam.* IX,18,3), и что он не мог жить, если бы не занимался в период крушения республики литературными занятиями. Но все же, продолжает Цицерон, существует если не пресыщение, то некоторая мера (*ad Fam.* IX,26,1).

По этой причине все чрезмерное, все экзальтируемое в интеллектуальных занятиях встречается со стороны Цицерона иронию и осмеяние. Цицерон ценит «просвещенный досуг», но философствующие соседи, ради бесед с ним откладывающие свое возвращение в Рим, побуждают его общаться с деревенскими неискушенными людьми, а не с этими, слишком городскими (*ad Att.* II,14,2; 15,3). Он нередко иронизирует по поводу увлечения философией и желанья выстроить жизнь в соответствии с избранной доктриной (*ad Fam.* IX,25,2)¹⁰. Посмеивается Цицерон и над стремлением общаться с риториками и всепоглощающей увлеченностью греческой литературой (*ad Att.* IV,15,2). Аттику Цицерон сообщает, что у себя в усадьбе наслаждается чтением книг, но к писанию испытывает решительное отвращение и ищет любой предлог для безделья, лишь бы продлить отдых, в который он полностью погрузился (*ad Att.* II,6,1).

Однако в переписке прослеживается и то, что можно условно назвать «позой» – то, что предъясняется окружающему миру как должное, но не всегда соблюдаемое в реальной жизни Цицерона или соблюдаемое только в узком кругу единомышленников, близких по духу и образу жизни. Начинает вырисовываться образ человека, удаленного в силу возвышенности души или возвышающих душу занятий от низменных сторон жизни. Переписка Цицерона с Аттиком наполнена сюжетами, связанными с управлением имениями, решением финансовых проблем, покупкой и выгодной продажей земли, имений, доходных домов. Собственных средств Цицерону зачастую не хватает, и он вынужден продумывать каждый свой шаг. И вдруг в письме к Аттику в апреле 44 г. до н.э. появляется следующая сентенция по поводу повреждения, причиненного доходному дому Цицерона: «Прочие называют это разорением, я не называю даже убытком. О Сократ и последователи Сократа! Никогда не отблагодарю я вас! (за спокойное, благодаря занятиям философией, отношение к жизни – А.К.). Как ничтожно это для меня!» (*ad Att.* XIV,9,1).

¹⁰ Также см: *ad Att.* II,16,3: «у твоего приятеля Дикеарха происходит тут спор с моим другом Феофрастом по поводу образа жизни».

В письме к Марку Марию, болезненному и слабому здоровьем и, по этой причине, ведущему приватный образ жизни, Цицерон радуется его здравомыслию. Полные изящества, учтивости и эрудиции беседы Марка Цицерон и его брат очень ценят (ad Q.fr. II,8,2-3). Марк Марий отказался от посещения игр – Цицерон замечает, что Марий правильно презрел то, чем без причин восхищаются другие – и может теперь полностью наслаждаться плодами досуга (ad Fam. VII,1,1). Цицерон, принужденный общественными обязанностями к посещению игр, отмечает, что игры были великолепны, но не соответствовали ни вкусам Мария, ни его собственным: посредственная игра актеров, пышность обстановки, излишества реквизита, вызывают восхищение только у народа, но не у просвещенного зрителя (600 мулов в «Клитемнестре», 3000 кратеров в «Троянском коне»), грубые оские игры и слабые подражания греческим трагедиям и комедиям, недостойные просвещенного общества бои гладиаторов, выступления атлетов, бои с дикими зверями: «что за удовольствие для образованного человека (*homini politico*) смотреть, либо как слабый человек будет растерзан могучим зверем, либо как прекрасный зверь пронзен охотничьим копьем?» Подобные зрелища вызывают восхищение только у черни и толпы (ad Fam. VII,1,3). На протяжении письма Цицерон стремится показать, насколько тяготится он присутствием на играх, потерянным временем, и как тягостно жить, не по своему усмотрению, жизнью, полной досуга, а тратить время и силы на обременительнейшие занятия (ad Fam. VII,1,2-5). Однако, в письмах к Аттику Цицерон живо интересуется, как проходят игры, устроенные Марком Брутом как городским претором, просит не пропускать ни одной детали, подробно описывать все происходящее на них день за днем (ad Att. XV,26,1; 27,3; 28), и сам дает не менее подробный отчет тем, кто, подобно ему, активно участвует в политической жизни Рима.

Когда Целий Руф попросил Цицерона доставить на его игры пантер из Киликии мотивом отказа были не гуманные соображения, так ярко изложенные в письме к Марку Марию, а несовместимость приказа об отлове зверей в горах Киликии с достоинством наместника (ad Att. VI,1,21). Но и это оказывается «игрой на публику», игрой в магистрата, должным образом исполняющего обязанности и тем самым являющего Риму *exempla gravitas, dignitas et gloria*, т.к. в письме к Целию Руфу, отправленному также в феврале 50 г. до н.э., Цицерон сообщает, что охотники стараются, и, следовательно, он исполняет *officia* друга по отношению к Руфу.

Вырисовываются в переписке и особенности поведения, складывающиеся в узком кругу и впоследствии воспринятые последователями Цицерона. Цицерон сообщает, что оставил больного Тирона в Патрах и теперь с трудом переносит разлуку и болезнь близкого человека (ad Att. VII,2,3¹¹). Самому Тирону он пишет, что совершенно не может перенести тоску по нему (ad Fam. XVI,1,1). Марк Целий Руф горько сожалеет, что во время пребывания Цицерона не так часто навещал его, а по отъезде Цицерона Рим кажется опустевшим, а сам он тоскует и чувствует себя одиноким (ad Fam. VIII,3,1). Цицерон также признается, что чувствует необычайную тоску по Риму, по всем своим и прежде всего по Целию (ad Fam. II,13,4). Сходные мотивы звучат и в других письмах (ad Fam. II,11,1; II,12,2; ad Att. V,1,1; ad Fam. VIII,15,2,2). Присутствует и тема памяти, оставленной друзьям и близким (ad Fam. II,16,5). Ощущаются определенная театральность слова, жеста, поступка. Не случайно Целий Руф, упрекая Цицерона в том, что он не оказал ему должной поддержки, замечает, что одна из причин – игра «роли удивительного гражданина» (ad Fam. VIII,17,1).

Восприятие обществом

предлагаемых интеллектуальных *exempla*

Сразу оговорим, что отношение римского общества к интеллектуальным занятиям на досуге было достаточно сложным на всем протяжении истории¹², поэтому здесь речь пойдет о распространенности интеллектуальных занятий и их влияния на образ жизни только представителей высших слоев общества. Многих из них интеллектуальные занятия привлекали – вспомним соседей Цицерона по усадьбе Гая Аррия и Сесбоса, приходивших к Цицерону «философствовать» (ad Att. II,14,2; 15,3); Авл Гирций, Вибий Панса и Корнелий Долабелла проводили целые дни в усадьбе Цицерона, упражняясь в произнесении речей на греческом и латинском языках и в рассуждениях на заданную тему в то время, когда красноречие на Форуме усту-

¹¹ Ita que careo aegre... tamen sum sollicitus.

¹² Об этом, в частности, см.: Rawson E. Roman Tradition and Greek World // САН. VIII², 1989; Scullard H. H. From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 BC to AD 68. L., 1970. *Idem*. A History of the Roman World from 753 to 146 BC. L., 1980; Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. М., 1975; Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М. 1992; Кнабе Г.С. Цит. соч.

пало место выяснению отношений при помощи армий на поле боя (ad Fam. IX,16,7; VII,33,1; IX,18,1).

Переписка Цицерона полна сообщениями о литературных занятиях, характерно, что одной из форм политической борьбы была защита своей репутации, *dignitas*, *auctoritas*, а также компрометация противников при помощи собственноручно сочиненных памфлетов (ad Att. XII,40,1; 45,3; 47,3 – многочисленные «Катоны» и «Антикатоны»), инвектив¹³, мемуаров (Плутарх. Брут; Cic. ad Fam. VI,61) и речей. Даже те, кто ориентирован на традиционный образ жизни, сочиняли подобающие их статусу книги. Так, Аппий Клавдий Пульхр пишет об авгуральном праве (ad Fam. III,4; 11,4), а Квинт Туберон – историю (ad Q.fr. I,1; III,10). Тит Амлий Бальб «увекочивает деяния храбрых людей» (ad Fam. VI,12,5). Гай Требоний составляет книгу высказываний Цицерона. Авл Лициний Цецина в изгнании написал книгу «Сетований» (ad Fam. VI,6,1; VI,7,1-6) и просит Цицерона способствовать ее распространению. По свидетельству Светония Октавиан Август «красноречием и благородными науками занимался с охотой и усердием с юных лет», находя возможность даже во время военных кампаний «каждый день и читать, и писать, и декламировать» (Suet. Div. Aug. 84,1). Некоторые прозаические произведения, написанные на латинском языке, он прочитывал перед друзьями или перед публикой (Suet. Div. Aug. 85). Август хорошо знал греческую и латинскую поэзию, «древнюю» греческую комедию, но бегло по-гречески не говорил и не решался что-либо сочинять (Suet. Div. Aug. 89). Много времени, свободного от государственных дел, он проводил с философом Ареем и его сыном. Дочь Метелла Сципиона и вдова погибшего Публия Красса-младшего, жена Помпея, получившая прекрасное образование, знала музыку и геометрию, привыкла с пользой для себя слушать рассуждения философов (Плутарх. Помпей 55). Корнелий Долабелла, Корнелия Метелла, Октавиан Август представляют поколение, формировавшееся с юных лет под воздействием интеллектуальных *exempla*. Близкие Цицерону по возрасту были подвержены их влиянию. Триумвир Марк Антоний во время неудачного парфянского похода неоднократно восклицал: «О, десять тысяч!», а после поражений от Октавиана Августа уединился с греческим оратором Аристократом и римлянином Луцилием (Плутарх. Антоний 45, 69). Расставшись с друзьями, он устроил жилище у острова Фарос, говоря, что избрал

¹³ Об этом см.: Шталь И.В. Инвектива как источник по истории общественно-политической мысли // ВДИ. 1963. № 2. С. 141-153.

за образец жизнь Тимона, и назвал свое морское пристанище Тимоновым храмом (Плутарх. Антоний 69-71).

Все вышеперечисленное еще не свидетельствует о поглощенности досуга этих людей интеллектуальной деятельностью. Цицерон в трактате «Катон, или о старости» описывает удовольствия ничегонеделания на природе (De senec. XVI,57), в трактатах «Об ораторе» и «О законах» показывает развлечения на природе (De leg. I,2; De orat. II,6). Красс воспринимает беседу как напряженный труд и предлагает после завершения обсуждения проблем красноречия подкрепиться и беззаботно отдохнуть (De orat. III,61,230). Октавиан Август часто читал греческих и латинских писателей только для того, чтобы отыскать в их трудах полезные в общественной и в частной жизни советы и примеры, делая выписки и рассылая их в назидание своим близким, друзьям, должностным лицам как в Риме, так и в провинциях (Suet. Div. Aug. 89,22). Отдыхая от трудов он иногда удил рыбу, иногда играл в кости, зачастую отдавая игре все свободное время (Suet. Div. Aug. 70,2-71). Для развлечения во время обеда к нему в дом приглашали музыкантов, актеров, бродячих плясунов из цирка, чаще всего аретологов-сказочников (Suet. Div. Aug. 74). У Антония дом был полон фокусниками, мимами, плясунами, актерами, на которых уходили чуть ли не все деньги (Плутарх. Антоний 21), обеды заканчивались попойками (Плутарх. Антоний 9). Даже Катон Младший часто проводил всю ночь за вином (Плутарх. Катон 6). Славился своими обедами, пирами и вообще блестящим образом жизни и Юлий Цезарь (Плутарх. Цезарь 4). Октавиан Август откровенно признавался в любви к зрелищам и наслаждался даже самыми грубыми (Suet. Div. Aug. 45,1-2).

Таким образом, можно заключить, что не без влияния *exemplum* предшественников Цицерона, самого Цицерона и близких к нему по образу жизни людей элементы интеллектуальной деятельности, в частности занятия красноречием, литературой и философией, проникли как в общественную деятельность, так и в сферу досуга. Однако интеллектуальная деятельность в периоды досуга не являлась самоцелью, использовалась для отдыха, развлечения, иногда для корректировки предлагаемого обществу имиджа или в политических целях, и не была столь напряженной и всепоглощающей, как в ближайшем кругу Цицерона.

Цицерон и входящие в его круг люди, создали новый тип *exemplum* для римского общества. В обществе, где активно действующие его члены стремились к приобретению того, на чем строи-

строилась социальная иерархия – *dignitas*, *auctoritas*, *virtus* – большое значение имело утверждение в числе *virtutis* напряженной интеллектуальной деятельности, литературных и философских занятий, а в традиционной системе качеств – качеств, характерных для людей интеллектуального труда (*integritas*, *prudentia*, *urbanitas*, *humanitas*, *intellegentia*, *ingenium*, *diligentia*). Внедрение нового типа *exempli* и качеств, ценимых в кругу Цицерона, создавало особую атмосферу, для которой была характерна повышенная знаковость каждодневного поведения, переходящая в определенную театральность жеста, слова, поступка и в стилизацию образа жизни и окружающего пространства. Стиль жизни демонстрировал приверженность ученым занятиям, уподоблял обитателей греческим мудрецам и писателям, учившим и обучавшимся в Ликее и в Академии. В кругу Цицерона *humanitas* и *urbanitas* наполнились чувствами. Членов дружеских кружков связывали не только узы традиционных римских *officia* и *amicitia*, но и искренняя приязнь, дружеская солидарность, радость духовного общения. Принадлежащие к ближайшему окружению Цицерона испытывали наслаждение от наличия духовного союза и причастности к одним и тем же занятиям. Это позволяло ощущать родство душ даже на расстоянии. В переписке появляется тема тоски (*desiderium*) по близким, друзьям и Риму. Сравнительная новизна складывающегося в кругу Цицерона образа жизни, системы ценностей, превращения интеллектуального труда в жизненную потребность приводит, с одной стороны, к экзальтации и появлению «позы», с другой стороны, к иронии и самоиронии. Создается образ человека, удаленного в силу возвышенности души или возвышающих душу занятий от низменных сторон жизни. Он противопоставляется черни, толпе, непросвещенному обществу. В то же время прослеживается ирония по отношению к интеллектуальной деятельности и соответствующему ей образу жизни.

Римские интеллигенты из окружения Цицерона заложили традицию поведения человека, напряженно занимающегося интеллектуальным трудом и реализующего себя в интеллектуальной деятельности, а не только в служении *res publica*. Непреходящее величие Марка Туллия Цицерона и тех, кто входил в его круг, состоит в том, что они впервые явили обществу новый культурно-психологический тип – тип интеллигента. Не без влияния *exempli* самого Цицерона и близких к нему по занятиям и образу жизни людей элементы интеллектуальной деятельности были освоены в сфере досуга.

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ

М.И. Бацер (Петрозаводск)

ИЕЗУИТИЗМ ИЛИ ПРОТЕСТАНТИЗМ? (к полемике вокруг «тезиса Вебера–Тоуни»)

Эпоха Реформации и религиозных войн охватывает полтора столетия (1517–1648 гг.) и совпадает с эпохой так называемого первоначального накопления капитала. Пристальное внимание, которое уделяли К. Маркс и Ф. Энгельс анализу закономерностей социального развития XVI–XVII вв., имело своим следствием не только складывание историко-материалистических представлений об органической связи раннего капитализма и разнообразных направлений протестантизма, но и активизацию исследований роли религиозно-реформационных факторов в процессе становления буржуазных общественных отношений. Наиболее серьезный научно-теоретический результат этих исследований – разработка и выдвижение в первые десятилетия XX в. так называемого «тезиса Вебера–Тоуни». Первая его формулировка дана в работе «Протестантская этика и дух капитализма»¹, принадлежащей перу Макса Вебера. Более радикальное воплощение социальная интерпретация протестантизма обрела в труде «Религия и возвышение капитализма»², опубликованном английским историком и экономистом лейбористской ориентации Ричардом Генри Тоуни³.

Специфика «тезиса Вебера–Тоуни» состоит в признании факта параллельной детерминации капитализма и протестантизма, функционирующей по закону «обратной связи» базиса и

¹ Weber M. Die protestantische Ethic und der Geist der Kapitalismus. (1904–1905). В рус. пер.: Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

² Tawney R.H. Religion and the Rise of Capitalism. L., 1926.

³ Раньше всего взгляды М. Вебера по этому вопросу были подвергнуты обсуждению видными германскими историками и экономистами первой четверти XX века. Л. Брентано выступил с критикой концепции Вебера, Э. Трельч и В. Зомбарт развивали и модифицировали ее. В германской литературе того времени бытовало понятие «тезис Вебера–Трельча».

относительно независимой от него надстройки. Разумеется, и Тоуни, и, тем более, Вебер не принадлежали к числу сторонников марксизма, однако внутренняя логика их концепции имеет точки соприкосновения с марксистской. Научный резонанс относительно новых для западного обществоведения идей оказался длительным и широким. Poleмика охватила специалистов различных ориентаций, причем заметное их большинство не приняло «тезис», хотя нашлись у него и убежденные приверженцы⁴.

В дискуссии с Вебером принимали участие преимущественно историки, исповедовавшие принцип «история, бойся социологии!». Тем не менее, Вебер вынудил своих оппонентов выступать в амплу «социологизирующих» историков. Это относится и к таким сравнительно ранним критикам его концепции, как Х. Робертсон, опубликовавший в 1933 г. книгу «Аспекты возвышения экономического индивидуализма», и Д. Бродрик, автор исследования «Экономическая мораль иезуитов. Ответ д-ру Х.М. Робертсону», вышедшего из печати в 1934 г. Нетрудно заметить, что стороны были озабочены не только общей, но и взаимной полемикой, осложненной тем, что Бродрик сам принадлежал к ордену иезуитов и критиковал капитализм «справа». Робертсон же находил у Вебера «подрыв основ капиталистического общества», усматривая в его эссе определенное родство с произведениями К. Маркса.

Неоднократно отмечалось, что при поверхностном подходе «тезис Вебера-Тоуни» вполне может быть понят в идеалистическом духе – «без кальвинизма нет капитализма». И Робертсон, и Бродрик «социологизировали» в направлении экономического материализма. Как иначе истолковать программное заявление Робертсона: «Я намереваюсь показать, что дух капитализма возникает скорее из материальных условий цивилизации, чем от какого-то религиозного импульса»⁵. Бродрик всецело солидаризировался с подобной постановкой вопроса⁶. Разногласия сторон ка-

⁴ Об этой дискуссии см.: Бацер М.И. К вопросу о неоконсервативной интерпретации протестантизма в современной американской и английской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1992. С. 41–61; его же. «Тезис Вебера-Тоуни»: «за» или «против»? // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 121–128.

⁵ Robertson H.M. Aspects of the Rise of Economic Individualism. Cambridge, 1933. P. 15.

⁶ Brodrick J. Economic morals of the Jesuits. Oxford, 1934. P. 1.

сались не исходных положений, а того, что из них выводилось, вернее – над ними надстраивалось.

Наиболее внушительную надстройку можно определить как «тезис Робертсона», сформулированный весьма однозначно: «Не представляет трудности заявить, что религией, которая благоприятствовала духу капитализма, был иезуитизм, а не кальвинизм»⁷. Бродрик выдвинул ряд возражений. Рассмотрим сначала историко-географический аргумент. Ход мыслей Бродрика примерно таков: Макс Вебер выстраивал свой тезис на материале английской и североамериканской истории. Следовательно, чтобы его опровергнуть, необходимо показать иезуитов, содействующих развитию капиталистического духа именно на территории Англии и Северной Америки в 1570–1670 гг.⁸ Робертсон, однако, имеет дело не с англо-американскими, а исключительно с континентальными иезуитами, что, по мнению Бродрика, ничего доказать не может. Иначе говоря, Бродрик признает только эмпирически констатируемую реальность, настаивает на существовании прямой, однозначной координации духовных и материальных факторов. Если какая-то связь между ними в принципе существует, она должна заявлять о себе на эмпирическом уровне. Ответом на притязания Бродрика может служить следующий фрагмент книги Робертсона:

«Это правда, что примеры из сочинений французских иезуитов, которые я приводил, являются в целом более поздними, чем пуританские примеры, заимствованные Вебером из Англии. Но возвышение среднего класса... произошло ранее в Англии, чем во Франции, и большинство этих французских писаний восемнадцатого века являются более ранними, чем сочинения Франклина»⁹.

Как видим, Робертсон полагал, что историческая закономерность пробивает себе дорогу сквозь пространственно-временные различия, проявляясь по-разному, но сохраняя свою специфику. А потому – доказанное на английском или французском материале может быть экстраполировано и на другие страны, если исходный материал являлся, в том или ином смысле, классическим. Но действительно ли доказаны центральные положения книги Робертсона? Является ли доказанным, например, тезис о принципиальном единстве социального статуса протестантизма и католицизма?

⁷ Robertson H.M. Op. cit. P. 164.

⁸ «То, что иезуиты делали или чему учили в других частях света, не относится к рассматриваемому вопросу». – Brodrick J. Op. cit. P. 2–3.

⁹ Robertson H.M. Op. cit. P. 31.

Известно, что Вебер придавал особое значение кальвинистской категории «призвания», во многом определявшей содержание протестантской этики и, тем самым, «духа капитализма». Иные, некальвинистские, религиозные системы отводили этой категории гораздо более скромную роль. Робертсон полагал, что

«требования упорядоченной жизни, истинно христианского аскетизма, которые выдвигал и выражал пуританизм в концепции "призвания", не являлись капиталистическим откровением, обращенным к миру. Эта концепция заняла место на передовой линии извечного и неизменно-го идеала удовлетворенности решениями Провидения»¹⁰.

Таким образом, пуританизму приписывается традиционное понимание идеи «призвания», отнюдь ему не свойственное¹¹. Что касается католицизма XVI–XVII вв., то Робертсон склонен рассматривать его как религиозного патрона буржуазии:

«Католики также пытались втиснуть средние классы в церковные рамки, как-либо освятить и найти потустороннее значение в их основательности, трудолюбии и порядочности – характеристиках, которые действительно представляли собой добродетели вопреки их светскому происхождению, – и оправдать цели и методы их ремесла»¹².

Хотелось бы подчеркнуть своеобразный неотрадиционализм Робертсона, базирующийся на безоговорочном признании социальной однородности Реформации и Контрреформации, различающихся, таким образом, только своими доктринальными особенностями, которые они одинаково фанатично отстаивали. Однако, как известно, времена Вольтера и Дидро – это времена Вольтера и Дидро. Вольтеровский портрет Кромвеля, изображающий героя с пистолетом в одной руке и Библией – в другой, находится в галерее прогресса исторической науки. Копия, снятая с него Робертсоном, призвана оказывать тормозящее влияние на ее развитие. В самом деле, возможна ли борьба за власть без соответствующей идеологической подготовки? Риторический характер подобного вопроса был очевиден и для Х. Робертсона. Вместе с тем, смена социальных структур объявляется «делом обстоятельств и конкуренции», а наиболее эф-

¹⁰ Robertson H.M. Op. cit. P. 14.

¹¹ А.И.Неусыхин, распространяя сферу действия теологического традиционализма в данном вопросе и на учение Лютера, выводит за пределы этой сферы кальвинизм и пуританство. «Призвание», по Лютеру, как о том свидетельствует А.И.Неусыхин, «это то, что человек должен принимать как божеское установление, которому он должен пассивно подчиняться». – Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 431.

¹² Robertson H.M. Op. cit. P. 167.

фективными катализаторами этого процесса призваны служить «ренессансное государство» и орден иезуитов.

В этой связи уместно напомнить о том, что другой противник «тезиса Вебера–Тоуни», Х.Р. Тревор-Ропер, в конце 1950-х годов вернулся к терминологии Робертсона, интерпретируя «ренессансное государство» и политику его правителей как оплот раннебуржуазных отношений¹³. Пуританство, да и лютеранство, трактуется Тревором-Ропером как проявление идеологических амбиций наиболее отсталых социальных слоев, в условиях Англии – феодального джентри. Возвращаясь к Х. Робертсону, надо отметить, что в оценке исторической роли абсолютистского государства он был прямым предшественником Тревора-Ропера:

«Ответственным за отступление средневековья следует признать возвышение ренессансного государства и философии, на которой была основана его деятельность... Оно было врагом старомодного феодализма с его неэластичными налоговыми системами...»¹⁴.

Пророком капиталистического развития при подобном подходе становится не протестант Кальвин, а католик Макиавелли с его «философией нового государства». Проблема двух фаз в развитии абсолютизма Робертсоном не ставилась, как не принималась им в расчет и развернувшаяся в XVI–XVII вв. конфронтация двух вариантов абсолютизма – имперско-габсбургского и англо-французского. Политические рекомендации Макиавелли пришлись по вкусу и той, и другой стороне, однако вряд ли случайно лозунг «цель оправдывает средства» стал не только стержневым принципом макиавеллизма, но и обобщением иезуитской доктрины. Сам Робертсон давал понять, что иезуитизм – не что иное как римско-католический эквивалент макиавеллизма, активно содействовавший развитию буржуазных отношений всюду, куда проникали его носители.

«Но это случилось не потому, что иезуитизм особенно подходил для поощрения капиталистического духа. Это случилось потому, что иезуиты как наиболее выдающиеся казуисты и духовники сохраняли самый тесный контакт с мирянами, с их целями и с их трудностями. Все указывает на светский характер причин возвышения духа капитализма»¹⁵.

¹³ «Годы их (первых Стюартов – М.Б.) правления видели рост английского капитализма, которому они содействовали, рост, проходивший в масштабах, до того времени неизвестных». – *Trevor-Roper H.R. Religion, the Reformation and Social Change. L., 1967. P. 86.*

¹⁴ *Robertson H.M. Op. cit. P. 14.*

¹⁵ *Robertson H.M. Op. cit. P. 109.*

Изложенная Робертсоном концепция иезуитизма весьма уязвима для аргументированной критики, исходящей из реального положения дел в Европе XVI–XVII веков. Правда, историки давно обратили внимание на некую симметрию основных установок иезуитизма и протестантизма, но то была симметрия антимиров, рассчитанная на аннигиляцию при каждом соприкосновении. Иезуиты взяли на вооружение доктрину монархомахов, и вот – она уже обернулась отравленным оружием Равальяка. Финансовые ресурсы крупнейших предпринимателей обеспечивали снабжение армий Контрреформации, отсрочивших на века реальную возможность капиталистического развития Испании, Италии, Германии. Критические замечания Бродрика носили иной характер: они базировались на тщательном анализе социально-экономических представлений иезуитов, представлений, не всегда адекватно воспроизводимых и интерпретируемых Робертсоном.

Основным вопросом, вокруг которого разворачивалась конкретная аргументация обеих сторон, стал так называемый «пятипроцентный спор», относящийся еще к XVI столетию:

«В поддержку своего спорного положения о том, что скорее иезуиты, нежели пуритане, были теми, кто сделал формирующийся капитализм приемлемым посредством придания ему религиозной санкции, д-р Робертсон посвящает значительную часть своей книги дискуссии относительно законности взимания процентов на займы, которая разделяла католических теологов в XVI веке»¹⁶.

Бродрик указывал на то, что, по мнению Робертсона, иезуиты стремились обеспечить людям возможность занятия ростовщичеством без каких-либо угрызений совести в этой связи. Выводы Робертсона, отмечал его оппонент, построены на весьма узкой базе тенденциозно подобранных публикаций. Мало того, иезуит Бродрик чувствовал себя легко и естественно там, где добровольный адвокат иезуитизма спотыкался на каждом шагу.

Продемонстрировав решающие изъяны в аргументации Робертсона, его эрудированный оппонент поставил под вопрос истинность представлений об иезуитах XVI–XVII веков как друзей прогресса, сторонниках индивидуализма и капитализма:

«...несостоятельность трактовки этого вопроса д-ром Робертсоном становится очевидной, когда он обращается к материалам иезуитской комиссии, созванной в Риме в 1573 г., чтобы обсудить пятипроцентный договор. Из 14-ти решений, к которым пришли св. отцы, он отклоняет все, за исключением одного, как "не особенно инте-

¹⁶ *Brodrick J. Op. cit. P. 120.*

ресные". И все же, почему они не особенно интересны? Быть может, причина в том, что, вместо оказания поддержки тезису д-ра Робертсона о мягкости иезуитов, они (решения – М.Б.) говорят прямо против него, осуждая ростовщичество и все, имеющее сходство с ростовщичеством, в простейших понятиях?»¹⁷.

В данном случае, как и в ряде других, Бродрик демонстрировал несостоятельность тезисов Робертсона, сопоставляя его аргументы с тем контекстом, из которого они были заимствованы. Результаты сопоставления показали, что Робертсон абсолютизировал содержание цитируемых фрагментов, представлявших собой не правило, а редкое исключение, причем вполне объяснимое.

Католические теологи Контрреформации не могли избежать влияния того, что называется духом времени. Тем не менее, основной установкой контрреформационного движения всегда оставалось противодействие прогрессу. Для достижения этой цели нередко использовалась и новейшая фразеология, предварительно очищенная от антифеодалного содержания. «Тезис Вебера–Тоуни» не может быть отклонен посредством апелляции к этой фразеологии. Подобный вывод фактически следует из критических замечаний, сформулированных Бродриком в работе «Экономическая мораль иезуитов». Методические приемы Робертсона и Бродрика могут быть сопоставлены в процессе рассмотрения одного из характерных примеров этой полемики.

Бродрик отмечает, что «в предшествующей части своей книги д-р Робертсон оценивал пуританскую доктрину "призвания" как помеху. Чтобы избавиться от нее, он пытался показать, что французские иезуиты Бурдало, Крассе и другие проповедовали совершенно то же самое. Доказательством этого являются девять коротких отрывков...».

Бродрик прослеживает родословную этих «отрывков», восходящую к четырехтомному труду Гудри, причем каждый том «насчитывает около 800 страниц с двойными колонками убористого шрифта. Девять коротких пассажей, призывающих католиков усердно трудиться и исполнять обязанности, соответствующие их положению, теряются в огромном океане учения о потустороннем».

Далее Бродрик проникательно отмечает, что пуританский аскетизм был моментом в развитии земных дел, в отличие от католического, который находил оправдание в сфере сверхъестественного, ориентируясь именно на нее. Католический историк «не может не улыбнуться», наблюдая за попытками Робертсона придать католицизму капиталистический статус.

Завершая полемику со своим оппонентом, Бродрик выдвигает на первый план свидетельство пуританского памфлетиста, приводимое

¹⁷ Brodrick J. Op. cit. P. 135.

также и в книге Тоуни: «Для папистской религии характерен род естественной неспособности к бизнесу, в то время как среди сторонников Реформации больше усердия, больше склонности к занятиям торговлей и промышленностью, а лень считается незаконной»¹⁸.

Дискуссия Х. Робертсона и Д. Бродрика нашла отражение в англо-американской историко-социологической литературе. Так, Г. Маршалл, изложив в своем обзорном исследовании то, что мы называем «тезисом Робертсона», подчеркнул:

«...в ответ на это утверждение Тоуни указал (в одном из новых изданий своей книги о протестантизме и капитализме), что попытки Робертсона найти параллели к протестантской идее "призвания" в католической литературе "не были очень удачны", в то время как Парсонс утверждает, что Робертсон так искажает аргументацию Вебера, особенно его концепцию духа капитализма и его использование идеальных типов, что вся критика "тезиса Вебера" терпит поражение по всем пунктам»¹⁹.

Сам Г. Маршалл был предельно осторожен в формулировках, находя нужным сказать о книге Д. Бродрика только то, что ее автор строит критику концепции Х. Робертсона не на логических, а на «эмпирических основаниях», упрекая своего оппонента в неправильном использовании источников и «искажении экономического учения иезуитов»²⁰. Мы видели, что с этим лаконичным выводом вполне можно согласиться.

Материалистическая по своему исходному принципу критика концепции Вебера, предпринятая Х. Робертсоном, не могла привести к позитивным результатам, поскольку несла с собой идеи или, вернее, концептуальные допущения, далекие от норм научности. Д. Бродрик же фактически поддерживал концептуальное содержание «тезиса Вебера–Тоуни», вступив в этой связи в аргументированную полемику с Робертсоном, из которой вышел, с нашей точки зрения, победителем.

¹⁸ Brodrick J. Op. cit. P. 151–152.

¹⁹ Marshall G. In Search of the Spirit of Capitalism. N.Y., 1982. P. 87.

²⁰ Ibid. P. 88.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

В.М. Пивовев (Петрозаводск)

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Особенностью современного сознания в нашем обществе является кризис идентичности, глубоко переживаемый Россией и каждым россиянином. Речь идет и об индивидуальной идентичности, и о групповой. Еще вчера большинству из нас было вполне ясно, кто мы такие, каковы наши цели и задачи. Сегодня это большинство пребывает в растерянности и задает и себе, и времени вопрос: кто мы такие и что мы строим? каковы цели, которые мы пытаемся достичь? или же наше движение в будущее осуществляется безо всякой цели и плана?

Проблемы идентификации привлекают в последние годы пристальное внимание западных ученых¹. Идентификация (*лат. identificatio* – отождествление) имеет различный характер и смысл. В психологии идентификация рассматривается как установление тождественности индивида какому-либо образу или объекту, в теории познания – как опознание изучаемого объекта и вписывание его в систему знаний, в семиотических отношениях – как установление тождества между знаком и значением.

Идентификация себя есть способ и форма самоосвоения через сопоставление «своего» и «чужого», и она решает следующие задачи:

- самопонимание (ответ на вопросы: «Кто я такой и каковы мои отношения с миром? На кого я похож и чем отличаюсь от «чужих»?»), которое создает опору для самосознания, рефлексии сознания как знание о ценностях;

¹ См.: Identity and the life cycle / Selected papers by E. Erikson. N.Y., 1959; *Levita D.J. de. The Concept of Identity*. Paris, 1965; *Identität* / Ed. O. Marquard, K.-H. Stierle. München, 1979; *Kritische Lebensereignisse* / Ed. S.-H. Filipp). München–Wien–Baltimore, 1981; *Hausser K. Identitätsentwicklung*. N.Y., 1983; *Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии*. 1994. № 10. С. 112–123.

- поиск оснований для самоуважения и уважения со стороны окружающих (ответ на вопрос: «За что меня можно уважать?»);
- обнаружение оснований для планирования любых форм деятельности: пока мы не уяснили своих возможностей, трудно строить реальные планы, рассчитанные на успех;
- усвоение ценностей того объекта (образа), с которым отождествляется субъект;
- различие мотивации субъективно-внутренней («хочу») и объективно-внешней («должен»);
- поиски средств сохранения своего «Я» или изменения идентичности и защиты от «чужого» мира.

В культурологии идентификация считается одной из важных категорий, ибо является опорой культурного самосознания человека и группы. Она многопланова и многомерна:

- 1) мифологическая самоидентификация рассматривает человека как тождественного миру: «мир есть «Я», а затем происходит обнаружение фундаментальной ценностной оппозиции «своего» и «чужого» («мир есть Ты»), позднее – «мир есть Оно»;
- 2) возрастная, производимая периодически при возникновении расхождения реального возраста и представлений о себе;
- 3) гендерная идентификация заключается в усвоении представления о себе как представителе соответствующего пола и в присвоении (овладении) соответствующих форм поведения;
- 4) профессиональная, производимая по мере формирования профессиональных качеств;
- 5) социально-ролевая и престижная самоидентификация, направленная на социальное самоопределение и самоутверждение;
- 6) этническая (и национальная).

Идентификация индивида двупланова: это идентифицирование себя с группой и выделение из группы, сохранение неповторимой индивидуальности. Последнее очень важно, потому что со времен Сократа вопрос о сущности вещей обычно сводится к обнаружению общего в различном. Но для историка этого недостаточно. Вот почему В. Дильтей и другие представители «философии жизни» обращали внимание на *индивидуализирующий* подход в осмыслении сущности исторических личностей и событий, который должен дополнять *генерализирующий*.

Идентификация культурно-групповая имеет схожий характер, здесь идет речь о различении «своих» и «чужих» на основании набора критериев, включающих в себя отношения со средой, с культурными традициями, с другими социальными группами,

основу для самоуважения, специфичный менталитет и доминирующую систему ценностей.

В культуре человечества можно обнаружить как черты метакультуры, или культуры общечеловеческой, так и элементы национальных культур. Как писал Н.И. Конрад,

«каждый народ, большой или малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами. Можно сказать даже, что история человечества проявляется именно в истории отдельных народов, через их историю. История человечества не какой-то безликий процесс; она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время как часто смысл исторических событий, составляющих, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества»².

Об этом же писал А.С. Хомяков: всякая истина имеет сложный и многосторонний характер, поэтому каждый народ не может осмотреть ее со всех сторон сразу,

«иная сторона или отношение иному народу недоступны по его умственным способностям или не привлекают его внимания по его душевным склонностям... Общечеловеческое дело разделено не <по> лицам, а народам: каждому своя заслуга перед всеми, и частный человек разрабатывает свою долю в великой доле своего народа»³.

Почему «своих» можно не опасаться, но быть настороже при контактах с «чужими»? Как «осваивать» «чужих»? Напомним, человек осваивает мир, создает картину мира сначала в воображении как аналог природной ниши, которую он занял, но эта картина мира мифологически и ценностно переосмысливается как образ идеальной среды, в соответствии с которым он преобразует реальность для обеспечения фундаментальных жизненных потребностей безопасности и пропитания. Среди способов культурного освоения «чужих» необходимо выделить: дарение (обмен дарами); совместную трапезу; совместную деятельность; взаимопомощь; диалог культур.

Конечно история является важнейшим ответом на вопрос об идентичности⁴. Попытки рассмотреть некоторые аспекты иден-

² Конрад Н.И. О смысле истории // Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 454.

³ Хомяков А.С. Разговор в Подмосковной // Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 269-270.

⁴ См.: Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108-113; Lübbe H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik

тификации предпринимает и автор настоящей статьи вместе со своими коллегами⁵.

В результате исследования особенностей этнической идентификации нами были предложены семь критериев, по которым можно определить своеобразие культуры любого этноса и идентичность каждого его представителя:

- «почва» (природная среда, вмещающий и кормящий ландшафт);
- «кровь» (антропологические черты: цвет кожи, форма носа, разрез глаз);
- язык (как «дом бытия» (М. Хайдеггер), как средство осмысления и выражения смысловой, ценностной картины мира);
- менталитет (культурно-психологические стереотипы и обычаи поведения);
- художественная культура (искусство, праздники);
- быт (особенности кухни, одежды, оформления жилища);
- мифология (система ценностей и надежд, лежащая в основе идентификации)⁶.

Национальная идентичность определяется по аналогичным критериям, но с существенной оговоркой. По нашей дефиниции, этнос – это народ, осознавший свою идентичность, а нация – это народ, осознавший свою идентичность и защищающий себя с помощью государства. Нация формируется на основе титульного для данного государства этноса, который подчиняет и ассимилирует другие этносы. Национальная культура опирается на поддержку государства и становится его «визитной карточкой» и основой идентичности.

В Карелии в силу исторических причин единая национальная культура не сформировалась. Русификация карелов и вепсов, к счастью, не была доведена до конца, с 1980-90-х гг. началось возрождение культуры этих народов. Они получили статус национальных культур, поскольку государство оказывает им поддержку. Однако в последние годы в Карелии произошли странные переименования: республиканская государственная публичная библиотека стала называться «Национальной библиотекой»,

und Pragmatik der Historie. Basel–Stuttgart, 1977. S. 145–154; *Krappmann L.* Soziologische Dimensionen der Identität. Strukturelle Bedingungen für die Teilnahme an Interaktionsprozessen. Stuttgart, 1971.

⁵ См.: «Свое» и «чужое» в культуре: Сб. статей. Петрозаводск, 1998; «Свое» и «чужое» в культуре: Сб. статей: Вып. 2. Петрозаводск, 2001.

⁶ *Пивоев В.М.* «Свое» и «чужое» в этнической и национальной культуре // «Свое» и «чужое» в культуре. Петрозаводск, 1998. С. 16.

Государственный банк – «Национальным банком Республики Карелия», а Финский национальный театр – «Национальным театром Республики Карелия». Возникает вопрос: о какой нации идет речь? о русской, карельской, финской или вепсской? Ведь единой нации в Карелии нет, как нет единой национальной культуры. Переименования Библиотеки им. Ленина в «Национальную библиотеку», а Государственного банка – в «Национальный банк», имеют смысл, поскольку «государственный» и «национальный» здесь синонимы. Но в Карелии подобные переименования чреватны провоцированием национальных противоречий.

Можно предположить, что такие ошибки – следствие недостаточной разработанности в теории этих вопросов, отсутствия ясных и четких представлений о соотношении этноса, нации и региона, недостаточного учета специфики культурного развития региона. Другой причиной является стремление свести дело к однозначным рациональным критериям и смыслам.

Автор выдвигает идею интерпретации истории в свете систем ценностей, адекватно выражающих идентичность человека и общества, которому он принадлежит. В основе современного понимания истории лежит новое понимание идентичности, а основой идентичности является истолкование истории. Этот круг можно разомкнуть, лишь опираясь на выяснение системы ценностей⁷.

В основу современной идентичности можно положить, *во-первых*, традиционные ценности. Разумеется, автор не ратует за абсолютизацию традиции в духе Рене Генона. И все же традиция неизбежно является одним из опорных пунктов при разговоре о современной культуре. Можно назвать следующие причины того, что Север стал великолепным хранилищем традиционных ценностей русской и карельской народной культуры:

- 1) суровый климат, экстремальная обстановка требовали неспешности, неторопливости, прочности и неизменности, заставляли держиваться традиционных форм поведения;
- 2) страх перед новым, неизвестным заставлял держаться за старые традиционные ценности, которые гарантировали хотя бы минимальные положительные результаты в решении жизненных проблем;

⁷ См.: Пивовев В.М. Рациональное и иррациональное в гуманитарном знании // М.М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. Петрозаводск, 2000. С. 7–27; Пивовев В.М. Прогноз переоценки системы ценностей на рубеже XX и XXI веков // Там же. С. 98–115.

3) превращение в XIX веке Севера в провинциальную окраину русского государства, подстоличную «сибирь», предохраняло от изменений духовные ценности северян;

4) отсутствие крепостничества позволило сохранить уважение к себе и ценностям своей культуры, полноценную культурную идентичность;

5) на территории Олонецкой губернии сосуществовали две влиятельные культурные традиции (карельская и русская), которые, «глядя друг на друга», отстаивали свою самобытность, усваивая все лучшее от соседней культуры;

6) участие старообрядцев в духовном развитии северян усиливало тяготение к традиционности.

Во-вторых, основы регионализма сегодня формируются в практике отношений европейских государств, преодолевающих национальные границы. В этих условиях во многих регионах Европы возникло движение в защиту региональных ценностей, включающих в себя этнические и национальные культурные традиции и ценности, которые помогут человеку сохранить свою неповторимую идентичность перед угрозой обезличивающего воздействия интернациональной массовой культуры, урбанизации, глобализации и технического прогресса.

Можно предложить для обсуждения следующий перечень факторов, обуславливающих региональную идентификацию в условиях Европейского Севера России:

– природно-климатические факторы: доминирующий таежно-равнинный ландшафт и холодный северный климат с высокой влажностью;

– русский язык как язык межэтнического общения и коммуникации в сочетании с языками коренных этносов – карельским, финским, вепским;

– северный менталитет и стереотипы поведения, обусловленные природно-климатическими факторами: неторопливая и терпеливая настойчивость, бережное отношение к природе, отсутствие ксенофобии, эмоциональная сдержанность и уязвимость, доброжелательность и толерантность, самоуважение и достоинство;

– региональная культура, включающая в себя художественные ценности всех народов, населяющих регион, праздники и православную религию;

– быт, сочетающий элементы этнические и регионально-типические, обусловленные ландшафтом;

– система региональных ценностей и интересов совместного проживания и самореализации на данной территории: экономическое благополучие, здоровая природная среда обитания, возможность отдыха и качество жизни, культурная самореализация в соответствии с разумными потребностями и этническими традициями;

– ведущие принципы региональной идентичности: взаимодействие и единство интегративных и дифференцирующих факторов; толерантность; органичность; многомерность.

Необходим пересмотр методологических оснований исторического знания как гуманитарного в своей основе.

В прологе к роману Томаса Манна «Иосиф и его братья» содержится замечательный и емкий образ: мальчик в сумерках сидит на краю колодца и видит отражающиеся в воде колодца звезды. Смотрит вниз и видит – вверх. Точно так же историк вглядывается в прошлое, чтобы увидеть себя и будущее за его спиной. История – это «зеркало», помогающее уяснить собственную идентичность. Осмысление как истории, так и будущего может строиться на базе методологии гуманитарного знания и на вероятностно-аксиологических основаниях, как об этом писал П.И. Новгородцев: «...В центре построений общественной философии должна быть поставлена не *будущая гармония истории, а вечный идеал добра*, обязательный для каждого исторического периода, для каждого поколения, для каждого лица в конце истории, как и в ее начале»⁸.

⁸ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 66–67.

ЧИТАЯ КНИГИ

Г.П. Мягков, А.Б. Максимова (Казань)

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «ОПЫТА ОПОМНИВШИХСЯ»

Книга известного российского историка А.И. Борозняка «Искушение»¹ представляет собой не собственно историческое сочинение, отмеченное некой академической манерой. Это, скорее, «коллаж» из интервью и впечатлений о путешествиях во времени и в пространстве, это сгусток мыслей автора, фактического материала по истории послевоенной Германии и обширной историографии проблемы «Национал-социализм в истории XX века». Такой книжки, как это ни странно, в Германии нет. Есть работы, частично освещающие тот или иной аспект данного исследования, но нет – «мозаики», в которой «смешаны», «переплавлены» в некое целое воспоминания современников и газетные рецензии, выдержки из школьных сочинений и цитаты из трудов маститых ученых. Болезненная проблема преодоления своего прошлого стояла как для западных, так и для восточных немцев на протяжении всего послевоенного времени. Многие стереотипы мешали и, как показывает автор, до сих пор мешают, адекватному пониманию роли немецкого народа в совершенных в годы войны преступлениях. Параллели с тоталитарным прошлым России и с его «непреодоленностью» у нас побудили ученого искать связи между историческим и общественным сознанием, говоря в общем, связи между моралью и наукой.

Могла ли такая книга появиться лет 10 тому назад? Думаем, что не могла! Сегодня же ситуация такова, что *нет причин не быть откровенными ни «нам», ни «немцам»*. И автор, реализуя возможности ведения основанного на взаимной заинтересованности диалога без предвзятости и передержек, вступает в равноправный диалог с учеными Германии.

¹ Борозняк А.И. *Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?* М.: Независимое изд-во «Пик», 1999. 288 с.

Особенно ценным является отказ автора от предвзятостей в сфере историографии, практически идеально подходившей для прямолинейного проведения «классовых» и прочих идеологий.

В значительной части глав речь идет о личном знакомстве с персонажами книги, об участии автора в дискуссиях и спорах, о посещении выставок и докладов. Это не историография в традиционном виде, а суждения и размышления о рецепции научных установок, о сложной (амбивалентной) зависимости исторической науки и общественного (не только исторического) сознания.

Несомненно к наиболее удачным находкам автора относится попытка охватить не только область научной историографии, но и среду исторического массового сознания, понять диалектику их взаимодействия и взаимовлияния. Этому, в немалой степени, способствует совмещение ракурсов/позиций: с одной стороны, это взгляд со стороны, «извне», взгляд историка, не несущего на себе бремя вины немецкого народа, с другой, – благодаря постоянному присутствию автора, будь то при описании исторических реалий, или личных бесед о прошлом с участниками событий – это взгляд «изнутри». Конечно, до недавнего прошлого такая позиция была бы невозможна. Это кажется не только рассмотрению историографии вопроса, невозможна была бы сама постановка центральной темы искупления тоталитарного прошлого в обоих государствах.

Автор показывает созидательную роль дискуссий в преодолении прошлого, дискуссий внутрицеховых и выходящих на публику. Культура дискуссий, их перерастание в широкие дебаты становится, по мнению ученого, как бы отражением политической культуры. Действительно, жаль, что плодотворные диалоги, совместные архивные разыскания, дебаты и дискуссии между учеными России, Германии и других стран по вопросам преодоления национал-социализма и сталинизма пока не стали постоянным и необходимым явлением современной исторической науки.

Эта книга еще и о смене поколений ученых, читателей научных книг и простых обывателей. Значение смены поколений при исследовании явлений, связанных с недавним прошлым, является во многих случаях решающим. Только что прошедшие денацификацию немецкие профессора продолжали преподавать в университетах, а за партами сидели вернувшиеся с фронта солдаты и офицеры. Пытаясь забыть недавние события, отвернуться от ужасов войны, вряд ли они смогли бы сразу изменить отношение к фашизму. Практика замалчивания, кото-

рая у многих участников событий осталась и до сегодняшнего дня, была плохим помощником при осмыслении своей истории.

Практически не затронута в книге проблема адаптации профессорско-преподавательского состава университетов во время «третьего рейха» в соответствии с требованиями национал-социалистской пропаганды. Так, наглядно процесс изменения исторического сознания можно было бы проследить по произведениям историков, не занимавшихся проблематикой «третьего рейха», а изучавших другие периоды истории. Такие работы, хотя и в небольшом количестве, в Германии есть. К примеру, изучая произведения немецких антиковедов или медиевистов во временном отрезке 1930–60-х годов, видишь эволюцию взглядов ученых и определенное, порой ярко выраженное влияние идеологических установок национал-социалистов на их творчество, и что особенно важно, не столь быстрый, как хотелось бы, отказ от них в послевоенное время. Несмотря на это, многие профессора, успешно работавшие при фашистском режиме, оцениваются в современной историографии отнюдь не как попутчики (определение, по Борозняку, применимое практически ко всему немецкому народу), а как ученые, попавшие в рамки системы, и не избежавшие веяний времени.

Не случайно на одном из последних съездов историков встал вопрос о том, кто же писал историю в послевоенной Германии, что могли дать преподаватели истории студентам 1950–60-х годов, если они в своем консервативном большинстве не смогли качественно переосмыслить произошедшие перемены и продолжали рассматривать, лишь слегка подкорректировав, определенные этапы истории с расовых позиций, широко введенных в научный оборот во время фашистской диктатуры². Дебаты, разгоревшиеся в секции новейшей истории после докладов «Немецкие историки во времена национал-социализма» и «Историк как судья – судья как историк» вызвали отклики и в прессе³. Статья Ханса-Ульриха Велера с говорящим названием «По следам борющейся науки» показывает на примерах Теодора Шидера, Вернера Конце, Карла Дитриха Эрдмана и других насколько эти ученые были втянуты в процесс внедрения политики фашистов в историческую дисциплину. Вроде бы действительно стремление выяснить истоки современной историогра-

² «Intentionen-Wirklichkeit» Programmheft des 42. Deutscher Historikertages. Frankfurt-M. 1998. S. 40.

³ Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 4. Januar 1999. S. 48

фии ФРГ, однако далее в этой консервативной газете ставится вопрос: Неужели же не существует никакого противовеса для таких тяжелых обвинений, имеющих корни в нескольких годах «третьего рейха»? Сколь долго еще нужно вести праведную жизнь, чтобы не то что уж возместить это, а хотя бы релятивировать? Одного признания якобы изменившихся ключевых категорий и мыслимых образов, большого числа, созданных в послевоенное время исследований для оправдания коричневого прошлого таких ученых, по мнению автора, мало. Необходимо разобраться насколько глубоко проникла нацистская парадигма в сознание историка. Это можно узнать только после скрупулезного текстового анализа работ этих историков. Это задача для нынешних представителей исторического цеха.

Ревизию антиковедению того времени попытались провести и 28 ученых из Швейцарии, Германии, Австрии, Италии и Америки на проходившем в Цюрихе осенью 1998 года коллоквиуме «Античность и антиковедение в период фашизма и национал-социализма»⁴. Именно науке об античности в «третьем рейхе» была уготована особая роль. Оправдание агрессивной и расовой политики с позиций Римской империи, прообраз военного государства – Спарты, миссия германских племен в рождении средневековой Европы и рождении нового мира в XX веке – такая опора на античную традицию с избирательным подбором фактов и тем итальянскому и немецкому фашизму и национал-социализму была необходима. Поэтому неудивительно, что после активно проведенной пропаганды, после внушительных финансовых вливаний на развитие проектов по истории античности, после эмиграции и уничтожения профессоров-евреев лишь небольшая часть историков смогла углубиться в разработку узких конкретных тем своих исследований, уйти в «чистую науку», своего рода «внутреннюю эмиграцию». Другие, выполняя заказы времени, смогли сделать себе карьеру. Надо отметить, что поколение их учеников старается оправдать или даже отрицать молчание своих учителей по поводу их причастности к «коричневой чуме»⁵.

⁴ Подробное описание тематики докладов и дискуссий см.: *Hofter M.R.* Aus der nordisch-makedonischen Pflropfkultur // *Frankfurter Allgemeine Zeitung* vom 11. November 1998. S. 6.

⁵ *Christ K.* Neue Profile der Alten Geschichte. Darmstadt, 1990. Особенно статьи про Й. Фогта и Х. Берве (S. 63–124; 125–188).

Вопрос об ответственности историка, о его объективности и непредвзятости остается актуальным для многих поколений ученых. И то, что студенческое движение 1960-х (поколение сыновей тех, кто вернулся с войны), и «споры историков» в 1990-е годы (уже поколение внуков) вызвали новый всплеск обращения к проблеме национал-социализма в Германии, является попыткой решения еще и этих извечных для историка проблем.

Естественно, тема влияния и преодоления национал-социализма в среде историков и в историческом сознании в указанном выше аспекте достаточно обширна и может стать темой самостоятельного исследования.

Возвращаясь к книге А.И. Борозняка, хочется отметить несомненную заслугу автора в представлении объективной картины историографии ГДР, о ее трансформации в условиях «новой ФРГ». Впервые сказано об обращении с историками ГДР, их судьбах, о несправедливости по отношению к ним. Эту тему, кстати, тоже замалчивает историография объединенной Германии. Собственно, ведь это с молчаливого согласия западных историков министерскими чиновниками закрывались кафедры и целые институты в восточных землях, которые далеко не всегда имели пропагандистско-классовую, марксистскую направленность. Уничтожены ценные разработки, уволены высоко профессиональные кадры, распались научные школы, а при обоюдной интеграции все это могло способствовать плодотворному диалогу и творческим импульсам как при работе с наследием национал-социализма, так и по всем остальным важным проблемам историографии.

Важный аспект рассматривается в главе о восприятии «войны на Востоке», о ее преступном характере. Автору удалось показать, как немецкое общество постепенно созревало до необходимости объективного освещения всего комплекса вопросов, связанных с войной на восточном фронте. Правильно замечено, что недостаточность русских архивных материалов приводит к несколько односторонней интерпретации имеющихся в научном обороте источников⁶. Страшные доку-

⁶ Этот недостаток бывшие участники событий и более молодое поколение постарались наверстать при личных поездках на места боевых сражений. Начиная с 1990-х годов немецкими туристическими фирмами совместно с российскими транспортными организациями и экскурсоводами были организованы туры для немецких граждан в город-герой Волгоград и далее на теплоходе вверх по Волге до Москвы, где рядовые граждане, среди которых

менты, раскрывающие планы Гитлера по освоению территории нашей страны после победы немецких солдат, должны бы напомнить прибалтийским любителям истории, которые устраивают митинги со свастиками на рукавах и отмечают 9 мая как день траура по немецким «освободителям», что ожидало бы их, если хотя бы часть этих проектов была бы осуществлена.

Тема истребления евреев при фашистском режиме и восприятие ее в общественном сознании раскрывается на страницах многих глав книги. Ужасает стремление немцев забыть и отказаться от прошлого. Чувство вины за свое молчание, за нежелание замечать, что своих сограждан, порой хороших соседей, среди бела дня забирали айнзацгруппы и уводили на расстрел или в концентрационный лагерь, сменяет шок, вызванный Нюрнбергским процессом. Фильм о простой еврейской семье или дневники ученого-еврея, живущего в постоянном ожидании смерти или мучений, точат пытающуюся отмахнуться от недавних событий «коллективную память». Все-таки эта тема очень объемна и, вероятней всего, много можно и добавить. Например, не сказано о том, что после Нюрнбергского процесса и ряда последующих судебных разбирательств правительство Аденауэра подписало соглашение о выплате еврейским беженцам помощи, в размере 90 млрд. марок на устройство жизни в Израиле. Помимо этого в 1961 г. Аденауэр подчеркнул в парламенте, что ФРГ подтвердит полный разрыв немцев с национал-социалистическим прошлым по отношению к евреям, лишь возместив и материальный ущерб. Постепенно возвращалось отобранное имущество эмигрировавшим евреям или членам их семей, возникла практика материальной помощи при переселении евреев в Германию, которые раньше здесь не жили. Речь идет о переселенцах из стран СНГ и Восточной Европы. В любом случае количество таких переселенцев не может восстановить еврейскую общину, существовавшую в Германии до 1933 года и насчитывавшую 530 тыс. человек. Сегодня, после объединения, в ФРГ проживает лишь около 40 тысяч.

В 1979 г. в Хайдельберге была основана Высшая школа еврейских исследований, которая пользуется всемирным признанием. Исследования по геноциду по отношению к этой категории людей, к судьбам отдельных семей, общин, в том

большинство пожилые люди, в том числе и участвовавшие в событиях под Сталинградом, смогли собственными глазами увидеть места сражений и мемориалы погибшим. Возможно, это помогло лучше понять, какие ужасные потери понесла наша страна в борьбе за освобождение от фашизма.

гории людей, к судьбам отдельных семей, общин, в том числе и за пределами фашистской Германии ведутся молодыми учеными и за рамками этой школы. В 1998 г. в столице земли Рейнланд-Пфальц Майнце открылась выставка фоторабот немецкого военного корреспондента, который тайком в Варшаве снимал еврейские гетто в 1944 г. Спустя 50 лет седовласый старец рассказывает об ощущениях страха и за свою жизнь из-за этой ленты. На картинах разрушенные дома Варшавы и оставшиеся предметы мебели, выставленные на улицу, печальные глаза стариков и детей в объектив и; несмотря ни на что, прихорашивающаяся девушка и все это за проволокой, за перегороденной какими-то листами железа улицей. Здесь нет фотографий с грудами трупов на фоне улыбающихся немецких солдат и офицеров, но тяжелое чувство отрезанности этих людей от того, хоть и несвободного мира, страдание и страх в их глазах тоже сильно воздействуют на посетителей.

Нельзя не сказать о тех людях, которые обладали мужеством идти против течения (Ясперс, Бауэр, Адорно, Джордано, Ветте, Мессершмидт и др.) Когда вокруг стена враждебности и нежелания слушать, когда из-за своих убеждений можешь потерять работу, писать о запретном, о всеми замалчиваемом, ломать установленные стереотипы с глубокой верой в возможность преобразования собственного народа – это подвиг. Несомненно надо перевести эту книгу на немецкий, чтобы осознав этапы преодоления своего прошлого люди помнили, кто им в этом помогал.

Завершая свои размышления по поводу книги А.И. Борозняка, хотелось бы выделить еще и проблему универсальности (в известных пределах) опыта выхода из тоталитаризма. Многие черты тоталитарных государств схожи, однако немало и различий. Преодоление прошлого, ГУЛАГов и репрессий, травли ученых и писателей, восстановление моральных ценностей и достоинства страны – такая задача стоит перед нами. Какие уроки можно извлечь из немецкого опыта? Что неприемлемо для нас? Способны ли мы прямо взглянуть в лицо собственной истории? Если такие импульсы возникают после прочтения книги «Искушение», значит она достигла своей цели.

[Рец.] Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 632 с.

Изучение истории повседневной жизни – сравнительно молодая область отечественной историографии. Если в Западной Европе ее интенсивное развитие началось в 1970–80-е годы, то в нашей стране формирование ее как сферы устойчивого исследовательского интереса относится лишь к 90-м годам минувшего века. «Непопулярность» темы среди отечественных историков прошлых лет автор рецензируемого исследования объясняет (и с ним вполне можно согласиться) противоречием подходов истории повседневности «стандартам классового подхода» и «героической» интерпретации истории революции, отставанием российской историографии от «западных стандартов», восприятием истории повседневности как своеобразного бытописания (С. 14–18). Только в 1990-е годы и в начале нынешнего века появился целый ряд монографий, сборников, посвященных истории российской повседневности. До сего дня знание о советской Everyday Life остается весьма фрагментарным: оно подобно рукописи, в которой больше лакун, чем прочитанных мест.

В отечественной историографии еще не было историко-антропологического исследования, подобного книге И.В. Нарского, столь подробно, основательно (в лучших традициях гирцевского метода «плотного описания») и осмысленно реконструировавшего практически все аспекты ежедневной рутинной жизни и бытовых практик обитателей огромного региона в сердце России в годы революции и гражданской войны. Причем, исследования, построенного на материалах, скрупулезно добытых из вполне «традиционных» источников: извлеченных из архивов и опубликованных материалов чрезвычайных политических органов советской власти, других документов «властного происхождения», источников личного происхождения, а также из обширного круга региональной периодики. Принципиально иные вопросы, которые задавались этим «традиционным» источникам, привели к воссозданию иной реальности – мира «маленького человека» в условиях его крушения.

В свое время Юрий Трифонов тонко заметил: «Когда тещь в лаве, не замечаешь жара. И как увидеть время, если ты в

нем?»... Книга И.В. Нарского дышит жаром той лавы. Она – о «нас»: не только о нас вчерашних – наших дедах и бабушках, выживших и погибавших в катастрофе революции и войны, но и во многом – о нас сегодняшних, в которых опыт катастрофы – чуть ли не на генетическом уровне, – дремлет, вырываясь в часы испытаний наружу и обжигая знанием о себе самих. Потому так уместно и оправданно авторское введение «Моя история», повествующее в том числе и о собственном прикосновении к истории гражданской войны – посредством коммуникационной памяти – через воспоминания и опыт родных и близких людей.

Автор оригинально и умело построил структуру своего историко-культурного труда, как бы имитируя весьма поучительный «спуск» с пьедестала отвлеченного знания «об эпохе» в кошмар реальной жизни «маленького человека» и в последний круг его персонального ада – жестокую борьбу за выживание всеми мыслимыми и немислимыми средствами. И.В. Нарский зримо продемонстрировал, что опыт изучения повседневности 1917–1922 годов дает принципиально иное толкование сути и содержания гражданской войны: для огромного большинства населения страны основным содержанием и сущностью революции и гражданской войны стали не борьба классов, столкновение каких-либо других групповых или партийных интересов или внешнеполитических ориентаций, а выживание в том страшном периоде «распада повседневности» (С. 506), который для простого обывателя начался «пьяной революцией» осени 1917 года, а закончился страшным голодом 1921–1922 года и на исходе его – «пьяным же праздником» 1922 года. Автор приводит знакомую, но неизменно потрясающую статистику: из 20 миллионов человек, составивших прямую демографическую убыль населения в этот период, в боях первой мировой и гражданской войны погибло 5 миллионов, а от голода и эпидемий – около 9 миллионов.

Первая часть книги – как бы историографическая, – представляет собой авторское осмысление, обобщение и собственную интерпретацию итогов знания современной исторической науки о революции и гражданской войне на Урале. «Взгляд из профессионального далека» оценивает «масштабы катастрофы» (так названа эта часть) и степень изученности ее политических, экономических и социальных составляющих – «эскизов декораций» для событий, изучаемых автором.

Вторая часть рассматривает эпоху «Великих потрясений» и – последовательно, – ее отдельные этапы из «опасной близости»: чем обернулись политические события и перемены для

«маленького человека», как сказались они на незамутненной партийными идеологиями и соображениями высшего порядка повседневной жизни российского провинциального обывателя, на его благосостоянии и спокойствии.

Третья часть – наиболее интересная в историко-культурном плане и проблемная, – озаглавлена «Стратегия выживания населения (Взгляд изнутри)». Именно ее данные и выводы дают автору право на убедительное заключение о соавторстве власти и «маленького человека» (вне власти и внутри нее) в деле создания катастрофы. «Маленький человек», который традиционно считался жертвой революционного насилия, реально выступал главным действующим лицом революции и гражданской войны, он «решал свои проблемы, как умел, вопреки рекомендациям опекавшего его государства» (С. 566–567, 559). Автор данной рецензии, анализируя создание советской исторической мифологии в ходе так называемых «революционных празднеств» 1917–1920-х годов, также пришла к выводу о сотворчестве власти и «общества» в деле ее создания. С этой точки зрения, «близость» власти к «массам» была очевидна, и большевики были правы, называя себя народным правительством.

Анализируя своеобразные интерпретации населением событий и персонажей революции и гражданской войны (образы врагов, религиозные образцы толкования действительности, слухи, «нормированная память»), автор обнаруживает значительный кризис культурной ориентации населения, «провалы культурной памяти». Как доказывает Нарский, это обстоятельство, так же, как и описанные затем приемы и техники борьбы за выживание – вплоть до самых страшных (приспособленчество, манипуляции с карточками, спекуляция, проституция, нищенство, преступления, самосуды, выработка технологий экономики и производства суррогатов, наконец, каннибализм), – свидетельствовало об императиве архаичных культурных кодов в менталитете и поведенческой практике россиянина. Итожа исследование, автор задается риторическим вопросом: «“Народный” опыт выживания в революционной катастрофе (...) вряд ли мог затеряться и остаться не востребуемым в последующие периоды “советской” и “постсоветской” истории (...) не следует ли рассматривать пережитый и накопленный в революции опыт как один из существенных, если не ключевых, факторов дальнейшего развития страны?» (С. 559). И отвечает: «Доиндустриальные ценности и нормы поведения оказались (...) прочными в ментальных структурах советских людей (...)

Россиянин все еще остается, таким образом, пленником архаичных культурных кодов» (С. 567). Разумеется, эти положения нуждаются в подтверждении на материалах других периодов истории страны, в том числе на материалах голода 1932 и 1946 годов. Однако несомненно влияние трагедии «катастрофы» и других трагедий, которыми изобилует XX век, на ментальные установки и ожидания россиянина, на особенности пресловутой «загадочной русской души», а их, в свою очередь, – на саму судьбу их носителя. Яркий пример этого влияния (а также того обстоятельства, что результаты исследований в русле *Kulturgeschichte* вполне способны привнести свой вклад в изучение и объяснение политической истории) – выявленная автором еще одна грань сталинского террора, его «категорический императив»: управлять тем, по выражению И.В. Нарского, «человеческим материалом», в который превратилось вышедшее из катастрофы и привыкшее к насилию население, легче всего было тем же насилием со стороны государства (С. 567).

Монография не свободна от некоторых фактических, весьма досадных ошибок. Ограничусь парой примеров. На странице 101 автор заявляет: «В июле 1918 г. сменившие большевиков в Сибири и Поволжье Временное Сибирское правительство и Комуч приняли законы о возвращении имений прежним владельцам». Однако Комуч не принимал такого закона, никогда официально не восстанавливал помещичье землевладение, более того, объявил помещичьи земли народным достоянием. Вероятно, автор имел в виду приказ № 124 от 22 июля 1918 года, который предоставил «право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 году, на 1918 год как в трудовых, так и в нетрудовых хозяйствах (...) тому, кто их произвел»¹. На территории Оренбургской губернии была подтверждена неприкосновенность казачьего землевладения. Согласно обязательного постановления Комуча от 1 августа 1918 года (на основании приказа № 124) подлежали возврату помещикам конфискованные рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь (кроме уборочного, который надлежало вернуть после уборки урожая)². Но не земля!

Первенство идеи о населении, которое «фактически не выбирало между «красными» и «белыми»», а выступало в качестве автономной и анонимной третьей силы, в значительной степени

¹ ГАРФ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 39. Л. 85; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 179.

² Гармиза В.В. Указ. соч. С. 180.

определявшей ход и исход революции» (С. 19), принадлежит, как верно отметил И.В. Нарский, конечно, не В.Н. Бровкину, но и не О.А. Васьяковскому, как можно понять из его комментария. Идея была высказана задолго до 1960-х годов – еще авторами 20-х (несмотря на неизбежную политизацию ими понятия «третья сила»): в трудах о «зеленом» движении; в работах эсеров, ощущавших себя выразителями чаяний этой «третьей силы», прежде всего крестьянства, определявших свою позицию «между двумя большевизмами» – красным и белым – и возмущавшихся и удивлявшихся инертности обывателя. Эта идея высказывалась и профессиональными историками – например, С.П. Мельгуновым, обозначившим ижевско-воткинское восстание, как самобытное и не связанное с какими-либо политическими партиями или группами³. Эсер В.И. Лебедев, бывший товарищ морского министра Временного правительства России, например, так описывал «автономизацию» народа: «...Россия распалась на тысячи осколков. С этой минуты ни один народ мог не считать себя связанным с остальными национальностями России, и все принялись спасать самих себя, предавая и топя друг друга»⁴.

В работе встречаются и некоторые противоречия. Так, на стр. 160–161 автор указал на равнодушие к церкви и ее судьбе со стороны населения к началу 20-х годов, вследствие чего весной 1922 года безнаказанно был нанесен болезненный удар церкви – массовое изъятие церковных ценностей. А ниже, на стр. 413, говорит о подъеме народной набожности и о волне нарастания симпатий к церкви в конце 1921 – начале 1922 годов.

Некоторые утверждения в книге далеко не бесспорны. Скажем, тезис о том, что «наиболее популярным историческим героем символизации в большевистской России являлся К. Маркс...» (С. 432). Образ «классика» был действительно, как справедливо указывает автор, значительно востребованным монументальной пропагандой (обилие памятников), выступал одной из самых популярных фигур, чьи изображения украшали плакаты и портреты,

³ Воронович Н. Меж двух огней (Записки зеленого) // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 53–183; Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919; Гражданская война на Волге в 1918 году. Сб. 1. Прага, 1930. С. 152; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Ч. 1. Восточный фронт гражданской войны. Белград, 1930. С. 109; и мн. др.

⁴ Из архива В.И. Лебедева. От Петрограда до Казани (Восстание на Волге в 1918 г.) // Воля России. 1928. № 8–9. С. 53.

торжественно проносили в шествиях и демонстрациях. Однако он всегда выступал в виде статичного изображения. В одной из наиболее важных для символизации сфере – в театрализованных праздничных действиях эпохи революции и гражданской войны, – эта персона значительно уступала в популярности «борцам» – образам Ленина, Троцкого, других советских вождей, парижским коммунарам, даже Стеньке Разину и Спартаку! Анализ продукции советской кинематографии тоже, вероятно, подтвердит весьма слабую востребованность этой исторической фигуры.

Все указанные выше моменты ни в коей мере не снижают значения рецензируемой работы. Книга И.В. Нарского – один из первых, удачных опытов приложения «западных стандартов» (С. 15–16) историографии к культурной истории отдельно взятого российского региона в конкретный исторический период, да и к культурной истории России вообще. Соединив теоретические наработки современной зарубежной историографии с огромным ранее невостребованным российским материалом, автору удалось дать синхронный срез жизни российского провинциала. Не сомневаюсь, что книга вызовет споры и даже резко противоположные оценки историков. Однако материалами и выводами этого историко-культурного исследования (необыкновенно насыщенного до такой степени, что его хватило бы на несколько самостоятельных монографий) теперь не сможет манкировать ни один историк революции и гражданской войны. Эта монография наверняка инициирует подобные исследования в других регионах России и даже вполне может стать одной из методологических матриц для изучения истории российской повседневности.

С. Малышева

[Рец.]: *Maria Cristina Giuntella. Cooperazione intellettuale ed educazione alla pace nell'Europa della Societa' delle nazioni. Padova: Cedam, 2001. 186 p.*

Книга итальянской исследовательницы Марии Кристины Джунтелла «Сотрудничество интеллектуалов и воспитание в духе мира в Европе Лиги наций» продолжает разработку сюжетов, издавна популярных в итальянской историографии. Научная и педагогическая деятельность Джунтеллы, профессора университета в Перудже, посвящена развитию культуры мира, воспитанию молодежи в духе толерантности. Тема рецензируемой книги – разнообразные проявления культуры мира в Европе от окончания Первой до начала Второй мировой войны. В центре внимания – деятельность созданной при Лиге Наций Международной комиссии сотрудничества интеллектуалов (предшественника ЮНЕСКО); основанного в Париже в 1925 г. Международного Института сотрудничества интеллектуалов; Женевской Комиссии и Международного Бюро по образованию, возникшего в 1925 г. в той же Женеве. Наряду с этим исследуется деятельность других международных институций: Фонда Карнеги за международный мир, Международного союза радиовещания, женских и студенческих ассоциаций. Многие из этих организаций действовали на всемирном уровне, но Джунтелла ограничивает свой анализ лишь Европейским континентом, что, конечно же, приводит к локальной ограниченности исследования. Несомненной заслугой историка, тем не менее, является сбор и обработка малоизвестных, полузабытых фактов, архивных документов, документальных свидетельств, которые в их совокупности позволяют впервые воссоздать комплексную панораму деятельности организаций интеллектуалов и образовательных институтов, призванных популяризировать культуру мира в Европе.

Чередование полос войны и мира было чуть ли не константой развития европейской цивилизации, подчеркивает автор. Кровавопролитные конфликты заставляли взрываться застарелые противоречия, копившиеся внутри европейского общества. Первая мировая война вывела на арену давно «подтачивавшие об-

¹ См., например: *La cultura della pace dalla Resistenza al Patto Atlantico*. Ancona; Bologna, 1988. 541 p.

щеевропейские фундаментальные основы национализмы, заставив их проявиться в самом отвратительном, агрессивном виде» (с. 1). По мнению Джунтеллы, ответственность за эрозию этих общеевропейских цивилизационных основ распространяется и на интеллектуалов. Но интеллигенция оказалась и в числе наиболее пострадавших в результате конфликта сил. В поисках «выхода не только из политического, но главным образом из морального и интеллектуального кризиса» (с. 5) интеллектуалы в послевоенный период оказались вынуждены провести глубокую ревизию своего поведения во время войны и пришли к выводу о необходимости интенсификации действий по поддержанию мира на национальном и международном уровнях, воспитания молодежи в духе миролюбия и толерантности.

Автор особо отмечает заслуги в деле укрепления культуры мира в межвоенный период таких выдающихся, всемирно известных интеллектуалов, как Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Марии Кюри, Жильбер Мюррей, Альфред Циммерн, Анри Бергсон, Луиза Вайс. Совместные усилия сторонников мира были антитезой все более охватывавшему континент национализму, националистической направленности воспитания молодежи в организациях, подобных фашистской «Балилле» или нацистской «Гитлерюгенд». Усилия сторонников мира способствовали реконструкции чувства общей принадлежности к единой европейской культуре, чувства, драматически разрушенного Первой мировой войной, отмечается в книге.

Однако деятельность интеллектуалов, противостоявших распространению, особенно среди молодежи, отравляющих идей фашизма и нацизма, не оказалась поддержана надлежащим образом со стороны международных организаций, в первую очередь со стороны Лиги Наций. Разумеется, в свете дальнейших событий Второй мировой войны, краха самой Лиги Наций, может показаться, что антивоенная деятельность организаций интеллектуалов имела весьма скудные результаты. Но на самом деле она придавала соответствующий дух действиям Лиги Наций, справедливо подчеркивается в монографии.

Хотя у интеллектуалов не было достаточных материальных ресурсов, и их действия встречались с заметным пессимизмом даже в их собственной среде, они проделали в Европе межвоенного периода невероятно трудную и результативную работу. Это и каталогизация музейных ценностей, и организация межбиблиотечного книжного обмена, и решение деликатной проблемы авторских прав. По инициативе этих антивоенных организаций

делались запросы о положении интеллектуалов в различных странах, чтобы выявить незаконные преследования людей интеллектуального труда. Были начаты и интенсивно развивались межуниверситетские обмены преподавателей и студентов. Эта деятельность была основана на уважении прав народов и культур. Она была «универсалистской», потому что принимались во внимание все аспекты и формы культуры и интеллектуальной жизни. Она была обращена не только к Европе, но и ко всем другим континентам в попытке гармонизировать различные цивилизации. Она создала фундамент для построения в послевоенный период ЮНЕСКО, особой структуры при ООН. С ее помощью проводилась в жизнь «культурная дипломатия», которая по своей результативности зачастую значительно превосходила «дипломатию политическую». Ее громадной заслугой стало то, что Европейский континент в трагический и трудный межвоенный период не стал ареной еще большей тьмы и варварства, заключает Джунтелла (с. 177).

Книга о кооперации усилий европейских интеллектуалов в деле сохранения мира на континенте, о попытках противопоставить тоталитарно-националистическому воспитанию молодежи воспитание и образование в духе толерантной культуры мира, является заметным вкладом итальянской историографии в изучение европейской истории 1919–1939 гг. Джунтелла прошла тернистый путь первопроходца в освещении малоизученных исторических сюжетов. Неудивительно, что эту сложную тему не удалось раскрыть до конца, а главное объяснить читателю, почему же усилия интеллектуалов по поддержанию мира потерпели такой сокрушительный провал. Авторская самооценка проведенного нового исследования поистине самокритична:

«В конце работы над книгой, я ощущаю всю ее незавершенность, главным образом по той простой причине, что собранный материал удалось использовать лишь частично. Но после почти пятнадцати лет исследований необходимо было осуществить синтез и сделать обобщения по тем сюжетам, к рассмотрению которых я рассчитываю вернуться» (р. XXXIV).

Остается надеяться, что этот первый прорыв в изучении антивоенного сотрудничества интеллектуалов на международном уровне в межвоенный период будет поддержан как соотечественниками автора, итальянскими учеными, так и их коллегами, представляющими другие национальные историографии.

SUMMARIES

D.M. Volodikhin

'The ghost of the third book': methodological monism and 'global archaization'

The article touches upon the problems of complex crisis of history in the XX c., which also lasts now. The refusal of monistic paradigm of traditional human science and macro-approaches brought it to disintegration into many narrow research directions and schools, to the loss of interest for history among the ordinary people. The consequence of this is a lack of financing of human sciences. The author sees the ways of resolving this problems in the reformation of history according to the rules of market economy (like in show-business and mass culture), in order to access a better potential for competition, and in turning towards the micro-approaches.

A.V. Antoshchenko

'Eurasian (hi)stories' by G.V. Vernadsky

Main goal of this research is to deconstruct Vernadsky's historical texts published by the Eurasianists' Press House during 1920–30s. Vernadsky's three books are treated as attempts to find most adequate form to represent Russian past as history of Eurasia. The first attempt was successful in those parts of 'Nachertanie russkoi istorii' (Outline of Russian History) in which process of political control establishing over the territory of future Russian Empire was narrated. The second attempt – 'Opyt istorii Evrazii' (Sketch of Eurasia's History) was not so appropriate because of huge territory which must be represented in short text. And last not least, third attempt – 'Obzor russkoi kul'tury' (Review of Russian Culture) – became unfortunate one. The cause of this failure was as following. Criticising P.N. Milykov as most strong Eurasianists' opponent, Vernadsky had to adopt the structure of his texts on history of Russian culture. However, in treating economical, social, financial or legal aspects of Russian history Vernadsky could not use as the central subject of his narration such notion as Eurasia.

A.M. Fomin

The philosophy born by War: The formation of historical and philosophical conception of A.J. Toynbee in the early 1920s

The article deals with early development of A.J. Toynbee's concept of world history as a history of local civilizations.

In the book 'The Western Question in Greece and Turkey. A Study in the contact of civilizations' (Toynbee published it after his trip to Greece and Turkey at the crucial moment of the terrible war between these two countries in 1922) he for the first time formulated his concept of local civilizations, using the events in Asia Minor as an illustration. Thanks to this book we can see how did Toynbee's concept look like when he even did not start writing his 'Study of History'.

The concept of existence, development and interaction of local civilizations is already witnessed in this book. The civilizations are distinguished on religious basis. The theory of Challenge and Response is also well seen although these proper terms are not used. The idea of a 'breakdown' is already well developed. The interaction between civilizations (mainly in the form of 'westernisation' of non-western civilizations) is studied in detail. At this early stage Toynbee still believed in a special mission of the West in the search for the ways for interaction between civilizations. He was more optimistic as to the 'health' of the West itself, than he became later. The concepts of 'creative minority', 'internal' and 'external' proletariat, Universal State are not present in the book and obviously were the fruits of the later evolution of Toynbee's outlook.

O.V. Khazanov

Jewish religious historicism and some specific features of national character

The article is devoted to the problems unsufficiently explored in Russian social studies – the problem of specific character of Jewish religious and historical perception and its difference from other patterns of religious historicism. Combination of ideographical and historical methods made the basis for this research. Hebraic religious historicism is examined in the dynamics of evolution of its forms from the moment of its rise and up to the early 20th century. The article suggests also the analysis of static features, characteristic for the phenomenon in general, the features that determined series of dominating ideas of Jewish national character.

V.V. Zvereva

The Feeling of the Past in John Aubrey's 'Natural History'

The article deals with the textual analysis of John Aubrey's 'Natural History of Wiltshire' (1656–1691). The work of the English antiquarian, historian and scientist is set into the intellectual context of the Scientific Revolution of the XVIIth century.

Aubrey's contemporary philosophers and antiquarians used to criticise his works as 'promising' but 'strange' or 'non-systematic'. The

article focuses on the characteristic features of knowledge in the 'Natural History of Wiltshire'. It argues that the 'strangeness' of this text emerged from the peculiar mixture of the attitudes towards the natural world of antiquarian and experimental scientist. Principles of inductive reasoning as well as of producing useful and objective knowledge coexisted with love for curiosities, natural wonders derived from books and from personal experience of the author.

One of the specific feature of John Aubrey's work was his strong feeling of the Past. History was seen as the universal context in which stories about natural phenomena were told. The memory, the nostalgia as well as the feeling the disappearance of the past shaped the way in which natural objects were presented in Aubrey's narrative.

N.S. Krelenko

Historical themes in the English culture of the Pre-Romanticism

The author reconstructs main facts and trends of development of Pre-Romanticism in the English Culture of the XVIII century. English art and literature played a leading part in the history of Romanticism – it was born earlier than on the continent. At the beginning it seemed to address to the experience and memory of ancestors. It was the part of the Revolt against the Enlightenment. The Gothic Revival played the essential part in this transition.

E.N. Morozova

Retrospectivism in the end of the XIX and the beginning of XX cc.: contents, forms and modes of representation

The article issues the romantic trends in Russian culture and art in the end of the XIXth and the beginning of the XXth centuries and modes of their representation. The border-line of centuries was considered by many people as an 'end of times', and such thoughts strengthened the romantic moods of the writers, poets, artists. A fear of dehumanization and egalitarianism forced them to turn towards the 'gallant age' of the past, where they sought esthetical ideals, alternative to the present. Besides all, the author concerns two trends – 'romantic Europeism' and 'national romanticism', which continued the old opposition between Slavophiles and Westernists.

T.F. Volkova

Historical literature in Ust-Tsilem manuscript collection

The article represents a review of medieval scripts belonging to the collection of Ust-Tsilem area (region of Lower Pechora). Many ancient documents, manuscript and printed medieval books and text compilations are preserved there. Local population took an active part

in the process of creation and preservation of this heritage. Its analysis gives us a lot of interesting information about the mentality, ethical and religious views of local inhabitants.

N.N. Bontsevich

Intellectuals and state power in the USA during the 'Cold war' (1947–1953)

The article concerns the destiny of American intellectuals in the period of Maccartism. In this dark time of anti-Communist hysteria and 'witch-hunt' many violations of the human rights took place: repressions on the differently-minded ones, 'loyalty tests', strengthening of the censorship. The sneaking encouraged by governmental organizations (such as HUAC) became a normal feature of everyday life. In this conditions American intellectuals were forced either to accept this new reality or to struggle against it, using human rights as a base.

N.I. Nikolaeva

The role of mass-media, literature and art in Soviet anti-American propaganda in the first years of the Cold war

The article is dedicated to the formation of the negative stereotypes of the USA in the Soviet society in the beginning of the Cold war. An image of the foe was based on the stereotype of 'new World War mongers'. Soviet media also depicted 'the horrors' of American life. Soviet writers, actors of cinema, theatre and circus took an active part in anti-American campaign, initiated and organized by Kremlin in 1949. Media, literature and art were the means for manipulation of mass conscience by the state, helping to create an image of the 'world evil' – the USA.

Yu.V. Kokunova

The universal cultural concept of fortune in Shakespeare's writings

The concept of fortune (*sud'ba*) is one of the most ancient and universal cultural concepts in the history of the humanity. In the Russian language there exists one general and multisemantic nominator for the concept, while in English there are much more lexical units correlating with the concept.

In the works of Shakespeare eight fortune nominators have been found out. Different words express different and in some aspects quite opposite concepts, which are united in one frame of *sud'ba* on some higher abstract level of reflection. These separate subconcepts were compiled of the ingenuine idea of predestination, some determined succession of events or way of life and such cultural concepts as *death*,

happiness, event, accident, possibility and others. In the article the following concepts are investigated: *fate* and *doom* correlate with the idea of death, *fortune* and *luck* – with the idea of happiness, *destiny, lot* and *fate* – with the idea of predetermination, *chance* and *luck* – with the idea of unexpectency, possibility.

The cases when certain words penetrate into the conceptual spheres of some other fortune nominators are of specific interest. The aim of the work is to describe the different concepts on the basis of contextual usage of the nominators, with particular attention being paid to the Shakespearean usage and interpretation of the lexical units and to the general cognitive model of the concept during that period of time.

G.G. Píkov

The idea of history in the New Testament

This article is devoted to a complex of the problems connected to occurrence and evolution of representation about history in the Western civilisation. Namely the 'sacral' ideas are responsible for 'the meaning' of being and 'history', prove 'the right on existence' of the civilization.

In the history of the European civilization 'the sacral' sphere of culture is representing by 'Bible' which base is Tora (Pentateuch of Moses). The article considers appearing and fixation of history representations in Tora as archetypical text and Christian conception of history that reflected in the New Testament books, especially the operation of the return to basic ideas of Tora and Mediterranean civilization that is fulfilled by Christ (the God as above-natural superperson, 'the world' as the place of being and action of 'selected people' etc.). As a result many cultural ideas ('the Gospel', 'the world', 'the New Testament', 'the God-incarnation', 'Doomsday' etc.) appeared. The article also analyzes the role of Apostles and particularly Paul.

Basing on this material the author considers the Christian revolution in ideology as universalization and internationalization of the 'basic' cultural paradigm. Thus in fact the matrix of further development of the European culture was laid.

S.I. Sotnikova

Everyday life of Moscow in Russian geographical maps of the XVII century

The article concerns a history of Russian geographical proto-maps in the different contexts of everyday social practice – civil and military building, the exploration of natural resources, the resolving of land conflicts, etc. The author touches upon different peculiarities of these maps, substantive for better understanding of a genesis of a modern map.

I.R. Blokhina**Political theory and political practice**

The article is devoted to the political role of Plato's Academy, which is considered by the author as a school of statesmen. The influence of this Academy on the political life of Greece in the IV c. BC was really significant and various. The statesmen and legislators, rulers and tyrant-fighters, political thinkers and orators graduated from this school. According to Plato, the philosophers shall act in a political sphere in order to make the life of Greek society better.

A.V. Karaseva**The lifestyle of Cicero and of his milieu: reality, stylization and pose**

The article highlights the peculiarities of the lifestyle of Cicero and of the representatives of Roman intellectual elite, close to him. Their studies on philosophy and rhetoric were both an organic element of their lifestyle and an alternative to the political activity. Their leisure united intellectual studies with pleasant pastime, which often carried also intellectual character (discussions during the meals, etc.) The author emphasizes that such intellectual mode of leisure was a vital necessity for educated Romans.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо Предисловия

Научная конференция
«Историческое знание и интеллектуальная культура».....5

Современная историография и методология истории

К.А. Агирре Рохас (Мексика)

Западная историография XX века в свете концепции *longue durée*..... 12

С.Г. Ким (Томск)

В поисках интегральной версии историописания
(по материалам немецкой науки 1990-х годов).....30

Д.М. Володихин

«Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация».....51

Историко-философские концепции XX века

А.В. Антощенко (Петрозаводск)

«Евразийские истории» Г.В. Вернадского.....67

А.М. Фомин

Философия, рожденная войной: Формирование историко-философской концепции А.Дж. Тойнби в начале 1920-х годов..... 98

Обращение к прошлому и историческое сознание

О.В. Хазанов (Томск)

Еврейский религиозный историзм и некоторые особенности национального сознания..... 119

В.В. Зверева

Чувство прошлого в «Естественной истории» Джона Обри.....144

Н.С. Креленко (Саратов)

Историческая тема в английском предромантизме.....156

Е.Н. Морозова (Саратов)

Ретроспективизм рубежа XIX–XX вв.:
Содержание, формы, способы представления.....174

Т.Ф. Волкова (Сыктывкар)

Историческая литература в составе Усть-Цилемских рукописных сборников: к характеристике исторического сознания печорских крестьян-старообрядцев.....184

Интеллектуалы и власть в годы «холодной войны»

Н.Н. Бонцевич (Саратов)

Интеллектуалы и власть в США (1947–1953).....199

<i>Н.И. Николаева (Саратов)</i> Деятели советской литературы и искусства и антиамериканская пропаганда в первые годы холодной войны.....	214
--	-----

Из истории понятий

<i>А.С. Клемешов</i> Понятие опыта у Роджера Бэкона.....	231
<i>Ю.В. Кокунова (Иваново)</i> Общекультурный концепт судьба в художественном преломлении (на материале творчества У. Шекспира).....	240

Образы времени и пространства

<i>Г.Г. Пиков (Новосибирск)</i> Представление об истории в Евангелиях.....	258
<i>С.И. Сотникова</i> Повседневная жизнь Московии в русских географических чертежах XVII века.....	288

Интеллектуалы античности

<i>И.Р. Блохина (Тамбов)</i> Политическая теория и политическая практика (к оценке роли платоновской Академии).....	314
<i>А.В. Карасева (Иваново)</i> Образ жизни Цицерона и его окружения: реальность, стилизация и «поза».....	325

Из истории научных дискуссий

<i>М.И. Бацер (Петрозаводск)</i> Иезуитизм или протестантизм? (к полемике вокруг «тезиса Вебера–Тоуни»).....	340
--	-----

Приглашение к дискуссии

<i>В.М. Пивовев (Петрозаводск)</i> Кризис идентичности и методология истории.....	348
--	-----

Читая книги

<i>Г.П. Мягков, А.Б. Максимова (Казань)</i> Ценное исследование «Опыта опомнившихся».....	355
[Рец.] <i>Нарский И.В.</i> Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с. (С.Ю. Малышева).....	362
[Рец.]: <i>Maria Cristina Giuntella.</i> Cooperazione intellettuale ed educazione alla pace nell'Europa della Societa' delle nazioni. Padova: Cedam, 2001. 186 p. (В.П. Любин).....	368
SUMMARIES.....	371

CONTENTS

Instead of Preface

Conference	
Historical knowledge and intellectual culture.....	5

Contemporary Historiography and the Methodology of History

C.A. Aguirre Rojas

Itinerary of XXth Century Western Historiography:

an approach from the 'longue durée'.....	12
--	----

S.G. Kim

In quest of integral version of historical writing

(based on the materials of German science of the 1990s)	30
---	----

D.M. Volodikhin

'The ghost of the third book':

methodological monism and 'global archaization'.....	51
--	----

Historical and Philosophical Conceptions of the XXth Century

A.V. Antoshchenko

'Eurasian (hi)stories' by G.V. Vernadsky.....	67
---	----

A.M. Fomin

The philosophy born by War: the formation of historical

and philosophical conception of A.J. Toynbee in the early 1920s.....	98
--	----

Turning to the Past and Historical Consciousness

O.V. Khazanov

Jewish religious historicism

and some specific features of national character.....	119
---	-----

V.V. Zvereva

The feeling of the past

in John Aubrey's 'Natural History'.....	144
---	-----

N.S. Krelenko

Historical themes in English culture of the Pre-Romanticism.....	156
--	-----

E.N. Morozova

Retrospectivism in the end of the XIX and the beginning of XX c.:

contents, forms and modes of representation.....	174
--	-----

T.F. Volkova

Historical literature

in Ust-Tsilem manuscript collection.....	184
--	-----

Intellectuals and State Power during the "Cold War"

N.N. Bontsevich

Intellectuals and state power in the USA.....	199
---	-----

N.I. Nikolaeva

The role of mass-media, literature and art
in Soviet anti-American propaganda in the first years of the Cold war.....214

History of concepts

A.S. Klemeshov

The concept of experience in Rodger Bacon231

Yu.V. Kokunova

The universal cultural concept of fortune in Shakespear's writings.....240

Representation of Time and Place

G.G. Pikov

The idea of history in the New Testament.....258

S.I. Sotnikova

Everyday life of Moscovy
in Russian geographical maps of the XVII century.....288

Intellectuals of Antiquity

I.R. Blokhina

Political theory and political practice.....314

A.V. Karaseva

The lifestyle of Cicero
and of his milieu: reality, stylization and 'pose'.....325

History of Scolary Discussions

M.I. Batser

Jesuitism or Protestantism?
(on the debate around 'the thesis of Weber-Towny').....340

An Invitation to Discussion

V.M. Pivoev

Crisis of identity and methodology of history.....348

Reading Room

G.P. Miagkov, A.B. Maksimova

A valuable investigation in the 'Experience of the Waken'.....355
[Rez.]: Narskiy I.V. Life in the Catastroph:

Wokdays of the Ural Population in 1917–1922

M.: ROSSPEN, 2001. 632 p. (S.Y. Malysheva).....362

[Rez.]: *Maria Cristina Giuntella*. Cooperazione intellettuale
ed educazione alla pace nell'Europa della Societa' delle nazioni.

Padova: Cedam, 2001. 186 p. (V.P. Lyubin).....368

SUMMARIES.....371